

МАРК ТВЕН

ЯНКИ ПРИ ДВОРЕ КОРОЛЯ АРТУРА

ДЕТГИЗ . 1945

TIMES

МАРК ТВЕН

Т 261

ЯНКИ ПРИ ДВОРЕ КОРОЛЯ АРТУРА

ПЕРЕВОД Н. К. ЧУКОВСКОГО

Иллюстрации И. Шабанова

Государственное издательство детской литературы
Наркомпроса РСФСР
Москва 1945 Ленинград

ПРЕДИСЛОВИЕ

1057-5061

Грубые законы и обычаи, о которых говорится в этой повести, исторически вполне достоверны, и эпизоды, их поясняющие, тоже вполне соответствуют тому, что нам рассказывает история. Автор не берется утверждать, что все эти законы и обычаи существовали в Англии именно в шестом веке; нет, он только утверждает, что раз они существовали в Англии и в других странах в более позднее время, то можно предположить, не опасаясь стать клеветником, что они существовали уже и в шестом веке. У нас есть все основания считать, что, если указанный здесь закон или обычай отсутствовал в те отдаленные времена, его заменял другой закон или обычай, еще худший.

Вопрос о том, существует ли в действительности такая вещь, которую называют божественным правом королей, в этой книге не затронут. Он оказался слишком сложным. Очевидно и бесспорно, что главой исполнительной власти в государстве должен быть человек высокой души и необычайных способностей; столь же очевидно и бесспорно, что один только бог может, не опасаясь ошибиться, избрать такого человека; отсюда с очевидностью и бесспорностью следует, что избрание его нужно представить богу; и все это размышление приводит к неизбежному выводу, что главу исполнительной власти всегда избирает бог. Так, по крайней мере, казалось автору этой книги до тех пор, пока он не натолкнулся на таких представителей исполнительной власти, как мадам Помпадур, лэди Кастлмен * и некоторые другие в том же роде; это до такой степени сбilo автора с толку и спутало его теорию,

* К словам, отмеченным звездочкой, см. примечания в конце книги.

что он (вследствие неудачи) решил направить свою книгу в другую сторону, а рассмотрением вопроса о божественном праве королей заняться, предварительно хорошенько поупражнявшись, в другой книге. Вопрос этот должен быть разрешен во что бы то ни стало, и всю следующую зиму я посвящу его разрешению.

НЕСКОЛЬКО ПОЯСНИТЕЛЬНЫХ ЗАМЕЧАНИЙ

С забавным незнакомцем, о котором я собираюсь рассказать, я встретился в Варвикском замке *. Он мне понравился тремя своими свойствами: искренним простодушием,

Забавный незнакомец, о котором
я собираюсь рассказать.

изумительным знанием старинного оружия и еще тем, что в его присутствии можно было чувствовать себя совершенно спокойно, так как все время говорил он один. Мы с ним очутились, благодаря своей скромности, в самом хвосте людского стада, которое водили по замку, и он сразу же стал рассказывать мне в высшей степени любопытные вещи. Его речи, мягкие, приятные, плавные, казалось, незаметно уносили из нашего мира и нашего времени

в какую-то отдаленную эру, в старую, позабытую страну; он постепенно так околдовал меня, что мне стало чудиться, будто меня окружают возникшие из праха призраки древности и будто я беседую с одним из них! О сэре Бедивере, о сэре Борсе де-Ганисе, о сэре Ланселоте Озерном, о сэре Галахаде и о других славных рыцарях Круглого Стола он говорил так, как я говорил бы о своих ближайших личных друзьях, врагах или соседях; и каким старым-престарым, невыразимо старым, и выцветшим, и высохшим, и древним показался мне он сам! Внезапно он повернулся ко мне и сказал так просто, как говорят о погоде и самых обыденных вещах:

— Вы, конечно, слышали о переселении душ. А вот случилось ли вам слышать о перенесении тел из одной эпохи в другую?

Я ответил, что не случилось. Он не обратил на мой ответ никакого внимания, — как будто бы и в самом деле разговор шел о погоде. Наступило молчание, которое сразу же нарушил скучный голос наемного проводника:

— Древняя кольчуга шестого века, времен короля Артура и Круглого Стола*, по преданию, принадлежала рыцарю сэру Саграмору Желанному; обратите внимание на круглое отверстие между петлями кольчуги с левой стороны груди; происхождение этого отверстия неизвестно, предполагают, что это след пули. Прострелили эту кольчугу, конечно, в более поздние времена, когда уже было изобретено огнестрельное оружие. Быть может в нее выстрелил из озорства какой-нибудь солдат Кромвеля*.

Мой знакомый улыбнулся, — улыбка у него была какая-то странная, так, быть может, улыбались много сотен лет назад, — и пробормотал про себя:

— Пустая болтовня! Я-то знаю, как была пробита эта кольчуга.

Затем, помолчав, прибавил:

— Я сам ее пробил.

Я вздрогнул от изумления, как от электрического тока. Когда я пришел в себя, его уже не было.

Весь вечер я просидел у камина в Варвик-Армсе, мечтая о древних временах, а за окнами стучал дождь и выл ветер. Время от времени я заглядывал в старинную очаровательную книгу сэра Томаса Мэлори*, полную чудес и приключений, вдыхал ароматы позабытых времен и опять погружался в мечты. Была уже полночь, когда я, на сон грядущий, прочел еще один рассказ, — о том...

КАК СЭР ЛАНСЕЛОТ УБИЛ ДВУХ ВЕЛИКАНОВ И ОСВОБОДИЛ ЗАМОК

... Вдруг появились пред ним два огромных великана, закованные в железо до самой шеи, с двумя страшными дубинами в руках. Сэр Ланселот* прикрылся щитом, замахнулся на одного из великанов и ударом меча отрубил ему голову. Другой великан, сие увидев и опасаясь страшных ударов меча, кинулся бежать, как безумный, а сэр Ланселот помчался за ним во весь дух, ударил его по плечу и разрубил пополам. И сэр Ланселот вступил в замок, и навстречу ему вышли трижды двенадцать дам и дев, и пали пред ним на колени, и возблагодарили господа и его за свое освобождение. «Ибо, сэр, — сказали они, — мы томимся здесь в заточении уже целых семь лет и вышиваем шелками, чтобы снискать себе пропитание, а между тем мы благороднорожденные женщины. И да будет благословен тот час, в который ты, рыцарь, родился, ибо ты достоин почестей более, чем любой другой рыцарь во вселенной, и должен быть прославлен, и мы умоляем тебя назвать свое имя, чтобы мы могли сказать своим друзьям, кто освободил нас из заточения». — «Прелестные девы, — сказал он, — меня зовут сэр Ланселот Озерный». И он покинул их, поручив их богу. И он сел на коня и посетил многие чудесные и дикие страны, и проехал через многие воды и долы, но нигде не был он принят подобающим ему образом. Наконец однажды к вечеру ему случилось приехать в прекрасную усадьбу, и там его встретила старая женщина благородного происхождения, которая оказала ему должный прием и позаботилась о нем и о его коне. И когда настало время, хозяйка отвела его в красивую башню над воротами, где для него было приготовлено удобное ложе. И сэр Ланселот снял свои латы, положил свое оружие рядом, лег в постель и сразу уснул. И вот, вскоре подъехал всадник и стал торопливо стучаться в ворота. И сэр Ланселот, услышав стук, вскочил и глянул в окно, и при свете луны увидел невдалеке трех рыцарей, которые, прищпорив своих коней, догоняли стучавшего в ворота. Приблизившись, они замахнулись на него мечами, а тот повернулся к ним и, как подобает рыцарю, защищался. «Поистине, — сказал сэр Ланселот, — я должен помочь сему рыцарю, который один сражается против трех, ибо, если его убьют, я буду виновен в его смерти, и позор падает на меня». И он надел на себя латы, и по простыне

спустился из окна к четырем рыцарям, и громким голосом прокричал: «Эй, рыцари, сражайтесь со мною и оставьте того рыцаря в покое!» И они все трое оставили сэра Кэя и набросились на сэра Ланселота, и началась великая битва, ибо они спешили и стали наносить сэру Ланселоту удары со всех сторон. И сэр Ланселот шестью ударами поверг их на землю.

Тогда они все трое взмолились: «Сэр рыцарь, мы покоряемся тебе, ибо нет тебе равного по силе!» — «Я не нуждаюсь в вашей покорности, — ответил сэр Ланселот, — вы должны покориться не мне, а сэру Кэю, сенешалю*. Если вы согласны покориться ему, я дарую вам жизнь, если не согласны, я убью вас». — «Прекрасный рыцарь, — возразили они, — мы не хотим лишаться своей чести, ибо сэра Кэя мы преследовали до самых ворот замка, и мы одолели бы его, если бы не ты; зачем же нам ему покоряться?» — «Как хотите, — сказал сэр Ланселот, — вам предстоит сделать выбор между жизнью и смертью, а покориться вы можете только сэру Кэю». — «Прекрасный рыцарь, — сказали они тогда, — чтобы спасти жизнь, мы поступим так, как ты нам повелеваешь». — «В ближайший Троицын день, — сказал сэр Ланселот, — вы должны явиться ко двору короля Артура, изъяснить свою покорность королеве Гиневре, препоручить себя ее милосердию и сказать ей, что вас прислал к ней сэр Кэй и повелел вам стать ее пленниками». На утро сэр Ланселот проснулся рано, а сэр Кэй еще спал; и сэр Ланселот взял латы сэра Кэя, и его щит, и его оружие, пошел в конюшню, сел на его коня и, простившись с хозяйкой, уехал. Вскоре проснулся сэр Кэй и не нашел сэра Ланселота; и заметил, что тот унес его оружие и увел его коня. «Клянусь, многим из рыцарей короля Артура придется испытать немало горя; ибо, введенные в заблуждение моими доспехами, они будут храбро нападать на сэра Ланселота, принимая его за меня. Я же, надев его латы и прикрываясь его щитом, доеду в полной безопасности». И, поблагодарив хозяйку, сэр Кэй удалился...

Не успел я отложить книгу, как в дверь постучали, и вошел мой давешний незнакомец. Я предложил ему трубку и кресло и принял его как мог любезнее. Я налил ему стакан горячего шотландского виски, налил ему еще стакан, потом еще, надеясь услышать его историю. После четвертого стакана он заговорил сам, просто и естественно.

РАССКАЗ НЕЗНАКОМЦА

Я американец. Я родился и вырос в Хартфорде, в штате Коннектикут*, сразу за рекой, в пригороде. Я янки из янки*, и, как подобает настоящему янки, человек практичный; всякой чувствительности, говоря иначе, поэзии, я чужд. Отец мой был кузнец, мой дядя — ветеринар, и сам я в юности был и кузнецом и ветеринаром. Потом я поступил на оружейный завод и изучил мое теперешнее ремесло; изучил его в совершенстве; научился делать все: ружья, револьверы, пушки, паровые котлы, паровозы, станки. Я умел сделать все, что только может понадобиться, любую вещь на свете; если не существовало способа изготовить какую-нибудь вещь быстро, по-современному, я сам изобретал такой способ, и это мне ровно ничего не стоило. В конце концов меня назначили производителем работ; две тысячи человек работало под моим надзором.

Человеку, занимающему такую должность, приходится вести непрерывную войну, — это понятно без пояснений. Если под вашим надзором две тысячи головорезов, развлечений у вас будет немало. У меня, во всяком случае, их было достаточно. И в конце концов я нарвался и получил то, что мне причиталось. Вышло у меня недоразумение с одним молодцом, которого мы прозвали Геркулесом*. Он так хватил меня по голове, что швы на черепе разъехались и перепутались. Весь мир заволокла тьма, и я долго ничего не сознавал и не чувствовал.

Когда я очнулся, я сидел под дубом на траве, в прелестной местности, которая вся была предоставлена в мое единоличное распоряжение. Впрочем, не совсем так; рядом находился еще какой-то молодец, — он сидел верхом на лошади и смотрел на меня сверху вниз. До этих пор мне случалось видеть таких только в книжках с картинками. Весь он с головы до пят был покрыт старинной железной броней; голова его находилась внутри шлема, похожего на железный бочонок с прорезями; он держал щит, меч и длинное копьё; лошадь его тоже была в броне, — на лбу у нее торчал стальной рог, и пышная, красная с зеленым, шелковая попона свисала, как одеяло, почти до земли.

— Прекрасный сэр, вы готовы? — спросил этот дитина.

— Готов? К чему готов?

— Готовы сразиться со мной из-за поместий, или из-за дамы, или...

Он поскакал во весь опор прямо на меня, склонив свой железный бочонок к шее лошади и выставив свое длинное копьё вперед.

— Что вы ко мне пристаёте? — сказал я. — Убирайтесь к себе в цирк, а не то я отправлю вас в полицию.

Что же он тогда, по-вашему, сделал? Он отъехал ярдов на двести и поскакал во весь опор прямо на меня, склонив свой железный бочонок к шее лошади и выставив свое длинное копьё вперед. Я увидел, что он не шутит, и когда он доскакал до меня, я был уже на дереве.

Тогда он объявил, что я его собственность, пленник его копьё. Доводы его показались мне весьма убедительными, и, так как на его стороне были все преимущества, я решил не спорить с ним. Мы заключили соглашение: я пойду с ним, куда он прикажет, а он не будет меня обижать. Я слез с дерева, и мы отправились в путь; я шагал рядом с его конем. Мы двигались с ним, не торопясь, через поля и ручьи, и я очень удивлялся, что никогда прежде этих полей и ручьев не видал; сколько я ни пригляды-

вался, ничего похожего на цирк не мог обнаружить. Наконец я оставил мысль о цирке и решил, что незнакомец бежал из сумасшедшего дома. Но и сумасшедшего дома не было видно, и я стал втупик. Я спросил его, далеко ли мы от Хартфорда. Он ответил, что никогда не слышал такого названия; я решил, что он врет, но пререкаться с ним не хотел. Через час мы заметили вдали город, лежащий в долине на берегу извилистой речки, а над городом, на холме, стояла большая серая крепость с башнями и бастионами, — подобные крепости я до тех пор видел только на картинках.

— Бриджпорт? * — спросил я, указав рукой на город.

— Камелот *, — сказал он.

Моему незнакомцу, видимо, очень хотелось спать. Он сам несколько раз ловил себя на том, что клюет носом, и, наконец, улыбнувшись своей особенной, торжественной улыбкой, сказал:

— Я больше не в силах рассказывать; идемте ко мне, у меня все записано; я дам вам свои записи; если хотите, можете прочесть их.

Когда мы вошли к нему в комнату, он проговорил:

— Вначале я вел дневник, а потом, много лет спустя, переработал его в книгу. О, как давно это было!

Он вручил мне рукопись и указал место, с которого я должен был начать чтение.

— Начните отсюда, — все, что случилось прежде, я вам уже рассказал.

Он совсем засыпал. Направляясь к двери, я услышал, как он сонно пробормотал:

— Доброй ночи, прекрасный сэр.

Я сел у камина и принялся разглядывать свое сокровище. Первая и большая часть записей была сделана на пергаменте, пожелтевшем от времени. Я тщательно изучил один листок и убедился, что это палимпсест *. Из-под неразборчивых старых строк, написанных историком-янки, выступали следы других строк, еще менее разборчивых и еще более старых, — латинские слова и фразы, вероятно отрывки древних монашеских сказаний. Я перелистал рукопись до места, указанного мне незнакомцем, и прочел:

ПОВЕСТЬ О ПРОПАВШЕЙ СТРАНЕ

Глава I

КАМЕЛОТ

— Камелот... Камелот... — говорил я себе. — Нет, никогда не слышал я такого названия. Вероятно так называется сумасшедший дом.

Местность вокруг нас, спокойная и мягкая, была прелестна, как мечта, и совершенно пустынна. Воздух был полон аромата цветов, жужжанья насекомых, пения птиц, и нигде не было видно ни людей, ни повозок. Дорога, по которой мы двигались, была, в сущности, узкой извилистой тропкой с отпечатками копыт и кое-где со следами колес на примятой траве по бокам, — колес с ободьями шириной в ладонь.

Внезапно мы повстречали хорошенькую девочку лет десяти со струившимися по плечам золотыми волосами. На голове у нее был венок из огненно-красных маков. Что бы там ни говорили, но венка, красивее этого, мне видеть не случалось. Она шла не торопясь, и на невинном ее личике отражалось спокойствие души. Мой спутник не обратил на нее никакого внимания; наверно даже не заметил ее. А она? Она нисколько не удивилась его фантастическому наряду, словно ежедневно встречала людей в латах. Она прошла мимо него так же равнодушно, как прошла бы мимо коро-вы. Но что стало с ней, когда она увидела меня! Она под-

няла руки и окаменела от удивления, рот ее раскрылся, глаза испуганно выкатились; вся она была воплощением любопытства, смешанного со страхом. Так она и стояла, глядя на меня, словно прикованная, пока мы не скрылись за поворотом лесной дороги. И я никак не мог понять, почему ее поразил я, а не мой спутник. Тут было над чем задуматься. Я шел, как во сне.

Чем ближе мы подходили к городу, тем оживленней становилось вокруг. Мы проходили то мимо какой-нибудь ветхой лачуги с соломенной крышей, то мимо небольших полей или садов, очень дурно возделанных. Попадались нам и люди — похожие на рабочий скот здоровяки с длинными, жесткими, нечесанными волосами, падавшими им прямо на лица. И мужчины и женщины были одеты в домотканые рубахи спускавшиеся ниже колен, на ногах у них была грубая обувь, похожая на сандалии. У многих я видел на шее железный ошейник. Маленькие мальчики и девочки ходили совсем голые; но никто, казалось, этого не замечал. И все эти люди глазели на меня, говорили обо мне, кидались со всех ног в лачуги и вызывали оттуда родных — посмотреть на меня. А вид моего спутника нисколько их не удивлял; они ему смиренно кланялись, но он не отвечал на их поклоны.

В городе среди разбросанных в беспорядке лачуг с соломенными крышами стояло несколько больших каменных домов без окон; вместо улиц были кривые немощеные дорожки; полчища псов и голых ребятишек шумно играли на солнцепеке; свиньи рылись повсюду, — одна из них, вся облепленная грязью, разлеглась посреди главной улицы и кормила своих поросят. Внезапно издали донеслись звуки военной музыки. Звуки приближались, становились все громче, и я увидел кавалькаду всадников, которая казалась необычайно пышной благодаря султанам на шлемах, и сверканию лат, и колыханью знамен, и богатству одежд, и конским попонам, и золоченым остриям копий. Кавалькада торжественно двигалась по грязи среди свиней, голых ребятишек, веселых псов, ободранных лачуг, и мы последовали за нею. Мы шли всё вверх, всё вверх, миновали одну грязную улочку, потом другую, пока, наконец, не выбрались на вершину холма, где было очень ветрено и где стоял огромный замок. Протрубил рог; в замке тоже протрубил рог; начались переговоры; нам отвечали со стен, где под колыхающимися знаменами с грубыми изображениями драконов расхаживали воины в шишаках и панцырях, с

алебардами на плечах; затем распахнулись огромные ворота, опустился подъемный мост, и предводитель кавалькады двинулся вперед, под суровые своды; и мы, следуя за ним, оказались на просторном мощеном дворе, огороженном башнями и башенками, со всех четырех сторон поднимавшимися в голубизну небес; вокруг нас раздавались учтивые приветствия, всадники слезали с коней, шла веселая суета, полная пестроты, беготни, неразберихи, радости и шума.

Глава II

ДВОР КОРОЛЯ АРТУРА

Улучив минуту, я ускользнул в сторонку, толкнул в плечо одного старичка, попроще на вид, и шепнул ему:

— Сделайте мне, друг, одолжение. Скажите, вы служите в этом сумасшедшем доме или просто пришли навестить кого-нибудь из родных?

Он глупо поглядел на меня и сказал:

— Прекрасный сэр...

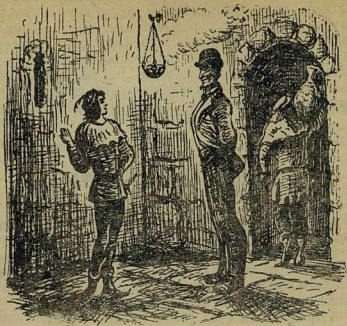
— Довольно, — сказал я. — Вы, я вижу, тоже пациент.

Я отошел и, призадумавшись, стал поглядывать, не замечу ли где человека в здравом уме, который мог бы что-нибудь мне объяснить. Наконец мне показалось, что я нашел тако-го. Я подошел к нему и шепнул ему на ухо:

— Как бы мне на минутку повидать старшего смотрителя? Только на одну минутку...

— Не мешай мне пожалуйста.

Он объяснил, что он помощник повара и что у него сейчас нет времени на болтовню; потом он охотно со мной поболтает, так как ему до смерти хочется узнать, где я достал свою одежду. Тут он ткнул куда-то пальцем, сказав, что вот более подходящий для меня собеседник — у него много свободного времени и, к тому же, он, без сомнения, меня ищет. Передо мною стоял тоненький мальчик в ярко-красных штанах, которые придавали ему сходство с раздвоенной на конце морковкой; остальная его одежда была сшита из голубого шелка и кружев; на его длинных светлых кудрях сидела розовая атласная шапочка с пером, кокетливо сдвинутая на ухо. Лицо у него было добродушное, походка самодовольная. Он был такой хорошенький, что его хотелось вставить в рамку. Он подошел ко мне,

Он подошел ко мне, улыбнулся и сказал, что послан за мной и что он паж.

улыбнулся и, осмотрев меня с нескрываемым любопытством, сказал, что послан за мною и что он паж.

Идя со мною рядом, он болтал и смеялся бездумно, радостно, по-мальчишески, и мы с ним сразу подружились; он задавал мне множество вопросов и обо мне и о моей одежде, но ответов не дожидался, а продолжал болтать напропалую, забыв о том, что только что спрашивал, и болтал до тех пор, пока нечаянно не выболтал, что родился в начале 513 года.

Я вздрогнул, остановился и спросил слабым голосом:

— Я, кажется, ослышался. Повтори... повтори медленно, раздельно... В каком году ты родился?

— В 513.

— В 513! Глядя на тебя, этого не скажешь! Послушай, мой мальчик, я здесь чужой, друзей у меня нет; будь со мною честен и правдив. Ты в своем уме?

Он ответил, что он в своем уме.

— И все эти люди тоже в своем уме?

Он ответил, что они тоже в своем уме.

— А разве здесь не сумасшедший дом? Сумасшедшим домом я называю заведение, в котором лечат сумасшедших.

Он ответил, что здесь не сумасшедший дом.

— Значит, — сказал я, — либо я сам сошел с ума, либо случилось что-то ужасное. Скажи мне честно и правдиво, где я нахожусь?

— При дворе короля Артура.

Я помолчал минуту, чтобы вполне усвоить смысл этих слов, затем спросил:

— Какой же, по-твоему, теперь год?

— 528, 19 июня.

У меня заныло сердце, и я пробормотал:

— Никогда больше не увижу я моих друзей, никогда, никогда. Им суждено родиться через тринадцать столетий с лишним.

Я почему-то поверил, что мальчик сказал мне правду, — сам не знаю, почему. Я поверил ему сердцем, но разум мой верить отказывался. Мой разум восставал, и вполне естественно. Я не знал, как справиться со своим разумом; свидетельства других людей не могли бы мне помочь, — мой разум объявил бы этих людей безумными и не принял бы их свидетельств во внимание. Но, по счастью, замечательная идея пришла мне в голову. Я знал, что единственное полное солнечное затмение в первой половине шестого века произошло 21 июня 528 года *, и началось оно ровно в 3 минуты после полудня. Знал я также, что астрономы не ожидали полного солнечного затмения в том году, который я считал текущим, то есть в 1879. Следовательно, если тревога и любопытство не сокрушат окончательно моего сердца за ближайшие сорок восемь часов, я буду иметь возможность с достоверностью установить, правда ли то, что сказал мне мальчик, или нет.

А потому, будучи практичным коннектикутцем, я отложил разрешение всей этой загадки до намеченного дня и часа, выбросил ее из головы и сосредоточил все свое внимание на обстоятельствах данной минуты, чтобы использовать их, по возможности, выгоднее. «Не всё сразу» — вот мой девиз, и я придерживаюсь его всегда, и в важных делах и в пустяках. Я принял два решения: если сейчас все-таки девятнадцатый век и я нахожусь среди сумасшедших, не имея возможности отсюда выбраться, я стану хозяином этого сумасшедшего дома; если же, напро-

тив, сейчас действительно шестой век, так тем лучше, — я через три месяца буду хозяином всей страны; ведь я самый образованный человек во всем королевстве, так как родился на тринадцать веков позже их всех. Я не из тех людей, которые, приняв решение, теряют время; и я сказал пажу:

— Послушай, Кларенс, мой мальчик, если я верно угадал твое имя, введи меня пожалуйста в курс дела. Как зовут того человека, который привел меня сюда?

— Моего и твоего господина? Это славный рыцарь и благородный лорд сэр Кэй, сенешаль, молочный брат нашего повелителя, короля.

— Хорошо, продолжай, расскажи мне все, что ты о нем знаешь.

Он рассказывал долго. Но вот что в его рассказе было для меня важно. По его словам, я был пленником сэра Кэя и, согласно обычаю, меня заточат в темницу и будут держать там на воде и хлебе до тех пор, пока мои друзья не выкупят меня, если я сам прежде не сдохну. Я видел, что у меня гораздо больше шансов сдохнуть, чем быть выкупленным, но не стал расстраиваться, чтобы не терять даром драгоценного времени. Паж сказал далее, что обед в большом зале уже подходит к концу и что чуть только начнется беседа и попойка, сэр Кэй повелит позвать меня, покажет королю Артуру и его славным рыцарям, сидящим за Круглым Столом, и начнет хвастать подвигом, который он совершил, захватив меня в плен; при этом он, по всей вероятности, будет немножко преувеличивать, но мне не следует поправлять его: это неучтиво, да и небезопасно; а когда на меня вдоволь насмотрятся, — марш в темницу; но он, Кларенс, непременно найдет способ навещать меня время от времени и постарается передать весточку моим друзьям.

Передать весточку моим друзьям! Я поблагодарил его: мне ничего другого не оставалось. Тут к нам подошел лакей и сказал, что меня зовут; Кларенс ввел меня в замок, усадил и сам сел рядом со мной.

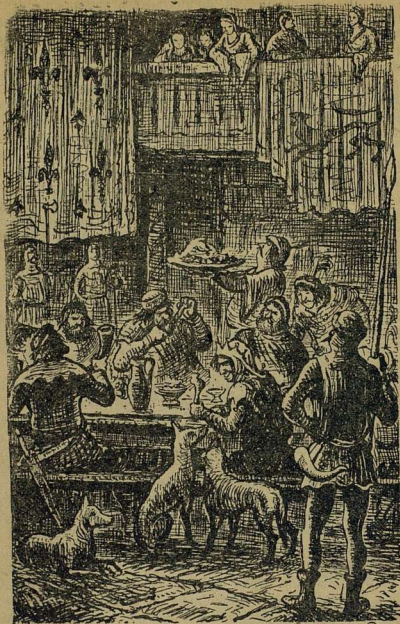
Я увидел зрелище забавное и прелюбопытное. Огромный зал с почти голыми стенами, полный кричащих противоречий. Он был очень, очень высок, этот зал, так высок, что в сумраке, сгущавшемся наверху, едва можно было различить знамена, свешивавшиеся со сводчатых балок и брусьев потолка; по обоим концам зала были высокие галереи, огороженные каменными перилами, — на одной сидели музыканты, а на другой женщины, разодетые с ослепи-

тельной яркостью. Пол был вымощен большими каменными плитами, истоптанными, щербатыми и нуждавшимися в замене. Украшений, говоря по правде, не было никаких; впрочем, по стенам висели большие ковры, которые, вероятно, считались произведениями искусства; на них были изображены битвы, но кони напоминали тех, которых лепят из пряничного теста или которых дети вырезают из бумаги, а люди были покрыты чешуйчатой броней, причем чешуйки заменялись круглыми дырочками, так что казалось, будто по всей кольчуге прошла рюмка, которой вырезают бисквиты. В зале был камин, такой огромный, что в нем мог расположиться целый лагерь; окруженный колоннами из резного камня, он был похож на врата собора. Вдоль стен стояли воины в панцырях и шишаках; они держали в руках алебарды, — никакого другого оружия у них не было; они стояли так неподвижно, что их можно было принять за статуи.

Посреди этого сводчатого зала стоял дубовый стол, который называли Круглым Столом. Он был обширен, как цирковая арена; вокруг него сидело множество мужчин в таких пестрых и ярких одеждах, что глазам было больно смотреть на них. На головах у них были шляпы с перьями; они приподнимали эти шляпы только тогда, когда обращались к самому королю.

Большинство было занято выпивкой, — они пили из бычьих рогов; но некоторые еще жевали хлеб или глодали бычьи кости. На каждого человека приходилось не менее двух псов; псы сидели, ожидая, и когда кто-нибудь швырял им кость, разом кидались к ней целыми бригадами и дивизиями; начинался бой, головы, туловища, мелькающие хвосты смешивались в беспорядочную кучу, поднималась такая буря воя и лая, что всякий разговор приходилось прекращать; но на это никто не жаловался, потому что собачьи драки были интереснее любого разговора; мужчины порой вскакивали, чтобы лучше видеть, и бились об заклад, которая собака победит, а дамы и музыканты перегибались через перила; и со всех сторон раздавались восторженные восклицания. В конце концов победитель удобно вытягивался на полу, держа в лапах кость и с ворчанием грызя ее, а придворные принимались за прежние свои занятия и развлечения.

В общем, речи и манеры этих людей были изящны и учтивы; и, насколько я мог заметить, они — в промежутках между собачьими драками — выслушивали своих собе-

Стол был обширен, как цирковая арена; вокруг него сидело множество мужчин в пестрых и ярких одеждах.

седников доброжелательно и внимательно. Притом они были по-детски простодушны; каждый из них чудовищно врал, с обезоруживающей наивностью, и охотно слушал, как врут другие, всему веря. Представление о жестоком и страшном не вязалось с ними; а между тем они с таким упоением рассказывали о крови и муках, что я устал содрогаться.

Я был не единственным пленником в зале. Кроме меня, было еще человек двадцать, а может быть и больше. Многие из этих несчастных были изувечены, расцарапаны, изранены самым страшным образом; их волосы, их лица, их одежда были выпачканы засохшей черной кровью. Они, безусловно, очень страдали от усталости, голода и жажды; и никто не дал им умыться, никто не позаботился из простого милосердия об их ранах; однако, сколько бы вы ни слушали, вы не услышали бы от них ни одного стога, сколько бы вы ни смотрели, вы не заметили бы никакого беспокойства, никакого желания пожаловаться. И я подумал: «Они сами, негодники, в свое время так же обращались с другими; и теперь, когда настала их очередь, они ничего лучшего не ждут; следовательно, их философское смирение вовсе не результат мысли, самообладания, силы ума; они терпеливы, как животные; они попросту белые индейцы».

Глава III

РЫЦАРИ КРУГЛОГО СТОЛА

Беседы за Круглым Столом были, в сущности, монологам. Рыцари рассказывали друг другу, как они захватывали пленных, убивали их друзей и сторонников и завладевали их конями и оружием. Насколько я мог судить, эти убийства совершались не из мести за обиду, не из старой вражды, не из-за внезапных ссор; нет, это по большей части были поединки между незнакомыми людьми, между людьми, которые не были даже представлены друг другу и не сделали друг другу ничего дурного. Не раз случалось мне видеть, как два мальчика, незнакомые и случайно встретившиеся, говорили в один голос: «Я тебя поколочу!» и принимались драться; но до сих пор я полагал, что так поступают только дети и что это свойственно исключительно детскому возрасту; однако эти большие дети по-

Король Артур.

ступали точно так же и гордились своими поступками, несмотря на свой почтенный возраст. И все-таки в этих простодушных существах было что-то милое и привлекательное. Правда, мозгов в этой огромной детской нехватило бы и на то, чтобы насадить их на рыболовный крючок для приманки; но мозги в подобном обществе и не нужны, — напротив, они только мешали бы и всех стесняли, лишили бы это общество его законченности и, пожалуй, сделали бы невозможным самое его существование.

Почти у всех были приятные и мужественные лица; мягкость и привлекательность этих лиц заставила бы умолкнуть вашу уничтожающую критику. Особенной добротой и чистотой дышало лицо того, кого они называли сэром Галахадом, и лицо короля; а в огромном теле и в горделивой осанке сэра Ланселота Озерного было много настоящего величия.

Внезапно случилось происшествие, которое привлекло к сэру Ланселоту всеобщее внимание. По знаку какого-то человека, повидимому, церемониймейстера, шесть или восемь пленников выступили вперед, упали на колени, подняли руки к галерее, на которой сидели дамы, и принялись просить о позволении молвить слово королеве. Да-

ма, сидевшая на самом видном месте в этом цветнике женской красоты и изысканности, наклонила голову в знак согласия. Тогда один из пленников от лица всех заявил, что он предает себя и всех своих товарищей в руки королевы, предоставляя ей право помиловать их, или потребовать за них выкуп, или заточить их в темницу, или предать их смерти, как она пожелает; далее он заявил, что обращается к ней по повелению сэра Кэя, сенешаля, который всех их взял в плен, победив в честном бою.

Изумление появилось на всех лицах; благодарная улыбка исчезла с лица королевы, — услышав имя сэра Кэя, она была явно разочарована; и паж насмешливо шепнул мне на ухо:

— Сэр Кэй, как же! Так я и поверю! За последние две тысячи лет никто еще не лгал так нахально.

Все глаза испытующе и строго устремились на сэра Кэя. Но он оказался на высоте положения. Он встал и величаво взмахнул рукой. Он объявил, что сейчас расскажет все, как было, придерживаясь только фактов; он расскажет истинную правду, без всяких добавлений.

— И тогда, — сказал он, — вы воздадите честь и хвалу сидящему здесь могущественнейшему из героев, когда-либо носивших щит и сражавшихся мечом в рядах христианских войнств!

И он указал рукой на сэра Ланселота. Это было здорово придумано, — он поразил всех. Затем он рассказал, как сэр Ланселот, в поисках приключений, убил семерых великанов одним взмахом своего меча и освободил сто сорок томившихся в плену дев; как он двинулся дальше, навстречу новым приключениям, и увидел его (сэра Кэя) в неравном бою с девятью иноземными рыцарями; как сэр Ланселот один вызвал их на бой и победил всех девятих; как следующей ночью сэр Ланселот встал потихоньку, надел латы сэра Кэя, взял коня сэра Кэя и поехал на том коне в дальние страны, и в одном бою победил шестнадцать рыцарей, а в другом бою — тридцать четыре; и как всех побежденных, и этих и прежних, он заставил поклясться, что в Троицын день они явятся ко двору Артура и предадут себя в руки королевы Гиневры, назвав себя пленниками сэра Кэя, сенешаля, и добычей его рыцарской доблести; и вот полдюжины уже явилось, а остальные явятся, чуть только излечатся от своих жестоких ран.

Трогательно было видеть, как улыбалась и краснела королева, как смущена и счастлива была она и как броса-

ла украдкой на сэра Ланселота такие взгляды, что будь это в Арканзасе *, его сразу бы застрелили.

Все восхваляли доблесть и великодушие сэра Ланселота; а я дивился тому, каким образом один человек может победить и взять в плен столько опытных воинов. Я высказал свое недоумение Кларенсу, но этот насмешник ответил:

— Если бы сэр Кэй успел влить в себя еще мех кислого вина, побежденных было бы вдвое больше.

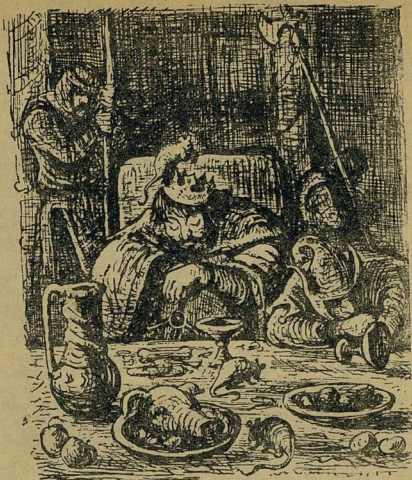
Я с огорчением посмотрел на мальчика; внезапно по лицу его пробежало облако глубокого унынья. Я глянул туда, куда глядел он, и заметил очень старого белобородого человека в развевающемся черном одеянии, который, стоя перед столом на нетвердых ногах и слабо покачивая дряхлой головой, обводил присутствующих водянистым блуждающим взором. На всех лицах появилось то же стародавальческое выражение, что и на лице пажа, — предчувствие мучений, на которые нельзя даже пожаловаться.

— Господи, опять! — вздохнул мальчик. — Опять он теми же самыми словами расскажет ту же самую древнюю скучную историю, которую он уже так часто рассказывал и которую он будет рассказывать до самой своей смерти всякий раз, когда от кружки вина у него заработает воображение. Почему я не умер и дожил до этого дня!

— Кто он?

— Мерлин, могущественный чародей и великий лжец*. Пропади он пропадом! Он так надоел нам своей единственной сказкой. Все боятся его, потому что он повелевает бурями и молниями и дьяволы ада послушны ему, — а то мы давно выпустили бы ему кишки и прикончили бы его сказку. Он всегда рассказывает ее в третьем лице, чтобы сделать вид, будто он так скромн, что не хочет прославлять самого себя, да будь он проклят, да разразит его гром! Разбудите меня, пожалуйста, когда он кончит.

Мальчик опустил голову ко мне на плечо и притворился спящим. Старик начал свой рассказ; и сразу же мальчик заснул по-настоящему; заснули псы, заснули придворные, заснули лакеи и воины. Однообразно звучал скучный голос, со всех сторон доносился храп, словно аккомпанемент на духовых инструментах. Кто сидел, опустив голову на руки; кто откинулся назад и храпел, широко раскрыв рот; мухи жужжали и кусались — их перестали отгонять; из сотен нор вылезли крысы и бегали повсюду, чувствуя

Кто сидел, опустив голову на руки, кто откинулся назад и храпел, широко раскрыв рот.

себя как дома; одна из них, словно белка, взобралась на голову короля; в лапках она держала кусочек сыру и грызла его, с простодушным бесстыдством посыпая лицо короля крошками. Это была мирная сцена, успокоительная для усталого взора и измученной души.

Вот что рассказывал старик:

— ...Итак, король и Мерлин отправились в путь и приехали к отшельнику, который был добрым человеком и великим знахарем. Отшельник осмотрел раны короля и дал

ему славные снадобья; и король прожил там три дня, и раны его исцелились, и они двинулись в путь. И в пути Артур сказал: «У меня нет меча». — «Не беда, — сказал Мерлин, — я добуду тебе меч». Они доехали до большого, глубокого озера; и видит Артур: из озера, на самой его середине, поднялась рука в белом парчевом рукаве, и в руке той — меч. «Вот, — сказал Мерлин, — тот меч, о котором я говорил тебе». Они увидели деву, которая шла по берегу озера. «Что это за дева?» — спросил Артур. «Это владычица озера, — сказал Мерлин. — Посреди озера есть скала, на которой стоит замок — самый прекрасный замок на всей земле; сейчас эта дева приблизится к тебе, и, если ты будешь говорить с ней учтиво, она даст тебе тот меч». И дева подошла к Артуру и приветствовала его, и он ее тоже. «Дева, — сказал Артур, — чей это меч держит рука над водою? Я хотел бы, чтобы он стал моим, ибо у меня нет меча». — «Сэр Артур, король, — сказала дева, — это мой меч, и, если ты дашь мне в дар то, что я у тебя попрошу, этот меч станет твоим». — «Клянусь, — сказал Артур, — я подарю тебе все, что ты попросишь». — «Хорошо, — сказала дева, — садись в ту лодку, греби к мечу и возьми его вместе с ножнами, а я явлюсь к тебе за обещанным даром, когда придет время». Сэр Артур и Мерлин слезли с коней, привязали их к двум деревьям, сели в лодку и поплыли к руке, державшей меч; и сэр Артур схватил меч за рукоять и вырвал его. И рука скрылась под водой, а они вернулись на сушу и поехали дальше. И сэр Артур увидел роскошный шатер. «Чей это шатер?» — «Это шатер сэра Пеллинора, — сказал Мерлин, — рыцаря, с которым ты недавно сражался, но сейчас его нет в этом шатре; он отправился сражаться с твоим рыцарем, славным Эгглемом, и они бились долго, и Эгглем бежал, спасаясь от неминуемой смерти, и сэр Пеллинор гнал его до самого Карлиона, и мы сейчас встретимся с ним на большой дороге». — «Я рад этому, — сказал Артур, — теперь у меня есть меч, я вступлю в бой с этим рыцарем и отомщу ему». — «Сэр, ты не должен вступать с ним в бой, — сказал Мерлин, — ибо этот рыцарь сейчас утомлен битвой и долгой погоней, и мало чести сразиться с ним; кроме того, этот рыцарь таков, что нет ему равного на свете; и вот тебе мой совет: не трогай его, дай ему проехать мимо, ибо вскоре он сослужит тебе хорошую службу, а когда он умрет, тебе будут служить его сыновья. Настанет день, когда ты будешь счастлив выдать за него

свою сестру». — «Увидев его, я поступлю так, как ты мне советуешь», — сказал Артур. Сэр Артур осмотрел свой меч и остался им доволен. «Что тебе больше нравится, — сказал Мерлин, — меч или ножны?» — «Мне больше нравится меч», — сказал Артур. «Не мудр твой ответ, — сказал Мерлин, — ибо эти ножны в десять раз драгоценней меча; до тех пор, пока на тебе эти ножны, тебя никто не ранит и ты не потеряешь ни капли крови; никогда не расставайся с этими ножнами». Возле Карлиона они встретили сэра Пеллинора; однако Мерлин сделал так, что Пеллинор не заметил Артура и проехал мимо, не сказав ни слова. «Удивляюсь, — проговорил Артур, — отчего этот рыцарь ничего не сказал?» — «Сэр, — ответил Мерлин, — он не видел тебя; ибо если бы он тебя видел, вы расстались бы не так легко». И они прибыли в Карлион, где веселились рыцари Артура. Слушая рассказ о приключениях своего короля, рыцари дивились тому, что король так охотно подвергает опасности свою королевскую жизнь. Но прославленные из них заявили, что приятно служить королю, который, подобно простым бедным рыцарям, странствует и ищет приключений.

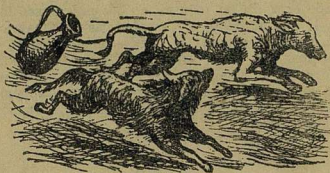
Глава IV

СЭР ДАЙНАДЭН-ШУТНИК.

На мой взгляд, эта странная небылица была рассказана просто и прелестно; но я слушал ее впервые, а это совсем другое дело; она и остальным, без сомнения, нравилась, пока не надоела.

Сэр Дайнадэн-Шутник проснулся первым и разбудил остальных шуткой, которую нельзя было назвать слишком остроумной. Он привязал большой кувшин к хвосту пса и отпустил его; пес, обезумев от страха, большими кругами помчался по комнате; остальные псы с воем и лаем устремились за ним, опрокидывая и ломая все, что попадалось, подняв невообразимый шум и грохот. Мужчины и женщины хохотали так, что слезы капали из их глаз; многие попадали со стульев и в восторге катались по полу. Совсем как дети. Сэр Дайнадэн был столь горд своей выдумкой, что не мог удержаться и без конца надоедливо рассказывал, как пришла ему в голову эта бесмертная мысль; и, подобно всем шутникам такого сорта,

он продолжал смеяться, когда кругом уже никто не смеялся. Он был так доволен собой, что решил произнести речь, разумеется шуточную. Никогда в своей жизни я не слышал столько избитых шуток. Ни один эстражник, ни один клоун в цирке не позволил бы себе шутить так старо и плоско. Как грустно было сидеть там за тринадцать сотен лет до своего рождения и снова слушать жалкие, плоские, изъеденные червями остроты, от которых меня уже корбило тринадцать столетий спустя, когда я был маленьким мальчиком. Я почти пришел к убеждению, что новую остроту выдумать невозможно. Все смеялись этим древним шуткам, — но, что поделаешь, древним шуткам

Пес, обезумев от страха, помчался по комнате.

смеются всегда и везде; я уже заметил это много столетий спустя. Однако настоящий насмешник не смеялся, — я говорю о мальчике. Нет, он подтрунивал над шутником, — он всегда и надо всем подтрунивал. Он говорил, что большинство шуток сэра Дайнадэна просто глупы, а остальные — настоящие окаменелости. Я сказал ему, что слово «окаменелость» в применении к остротам мне очень нравится; я убежден, что древние остроты следует классифицировать по геологическим периодам. Но мальчик не вполне понял мою мысль, потому что в те времена геология еще не была изобретена. Тем не менее я записал это удачное сравнение в свою записную книжку, надеясь осчастливить им общество, если мне когда-нибудь удастся вернуться в девятнадцатый век. Не бросать же хороший товар только оттого, что рынок еще не созрел для него.

Снова поднялся сэр Кэй, и снова заработала его фабрика вранья, но на этот раз топливом был я. Тут уж мне

стало не до шуток. Сэр Кэй рассказал, как он встретился со мною в далекой стране варваров, облаченных в такие же смешные одеяния, как мое, одеяния, созданные волшебством и обладающие свойством делать тех, кто их носит, неуязвимыми. Однако он уничтожил силу волшебства молитвой и в битве, длившейся три часа, убил тринадцать моих рыцарей, а меня самого взял в плен, пощадив мою жизнь, чтобы показать меня, как достойное удивления чудо, королю и его двору. При этом он все время ласково именовал меня то «громادным великаном», то «подпирающим небеса чудовищем», то «клыкастым и когтистым людоедом»; и все простодушно верили этой чепухе, и никто не смеялся, никто даже не замечал, сколь не соответствуют эти невероятные преувеличения моей скромной особе. Он говорил, что, пытаясь удрать от него, я вскочил на вершину дерева в двести локтей вышины, но он сбил меня оттуда камнем величиной с корову, причем переломал мне все кости, и затем взял с меня клятву, что я явлюсь ко двору короля Артура на суд. Кончил он тем, что приговорил меня к смерти. Казнь мою он назначил на полдень 21-го числа; при этом он был так равнодушен к моей участи, что даже зевнул, прежде чем назвал дату.

Я пришел в такое отчаянье, что даже не мог внимательно следить за спором о том, каким именно способом меня казнить; впрочем, многие вообще выражали сомнение, что меня удастся убить, ибо на мне заколдованная одежда. А между тем на мне был самый обыкновенный костюм, купленный за пятнадцать долларов в магазине готового платья. При всем своем отчаянье я все-таки заметил одну подробность: эти знатнейшие в стране господа и дамы, собравшись вместе, произносили невзначай такие словечки, которые заставили бы покраснеть и дикого каманча *. Сказать, что они выражались неделикатно, было бы слишком мягко. Однако я читал «Тома Джонса» и «Родерика Рэндома» *, и другие книжки в том же роде, и знал, что знатнейшие лэди и джентльмены Англии еще столетие назад были столь же непристойны, как в своих беседах, так и в своем поведении; только в нашем, девятнадцатом веке появились в Англии, — да, пожалуй, и в Европе, — первые настоящие лэди и джентльмены. Что было бы, если бы сэр Вальтер Скотт, вместо того, чтобы вкладывать свои собственные слова в уста своих героев, позволил им разговаривать так, как они разговаривали в действительности? Рахиль, и Айвенго, и нежная лэди Ровена * заговорили

А между тем на мне был самый обыкновенный костюм, купленный за пятнадцать долларов в магазине готового платья.

бы так, что смутили бы любого бродягу нашего времени. Впрочем, бессознательная грубость — не грубость. Приближенные короля Артура не сознавали, что они невоспитаны, а я был настолько тактичен, что не дал им это заметить.

Моя заколдованная одежда так беспокоила их, что они почувствовали большое облегчение, когда старый Мерлин дал им совет, полный здравого смысла. Он спросил их, почему они не хотят раздеть меня. Через полминуты я был гол, как кочерга! О боже, в этом обществе я оказался единственным человеком, которого смутила моя нагота. Все разглядывали и изучали меня с такой бесцеремонностью, словно я был кочан капусты. Королева Гинебра смотрела на меня с тем же простодушным любопытством, как и все остальные, и даже сказала, что никогда до сих

пор не видела таких ног, как у меня. Это был единственный комплимент, которого я удостоился, если подобное замечание можно назвать комплиментом.

В конце концов меня потащили в одну сторону, а мою заколдованную одежду — в другую. Я был брошен в темную и тесную камеру темницы, где должен был довольствоваться какими-то жалкими объедками вместо обеда, охапкой гнилой соломы вместо постели и множеством крыс вместо общества.

Глава V

ВДОХНОВЕНИЕ

Я был так утомлен, что, несмотря на страх и тревогу, сейчас же крепко заснул.

Проснулся я с ощущением, что проспал очень долго. И прежде всего подумал: «Какой удивительный я видел сон! Не проснись я сейчас, меня повесили бы, или утопили, или сожгли, или... Подремлю еще, до гудка, а там пойду на оружейный завод и посчитаюсь с Геркулесом».

Но тут загремели ржавые цепи и петли, свет хлынул мне в глаза, и передо мною возник этот мотылек, Клэрено! Я разинул рот от изумления и перестал дышать.

— Что! — сказал я. — Ты еще здесь? Сон кончился, а ты остался? Пропади!

Но он, со свойственным ему легкомыслием, только рассмеялся и принялся потешаться над моим печальным положением.

— Ну что ж, — сказал я, сдаваясь. — Пусть сон продолжается. Я не тороплюсь.

— Какой сон?

— Как какой? Мне снится, что я нахожусь при дворе короля Артура, которого никогда не было, и что я разговариваю с тобой, хотя ты тоже всего только плод моего воображения...

— Ах, вот как! А то, что тебя завтра сожгут, — это тоже сон? Хо-хо, ну-ка, что ты мне на это скажешь?

Эти слова заставили меня содрогнуться. Я начал понимать, что положение мое крайне серьезно, сон это или не сон; ибо я по опыту знал, что сны порой бывают ярки, как настоящая жизнь, и быть сожженным, хотя бы и во сне,

далеко не шутка, и нужно во что бы то ни стало попытаться всеми правдами и неправдами избежать этого. И я начал умолять его:

— Ах, Кларенс, милый мальчик, мой единственный друг... ведь ты мне друг, не правда ли?... Не покинь меня. Помоги мне бежать отсюда!

— Да ты понимаешь, о чем ты говоришь! Удрать? Во всех проходах стоят воины.

— Верно, верно. Но сколько их, Кларенс? Неужели их много?

— Человек двадцать. На побег нет никакой надежды. Помолчав, он нерешительно добавил:

— Побег невозможен и по другим причинам, более важным.

— По другим причинам? По каким же?

— Говорят... Нет, я не смею!... Не смею!...

— Мой бедный мальчик, в чем дело? Отчего ты побледнел? Отчего ты так дрожишь?

— Ох, как мне не дрожать! Я бы все рассказал тебе, но...

— Полно, полно, будь отважен, будь мужчиной! Расскажи мне все, мой славный мальчик!

Он колебался между желанием рассказать и страхом; затем он подкрался к двери, выглянул, прислушался, наконец подошел ко мне вплотную, нагнулся к самому моему уху и сообщил мне ужасную тайну; он ежился от страха, словно говорил о вещах, одно упоминание о которых грозит смертью.

— Мерлин, полный злобы, оплел чарами эту темницу, и теперь во всем королевстве не найти столь отчаянного человека, который согласился бы перешагнуть ее порог вместе с тобою! Ну вот, я все тебе сказал, и да спасет меня господь! Ах, будь добр ко мне, будь милосерд к несчастному мальчику, который пожелал тебе блага; ибо если ты выдашь меня, я пропал!

Давно уже я так от души не смеялся. Я закричал:

— Мерлин оплел чарами темницу! Мерлин, вот оно что! Этот дешевый старый обманщик, этот бормочущий старый осел! Вздор, чистейший вздор, глупейший вздор на свете! По-моему, из всех ребяческих, идиотских, дурацких и трусливых суеверий это самое... Да ну его к чорту, этого Мерлина!

Не успел я кончить, как Кларенс уже стоял передо мной на коленях; он, казалось, обезумел от страха.

Не успел я кончить, как Кларенс уже стоял передо мной на коленях; он, казалось, обезумел от страха.

— О, берегись! Твои слова ужасны! Если ты будешь так говорить, эти стены могут обрушиться и задавить нас. О, отрекись от своих слов, пока еще не поздно!

Этот странный испуг навел меня на размышления и внушил мне хорошую мысль. Если здесь все столь же честно и добросовестно, как Кларенс, верят в жульническое колдовство Мерлина, так почему бы человеку более умному, чем Мерлин, не воспользоваться своими преимуществами? Я стал размышлять и выработал план действий. Затем сказал:

— Встань. Возьми себя в руки. Посмотри мне в глаза. Ты знаешь, отчего я смеюсь?

— Нет, не знаю, но ради пресвятой богородицы не смейся больше.

— Я скажу тебе, отчего я смеюсь. Оттого, что я сам чародей!

— Ты?!

Пораженный неожиданностью, мальчик отпрянул от меня и затаил дыхание. Он сразу же проникся ко мне необычайным уважением. Я это заметил; повидимому в этом сумасшедшем доме от обманщика не требуют никаких доказательств; все готовы и без доказательств поверить ему на слово. Я продолжал:

— Я знаю Мерлина уже семьсот лет. Он...

— Семьсот...

— Не перебивай меня. Он тринадцать раз умирал и тринадцать раз воскресал под новыми псевдонимами: Смит, Джонс, Робинсон, Джэксон, Питерс, Хаскино, Мерлин. Триста лет тому назад я встречался с ним в Египте; я встречался с ним в Индии пятьсот лет назад; всюду он становился мне поперек дороги, и это мне в конце концов надоело. Колдун он ерундовый: знает несколько старых трюков, никогда не шел он дальше самого начала — и никогда не пойдет. В провинции он еще может сойти — «только один раз, проездом»... Но выдавать себя за знатока, да еще в присутствии настоящего мастера — это уже нахальство. Слушай, Кларенс, я всегда буду твоим другом, и ты тоже должен поступать со мной по-дружески. Сделай мне одолжение. Скажи королю, что я сам чародей, великий Хай-Ю-Мукаму, вождь всех чародеев; скажи ему, что я уже принял меры и что если они послушаются сэра Кэя и причинят мне хоть малейший вред, от них от всех полетят перья. Ты согласен передать это от меня королю?

Несчастный мальчик находился в таком состоянии, что с трудом отвечал мне. Он был до того напуган, растерян, сбит с толку, что жалко было смотреть на него. Однако он все обещал, а от меня он потребовал только клятвы, что я навсегда останусь его другом и никогда не обращу против него своего чародейства. Затем он ушел, держась рукой за стену, словно у него кружилась голова.

Внезапно мне показалось, что я поступил очень неосторожно. Успокоившись, мальчик, конечно, удивится тому, что я, такой могущественный чародей, прошу его, ребенка, помочь мне выбраться из темницы; он попробует связать одно с другим и поймет, что я обманщик.

Целый час размышлял я над своим промахом и ругал себя дураком. Но вдруг мне пришло в голову, что эти глупцы не рассуждают, что они никогда не связывают одно с другим, что все их разговоры доказывают полную неспособность замечать противоречия. И я успокоился.

Но так уж устроено на свете, что человек, перестав беспокоиться об одном, начинает беспокоиться о другом. Я вдруг сообразил, что сделал еще одну ошибку: послал мальчика к его повелителю с какими-то страшными угрозами; он наговорит, что я, сидя здесь, в уединении, собираюсь наслать на них какую-то беду, а ведь люди, столь жадно верящие в чудеса, несомненно, столь же жадны и до самых чудес. Что будет, если меня попросят сотворить какое-нибудь чудо? Предположим, меня спросят, какое именно бедствие я готовлю? Да, я сделал ошибку; нужно было сперва придумать это бедствие. Что сделать? Что сказать им, чтобы оттянуть время? Я снова волновался, отчаянно волновался... Шаги! Идут. На размышление у меня только одна минута... Готово! Придумал. Всё в порядке.

Меня спасет затмение. Я внезапно вспомнил, как не то Колумб, не то Кортес *, не то кто-то другой в этом роде воспользовался, находясь среди дикарей, затмением, как лучшим козырем для своего спасения, и в душе моей проснулась надежда. Этот козырь выручит и меня; я могу воспользоваться им, не боясь упрека в подражании, потому что я применю его почти на тысячу лет раньше, чем они.

Вошел Кларенс, покорный, угнетенный, и сказал:

— Я поспешил передать твои слова нашему повелителю, королю, и он тотчас же вызвал меня к себе. Он страшно

испугался и хотел уже отдать приказ немедленно тебя освободить, нарядить в роскошные одеяния и поселить с подобающими тебе удобствами; но тут вошел Мерлин и испортил все; он стал убеждать короля, что ты безумец и сам не понимаешь того, что говоришь; он заявил, что твоя угроза — глупость и пустая похвальба. Они долго спорили, но, в конце концов, Мерлин насмешливо сказал: «Почему он не назвал того бедствия, которое он нам готовит? Потому, что он не может его назвать». Этим он заткнул рот королю, и король ничего не мог ему возразить; но, поневоле вынужденный поступить с тобой неучтиво, он умоляет тебя войти в его положение и назвать бедствие, которым ты угрожаешь, — что это за бедствие и когда оно произойдет? О, прошу тебя, не медли; всякое промедление удвоит и утроит опасности, собравшиеся над твоей головой. О, будь благоразумен, назови то бедствие, которое ты собираешься нам ниспослать.

Я долго молчал, чтобы ответ мой прозвучал внушительнее, и затем проговорил:

— Сколько времени я сижу в этой яме?

— Тебя бросили сюда вчера под вечер. Сейчас девять часов утра.

— Ага! Значит, я прекрасно выспался. Сейчас девять часов утра! А тут темно, как в полночь. Итак, сегодня двадцатое?

— Да, двадцатое.

— А завтра меня сожгут живьем?

Мальчик содрогнулоя.

— В котором часу?

— Ровно в полдень.

— Ну ладно я тебе скажу, что передать королю.

Я умолк и целую минуту продержал мальчика в злой тишине, затем заговорил глубоким, размеренным, роковым голосом, — а голос у меня могучий, — торжественно и величаво:

— Ступай к королю и скажи ему, что завтра в полдень я покрою весь мир мертвой тьмой полуночи; я потушу солнце, и оно никогда уже больше не будет сиять; земные плоды погибнут от недостатка света и тепла, и люди на земле, все, до последнего человека, умрут с голода!

Я сам вынес мальчика за порог, так как от страха он потерял сознание. Я передал его солдатам и вернулся в камеру.

ЗАТМЕНИЕ

В тишине и мраке знание скоро стало дополняться представлением. Само по себе знание о факте бледно; но когда вы начинаете представлять себе этот факт, он обретает яркие краски. Совсем разные вещи: услышать о том, что человека пырнули ножом в сердце, и самому увидеть это. В тишине и мраке знание того, что я нахожусь в смертельной опасности, становилось все глубже и глубже; представление об этой опасности вершок за вершком проникало в мои жилы и леденило в них кровь.

Но благословенная природа устроила так, что ртуть в термометре человеческой души, упав ниже определенной точки, снова начинает подниматься. Возникает надежда, а вместе с надеждой и бодрость, и человек снова получает способность помогать самому себе, если еще возможно помочь. Я скоро воспрянул духом; я сказал себе, что затмение неизбежно спасет меня и сделает меня самым могущественным человеком во всем королевстве; и ртуть в моем термометре сразу же прыгнула кверху, достигла самого верхнего деления, и все мои тревоги рассеялись. Я стал счастливейшим человеком на свете. Я теперь уже с нетерпением ждал завтрашнего дня, я жаждал насладиться своим великим торжеством, насладиться удивлением и благоговением всего народа. Кроме того, я сознавал, что, с чисто деловой точки зрения, это принесет мне немало выгод.

Тем временем в глубине моей души возникла новая догадка. Я почти пришел к уверенности, что когда этим суеверным людям сообщат, каким бедствием я им угрожаю, они испугаются и пойдут на компромисс. И, услышав приближающиеся шаги, я сказал себе: «Вот он, компромисс. Ну что ж, если он будет хорош, я соглашусь на него; если же он будет плох, я настою на своем и доведу игру до конца».

Дверь распахнулась, и в темницу вошли воины. Их предводитель сказал:

— Костер готов. Идем!

Костер?! Силы покинули меня, и я чуть не упал. В такие минуты трудно совладать с дыханием: спазмы сжимают горло. Однако, едва я настолько овладел собой, что мог говорить, я сказал:

— Это ошибка, казнь назначена на завтра.

— Приказ изменен: казнь перенесена на сегодня. Торопись!

Я погиб. Ничто мне уже не поможет. Я был ошеломлен, растерян; я потерял власть над собой; я метался из угла в угол, как помешанный; солдаты схватили меня, вытащили из камеры, поволокли по длинным подземным коридорам и вытолкнули наверх, на яркий дневной свет. Очутившись на просторном огороженном дворе замка, я вздрогнул, ибо прежде всего я увидел столб, торчащий посреди двора, а возле него — кучу хвороста и монаха. Со всех четырех сторон двора высились ярусами скамьи, на которых по рангам сидели зрители, сверкая пестротой одежд. Король и королева восседали на своих тронах, поставленных, конечно, в самых почетных местах.

Все это я разглядел в первое же мгновение. А во второе мгновение возле меня очутился, вынырнув откуда-то, Кларенс и, смотря на меня блескующими торжеством и счастьем глазами, зашептал мне на ухо:

— Это я их заставил перенести казнь на сегодня! Ну и пришлось же мне поработать! Едва я сообщил им, какое бедствие ты готовишь, и увидел, как они струсили, я понял, что удар нужно нанести немедленно. И я сразу же стал шептать одному, и другому, и третьему, что твоя власть над солнцем достигнет своей полной силы только завтра, и что, если хотят спасти солнце и вселенную, тебя нужно убить сегодня, пока твои чары еще не успели созреть. Само собой разумеется, все это только ложь, случайная выдумка, но, замученные страхом, они так ухватились за нее, словно само небо ниспослало ее им, чтобы спасти их; я сначала посмеивался себе в рукав, а потом зозблгодарил господ за то, что он сделал ничтожнейшее из своих созданий орудием твоего спасения. Ах, как счастливо все сложилось! Тебе незачем гасить солнце навсегда, — смотри, не позабудь об этом! Напусти немножко темноты, — самую малость, — а потом дай ему сиять по-прежнему. Этого будет вполне достаточно. Они увидят, что я их обманул, — невольно, конечно, — и, чуть начнет темнеть, сойдут с ума от страха; они освободят тебя и возвеличат! Ступай же навстречу своему торжеству! Но помни... ах, милый друг, не забудь моей просьбы и не причиняй вреда благословенному солнцу! Ради меня, твоего вернейшего друга!

Угнетенный своим горем, я невятно пообещал пощадить солнце; и в глазах мальчика заблестела такая глубокая и влюбленная благодарность, что у меня нехватило духу выругать его за добросердечную глупость, которая погубила меня и обрекла на смерть.

Когда солдаты вели меня через двор, стояла такая тишина, что будь я слепым, я мог бы вообразить, будто вокруг меня безмолвная пустыня, а не толпа в четыре тысячи человек. Вся эта куча человеческих тел была неподвижна; люди, с побледневшими лицами, застыли, как каменные изваяния; в глазах у них был ужас. Это безмолвие длилось, пока меня приковывали цепями к столбу; оно длилось, пока обкладывали хворостом мои щиколотки, мои колени, мои бедра, мое туловище. И оно стало еще глубже, это молчание, когда к ногам моим склонился человек с пылающим факелом в руке; толпа, вглядываясь, потянулась вперед; все невольно привстали со своих скамеек; монах простер руки над моей головой, воздел глаза к голубому небу и что-то забормотал по-латыни; он бормотал довольно долго и вдруг умолк. Я прождал несколько мгновений; затем взглянул на него: монах окаменел. Вся толпа, охваченная одним порывом, поднялась на ноги и смотрела в небо. Я тоже глянул в небо: чорт возьми, мое затмение начинается! Я воспрянул духом, я ожил! По мере того как черный ободок все глубже входил в диск солнца, мое сердце билось сильнее и сильнее; толпа и священнослужитель, застывшие, не сводили глаз с неба. Я знал, что сейчас все они глянут на меня. И когда они на меня глянули, я был готов. Я придал своей осанке величавость и устремил руку к солнцу. Эффектное получилось зрелище! Вот бы вы посмотрели, как содрогнулась толпа. И тут прозвучали два голоса, один сразу после другого:

— Зажигай!

— Зажигать запрещаю!

Первый голос был голос Мерлина, второй — голос короля. Мерлин вскочил со своего места, — вероятно он хотел сам зажечь костер. Я сказал:

— Не двигайтесь! Того, кто двинется без моего разрешения, будь он самим королем, я поражу громом и испелю молниями!

Как я и ожидал, вся толпа опустилась на скамьи. Один только Мерлин несколько мгновений колебался; я с трепетом следил за ним. Но, наконец, сел и он, и я об-

легченно вздохнул, ибо теперь я был господином положения. Король сказал:

— Будь милосерд, прекрасный сэр, останови это страшное дело, предотврати беду. Нам сказали, что твое могущество достигнет полной силы только завтра, но...

— Вы, ваше величество, хотите сказать, что вам солгали? Вы правы.

Это произвело необычайный эффект. Все простерли руки к королю, пламенно умоляя его откупиться от меня любой ценой, лишь бы я прекратил бедствие. Король охотно согласился. Он сказал:

— Назови свои условия, почтенный сэр! Можешь потребовать у меня хоть половину моего королевства, но положи конец этому бедствию, пощади солнце!

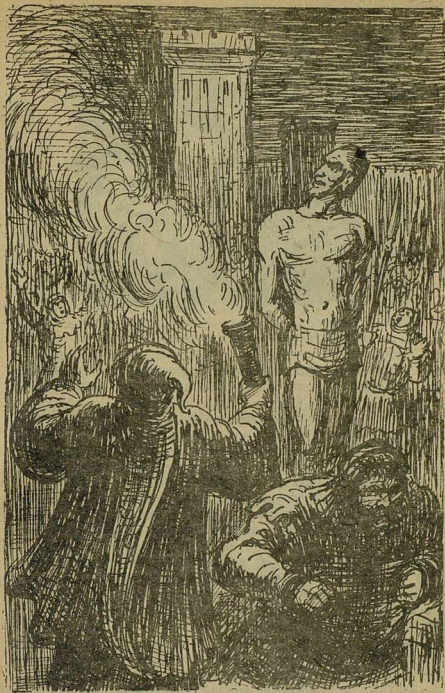
Удача мне была уже обеспечена. Мы, конечно, сторговались бы сразу, но я не в состоянии был остановить затмение: об этом не могло быть и речи. Я попросил, чтобы мне дали время на размышление. Король сказал:

— Долго ли ты будешь размышлять, добрейший сэр? Будь милосерд, погляди, с каждым мгновением становится все темнее. Прошу тебя, ответь, сколько времени нужно тебе на размышление?

— Немного. Полчаса, быть может — час.

Раздались тысячи страстных возражений, но я не мог сократить срок, так как не помнил, сколько времени длится затмение. Да и вообще я не все понимал и хотел поразмыслить над своим положением. С затмением вышло что-то неладное, и это меня очень смущало. Если это не то затмение, на которое я рассчитывал, как мне узнать, действительно ли я перенесся в шестой век или это мне только снится? Господи, как бы я хотел убедиться, что это сон! Во мне пробудилась надежда. Если мальчик не перепутал чисел и сегодня действительно двадцатое, значит я не в шестом веке. Я взволнованно схватил монаха за рукав и спросил его, какое сегодня число.

Чорт побери, — он ответил, что сегодня двадцать первое! Когда я услышал ответ, меня охватил озноб. Я спросил его, не ошибся ли он; но он нисколько не сомневался, он знал наверняка, что сегодня двадцать первое. Итак, этот пустоголовый мальчишка опять все перепутал. Затмение началось как раз в тот самый час, когда должно было начаться; я сам это видел по стоявшим неподалеку солнечным часам. Да, я действительно нахожусь при

Я тоже глянул в небо: чорт возьми, мое затмение начинается!

Тьма сгущалась, и горе охватило народ.

дворе короля Артура и должен приложить все усилия, чтобы извлечь из этого положения как можно больше выгод.

Тьма все сгущалась, и горе охватило народ. Тогда я сказал:

— Я все обдумал, государь. Чтобы вас проучить, я не буду мешать тьме распространяться, — пусть ночь охватит весь мир; от вас самих будет зависеть, верну ли я солнце или погашу его навсегда. Вот каковы мои условия: вы остаетесь королем над всеми своими владениями, и вам оказывают все почести, подобающие королевскому достоинству, но вы назначаете меня овым бессменным министром, обладающим всей полнотой исполнительной власти, и платите мне за мою службу один процент с того излишка доходов, который я надеюсь создать для государства. Если этого мне нехватит, я не стану просить прибавки. Подходят вам мои условия?

Раздался гром аплодисментов, и я услышал голос короля:

— Снимите с него узы, освободите его! Все, кто здесь есть, знатные и незнатные, воздайте ему почести, ибо от-

ныне он будет правой рукой короля, он будет обладать всей полнотой власти и восседать на самой верхней ступени трона! Так рассей же эту надвигающуюся ночь, возврати нам свет и веселье, и весь мир благословит тебя!

Но я сказал:

— Если перед народом посрамлен обыкновенный человек, это еще не беда; но бесчестие пало бы и на самого короля, если бы те, кто видел его министра нагим, не увидели его вознагражденным за срам. Принесите мне мою одежду...

— Твоя одежда больше не соответствует твоему положению, — перебил король. — Принесите ему другое одеяние; оденьте его, как принца!

Мой замысел уже приносил плоды. Мне нужно было как-нибудь оттянуть время до полного затмения, не то они опять стали бы меня умолять рассеять тьму, а я, понятно, не мог этого сделать. Посылка за одеждой была отсрочкой, но недостаточной. И я придумал новую отговорку. Я сказал, что опасаюсь, как бы король, поразмыслив, не передумал и не отменил впоследствии решения, принятого под влиянием внезапного порыва; поэтому я заставляю тьму еще немного сгуститься и, если король тем временем не изменит своих решений, я ее рассею. Это условие не понравилось ни королю, ни зрителям, но я был непреклонен.

Пока я мучился, натягивая на себя ужасные одежды шестого века, становилось все темней и темней, черней и черней. Наконец стало темно, как в шахте, и вся толпа завывала от ужаса, почувствовав дуновение холодного, таинственного ночного ветра и увидев в небе мерцающие звезды. Вот оно, полное затмение; я один радовался ему, все остальные пришли в отчаянье, что, впрочем, вполне естественно. Я сказал:

— Король своим молчанием подтверждает все, что он обещал.

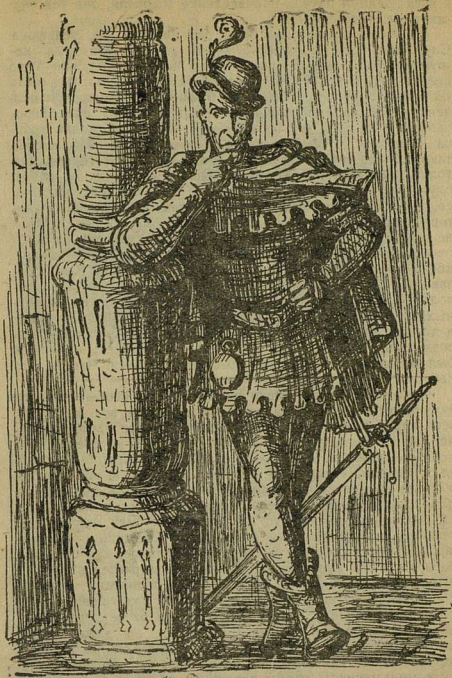
Затем я воздел руки к небу, простоял так несколько мгновений и возгласил как мог торжественнее:

— Да рассеются чары, да сгинут они без вреда!

Меня окружала глубокая тьма, и ответом мне была мертвая тишина. Но когда из тьмы вынырнул серебряный ободок солнца, весь двор огласился громкими кликами, и меня прямо захлестнул потоп благословений и благодарностей; среди благословляющих и благодарящих Кларенс был, конечно, не последним.

БАШНЯ МЕРЛИНА

Сделавшись вторым лицом в королевстве и получив в свои руки всю полноту государственной власти, я считал, что мне здорово повезло. Я одевался только в шелк, бархат и золотую парчу — то есть очень пышно и очень неудобно. Впрочем, я знал, что со временем привыкну к своему одеянию. Если не считать тех комнат, в которых жил сам король, я занимал лучшие комнаты в замке. Стены их были обиты пестрыми шелками, но на каменных полах, вместо ковров, лежали циновки самой грубой работы. Удобств, по правде сказать, не было никаких. Я говорю о мелких удобствах, о тех мелких удобствах, которые, собственно, и делают жизнь приятной. Огромные дубовые кресла, украшенные грубой резьбой, были, правда, недурны, но слишком тяжелы. Не было ни мыла, ни спичек, ни зеркала, кроме одного металлического, в котором так же трудно себя увидеть, как в ведре с водой. И ни одной хромолитографии на стене. За много лет я так привык к хромолитографиям *, что страсть к искусству проникла в мою кровь и стала частью меня самого, хотя я о том и не догадывался. При виде этих чванливых, пышных, но бездушных стен, меня охватывала тоска по родине, и я вспоминал наш домик в Восточном Хартфорде, где, несмотря на всю его незатейливость, в каждой комнате висит хромолитография или, по крайней мере, напечатанная в три краски молитва; а в гостиной у нас девять таких молитв. Здесь же, даже на стенах моей министерской парадной залы, не было ни одной картинки, если не считать какой-то штуки величиной с одеяло, не то вытканной, не то вышитой (в некоторых местах она была заштопана), на которой все изображенные предметы поражали неправильностью раскраски и формы; а уж велики они были так, что и сам Рафаэль, даже после того, как он поработал над теми кошмарами, которые именуются его «знаменитыми Хэмптон-кортскими картонами» *, не мог бы намазать их крупнее. Рафаэль — важная птица. У нас было несколько его хромолитографий; на одной изображена «Чудесная ловля рыбы», где он сам умудрился совершить чудо — усадил трех мужчин в такой челнок, который опрокинулся бы, даже если бы в него посадили одну собаку. Я всегда

Я одевался только в шелк, бархат и золотую парчу.

с восхищением изучал произведения Рафаэля, они так свежи и безыскусственны.

Во всем замке не было ни звонка, ни телефона. Слуг мне дали множество, — те из них, которые дежурили, толкались в прихожей, но когда мне нужно было позвать их, я принужден был сам идти за ними. Не было ни газа, ни свечей; бронзовое блюдо, до половины наполненное тем маслом, которое подают к столу в меблированных комнатах, и плавающая в масле зажженная тряпка — вот что там называлось освещением. Множество таких блюд висело по стенам, и тьма от этого казалась только еще мрачней. Если вы вечером выходили со двора, слуги несли перед вами факелы. Не было ни книг, ни перьев, ни бумаги, ни чернил, ни стекол в тех отверстиях, которые там именовались окнами. Казалось бы, пустяковая вещь — стекло, но когда его нет, оно перестает быть пустяковым. Однако хуже всего было отсутствие сахара, кофе, чая и табака. Я был похож на Робинзона Крузо, попавшего на необитаемый остров, — подобно ему, мне приходилось довольствоваться обществом домашних животных, и, чтобы сделать жизнь хоть сколько-нибудь сносной, я должен был поступать, как он: изобретать, придумывать, создавать, изменять то, что уже существует; я должен был беспрестанно работать мозгами и руками. Что ж, это как раз в моем вкусе.

Одно тревожило меня вначале — то необыкновенное любопытство, с которым относились ко мне все. Казалось, весь народ хотел на меня поглядеть. Вскоре стало известно, что затмение перепугало всю Британию до смерти, что, пока оно длилось, вся страна от края и до края была охвачена ужасом, способным вызвать жалость, и все церкви, обители и монастыри были переполнены молящимися и плачущими людьми, уверенными, что настал конец света. Затем все узнали, что эту страшную беду наслал иностранец, могущественный волшебник, живущий при дворе короля Артура, что он мог потушить солнце, как свечку, и собирался это сделать, но его упростили рассеять чары, и что теперь его следует почитать, как человека, который своим могуществом спас вселенную от разрушения, а народы — от гибели. Если вы примете в расчет, что этому поверил каждый, и не только поверил, но даже ничуть не усомнился, вы поймете, что во всей Британии не было ни одного жителя, который не прошел бы охотно пятидесяти миль пешком, чтобы взглянуть на меня. Естественно,

По двенадцать раз в сутки мне приходилось показываться почтительным и благоговейным толпам.

только обо мне и было разговору, ни о ком другом не говорили; даже к королю стали относиться равнодушно и без всякого любопытства. Через двадцать четыре часа начали прибывать делегации, и прибывали в течение целых двух недель. Все окрестные деревни были переполнены народом. По двенадцать раз в сутки мне приходилось показываться почтительным и благоговейным толпам. Конечно, это было очень утомительно и отнимало много времени, но, с другой стороны, разумеется, приятно чувствовать себя знаменитым и окруженным таким поклонением. Старикашка Мерлин зеленел от злости, и это доставляло мне большое удовлетворение. Но была одна вещь, которой я не мог понять: никто не просил у меня автографа. Я побеседовал об этом с Кларенсом. Чорт побери, мне пришлось объяснять ему, что такое автограф! Он сказал, что во всей стране никто не умеет ни читать, ни писать, кроме нескольких дюжин попов. Ну и страна!

Было еще одно обстоятельство, которое меня несколько тревожило. Все эти толпы жаждали нового чуда. Дело понятное. Хорошо, вернувшись домой из дальнего странствия, похвастать, что ты собственными глазами видел человека, которому повинуются солнце в небе, и тем возвеличить себя в глазах соседей, но еще лучше иметь возможность сказать, что ты собственными глазами видел, как он творил чудеса. Тут уж люди станут приходить издалека, чтобы посмотреть на тебя самого. На меня здорово наседали. Предстояло лунное затмение, и я знал число и час, когда оно должно совершиться, но до него было еще слишком далеко. Два года. Я много бы дал за возможность приблизить это событие и использовать его теперь же, когда на рынке стоял такой большой спрос на затмения. Жаль, что оно пропадет зря и совершится тогда, когда никому не принесет никакой пользы. Если бы оно совершилось через месяц, я употребил бы его в дело, но два года ждать не мог и потому перестал о нем думать. А тут Кларенс обнаружил, что старый Мерлин мутит народ. Он распространял слухи, что я мошенник и что я не делаю никаких чудес только оттого, что не умею. Что-то нужно было предпринять. И я мгновенно изобрел план действий.

Воспользовавшись своею властью, я заточил Мерлина в темницу, в ту камеру, где сидел прежде сам. Затем я, с помощью герольдов и глашатаев, известил народ, что в течение ближайших двух недель я буду занят государственными делами, когда же две недели пройдут, улучу свободную минутку и уничтожу пламенем, сошедшим с небес, каменную башню Мерлина; а пока лица, распускающие обо мне злостные сплетни, кто бы они ни были, пусть поостерегутся. Далее, я предупредил, что чудо, которое я собираюсь совершить, будет последним. Но если и это чудо кого-нибудь не удовлетворит и сплетни будут продолжаться, я превращу сплетников в лошадей и заставлю их возить телеги. Спокойствие было восстановлено.

Я отчасти доверился Кларенсу, и мы потихоньку принялись за работу. Я сказал Кларенсу, что мое чудо требует некоторых приготовлений и что всякий, кто начнет болтать об этих приготовлениях, будет мгновенно поражен смертью. Это заткнуло ему рот. Мы тайком изготовили несколько бушелей* первосортного пороха, а оружейники под моим руководством смастерили громоотвод и провода. Старая каменная башня была очень прочна, хотя уже понемногу разрушалась, так как построили ее еще рим-

Я заточил Мерлина в темницу.

ляне лет четыреста назад. Да, она была красива своеобразной грубой красотой, и всю ее, от основания до верхушки, словно чешуйчатая кольчуга, обвивал плющ. Стояла она одиноко, в полумиле от дворца, и была хорошо видна из его окон.

Работая по ночам, мы начинили башню порохом, вытащили из стен, имевших пятнадцать футов толщины у основания, несколько камней и насыпали порох в дыры. Таких зарядов мы заложили не меньше дюжины. Нашего пороха хватило бы и на то, чтобы взорвать лондонский Тауэр *. На тринадцатую ночь мы водрузили на верхушке громоотвод, опустив его нижний конец в один из зарядов, а остальные заряды соединили с ним проводами. Все и так обходили башню с тех пор, как я издал свое воззвание к народу, но утром четырнадцатого дня я все же объявил через герольдов, что никто не должен к ней подходить ближе, чем на четверть мили. А затем прибавил, что

чудо я совершу в ближайшие двадцать четыре часа, но когда именно, — еще не знаю, и потому своевременно подам условный знак: если будет день, то выставлю на замковых башнях флаги, если будет ночь, то расставлю там факелы.

Грозы за последнее время были часты, и я не особенно опасался неудачи; в крайнем случае чудо можно отложить на денек, другой: я отговорюсь тем, что занят государственными делами, и народу придется подождать.

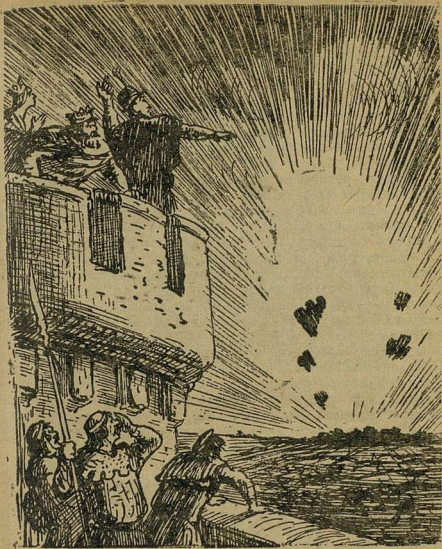
Разумеется, день выдался яркий, солнечный, — чуть ли не первый безоблачный день за три недели; так бывает всегда. Я заперся у себя и следил за погодой. Время от времени ко мне забегал Кларенс и сообщал, что возбуждение публики все растет и что через бойницы видно, как прибывают все новые и новые толпы народа. Наконец, когда уже начало смеркаться, появилась туча, и как раз там, где надо. Я подождал еще немного, следя, как эта дальняя туча росла и темнела, и наконец решил, что пора начинать. Я приказал зажечь факелы, освободить Мерлина и прислать его ко мне. Четверть часа спустя я вышел на балкон; там уже находился король и весь его двор, — вглядываясь в сумрак, они не спускали глаз с башни Мерлина. Тьма уже так сгустилась, что вдали ничего нельзя было видеть; эти людские сборища и эти старые башни над ними, частью окутанные мраком, а частью ярко озаренные пламенем факелов, были необычайно живописны.

Появился Мерлин, он был угрюм. Я сказал:

— Ты собирался заживо сжечь меня, хотя я не сделал тебе ничего дурного, а потом ты пытался замарать мою профессиональную репутацию. За это я низведу с небес огонь и уничтожу твою башню; однако, ради справедливости, я и тебе дам возможность показать свое могущество; если в твоей власти рассеять мои чары и воспротивиться небесному пламени, выходи и действуй.

— Я могу рассеять твои чары, прекрасный сэр, и я их рассею. Не сомневайся.

Он начертил на каменных плитах воображаемый круг и зажег внутри этого круга щепотку порошка; над порошком взвилось крошечное облачко благовонного дыма, и все отшатнулось, испуганно крестясь. Затем он начал что-то бормотать и размахивать руками. Мало-помалу он привел себя в состояние какого-то бешенства, и руки его закружились, как крылья ветряной мельницы. Тем временем гроза подошла совсем близко; порывы ветра раздували

Обломки старой башни взлетели к небу.

пламя факелов и раскачивали тени; упали первые крупные капли дождя, кругом было темно, как в шахте, иногда вспыхивала молния. Мой громоотвод, несомненно, сейчас начнет работать. Медлить больше нельзя. И я сказал:

— Ты уже достаточно повозился. Я предоставил тебе полную возможность колдовать, я не мешал тебе. Всем

уже ясно, что твое колдовство никуда не годится. А теперь мой черед.

Я трижды взмахнул руками, и раздался оглушительный грохот; произошло нечто вроде извержения вулкана; обломки старой башни взлетели к небу, окруженные столь ярким пламенем, что ночь превратилась в день, и стало видно, как кругом, на огромном пространстве, многотысячные толпы людей в ужасе попадали на землю. Да что говорить, потом целую неделю шел дождь из песка и щебня. Таковы были слухи, быть может несколько преувеличенные.

Чудо произвело огромное впечатление. Нашествие любопытных сразу прекратилось. Утром на грязи видно было много тысяч следов, но все они вели прочь. Если бы я объявил, что собираюсь совершить новое чудо, мне не удалось бы собрать зрителей даже с помощью полиции.

Карта Мерлина была бита. Король не хотел больше платить ему жалованье; он даже собирался изгнать его из страны, но тут вмешался я. Я сказал, что Мерлин может заниматься погодой и тому подобными мелочами, а если из его маленьких, жалких салонных фокусов ничего не будет выходить, я ему немного помогу. От башни его не осталось даже камня, но я заставил правительство выстроить ее для него заново, и посоветовал ему сдавать ее жильцам; однако он был слишком чванлив для этого. И благодарности ко мне не чувствовал никакой, даже спасибо не сказал. Кремень был старикашка, что там ни говори; впрочем, трудно ждать от человека, чтоб он был ласков с вами, когда вы так оттеснили его.

Глава VIII

ХОЗЯИН

Обладать беспредельной властью очень приятно, но еще приятнее сознавать, что все твоей властью довольны. История с башней укрепила мою власть и сделала ее неколебимой. Все, относившиеся ко мне завистливо и критически, сразу смирились. Теперь во всем королевстве не было ни одного человека, который счел бы благоразумным вмешаться в мои дела.

Я быстро приспособился к своему положению и ко всему, что меня окружало. Первое время, просыпаясь по утрам,

я смеялся над своим «сном» и ждал заводского гудка; но постепенно это прошло, и я окончательно понял, что живу в шестом веке при дворе короля Артура, а не в лечебнице для умалишенных. И скоро я уже чувствовал себя в этом веке совсем как дома, не хуже, чем в любом другом, и,

Хозяин.

если бы мне предоставили выбор, я не променял бы его даже на двадцатый. Вдумайтесь, какие возможности предоставляет шестой век знающему, умному, деятельному человеку для продвижения вперед, для роста вместе со всей страной. Широчайшее поле деятельности и, к тому же, полностью отданное мне одному — ни одного конкурента, ни одного человека, который, по знаниям и способностям, не был бы в сравнении со мной младенцем. А что досталось бы на мою долю в двадцатом веке? В лучшем случае я был бы мастером на заводе, не больше, и, закинув невод на улицу, я мог бы выловить сотню людей куда более достойных, чем я.

Как высоко я забрался! Я не мог не думать об этом, я любовался своим успехом, как человек, из земли которого брызнула нефть, любитесь своим нефтяным фонтаном. Я искал в прошлом примеров для сравнения и не находил

ничего, кроме разве истории с Иосифом*, однако даже судьба Иосифа, хотя и напоминала мою, не могла с ней сравниться. Ибо не надо забывать, что блестящие финансовые способности Иосифа не принесли пользы никому, кроме фараона, и, следовательно, широкая публика имела полное право относиться к нему с неприязнью. Тогда как я, пощадив солнце, облагодетельствовал всех и потому пользовался всеобщей любовью.

Я не был тенью короля; я был сущностью; король сам был тенью. Моя власть была огромна; и не только по званию, как часто бывает, а по-настоящему. Я стоял у самого истока второго великого периода мировой истории и мог наблюдать, как узенький ручеек истории становился все глубже, все шире и катил свои мощные струи в отдаленные века; я видел в тени длинной череды тронов таких же авантюристов, как я: де-Монфоры, Гэвстоны, Мортимеры, Вилльерсы*, видел ведущих войны и предводительствующих походами французских фаворитов и правящих страной любовниц Карла Второго*, но равного себе я среди них не находил. Я был Единственным; и мне отрадно было думать, что, по крайней мере в течение тринадцати с половиной веков, этот факт никому не удастся ни утаить, ни опровергнуть.

Да, могуществом я был равен королю. Но в государстве существовала еще одна власть, которая была могущественнее и меня и короля вместе взятых. То была власть церкви. Я не хочу скрывать этот факт. Я не мог бы его скрыть, даже если бы захотел. Но не стоит говорить о нем сейчас; я расскажу об этом в свое время и в своем месте. Вначале церковь не причиняла мне никаких сколько-нибудь заметных неприятностей.

Какая это была забавная и любопытная страна! И какой народ! Милый, простодушный и доверчивый — ну просто кролики. Человеку, родившемуся в здоровой атмосфере свободы, жалко было слушать, как искренне и смиренно клялись они в своей верности королю, церкви и знати; а между тем у них было не больше оснований любить и почитать короля, церковь и знать, чем у раба любить и почитать кнут или у собаки любить и почитать прохожего, который бьет ее! Ей-богу, любая монархия, даже самая умеренная, и любая аристократия, даже самая скромная, оскорбительны; но если вы родились и выросли под властью монархии и аристократии, вы никогда сами не догадаетесь об оскорбительности своего положения и не по-

верите, если кто-нибудь вам об этом скажет. Становится стыдно за свой народ, когда подумаешь, какие мыльные пузыри постоянно восседали на его тронах без всякого права и основания и какие третьесортные людишки считались его аристократией; если бы всех этих монархов и вельмож предоставить самим себе, как предоставляют куда более достойных, они никогда не выбились бы из нищеты и неизвестности.

Большая часть британского народа при короле Артуре состояла из рабов, самых настоящих; они так рабами и назывались и в знак рабства носили железные ошейники; остальные тоже были рабы, хотя не назывались рабами; они воображали себя свободными людьми, и их именовали «свободные люди». По правде говоря, вся нация в целом существовала только для того, чтобы пресмыкаться перед королем, церковью и знатью, чтобы рабски служить им, чтобы проливать за них кровь, чтобы, умирая с голоду, кормить их, чтобы, работая, предоставить им возможность забавляться, чтобы, терпя нужду и горе, делать их счастливыми, чтобы, ходя голыми, дать им возможность носить шелка и драгоценные камни, чтобы, платя налоги, избавить их от необходимости платить, чтобы, слыша от них только брань в течение всей своей жизни, позволять им кичиться и чувствовать себя земными богами. И в благодарность получать только побои и презрение; впрочем, в своем духовном убожестве они даже такое проявление внимания принимали за честь.

Унаследованные идеи — забавная штука, и очень любопытно наблюдать их и изучать. У меня были свои унаследованные идеи, у короля и его народа — свои. И те и другие текли в глубоких руслах, вырытых временем и привычкой, и тому, кто захотел бы изменить их течение доводами разума, пришлось бы долго трудиться. Например, этот народ унаследовал убеждение, что все люди, не обладающие титулом и длинной родословной, как бы щедро ни наградила их природа, ничуть не выше животных, клопов, насекомых; в то время как я унаследовал убеждение, что человекоподобные вороны, рядящиеся в павлиньи перья наследственных достоинств и незаслуженных титулов, годны только на то, чтобы над ними посмеяться. И вполне естественно, что ко мне там относились несколько странно. Примерно так, как хозяин зверинца и публика относятся к слону. Они восхищаются его ростом и его необычайной силой, они с гордостью говорят о том, что он может сделать много такого,

чего сами они сделать не в состоянии, с такой же гордостью они рассказывают, что, рассердясь, он может обратить в бегство тысячу человек. Но разве из-за этого они считают слона равным себе? Нет! Подобная мысль рассмешила бы даже самого жалкого оборванца. Да она никогда ему и в голову не пришла бы; он не мог бы даже допустить существования подобной мысли. И вот, для короля, для знати, для всего народа вплоть до последнего раба и нищего, я был всего только таким слоном. Мною восхищались и меня боялись, но восхищались мной, как животным, и боялись меня, как животного. Перед животным не благоговеют, не благоговели и передо мной; меня даже не уважали. У меня не было ни родословной, ни унаследованного титула, потому в глазах короля и знати я был чем-то вроде грязи, а народ взирал на меня с изумлением и страхом, но без всякого почтения; согласно своим унаследованным идеям, он не чувствовал почтения ни к чему, кроме знатности и родословной. В этом сказывалось влияние могущественной и страшной римско-католической церкви. За два-три коротких столетия она превратила нацию людей в нацию червей. До того, как церковь утвердила свою власть над миром, люди были людьми, высоко носили головы, обладали человеческим достоинством, силой духа и любовью к независимости, величия и высокого положения они добивались своими заслугами, а не происхождением. Но затем появилась церковь и принялась за работу; она была мудра, ловка и знала много способов, как сдирать шкуру с кошки — то есть с народа; она изобрела «божественное право королей» и окружила его десятью заповедями, как кирпичами, вынув эти кирпичи из доброго здания, чтобы укрепить ими дурное; она проповедовала (простонародью) смирение, послушание начальству, прелесть самопожертвования; она проповедовала (простонародью) непотворение злу; проповедовала (простонародью, только простонародью) терпение, нищету духа, равнодушие к обидам; она ввела наследственные должности и титулы и научила все христианское население земли поклоняться им и почитать их. Эта отравка продержалась в крови христианского мира вплоть до моего родного века, когда лучшие представители английского простонародья продолжали мириться с тем, что люди, во много раз менее их достойные, сохранили за собой ряд званий, вроде звания лорда и короля, на которые нелепый закон их страны не дает права им, достойнейшим, претендовать; англичанин не только мирится с этим странным по-

ложением вещей, но даже убеждает самого себя, что гордится им. Человек способен примириться с любой несправедливостью, если он при ней родился и вырос. Разумеется, эта зараза благоговения перед званием и титулом жила когда-то в крови и у нас, американцев; но к тому времени, когда я покинул Америку, она уже исчезла. Жалкие остатки ее сохранили еще некоторые франты и франтихи. Но когда эпидемия опускается до такого уровня, можно считать, что ее уже нет.

Но вернемся к моему неестественному положению в королевстве короля Артура. Я чувствовал себя великаном среди карликов, взрослым среди детей, мыслителем среди умственных кротов; как там ни рассуждай, а я был единственным действительно великим человеком во всем британском мире; и, тем не менее, как и в далекой Англии моей родной эпохи, какой-нибудь граф с бараньими мозгами, который мог доказать, что происходит от любовницы короля, раздобытой из вторых рук в лондонских трущобах, пользовался большим почетом, чем я. Такого человека в царствование Артура уважали все, хотя бы его внешность была столь же убога, как его ум, а его нравственность столь же низменна, как его происхождение. Ему иногда разрешалось сидеть в присутствии короля, а мне не разрешалось никогда. Я без труда мог бы добиться титула, и это возвысило бы меня в глазах всех. Но я титула не просил; я отклонил его, когда мне его предложили. Человеку с моими убеждениями титул не может доставить радости; кроме того, я получил бы его незаконно, так как, насколько мне известно, моему роду никогда не везло по части знатности. Я был бы доволен и гордился бы только таким титулом, который мне пожаловал бы сам народ, единственный законный источник власти; такой титул я надеялся заслужить; я действительно, в конце концов, заслужил его долгими годами добросовестной, честной работы и стал носить его с высокой и чистой гордостью. Этот титул сорвался однажды с губ деревенского кузнеца, был подхвачен всеми, как счастливая выдумка, и с одобрительным смехом передавался из уст в уста; в десять дней он обошел все королевство, и к нему привыкли, как к имени короля. В дальнейшем и в народных толках и в королевском совете при спорах о делах государственной важности меня называли только так. Этот титул в переводе на современный язык означает — Хозяин. Он мне нравился, так как я получил его от народа. Это был очень высокий ти-

тул. Когда говорили о герцоге, о графе, о епископе, нельзя было угадать, о ком именно идет речь. Разве мало герцогов, графов и епископов? Но совсем другое дело, когда говорили о короле, или о королеве, или о Хозяине.

Король мне нравился и, как короля, я его уважал, уважал его звание, уважал, по крайней мере, настолько, насколько вообще был способен уважать любое незаслуженное господство; но, как на человека, я на него и на его вельмож смотрел сверху вниз. Я тоже нравился и ему, и им, и они уважали меня, как государственного деятеля, но, так как я был человек безродный и незнатный, они в свою очередь смотрели на меня сверху вниз. Я не навязывал им своего мнения о них, и они не навязывали мне своего мнения обо мне. В итоге мы были квиты, баланс наших отношений был уравновешен, и обе стороны были довольны.

Глава IX

ТУРНИР

В Камелоте время от времени устраивались большие турниры; эти человеческие бои быков были очень азартны, живописны и забавны, но несколько утомительны для человека с практическим складом ума. Тем не менее я всегда присутствовал на них — по двум причинам: во-первых, потому, что человек, желающий нравиться, и особенно человек государственный, не должен избегать того, что дорого его друзьям и тому обществу, в котором он вращается; и во-вторых, потому, что, как делец и как государственный деятель, я стремился изучить турниры, чтобы понять, не могу ли я их как-нибудь усовершенствовать. Я забыл сообщить, что первое мое государственное мероприятие, проведенное мною в первый день моего вступления в должность, заключалось в том, что я основал бюро патентов, ибо я знал, что страна без бюро патентов и без хороших законов, защищающих права изобретателей, подобна раку, который может двигаться только в бок или назад.

Турниры устраивались почти каждую неделю, и время от времени наши ребята, — я имею в виду сэра Ланселота и остальных, — уговаривали меня принять в них участие. Я обещал, но все откладывал, говорил, что спешить некуда и что сейчас я очень занят смазыванием государственной

машины, которую необходимо поскорей наладить и пустить в ход.

Как-то раз у нас устроили турнир, который продолжался день за днем больше недели и в котором приняли участие пятьсот рыцарей, начиная с самых знаменитых и кончая всякой мелкотой. Они прибывали в течение нескольких недель. Они приезжали верхом отовсюду: из самых дальних уголков страны и даже из-за моря; многие привозили с собой женщин, и все привозили оруженосцев и целые армии слуг. Разнузданная веселость, простодушная непристойность речей и счастливое безразличие ко всякой нравственности этого пышного и чванливого сборища разряженных людей были очень характерны для той страны и той эпохи. Каждый день они либо дрались, либо смотрели на драки; и каждую ночь они пели, играли, плясали и пьянствовали. Все это считалось у них благороднейшим времяпрепровождением. Вы никогда ничего подобного не видели. Сидящие на скамьях прекрасные дамы, сияющие варварским великолепием своих одежд, смотрели, как сбрасывают с коня рыцаря, прокслов его насквозь копьем толщиной в лодыжку, как из него хлещет кровь, и не только не падали в обморок, а хлопали в ладоши и лезли друг на дружку, чтобы лучше видеть; лишь по временам какая-нибудь из них прикрывала лицо платком всем на показ и принимала опечаленный вид, тогда вы могли поставить два против одного, что тут не без любовной истории и она боится, как бы публика не оставила этого без внимания.

Я терпеть не могу, когда шумят по ночам, но при данных обстоятельствах я был даже рад ночному шуму, потому что он заглушал визг пил, которыми шарлатаны-лекаря отпиливали руки и ноги у изувеченных за день. Они затупили мою на редкость хорошую старую пилу и даже отломали ее рукоятку, но я оставил это без последствий. Однако я решил, что если хирурги возьмут у меня и топор, я попрошусь в другое столетие.

Я не только следил изо дня в день за этим турниром, но еще разыскал у себя в Департаменте Общественной Нравственности и Земледелия попа потолковее и поручил ему составить отчет об этом турнире, ибо я собирался со временем, когда мне удастся несколько цивилизовать свой народ, основать газету. Попад в новую страну, вы прежде всего должны основать бюро патентов, затем создать школьную сеть, а вслед за этим открывайте газету*. У газеты есть свои недостатки, и их немало, но тем не менее

она способна поднять из гроба мертвую нацию, и никогда не следует забывать об этом. Без газеты вам мертвой нации не воскресить: иного средства не существует. И вот, я хотел сделать опыт и посмотреть, какого сорта репортерские заметки я смогу получить в шестом веке, если они мне понадобятся.

Что ж, мой поп работал, в сущности, недурно. Всё, что он описывал, он описывал очень подробно, а для отдела

Поп из Департамента Общественной
Нравственности и Земледелия.

местной хроники только это и нужно. Он, видите ли, когда был помоложе, вел похоронные записи в своей церкви, а в похоронном деле от подробностей главный доход, — чем больше подробностей, тем больше денег: носильщики, факельщики, свечи, молитвы — всё вписывается в счет; если родственники покойного заказывают мало молитв, вам стоит только удвоить число свечей, и снова ваш счет в порядке. Кроме того, он умел то тут, то там вставить лестное замечание о рыцаре, который мог бы дать выгодное объявление... нет, я хочу сказать: который имел влияние при дворе; да и вообще, он обладал даром преувеличения, так как одно время служил привратником у благочестивого отшельника, жившего в хлеву и творившего чудеса.

Разумеется, в отчете этого новичка недоставало треска, шума, устрашающих слов, — следовало бы подбавить звона, но зато его старинный слог был причудлив, мил, простодушен, полон благоухания своего времени, и эти достоинства

до известной степени смягчали его крупные недостатки. Вот выдержка из этого отчета.

«... Тогда сэр Брайэн де-лез-Айлс и Груммор Грумморсум, придворные рыцари, съехались с сэром Эгловэлом и сэром Тором, и сэр Тор сбросил сэра Груммора Грумморсума на землю. Тут выехали сэр Карадос из Печальной Башни и сэр Турквин, придворные рыцари, и съехались с сэром Персивэлом де-Галис и сэром Ламораком де-Галис, двумя братьями; сэр Персивэл бился с сэром Карадосом, и оба сломали свои копья, а сэр Турквин бился с сэром Ламораком, и оба рухнули на землю вместе с конями, но им пришли на помощь и снова усадили их в седла. Сэр Арноль и сэр Гогер, придворные рыцари, съехались с сэром Брэндайлсом и сэром Кэем; эти четыре рыцаря бились яростно и вышибли копья друг у друга из рук. Затем выехал сэр Пертолоп, придворный рыцарь, и с ним съехался сэр Лайонел, и сэр Пертолоп, зеленый рыцарь, сбросил с коня сэра Лайонела, брата сэра Ланселота. Благородные герольды объявили его победителем и восславили его имя. Затем сэр Блербарис преломил свое копье о сэра Гарета, но сам не выдержал силы своего удара и рухнул наземь. Увидев это, сэр Галиходин бросил вызов сэру Гарету, но сэр Гарет и его поверг наземь. Тогда сэр Галихууд поднял копье, чтобы отомстить за своего брата, но сэр Гарет поверг и его, и сэра Дайнадэна, и его брата ля-Кот-Мэл-Тэла, и сэра Саграмора Желанного, и сэра Додинаса Свирепого; он всех их поразил одним копьем. Глядя на сэра Гарета, король Эгвизэнс Ирландский не переставал дивиться; только что этот рыцарь был зеленым, а сейчас вдруг стал голубым. Перед каждым следующим поединком сэр Гарет одевался в другие цвета, и ни король, ни рыцари не могли сразу узнать его. И вот, сэр Эгвизэнс, король Ирландии, съехался с сэром Гаретом, и сэр Гарет сбросил его с коня вместе с седлом. Тогда на бой выехал король Карадос Шотландский, и сэр Гарет поверг наземь и его самого и его коня. Так же он поступил и с королем Уриэнсом из Страны Гор. Тогда выехал сэр Багдемагус, и сэр Гарет поверг наземь и его самого и его коня. Затем Мелиганус, сын Багдемагуса, отважно и рыцарственно сломал свое ко-

пье о сэра Гарета. И тогда сэр Галахолт, благородный принц, громко возгласил: «Многоцветный рыцарь, ты сражаешься хорошо, но приготовься, ибо я собираюсь сразиться с тобой!» Услыхав это, сэр Гарет сменил свое копьё на более длинное, и они стали съезжаться, и принц направил на него копьё, но сэр Гарет с такой силой ударил его по левой стороне шлема, что он покачнулся и упал бы, если бы его не поддержали служители. «Воистину, — сказал король Артур, — этот рыцарь многих цветов — славный рыцарь». И король подозвал к себе сэра Ланселота и попросил его сразиться с этим рыцарем. «Сэр, — сказал Ланселот, — мое сердце подсказывает мне, что сегодня я должен воздержаться от боя с этим рыцарем, ибо этот рыцарь сегодня довольно потрудился, а когда славный рыцарь совершил за один день столько подвигов, не подобает другому славному рыцарю отнимать от него заслуженную честь, особенно после стольких трудов, понесенных им, ибо, быть может, здесь, среди рыцарей, находится его соперник, и, быть может, дама, которую он любит, предпочитает этого соперника, и быть может, он собрал последние силы, чтобы совершить эти великие подвиги; и вот почему, — продолжал сэр Ланселот, — я желаю, чтобы сегодня вся честь досталась ему, и я не стану лишать его чести, хотя и мог бы это сделать».

В этот день произошло пренеприятное событие, описание которого я, руководствуясь государственными соображениями, вычеркнул из отчета моего попа. Как вы безусловно заметили, в этом побоище больше всех сражался Гарри. Говоря: Гарри, я имею в виду сэра Гарета. Я называл его просто Гарри, и это, верно, наводит вас на мысль, что я к нему очень хорошо относился, — что ж, так оно и было. Впрочем, это ласковое уменьшительное прозвище я никогда не произносил в присутствии посторонних и, тем более, его самого; он был вельможа и ни за что не стерпел бы от меня подобной фамильярности. Итак, продолжаю. Я сидел в отдельной ложе, предоставленной мне как королевскому министру. Сэр Дайнадэн, ожидавший своей очереди выступить, зашел ко мне, присел и принялся болтать; он всегда льнул ко мне, так как я был человек новый, а ему нужен был новый рынок для сбыта своих острот, до того затасканных, что после них смеялся один рассказчик, а всех

остальных тошнило. И все же я старался относиться к нему как можно лучше, — я обращался с ним ласково только потому, что он никогда не рассказывал мне тот анекдот, который я в своей жизни слышал чаще всего и который я больше всего проклинал и ненавидел, несмотря на то, что анекдот этот, по несчастью, был ему известен. Анекдот этот приписывают каждому остряку, когда-либо стоявшему на американской земле — от Колумба до Артемуса Уорда*. В нем говорится о лекторе-юмористе, который целый час угощал невежественных слушателей остроумнейшими шутками и не добился ни одного смешка, а когда он уже уходил, несколько седовласых простаков с благодарностью пожали ему руку, сказав, что никогда ничего смешнее они не слышали и что «в течение всего богослужения они с трудом удерживались от смеха». Никогда еще этот анекдот не был рассказан кстати, и, тем не менее, мне приходилось в моей жизни выслушивать его сотни, и тысячи, и миллионы, и миллиарды раз, и плакать, слушая, и проклинать все на свете. Теперь вам не трудно понять, что почувствовал я, когда этот бронированный осел принялся рассказывать его мне в мрачных сумерках седой старины, на заре истории, когда даже Лактанция могли называть «недавно почившим Лактанцием»*, а до рождения крестоносцев оставалось целых пять столетий. Едва он кончил, вошел мальчишка звать его на турнир. С дьявольским смехом, грохоча и звякая, как корзина с железным ломом, он вышел из ложи, и я потерял сознание. Я очнулся через несколько минут и открыл глаза как раз в то мгновение, когда сэр Гарет нанес ему ужасающий удар; и я невольно произнес: «Боже, надеюсь, он убит!» Но, к несчастью, прежде чем я успел договорить эти слова, сэр Гарет обрушился на сэра Саграмора Желанного и нанес ему такой удар, что тот рухнул с лошади; падая, сэр Саграмор услышал мое восклицание и принял его на свой счет.

А уж если эти люди заберут себе что-нибудь в голову, их не переубедишь. Я это знал и не пытался объясняться. Поправившись, сэр Саграмор заявил мне, что нам с ним нужно свести кое-какие счета, и назначил день, — через три или четыре года, — и место для поединка, — то самое ристалище, где ему была нанесена обида. Я сказал, что буду ждать его возвращения. Дело в том, что он отпраплялся на поиски святого Грааля*. Все наши ребята время от времени отпраплялись к святому Граалю. Это путешествие занимало несколько лет. Уехав, они долго блуждали и пута-

Сэр Гарет обрушился на сэра Саграмора Желанного и нанес ему такой удар, что тот рухнул с лошади.

лись самым добросовестным образом, так как ни один из них не имел ни малейшего представления о том, где находится этот святой Грааль. Мне думается, они в глубине души и не надеялись найти его, и если бы наткнулись на него случайно, не знали бы, что с ним делать. Видите ли, это было нечто вроде наших поисков Северо-Западного прохода*, только и всего. Каждый год отправлялись экспедиции святограалитов, а в следующий год отправлялись новые экспедиции на поиски прошлогодних. В этих походах можно было заработать славу, но не деньги. А они еще и меня тащили с собой! Я только посмеивался.

Глава X

ПЕРВЫЕ РОСТКИ ЦИВИЛИЗАЦИИ

За Круглым Столом скоро прослышали об этом вызове на поединок. Пошли всякие толки и пересуды, так как наши ребята чрезвычайно интересовались такими вещами. Король считал, что мне теперь следует отправиться на поиски приключений, чтобы стяжать себе славу и, через несколь-

ко лет, стать достойным встречи с сэром Саграмором. Я извинился и заявил, что сейчас никуда ехать не могу; я сказал, что мне потребуется еще три-четыре года, чтобы все наладить и пустить в ход, и тогда я готов отправиться куда угодно; вероятнее всего, сэр Саграмор к тому сроку все еще будет граалить, и я вполне успею стяжать себе славу, не теряя драгоценного времени; с начала моего вступления в должность пройдет уже шесть-семь лет, и государственная машина, я убежден, будет уже настолько налажена, что мне удастся взять отпуск без всякого вреда для дела. Я был вполне удовлетворен всем тем, что мне уже удалось совершить. В разных тихих уголках страны я исподволь успел насадить ростки различных отраслей промышленности — зародыши будущих огромных заводов, железных миссионеров моей грядущей цивилизации. Там я собирал способнейших молодых людей, и агенты мои рыскали по всей стране, подыскивая все новых и новых. Я превратил множество невежд в специалистов, в знатоков разных ремесл и наук. В этих моих питомниках, спрятанных по глухим местечкам, обучение шло спокойно и гладко, и никто им не мешал, так как никто не мог проникнуть туда без разрешения, — я опасался церкви.

Я прежде всего основал учительский институт и множество воскресных школ. В результате мои глухие углы получили превосходную единую систему народного образования, а также целую сеть протестантских конгрегаций, процветавших и разраставшихся. Каждому предоставлялось выбрать себе любую христианскую секту; в религиозных вопросах я поддерживал полнейшую свободу. Однако я ограничил преподавание закона божия церквями и воскресными школами, в другие же мои учебные заведения религии не допускал. Я, конечно, мог бы предоставить привилегии моей собственной секте и всех без труда превратить в пресвитериан, но это значило бы совершить насилие над человеческой природой: духовные запросы и влечения людей не менее разнообразны, чем их телесные потребности, чем цвет их кожи, чем черты их лица, и человек нравственно чувствует себя только тогда хорошо, когда он облачен в одежду той религии, которая по цвету, фасону и размеру лучше всего соответствует его духовному складу; кроме того, я боялся создания единой церкви; такая церковь — власть могущественная, могущественнее всего на свете, и, попав в эгоистические руки,

что неизбежно, она губит человеческую свободу и парализует человеческую мысль.

Все рудники считались собственностью короля, и было их множество. Разрабатывались они до меня по-дикарски — в земле рыли ямы и выносили оттуда руду в мешках из шкур, по тонне в день, но я постарался как можно скорее поставить разработку рудников на научную основу.

Да, многого успел я добиться к тому времени, когда на меня обрушился вызов сэра Саграмора.

Прошло всего четыре года, — а сколько сделано! Вы и представить себе не можете. Неограниченная власть — превосходная штука, когда она находится в надежных руках. Небесное самодержавие — самый лучший образ правления. Земное самодержавие тоже было бы самым лучшим образом правления, если бы самодержец был лучшим человеком на земле и если бы его жизнь продолжалась вечно. Но так как даже совершеннейший человек на земле должен умереть и оставить свою власть далеко не столь совершенному преемнику, земное самодержавие не только плохой образ правления, но даже самый худший из всех возможных.

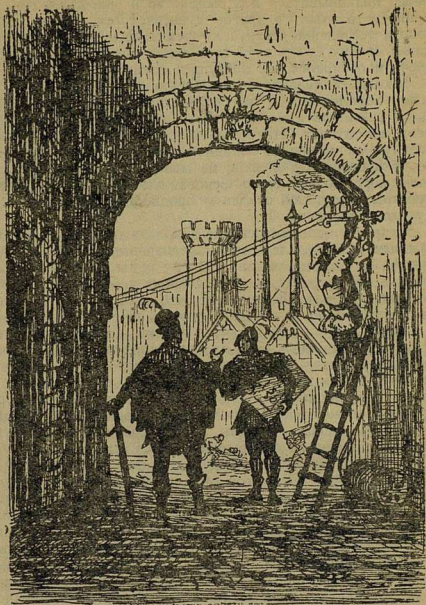
Своими трудами я показал, чего может добиться самодержец, распоряжаясь всеми богатствами королевства. Темная страна и не подозревала, что я насадил цивилизацию девятнадцатого века под самым ее носом! Цивилизация эта была скрыта от взоров толпы, но она существовала, — факт огромный и неопровержимый, — и о ней еще услышат, если только я не умру и счастье не отвернется от меня. Она существовала столь же несомненно и столь же скрыто, как существует рвущееся наружу адское пламя в недрах потухшего вулкана, невинно возносящего свою бездымную вершину в голубое небо. Мои школы и церкви четыре года назад находились еще в младенчестве; теперь они стали взрослыми; мои мастерские превратились в обширные фабрики; на месте каждой дюжины обученных рабочих теперь работала тысяча; на месте одного способного специалиста теперь я имел пятьдесят. Я, так сказать, держал руку на выключателе, готовый в любое мгновение залить полночный мир потоками света. Впрочем, я не собирался включать свет внезапно. Внезапность — не моя политика. Народ не вынес бы внезапности; к тому же на меня тотчас же насела бы господствующая римско-католическая церковь.

Нет, я действовал осторожно. Я рассылал по всей стране доверенных агентов, которым поручено было незаметно подкапываться под рыцарство и расшатывать по-немногу то одно, то другое суеверие, тем самым подготавливая постепенно страну к лучшему строю. Я, так сказать, давал своему свету светить с силой всего только в одну свечу и собирался так поступать и впредь.

Школы специального назначения я тайно разбросал по всему королевству, и они превосходно работали. Я собирался развивать это дело все шире и шире, если никто меня не спугнет. Наибольшей тайной окружил я свою военную академию на Западном мысу. Я ревниво оберегал ее от посторонних взоров; не менее ревниво оберегал я свою морскую академию, основанную мною в отдаленном морском порту. Обе академии процветали, к полному моему удовлетворению.

Кларенсу исполнилось уже двадцать два года, и он стал главным исполнителем моих предначертаний, моей правой рукой. Он был прелестен; всё ему удавалось, он был мастер на все руки. За последнее время я обучал его журналистике, так как мне казалось, что пора уже приниматься за газетное дело. Я собирался начать не с большой газеты, а с маленького еженедельного листка, который хотел пустить в обращение в виде пробы в моих питомниках цивилизации. Кларенс пылко принялся за дело; он как бы раздвоился, — говорил на языке шестого века, а писал на языке девятнадцатого. Его журналистский слог упорно мужал и развивался. Он уже достиг уровня газет, выходящих в городишках Алабамы, и его передовицы не уступали тамошним ни по содержанию, ни по стилю.

У нас на руках было еще одно большое дело: телеграф и телефон. И в этой области были уже некоторые достижения. Первыми нашими линиями пользовались только мы сами и до поры до времени держали их в тайне. Проводила их особая партия рабочих, работавших главным образом по ночам. Провода прокладывали под землей: столбов мы не ставили, опасаясь привлечь лишнее внимание. Подземные провода были незаметны и отлично работали, так как их покрывали изоляцией моего собственного изобретения, оказавшейся превосходной. Моим рабочим было приказано прокладывать провода напрямик, избегая дорог, устанавливая связь между всеми значительными городами, находя их по огням, и всюду оставлять специалистов для надзора за линиями. Во всем королевстве ни-

У нас на руках было еще одно большое дело: телеграф и телефон.

кто не мог вам объяснить, как попасть в то или иное место, так как никто никуда с заранее обдуманном намерением не ездил, но лишь случайно забредал во время своих скитаний в какой-нибудь город или селение, причем ему и в голову не приходило спросить, куда именно он попал. Несколько раз мы рассылали топографические экспедиции, чтобы составить карту королевства, но тут постоянно вмешивались попы и чинили препятствия. И мы решили пока это оставить; было бы глупо восстанавливать против себя церковь.

Страна, в общем, оставалась в том же положении, в каком я застал ее. Кое-что я изменил, но перемены, к сожалению, были незначительны и мало заметны. Я пока не коснулся даже налогов, кроме тех, которые поступали непосредственно в казну короля. Я привел эти налоги в порядок и построил их на деловой и справедливой основе. В результате доходы почти учетверились, но так как тяжесть налогов была распределена теперь более равномерно, все королевство вздохнуло с облегчением и от всего сердца восхваляло мое управление.

Теперь я уже и сам решил взять отпуск, так как более удобного времени ждать было нечего. Раньше я не мог уехать потому, что слишком тревожился бы в пути о состоянии своих дел, но теперь все находилось в надежных руках и шло, как по маслу. Король уже много раз напоминал мне, что четырехлетняя отсрочка, которую я себе выпросил, истекает. Это был намек, что я должен отправиться на поиски приключений и добыть себе славу, чтобы стать достойным скрестить оружие с сэром Саграмором; хотя он все еще граалил, но за ним уже было послано несколько спасательных экспедиций, и его вот-вот могли найти. Как видите, я вполне подготовился к тому, чтобы уйти в отпуск, и не дал застать себя врасплох.

Глава XI

ЯНКИ В ПОИСКАХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Никогда еще на свете не было страны, столь удобной для бродяжничающих лгунов: тут лгали все, и мужчины и женщины. По крайней мере раз в месяц к нам являлся какой-нибудь бродяга с басней о принцессе или знатной даме, заточенной бестыжим негодяем, обыкновенно вели-

каном, в отдаленный замок, и ждущей освободителя. Вы, конечно, думаете, что король, выслушав такую сказку из уст совершенно незнакомого человека, требовал от рассказчика удостоверения личности, а также указаний, где расположен этот замок и как до него добраться. Нет, такие простые и здравые вещи там никому не приходили в голову. Там проглатывали любую небылицу, не задавая никаких вопросов. И вот однажды, когда я куда-то отлучился, явилась одна из таких особ, — на этот раз женщина, — и рассказала обычную сказку. Ее госпожа заточена в огромном и мрачном замке вместе с сорока четырьмя другими юными и прекрасными девами, большинство из которых — принцессы; уже двадцать шесть лет они томятся в жестокой неволе; замок принадлежит трем братьям-великанам, у каждого из которых четыре руки и один глаз посередине лба, огромный, как плод; какой именно плод, она не сказала, — обычное пренебрежение к точности.

Поверите ли? Король и все рыцари Круглого Стола пришли в восхищение от этого нелепого предложения отправиться на поиски приключений. Все рыцари вскочили, и каждый стал просить, чтобы отправили именно его но, к их возмущению и горю, король остановил свой выбор на мне, хотя я вовсе и не добивался этой чести.

Не без труда сдержал я свои чувства, когда Кларенс сообщил мне об этом решении. Но он... он своих чувств сдержать не мог. Он был в восторге от моей удачи и полон благодарности к королю за то, что король так великолепно выказал свое благоволение ко мне. Он не мог удержать своих ног, не мог устоять на месте и, в упоении от счастья, принялся плясать.

Я, конечно, проклял это королевское благоволение, но, из политических соображений, скрыл свой гнев и старался казаться довольным. Да, я сказал, что я доволен. Я был доволен, как человек, с которого сняли скальп.

Ну что ж, любое положение надо стараться улучшить и, не тратя времени на бесполезную досаду, посмотреть, вникнув в дело, что из него можно извлечь. В любой лжи есть крупица правды; эту крупицу я должен найти. Я послал за девушкой, она явилась. Она оказалась приятной на вид, добродушной и скромной, но точность ее показаний можно было сравнить только с точностью дамских часов. Я сказал:

— Вас, милая моя, расспрашивали о подробностях?
Она ответила, что не расспрашивали.

— Я в этом не сомневался. Я хочу задать вам несколько вопросов, чтобы проверить вас; так уж я приучен. Вы пожалуйста не обижайтесь, что я вас немного задержу, — это необходимо, потому что мы ведь не знаем вас. Весьма возможно, что вы говорите правду, я охотно это допускаю, но в делах ничего нельзя принимать на веру. Вы должны сами с этим согласиться. Я вынужден задать вам несколько

Алисанда ля-Картелуаз.

вопросов; отвечайте прямо и ничего не бойтесь. Где вы жили до того, как попали в плен к великанам?

— В стране Модер, благородный сэр.

— В стране Модер? Никогда не слыхал я о такой стране. Ваши родители живы?

— Не знаю, живы ли они еще, — я ведь столько лет была заточена в замке.

— А как вас зовут?

— С вашего разрешения, меня зовут Алисандой ля-Картелуаз.

— Может ли здесь кто-нибудь удостоверить вашу личность?

— Вряд ли, благородный лорд, ибо я никогда прежде здесь не бывала.

— Нет ли у вас каких-нибудь писем, каких-нибудь

документов, каких-нибудь доказательств, что вы заслуживаете доверия?

— Конечно, нет; у меня есть язык, и я могу сама все о себе рассказать.

— Но одно дело, когда вы сами о себе говорите, и другое дело, когда кто-нибудь другой о вас говорит.

— В чем же разница? Боюсь, я не понимаю вас.

— Не понимаете? Проклятая страна... Видите ли... ну, видите ли... Чорт побери, неужели вы не можете понять такой простой вещи? Неужели вы не можете понять разницу между... Почему у вас такой невинно-идиотский вид?

— У меня? Не знаю. На то воля божья.

— Да, да, вы правы, на то божья воля. Вам, верно, кажется, что я немного сержусь, но не обижайтесь, я совсем не сержусь. Поговорим о другом. Итак, этот замок трех людоедов, в котором заключены сорок пять принцесс... Где он находится, этот гарем?

— Гарем?

— Ну замок, ведь вы же меня понимаете; где находится этот замок?

— Ах, вот что. Этот замок огромен, неприступен, красив и стоит в отдаленной стране. До него отсюда много лиг*.

— Сколько же именно?

— Ах, благородный сэр, очень трудно сказать, сколько их, потому что их так много, и потому что они налезают одна на другую, и еще потому, что они одного вида и одного цвета, и невозможно отличить одну лигу от другой, да и кто ж их сочтет, когда считать пришлось бы каждую отдельно, а такая работа по силам только богу, но не человеку, ибо, как вы сами поймете...

— Довольно, довольно, оставим расстояние в покое. В какой стороне находится замок? В каком направлении отсюда?

— Ах, прошу прощения, сэр, он не находится ни в каком направлении, ибо дорога к нему идет не прямо, а все время заворачивает, поэтому направление дороги понять нельзя; она идет то под одним небом, то под другим; вы думаете, что движетесь на восток, и вдруг замечаете, что, описав полукруг, оказались на западе; это чудо повторяется опять и опять, и снова, и много раз, и, наконец, вы начинаете понимать тщету человеческого разума, возмнившего пойти наперекор воли того, кто, если захочет, укажет вам, в каком направлении находится замок, а не захочет, так

уничтожит все замки и все направления на земле и оставит одно пустое место, чтобы доказать своим тварям, что когда он хочет — он хочет, а когда он не хочет — он...

— Все это верно, верно, но дайте мне передохнуть. Не нужно направления, чорт с ним, с направлением! Простите, ради бога, простите, я сегодня не совсем здоров. Не обращайтесь внимания, когда я говорю сам с собой, это просто старая привычка, скверная старая привычка, и трудно от нее избавиться человеку, расстроившему себе здоровье пищей, приготовленной бог знает за сколько лет до того, как он родился. Не мудрено испортить себе желудок, если ешь цыплят, которым тринадцать столетий от роду. Но продолжайте... не обращайтесь на меня внимания, продолжайте... Нет ли у вас карты этого района? Хорошая карта...

— Вы, должно быть, говорите про ту штуку, которую неверные недавно привезли из-за больших морей, и которую нужно варить в масле с луком и солью, и...

— Варить карту? О чем вы говорите? Вы знаете, что такое карта? Ну, ну, неважно, я не стану объяснять, я терпеть не могу объяснений; они только все запутывают и потом ничего не поймешь. Ступайте, дорогая, до свиданья. Проводи ее, Кларенс.

Ну, теперь мне было ясно, почему эти ослы не требуют от лгунов никаких подробностей. Быть может эта девчонка и знала какие-нибудь подлинные факты, но извлечь их из нее нельзя было даже насосом, даже порохом, а разве только динамитом. Она была настоящая дура, а король и его рыцари внимали ей, словно она была страницей из священного писания. Как это для них характерно! И подумайте, какая простота придворных нравов: эта бродяжка вошла к королю во дворец с такой же легкостью, с какою в моей стране и в мое время она могла бы войти в ночлежный дом. И король был рад принять ее, рад выслушать ее болтовню; она с своим рассказом о нелепых похождениях была для него такой же радостной находкой, как труп для следователя.

Едва я кончил размышлять, вернулся Кларенс. Я сказал ему, что от этой девушки мне ничего не удалось добиться; она не дала мне ни одного указания, которое могло бы облегчить мне поиски замка. Юноша, повидимому, был несколько озадачен и признался, что он все время дивился про себя, зачем я ее расспрашивал.

— Чорт возьми, — сказал я, — мне ведь нужно отыскать замок! А как же иначе мне до него добраться?

— Ну, ваша милость, на этот вопрос ответить нетрудно. Она поедет с вами. Так всегда делается. Она поедет с вами.

— Поедет со мной? Вздор!

— Конечно, поедет. Она поедет с вами. Вот увидите.

— Что? Она будет рыскать со мной по горам и лесам, наедине, хотя я уже почти жених? Да ведь это неприлично! Подумай, что скажут люди!

Ах, какое милое личико возникло перед моими глазами! А Кларенс стал пылко расспрашивать меня о моих сердечных делах. Я взял с него клятву, что он будет молчать, и прошептал ему имя: «Пусс Фланаган». Он был разочарован и сказал, что не помнит такой графини. Для него, молодого придворного, было так естественно тотчас же наградить ее титулом. Он спросил меня, где она живет.

— В восточной части Хар...* — начал я и осекся, смущенный; затем сказал: — Сейчас не стоит говорить об этом. Когда-нибудь я тебе расскажу.

А может он ее повидать? Позволю я ему когда-нибудь посмотреть на нее?

Мне было нетрудно дать ему обещание: тринадцать столетий — такие пустяки; и я сказал: да. Но я вздохнул при этом, я не мог удержать вздоха. То был бессмысленный вздох, — ведь она еще не родилась. Но так уж мы устроены: нашим чувствам не нужен смысл; чувству не закажешь.

Весь день и всю ночь только и было разговору, что о моем предстоящем отъезде, и все наши ребята наперебой старались услужить мне и всячески за мной ухаживали, позабыв свою досаду, и так волновались, удастся ли мне одолеть тех людоедов и освободить тех перезрелых девиц, словно им самим предстояло выполнить этот подвиг. Славные это были дети, — но всего только дети. Они без конца давали мне советы, как выследить великанов и как напасть на них, и учили меня заклинаниям, уничтожающим чары, и давали мне всякие зелья и прочую дрянь для прикладывания к ранам. И ни одному из них не приходило в голову, что если я действительно такой удивительный чародей, каким я им казался, мне не нужны ни зелья, ни советы, ни заклинанья от чар, ни, тем более, оружие и латы, — даже если бы мне предстояло сразиться с огнедышащими драконами или дьяволами ада, а не только с какими-то заурядными людоедами из захолустья.

Мне надо было рано позавтракать и выехать на рассве-

те, — таков обычай, но я дьявольски долго провозился с моими латами, и это несколько меня задержало. В них очень трудно влезть и очень трудно запомнить все мелочи. Прежде всего необходимо все тело обернуть одеялом и создать нечто вроде прокладки, предохраняющей от холодного железа, потом надеть на себя кольчугу — нечто вроде рубашки с рукавами, сделанной из переплетенных мелких стальных колец, — такую гибкую, что если вы бросите ее на пол, она упадет кучкой, подобно большой намокшей рыболовной сети; она очень тяжела, и вообще для ночной рубашки более неудобного материала не выдумаешь; однако ею пользуются очень многие — сборщики налогов, реформаторы, короли, у которых нет ничего, кроме одного коня да сомнительного титула, и тому подобная публика. Потом нужно натянуть сапоги с прокладкой из стальных полос и нацепить неуклюжие шпоры. Затем нужно надеть на голени ножные латы, а на бедра набедренники; затем наступает очередь грудных лат и спинных, и вы начинаете чувствовать, что на вас надето слишком много. Затем к грудным латам нужно прикрепить короткую юбку из широких стальных полос, которая спереди закрывает верхнюю часть ног, а сзади имеет широкий вырез, чтобы можно было сесть, — эта юбка похожа на перевернутый угольный ящик и так же мало годна для того, чтобы надевать ее на себя, как и для того, чтобы вытирать об нее руки; затем нужно опоясаться мечом; на руки нужно надеть печные трубы, называемые нарукавниками, и прикрепить к ним железные рукавицы, а на голову — железную мышеловку со стальной сеткой сзади, прикрывающей затылок, — и вот, наконец, вы запакованы, как свеча, лежащая в форме. В таком наряде не потанцуешь. Человек, этак упакованный, похож на орех, который не стоит раскусывать, — так ничтожно его ядро по сравнению с его скорлупой.

Ребята помогли мне одеться, — без их помощи я не оделся бы никогда. Едва меня одели, вошел сэр Бедивер, и, взглянув на него, я понял, что выбрал далеко не самый удобный наряд для долгого путешествия. Сэр Бедивер был величав в своем наряде: и высок, и широк, и статен. На голове у него была коническая стальная каска, опускавшаяся только до ушей, а на лице вместо забрала — узкая стальная полоса, доходившая лишь до верхней губы и предохранявшая его нос; все остальное его тело, от шеи до пят, было покрыто гибкой кольчугой, состоявшей из рубахи и штанов. Поверх всего этого он носил плащ, тоже из кольчуги,

Вас втаскивают на коня, вас усаживают, суют ваши ноги в стремяна...

свисавший с плеч до лодыжек; от середины до самого низа плащ этот был и спереди и сзади раздвоен, — когда сэр Бедивер сидел верхом, полы плаща прикрывали бока коня. Он отправлялся граалить, и его одежда была отлично приспособлена для путешествия. Я много бы дал за то, чтобы одеться, как он, но уже нельзя было терять времени. Взошло солнце, и король вместе со всем своим двором ждал меня, чтобы пожелать мне удачи; если бы я опоздал, я нарушил бы этикет. Вам самому ни за что не влезть на коня; если вы попытаетесь, вас ждет разочарование. Вас волокут на двор, как волокут в аптеку человека, пораженного солнечным ударом; вас втаскивают на коня, вас усаживают, суют ваши ноги в стремяна, а вы в это время кажетесь себе нестерпимо громоздким, — каким-то другим человеком, который не то только что нечаянно женился, не то ослеплен молнией и до сих пор глух, нем и не может прийти в себя. Затем в подставку возле моей левой ноги

вставили мачту, которую называют копьём, и я ухватился за нее рукой; наконец на шею мне повесили щит; и вот — я готов, могу поднять якорь и выйти в море. Все были безмерно благожелательны ко мне, а одна фрейлина даже собственноручно поднесла мне прощальный кубок. Теперь оставалось только посадить на круп коня ту девицу; усевшись, она обхватила меня руками, чтобы не упасть.

И мы двинулись в путь. Все желали нам удачи, махали нам платками и шлемами. А когда мы спускались с холма и проезжали через деревню, все встречные почтительно кланялись, кроме оборванных мальчишек из предместья. Мальчишки кричали:

— Вот так чучело!

И швыряли в нас комьями земли.

Я по опыту знаю, что мальчишки во все века одинаковы. Они ничего не уважают, никем и ничем не дорожат. Они говорили: «Проваливай, плешивый!» пророку, который, никого не трогая, шел своей дорогой, в глубокой древности; они дразнили меня в священном сумраке средневековья; так же они поступали и во время президентства Бьюкенена*; это я хорошо помню, потому что сам был тогда мальчишкой и вместе с ними дразнил президента. У пророка были медведи, и они разделались с его мальчишками; я хотел слезть с коня и разделаться со своими, но это было неисполнимо, потому что я не мог бы влезть обратно. Как мне ненавистны страны, в которых нет подъемных кранов!

Глава XII

МЕДЛЕННАЯ ПЫТКА

Миновав деревню, мы сразу въехали в пустынный край. Как хороши, как прекрасны были эти безлюдные леса прохладным утром ранней осени! С вершин холмов видели мы внизу под собой очаровательные зеленые долины, по которым, извиваясь, текли ручьи, видели раскиданные там и здесь кущи дерев, видели одинокие огромные дубы и, возле них, темные пятна густой тени; за долинами мы видели волнистые гряды холмов, окутанных голубоватой дымкой и тянувшихся до самого горизонта; на их вершинах, далеко друг от друга, иногда замечали мы то белое, то серое пятнышко и знали; там замок. Мы пересекали широ-

кие луга, сверкавшие росой, мы двигались неслышно, словно дѹхи, — почва была так мягка, что мой конь ступал беззвучно; как во сне, ехали мы по лесным тропинкам, озаренные зеленоватым светом, проникавшим сквозь пронизанную солнцем лиственную кровлю над нашими головами, а у копыт моего коня бежали, журча по камешкам, ручейки, прозрачнейшие, прохладнейшие, и шопот их ласкал слух, словно музыка; по временам мы, оставив простор, углублялись в торжественную чашу, и нас окружал лесной сумрак, где шныряли, шурша, какие-то загадочные дикие зверьки, убегавшие так быстро, что мы не успевали даже уловить, откуда донесся шорох, где проспулись только самые ранние из птиц и сразу принялись за песни и ссоры, где слышно таинственное гуденье и жужжанье насекомых, облепивших какой-нибудь древесный ствол в непроходимой лесной глуши. Затем мало-помалу мы снова выбирались на солнечный свет.

Выбираться на солнечный свет из чащи в четвертый, в пятый раз, часа через два после восхода солнца, было уже не так приятно, как раньше. Становилось жарко. Солнце заметно припекало. А тут, как назло, нам пришлось долго ехать по открытой местности без всякой тени. Любопытно наблюдать, как маленькие неудобства, возникнув, постепенно разрастаются и умножаются. Начинаешь замечать то, на что прежде не обращал внимания, и чем дальше, тем больше. В первые десять-пятнадцать раз, когда мне понадобился носовой платок, я не обратил на это внимания; я говорил себе: обойдусь, ехал дальше и тотчас же забывал о нем. Но теперь другое дело: теперь он все время был мне нужен, я никак не мог о нем позабыть, и наконец я вышел из себя и проклял человека, который, изготавливая латы, не приделал к ним карманов. Видите ли, мой носовой платок лежал в шлеме вместе с некоторыми другими мелочами, а шлем у меня был такой, что его нельзя было снять без посторонней помощи. Когда я клал туда платок, мне не пришло это в голову, по правде говоря, я даже не знал этого. Я думал, что как раз удобнее всего положить его именно туда. И теперь меня особенно раздражала мысль, что платок тут, рядом, под руками, а достать его нельзя. Да, нам всегда хочется именно того, чего достать нельзя, — это замечал каждый. Я ни о чем другом не мог думать; я думал только о своем шлеме; я проезжал милю за милей, воображая себе носовой платок, рисуя себе носовой платок: соленый пот со лба затекал мне

в глаза, а я не мог вытереть его, и как это было обидно! Читать об этом легко, а вот попробуйте вытерпеть такую муку на самом деле. Если бы мука была не настоящая, я не стал бы о ней и поминать. Я дал себе слово, что в следующий раз захвачу с собой в дорогу ридикюль, и пусть обо мне говорят и думают, что хотят. Конечно, железные болваны Круглого Стола найдут это непристойным и поднимут меня насмех, но мне все равно, для меня всегда удобство важнее стиля. Так мы тряслись, подвигаясь вперед и вздымая облака пыли, которая залезала мне в нос, заставляя меня чихать и плакать; и, конечно, я произносил слова, которые не следует произносить, — я этого не отрицаю: я ведь не лучше других. Казалось, в этой пустынной Британии никого невозможно встретить, даже людоеда, а в том состоянии духа, в каком я находился, я был бы рад даже людоеду — конечно, людоеду с носовым платком. Другие рыцари, встретясь с людоедом, думали бы лишь о том, как бы завладеть его оружием; я же стремился завладеть только его сморкалкой, а весь его железный лом я с удовольствием оставил бы ему.

Тем временем становилось все жарче и жарче. Солнце, видите ли, поднималось все выше и все сильнее и сильнее нагревало на мне железо. Если вам жарко, вам досаждают всякая мелочь. Когда я ехал рысью, я звякал, как корзина с посудой, и это меня раздражало; щит хлопал и шелкал меня то по груди, то по спине, и я выходил из себя; а когда я принимался ехать шагом, все суставы мои начинали скрипеть и визжать, как колесо тачки, да вдобавок пропадал обвевавший меня ветерок, и я жарился, как в печи; к тому же, чем медленнее вы едете, тем тяжелее кажется надетое на вас железо, — оно словно прибавляет в весе по несколько тонн ежеминутно. Вдобавок, вам приходится беспрестанно менять руку, держащую копье, и переставлять его с одной ноги на другую, так как держат его все время одной рукой слишком утомительно.

Как вам известно, когда пот течет ручьями, все тело начинает чесаться. Вы внутри, а ваши руки снаружи; между руками и телом — железо. Нелегкое положение, что там ни говори. Сначала зачесется в одном месте, потом в другом, потом в третьем; зуд распространяется во все стороны и, наконец, оккупирует всю территорию, и невозможно себе даже представить, до чего это неприятно. И когда стало уже так плохо, что я едва терпел, под

забрало залезла муха и уселась у меня на носу; а забралое мое поднималось туго, и поднять его я не умел; я только тряс головой, и муха, — вам, конечно, известно, как ведет себя муха, уверенная в своей безопасности, — муха перелетела с носа на губу, с губы на ухо и жужжала, жужжала, и так кусалась, что я, и без того изму-

Она лила мне за шиворот воду, пока я, промокнув насквозь, не почувствовал себя вполне хорошо.

ченный, окончательно потерял терпение. Не выдержав, я велел Алисанде снять с меня шлем и освободить от мухи. Девушка вынула из шлема все, что в нем было, зачерпнула им воды и дала мне пить, а когда я напился, она выплеснула оставшуюся воду мне под кольчугу. Трудно себе представить, как это меня освежило! Она лила мне за шиворот воду до тех пор, пока я, промокнув насквозь, не почувствовал себя вполне хорошо.

Как приятен покой и отдых! Но полного покоя, полного счастья в нашей жизни никогда не бывает. Незадолго до отъезда я сделал себе трубку и изготовил недур-

ной табак, не настоящий табак, а вроде того, который курят индейцы: из высушенной ивовой коры. Трубка и табак лежали в шлеме; теперь я снова мог ими распорядиться, но у меня не было спичек.

С течением времени выяснился еще один неприятный факт: мы находились в полной зависимости от случая. Закованный в латы новичок не может влезть на коня без посторонней помощи. Сил одной Сэнди было недостаточно, по крайней мере для меня. Приходилось ждать, не подойдет ли еще кто-нибудь. Я охотно согласился бы ждать в тишине, так как мне было над чем поразмыслить. Я хотел поразмыслить над тем, как могло случиться, что умные или хотя бы полоумные люди выучились носить это железное одеяние, несмотря на все его неудобства, и как им удалось придерживаться этой моды в течение многих поколений, несмотря на то, что муки, которые я испытал, им приходилось испытывать ежедневно всю жизнь. Мне хотелось над этим поразмыслить; мало того, мне хотелось поразмыслить над тем, как исправить это зло и заставить людей отказаться от столь глупой моды, но размышлять не было никакой возможности. Нельзя размышлять, если рядом с вами Сэнди. Она была послушная девушка с добрым сердцем, но болтала безустали, молола, словно мельница, пока у вас не начинала болеть голова, как от стука городских пролеток и телег. Она стала бы совсем милой девушкой, если бы ее можно было заткнуть пробкой. Но пробка для таких — смерть. Она трещала весь день, и подконец вы начинали опасаться, как бы в ней что-нибудь не испортилось, — но нет, такие никогда не портятся. И никогда ей не приходилось подыскивать слова, она могла молоть, и гудеть, и звенеть, и жужжать целыми неделями, и ее не нужно было ни смазывать, ни продувать. А в результате всей этой работы получался только ветер. У нее не было никаких мыслей, один туман. Она была настоящая болтунья; болтала, болтала, болтала, молола, молола, молола, трещала, трещала, трещала; и добрейшая болтунья при этом. Утром я не обращал внимания на ее мельницу, так как у меня было достаточно других неприятностей, но после полудня я не раз ей говорил:

— Помолчи, дитя, если ты израсходуешь весь здешний воздух, королевству придется ввозить его из-за границы, а казна и без того пуста.

СВОБОДНЫЕ ЛЮДИ!

Да, недолго, до странности недолго, человек может чувствовать себя довольным. Еще совсем недавно, когда я ехал и мучился, каким раем показалось бы мне это спокойствие, это отдохновение, отрадное безмолвие этого уединенного тенистого уголка на берегу бурлящего ручья, где время от времени я освежал себя, плеща воду под кольчугу. А я уже был недоволен; отчасти оттого, что я не мог разжечь свою трубку, — я давно уже построил спичечную фабрику, но захватить с собой спички забыл, — а отчасти оттого, что нам нечего было есть. Вот еще один пример детской непредусмотрительности этого века и этого народа. Воин, отправляясь в поход, не брал с собой еды и полагался на случай; он возмутился бы, если бы ему посоветовали привесить к копыю корзинку с бутербродами. Любой рыцарь Круглого Стола предпочел бы умереть с голоду, чем показаться с такой штукой на древке своего копья. А казалось бы, что может быть благоразумнее? Я собирался сунуть пару бутербродов к себе в шлем, но меня на этом поймали; мне пришлось извиниться, бросить их, и они достались собаке.

Надвигалась ночь и с нею гроза. Быстро темнело. Нужно было готовиться к ночлегу. Я уложил девушку под одной скалой, а сам устроился под другой. Но спать мне пришлось в доспехах, так как я не мог снять их сам и не мог позволить Алисанде помочь мне, — неловко раздеваться в присутствии посторонних. Под доспехами у меня, правда, была моя обычная одежда, но от предрассудков, привитых воспитанием, сразу не освободишься, и я знал, что когда придется снимать мою короткую железную юбку, я буду очень смущен.

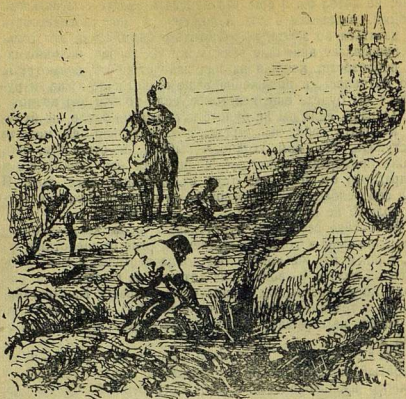
Гроза принесла с собой перемену погоды; чем сильнее дул ветер, чем яростнее хлестал дождь, тем стало холоднее. Жуки, муравьи и червяки, не желавшие мокнуть, со всех сторон полезли ко мне под кольчугу, чтобы погреться. Некоторые из них вели себя хорошо и, забравшись в складки белья, лежали там спокойно, но беспокойных и непоседливых было больше, и они все время ползали то туда, то сюда, сами не зная зачем. В особенности докучали мне муравьи, устраивавшие на мне утомительные шествия из одного конца в другой и все время меня щекотав-

шие; не хотел бы я еще раз ночевать вместе с муравьями. Людям, попавшим в мое положение, я могу посоветовать не кататься по земле, не колотить себя, так как это только привлекает внимание всяких живых тварей, находящихся поблизости; каждая из них захочет пойти посмотреть, что случилось, и положение ваше станет еще хуже, и ругаться вы будете еще неистовее, если только это возможно. Однако, если вы не будете кататься по земле, не будете колотить себя, вы умрете; следовательно, вы можете поступить, как вам угодно, — выбора, в сущности, нет. Даже промерзнув насквозь, я ощущал это щекотание и вздрагивал от него, как труп от электрического тока. Я дал себе слово, что, вернувшись из путешествия, я никогда больше не надену лат.

В течение всех этих мучительных часов, когда я одновременно мерз и горел на медленном огне от щекотки и зуда, один и тот же вопрос без конца вертелся в моей утомленной голове — вопрос, на который не было ответа: как люди могут носить эти злополучные доспехи? Как они терпят их в течение стольких поколений? Как могут они спать по ночам, не страшась пыток, предстоящих им на следующий день?

Когда, наконец, наступило утро, я был совсем плох: разбитый, вялый, кислый от желания спать, усталый от ночного избивания самого себя, ослабевший от голода, мечтающий об умывании, об истреблении насекомых и скрюченный от ревматизма. А как себя чувствовала благороднорожденная титулованная аристократка девица Алисанда ля-Картелуаз? О, она была свежа и прыгала, как белка! Ночь проспала она, словно мертвая. Умываться она, — как и другие знатные люди страны, — не привыкла и потому ничего не потеряла, оставшись без умывания. С современной точки зрения все тогдашние люди были, в сущности, дикари. Сопровождавшая меня благородная дама не проявляла ни малейшего желания поскорей позавтракать, — и это тоже была в ней дикарская черта. Путешествуя, британцы тех времен привыкли к долгим постам и умели переносить их. Перед отъездом они нажирались на несколько дней вперед, как делают индейцы. И, можете быть уверены, Сэнди наелась, по крайней мере, на три дня.

Мы тронулись в путь перед восходом солнца, — Сэнди ехала верхом, а я ковылял позади. Через полчаса мы наткнулись на нескольких жалких оборванцев, починявших то, что носило название дороги. Они встретили меня унижен-

Мы наткнулись на нескольких жалких оборванцев, починявших то, что носило название дороги.

но, как животные; и когда я предложил им разделить со мною их завтрак, они были так ошеломлены моей снисходительностью, что даже не сразу поверили. Моя дама презрительно надула губы и отъехала в сторону; она громко заявила, что не собирается есть вместе со всякими скотами, причем эти ее слова нисколько не обидели несчастных, а только испугали. А между тем то были не рабы и не крепостные. Как бы в насмешку, они казвались «свободными людьми». К сословию «свободных людей» принадлежало семь десятых незакрепощенного населения страны: мелкие «независимые» фермеры, ремесленники и т. д.; иными словами, именно это и был народ, подлинная нация; это сословие включало в себя все то, что было в нации полезного и достойного уважения; исключите его из

наций, и у вас останутся лишь подонки и отбросы, вроде короля, знати и дворянства — ленивые, бесполезные, умеющие только разрушать и не представляющие никакой ценности для разумно устроенного общества. А между тем это позолоченное меньшинство, благодаря своим злобным козням, вместо того чтобы плестись в хвосте, шествовало впереди с развевающимися знаменами; оно только себя считало нацией, и бесчисленные труженики терпели это безобразие до тех пор, пока сами в него не уверовали; они уверовали, что оно справедливо и что так и должно быть. Попы говорили их отцам и им самим, что это издевательство изобретено богом; и они, не задумываясь, свойственно ли богу развлекаться такими шутками, да еще над столь несчастными простаками, верили попам и вели себя почтительно и смиренно.

Для недавнего американца странными казались беседы этих покорных людей. Они считались свободными, но не могли уйти из поместья своего лорда или своего епископа без позволения; они не имели права сами молоть свое зерно и печь для себя хлеб, они обязаны были отвозить все свое зерно на мельницу лорда, всю свою муку в пекарню лорда и за все это хорошенько платить. Они не могли продать ни клочка своей земли, не уплатив лорду изрядного процента с вырученных денег, а покупая чужую землю, они платили лорду за позволение совершить покупку; они должны были даром убирать его хлеб и являться по первому его зову, бросая свой собственный урожай в добычу надвигающейся буре; они обязаны были разрешать ему сажать фруктовые деревья на их полях и сдерживать свой гнев, когда сборщики плодов, по небрежности, вытаптывали хлеб вокруг деревьев; они должны были подавлять свое негодование, когда лорд с гостями во время охоты скакал по их полям, уничтожая все, достигнутое терпеливыми трудами; они не имели права держать голубей, если же стаи голубей из голубятни милорда слетались пожирать их урожай, они не смели, рассердясь, убить ни одной птицы, так как за это полагалась тяжкая кара; когда же, наконец, им удавалось собрать жатву, сразу налетала банда хищников, каждый за своею долей: сначала церковь взимала жирную десятину, затем королевский сборщик — двадцатую часть, затем люди милорда отрывали изрядный кусок от того, что оставалось; и только тогда ограбленный свободный человек мог отвезти свой урожай к себе в житницу, если только **его** еще стоило везти; а потом — налоги,

налоги, налоги, и снова налоги, и налоги опять, налоги, которые должен платить только он, свободный и независимый нищий, но ни господин его, барон, ни епископ, ни расточительная знать, ни всепожирающая церковь; если барону не спалось, свободный человек после трудового дня должен был сидеть всю ночь напролет у пруда и стегать по воде прутом, чтобы лягушки не квакали; если дочь свободного человека... впрочем, эта последняя низость монархического образа правления совсем непечатного свойства; и, наконец, если свободный человек, доведенный этими муками до отчаянья, хотел прекратить свою невыносимую жизнь и покончить с собой, ища прибежища и милосердия у смерти, кроткая церковь обрекала его на вечные муки ада, кроткий закон хоронил его в полночь на перекрестке дорог, воткнув ему кол в спину, а его господин — барон или епископ — забирал себе его имущество и выгонял его вдову с сиротами на улицу.

И вот, эти свободные люди собрались здесь чуть свет, чтобы чинить дорогу господина своего, епископа — даром; каждый глава семьи и каждый сын его должны были работать три дня даром, а их батраки — на один день больше. Казалось, будто я читаю о Франции и о французах до их навеки памятной и благословенной революции, которая одной кровавой волной смыла тысячелетие подобных мерзостей, взыскала долг в размере полукапли крови за каждую бочку ее, выжатую медленными пытками из народа в течение тысячелетия неправды, позора и мук, каких не сыскать и в аду. Нужно помнить и не забывать, что было два «царства террора»; во время одного — убийства совершались в горячке страстей, во время другого — хладнокровно и обдуманно; одно длилось несколько месяцев, другое — тысячу лет; одно стоило жизни десятку тысяч человек, другое — сотне миллионов. Но нас почему-то ужасает первый, наименьший, так сказать, минутный террор; а между тем, что такое ужас мгновенной смерти под топором по сравнению с медленным умиранием в течение всей жизни от голода, холода, оскорблений, жестокости и сердечной муки? Что такое мгновенная смерть от молнии по сравнению с медленной смертью на костре? Все жертвы того красного террора, над которыми мы так содрогаемся и которые так оплакиваем, могли бы поместиться на одном городском кладбище; но вся Франция не могла бы вместить жертв того древнего и подлинного террора, несказанно более горького и страшного, который мы не ви-

дим, потому что нас не научили ни видеть его, ни трепетать перед ним.

Эти бедные мнимо-свободные люди, разделившие со мной завтрак и беседу, столь смиренно читали короля, церковь и знать, что худшего не мог бы пожелать им и их злейший враг. Мне было смешно и грустно смотреть на них. Я спросил их, могут ли они представить себе народ, который, обладая правом свободного выбора, выбрал бы в правители одну семью с тем, чтобы ее потомки во веки веков властвовали над ним, независимо от того, будут ли они даровитыми людьми или болванами, и с тем, чтобы никакая другая семья, в том числе и семья избирателя, никогда не могла бы уже достичь такого могущества; а также выбрал бы несколько сотен семейств с тем, чтобы вознести их на головокружительную высоту и украсить оскорбительными для других передающимися по наследству почестями и привилегиями, и с тем, чтобы все остальные семьи в стране, в том числе и семья избирателя, этих почестей и привилегий были лишены?

Они выслушали меня равнодушно и ответили, что ничего этого не знают, что никогда об этом не думали и что они не могут себе вообразить народ, в котором каждый имеет право высказывать свое мнение о делах государственных. Я ответил, что видел один такой народ и что он не потеряет своих прав до тех пор, пока не введет у себя единую господствующую церковь. Они опять выслушали меня равнодушно. Но вдруг один из них посмотрел мне в лицо и попросил повторить то, что я сказал, повторить медленно, чтобы он мог понять. Я повторил. Он скоро понял меня, сжал кулаки и заявил, что, по его мнению, народ, имеющий право выбора, никогда добровольно не опустится в такую грязь; и что ограбить народ, отняв у него право выбора, — тягчайшее из всех преступлений.

Я сказал себе:

— Вот это человек. Будь у меня побольше таких, я добился бы благоденствия этой страны и доказал бы свою верность ей, коренным образом изменив всю систему правления.

Видите ли, я понимаю верность, как верность родине, а не ее учреждениям и правителям. Родина — это истинное, прочное, вечное; родину нужно беречь, о ней нужно заботиться, нужно быть ей верным; учреждения же — нечто внешнее, вроде одежды, а одежда может изнашиваться, порваться, сделаться неудобной, перестать защищать тело

от зимы, болезни и смерти. Быть верным тряпкам, прославлять тряпки, преклоняться перед тряпками, умирать за тряпки — это глупая верность, животная верность, монархическая, монархиями изобретенная; пусть она и останется при монархиях. А я родом из Коннектикута, в конституции которого сказано, что «вся политическая власть принадлежит народу, и все свободные правительства учреждаются для блага народа и держатся его авторитетом; и народ имеет неоспоримое и неотъемлемое право во всякое время изменять форму правления, как найдет нужным».

С этой точки зрения, гражданин, который видит, что политические одежды его страны износились и в то же время не агитирует за создание новых одежд, не является верным родине гражданином, он — изменник. Его не может извинить даже то, что он единственный во всей стране видит изношенность ее одежд. Его долг — агитировать, несмотря ни на что, а долг остальных — голосовать против него, если они не видят того, что видит он.

И вот, я попал в страну, где право высказывать свой взгляд на управление государством принадлежало всего лишь шести человекам из каждой тысячи. Если бы остальные девятьсот девяносто четыре человека выразили свое недовольство образом правления и предложили изменить его, эта шестерка содрогнулась бы, ужаснувшись таким отсутствием верности и чести, и признала бы всех недовольных черными изменниками. Иными словами, я был акционером компании, девятьсот девяносто четыре участника которой вкладывают все деньги и делают всю работу, а остальные шестеро, избрав себя несменяемыми членами правления, получают все дивиденды*. Мне казалось, что девятьсот девяносто четыре, оставшиеся в дураках, должны перетасовать карты и снова сдать их. Меня подмывало сложить с себя высокий сан Хозяина, поднять восстание и превратить его в революцию, но я знал, что Джек Кэд и Уот Тайлер*, попытавшиеся начать революцию, не подготовив предварительно своих сподвижников, были обречены на неудачу. А я не привык к неудачам. Поэтому „перетасовка карт“, которую я задумал, была совсем не Кэд-Тайлеровского сорта.

И не о крови, не о восстании говорил я с тем человеком, который сидел против меня в толпе угнетенных и невежественных двуногих баранов, жуя черный хлеб; нет, я отвел его в сторону и поговорил с ним совсем о дру-

гом. Когда я кончил, я попросил его одолжить мне немного чернил из его вен; этими чернилами я написал прутиком на куске коры:

«Отправь его на фабрику» — и отдал ему, сказав:

— Отнеси это во дворец в Камелоте и отдай в собственные руки Амiasу де-Пулету, которого я называю Кларенсом, и он все поймет.

— Значит, он поп, — сказал человек, и на лице его уже не было прежнего восторга.

— Как — поп? Разве я не говорил тебе, что на мою фабрику не пускают ни рабов церкви, ни прислужников ее — попов и епископов? Разве я не говорил тебе, что и ты сам можешь быть принят только при условии, что твоя религия, какова бы она ни была, останется твоим личным делом?

— Говорить-то говорили, и я был рад вас слушать, но теперь я начинаю сомневаться, мне не нравится, что там этот поп.

— Уверяю тебя, он вовсе не поп.

Но собеседник мой явно не верил мне. Он сказал:

— Как же не поп, если он умеет читать.

— Вот так: не поп, а умеет читать и даже писать. Я сам научил его. — Тут лицо моего собеседника прояснилось. — И тебя на фабрике прежде всего научат читать...

— Меня? Да я готов отдать всю мою кровь, чтобы научиться этому искусству. Я стану вашим рабом, вашим...

— Нет, этого не нужно, ты ничьим не будешь рабом. Забирай свою семью и отправляйся в путь. Господин твой епископ захватит твое ничтожное имущество, но ты об этом не жалеешь — Кларенс вознаградит тебя.

Глава XIV

ЗАЩИЩАЙСЯ, ЛОРД!

За свой завтрак я заплатил три пенни, и то была чрезвычайно щедрая плата, так как за эти деньги можно было накормить двенадцать человек; но к этому времени я отдохнул и прекрасно себя чувствовал, а кроме того, у меня издавна была склонность сорить деньгами; к тому же, эти люди готовы были даром разделить со мной свои

скудные запасы, и мне доставило удовольствие выразить свое благоволение и свою искреннюю благодарность щедрым денежным подарком, — тем более, что деньги эти, находясь у них, могли принести гораздо больше пользы, чем болтаясь в моем шлеме, ибо надо помнить, что пенни в те времена изготовлялись из железа, и полдоллара, которые я захватил с собой, были весьма тяжелой ношей. Признаться, в те дни я вообще был слишком расточителен; но стачасти это объяснялось тем, что, хотя я уже довольно долго жил в Британии, у меня не было случая убедиться, что на одно пенни в королевстве Артура можно купить примерно столько же, сколько на пару долларов в Коннектикуте. Если бы я выехал из Камелота на несколько дней позже, я мог бы заплатить этим людям красивыми новенькими монетами моей собственной чеканки, что было бы, конечно, гораздо приятнее и для меня и для них. Я принял за основу американскую монетную систему. Через неделю или через две центы, десятицентовики, четверти долларов, полудоллары, а также золотые вольются тонкими, но неиссякаемыми потоками во все торговые артерии королевства, и я уже заранее представлял себе, как эта новая кровь освежит всю жизнь.

Фермеры во что бы то ни стало хотели отплатить мне за мою щедрость; пришлось позволить им подарить мне кремь и огниво; и, как только они усадили меня и Сэнди на коня, я закурил свою трубку. Едва первый клуб дыма вырвался из решетки моего забрала, все фермеры помчались в лес, а Сэнди грохнулась с лошади. Они приняли меня за одного из тех огнедышащих драконов, о которых так много слышали от рыцарей и прочих профессиональных лгунов. Мне стоило немалого труда убедить их подойти на такое расстояние, чтобы я мог объяснить им, в чем дело. Я сказал им, что это пустяковое колдовство не опасно ни для кого, кроме моих врагов. И, положив руку на сердце, дал обещание, что всякий, кто без вражды подойдет ко мне, увидит, как те, которые откажутся подойти, умрут на месте. Все со всех ног кинулись ко мне. Несчастных случаев не было, так как ни у кого нехватило любопытности остаться на месте и посмотреть, что из этого выйдет.

Я потерял довольно много времени, ибо эти взрослые дети, избавившись от страха, пришли в такой восторг от моего умения дышать огнем и дымом, что не отпускали меня, пока я не выкурил еще две трубки. Впрочем, задерж-

ка оказалась небесполезной, — Сэнди успела несколько привыкнуть к трубке, а это в совместном путешествии было необходимо. Кроме того, она временно приостановила свою говорильную мельницу, а это тоже немалый выигрыш. Но всего важнее было то, что теперь я кое-чему научился и был готов к встрече с любым великаном или людоедом.

Мы переночевали у святого отшельника, а на следующий день в полдень мне представился случай воспользоваться своим уроком. Мы ехали по обширной поляне, и я так глубоко ушел в свои мысли, что ничего не видел и не слышал; и вдруг Сэнди, прервав на полуслове свой рассказ, который начала еще утром, крикнула:

— Защищайся, лорд! Твоя жизнь в опасности!

Она соскользнула с коня, отбежала в сторону и остановилась. Я оглянулся и увидел вдали, под деревом, полдюжины рыцарей с оруженосцами; они всполошились и принялись торопливо подтягивать подпруги у своих коней, чтобы вскочить в седла. Трубка моя была набита, и я давно бы закурил ее, если бы не задумался о том, как освободить эту страну от гнета и, никого не обижая, вернуть народу его похищенные права. Я сразу зажег трубку, набрал в рот дыму и стал ждать нападения. Рыцари поскакали ко мне все вместе, совсем не по-рыцарски; напрасно пишут про них в книгах, будто нападение обычно совершает один какой-нибудь учтивый мерзавец, а остальные стоят в стороне и следят за тем, чтобы поединок происходил по всем правилам. Нет, они неслись ко мне все разом, неслись, как вихрь, неслись, как пушечные ядра, неслись, опустив свои головы с развевающимися перьями и выставив вперед свои копья. Это было красивое зрелище, прекрасное зрелище — если любоваться им с верхушки дерева. Я оставил свое копье в покое и, с бьющимся сердцем, ждал приближения этой железной волны; затем пустил столб белого дыма сквозь решетку моего забрала. Железная волна расплескалась на мелкие брызги и отхлынула. Это зрелище было еще красивее прежнего.

Однако они остановились в трех сотнях ярдов от меня, и я стал беспокоиться. Радость моя сменилась страхом; я решил, что погиб. Но Сэнди сияла; ей хотелось поговорить, но я перебил ее, объяснив, что колдовство мое почему-то не удалось и что она должна сесть на коня, так как нам нужно удирать. Нет, удирать она не собиралась. Она уверяла, что мое колдовство лишило тех рыцарей

Я пустил столб дыма сквозь решетку моего забрала.

силы; они не уезжают только оттого, что не могут уехать; если немного подождать, они свалятся со своих коней, и нам достанутся и кони и доспехи. Мне не хотелось пользоваться ее простодушной доверчивостью, и я сказал ей, что она ошибается, что когда вырывающееся из меня пламя убивает, оно убивает мгновенно, а раз эти люди еще живы, значит, в моей машине что-то испортилось, и я сам не знаю что; мы должны удирать как можно скорее, так как через минуту эти люди снова нападут на нас. Сэнди рассмеялась и сказала:

— Вот уж нет, сэр, они не из той породы! Сэр Ланселот, тот стал бы сражаться с драконами; он нападал бы на драконов снова и снова, до тех пор, пока не победил бы их и не уничтожил; быть может так поступил бы и сэр Пеллинор, и сэр Эгловэл, и сэр Карадос, и еще некоторые, но остальные ни за что не отважатся на такое дело,

сколько бы они ни хвастались. Неужели вы думаете, что этим низким негодьям мало того, что они получили, и они захотят еще?

— Чего же они, в таком случае, ждут? Отчего они не уезжают? Их никто не держит. Я вовсе не собираюсь сводить с ними счеты.

— Вы хотите отпустить их? Ну нет, это вам не удастся. Они об этом даже и мечтать не смеют. Они хотят вам покориться.

— Правда? Чего ж они медлят?

— Если бы вы знали, как здесь чтут драконов, вы не стали бы их обвинять. Они боятся к вам приблизиться.

— Ну что ж, я сам приближусь к ним и...

— Нет, нет, они умрут от страха, если вы двинетесь с места. Я пойду к ним сама.

И пошла. С ней было удобно путешествовать. Я бы, пожалуй, побоялся взять на себя такое поручение. Немного погодя я увидел, что рыцари скачут прочь, а Сэнди возвращается. Я облегченно вздохнул. Я решил, что у нее ничего не вышло и что разговор оборвался с первых же слов; иначе он не был бы так короток. Но оказалось, что ей удалось добиться полнейшего успеха. Как только она сказала им, что я Хозяин, они были сражены наповал; «они потеряли рассудок от ужаса», объяснила она мне, и готовы были исполнить все, чего бы она ни потребовала. Тогда она заставила их поклясться, что они через два дня явятся ко двору короля Артура и сдадутся в плен вместе с конями и оружием, и отныне во всем будут мне подвластны и послушны. Она сделала все гораздо лучше, чем сделал бы я сам! Какая милая!

Глава XVI

РАССКАЗ СЭНДИ

— Итак, я владеец нескольких рыцарей, — сказал я, когда мы тронулись в путь. — Вот уж никак бы не подумал, что мне придется копить такое имущество. Не знаю, что мне с ними делать; разве разыграть их в лотерею. Сколько их, Сэнди?

— Семеро, с вашего позволения, сэр, не считая оруженосцев.

— Недурной улов. Кто они такие? Откуда они свалились?

— Откуда они свалились?

— Ну да, где они живут?

— Ах, я не поняла вас. Я вам скоро отвечу.

И, в глубокой задумчивости, она заговорила, мягко и осторожно произнося слова:

— Свалились... свалились... откуда свалились?... откуда они свалились? Верно, верно — откуда они свалились? Какая изящная фраза, какое изысканное сочетание слов! Я буду повторять эти слова до тех пор, пока не выучу их наизусть. Откуда они свалились? Правильно! Теперь эти слова так и катятся с языка, и когда...

— Не забудь, что ты хотела мне рассказать про этих ковбоев, Сэнди.

— Про ковбоев?

— Ну про рыцарей. Ты собиралась мне про них рассказать. Говоря в переносном смысле, ты уже сделала первый ход.

— Первый ход?..

— Да! да! да! Бей по мячу. Я хочу сказать: начинай свой рассказ и не трать так много спичек на растопку. Расскажи мне об этих рыцарях.

— Я расскажу, я сейчас начну. Итак, они вдвоем пустились в путь и въехали в огромный лес. И...

— Чорт поберит!

Я, видите ли, сразу понял свою ошибку. Я открыл шлюзы красноречия Сэнди, я сам был виноват! Теперь пройдет целый месяц, прежде чем она доберется до фактов. Начинала она всегда без предисловия и кончала без вывода. Если вы ее перебьете, она либо не обратит на вас никакого внимания, либо ответит вам двумя словами, вернется назад и повторит всю фразу сначала. Следовательно, перебивания только ухудшали положение, однако я перебивал ее, и перебивал часто, ради спасения собственной жизни, ибо, слушая целый день ее однообразное журчание, можно было умереть.

— Чорт поберит! — сказал я в отчаянье.

Она тотчас же вернулась назад и повторила:

— Итак, они вдвоем пустились в путь и въехали в огромный лес. И...

— Кто они?

— Сэр Гоуэн и сэр Уэн. И приехали они в монашескую обитель, и приняли их там радушно. И на утро, прослушав

обедню, они снова пустились в путь и въехали в огромный лес; и вдруг в долине, возле башни, сэр Гоуэн увидел двенадцать прекрасных дев, а с ними двух рыцарей на огромных конях; девы гуляли возле какого-то дерева. И сэр Гоуэн увидел, что на дереве висит белый щит и что девы, проходя мимо этого щита, плюют в него и швыряют в него грязью.

— Я не поверил бы тебе, Сэнди, если бы сам не видел в этешней стране таких же выходок. Но я видел, и живо представляю себе, как эти девы шествуют перед щитом и плюют в него. Женщины ведут себя здесь, как одержимые. Я имею в виду даже самых лучших женщин из самого избранного общества. Последняя телефонная барышня, обслуживающая провод в десять тысяч миль, могла бы научить вежливости, терпению, скромности и хорошим манерам знатнейшую герцогиню в стране короля Артура.

— Телефонная барышня?

— Да. И не проси у меня объяснений; это девушка нового склада: таких здесь не бывает; иногда человек грубо с нею поговорит, хотя она нисколько не виновата, а потом стыдится этого и жалеет об этом тринадцать сотен лет, так как грубить подло, особенно если грубость твоя ничем не вызвана; ни один настоящий джентльмен не станет грубить телефонной барышне... хотя я... да, я сам, признаться...

— Быть может она...

— Бог с ней; оставь ее в покое; все равно ты ничего в ней не поймешь, сколько бы я ни объяснял.

— Пусть будет так, если вам угодно. И вот, сэр Гоуэн и сэр Уэн приблизились к ним, поздоровались с ними и спросили их, за что они так презирают этот щит. «Сэры, — сказали девы, — мы вам ответим. Этот белый щит принадлежит сдному рыцарю, живущему в нашей стране; он отважный рыцарь, однако он ненавидит всех дам и знатных женщин, живущих в нашей стране, и потому мы позорим его щит». — «Не подобает, — сказал сэр Гоуэн, — славному рыцарю ненавидеть дам и знатных женщин, но быть может у него есть к тому причины, быть может он любит дам и знатных женщин какой-нибудь другой страны, и если он так доблестен, как вы утверждаете...»

— Доблестен... Да, женщины ценят только доблесть, Сэнди. Ум для них — ничто. Том Сэйерс, Джон Хинэн,

Джон Л. Сулливан *, как жаль, что вас здесь нет. Через двадцать четыре часа вы добились бы права держать ноги под Круглым Столом и носить титул «сэр»; а еще через двадцать четыре часа вы перетасовали бы заново всех замужних принцесс и герцогинь двора. Здешний двор напоминает двор каманчей, где каждая индианка готова променять мужа на любого здорового молодца, лишь бы у него за поясом было побольше скальпов.

— ... «Если он так доблестен, как вы утверждаете, — сказал сэр Гоуэн, — назовите мне его имя». — «Сэр, — сказали они, — его зовут Мархауз, он королевский сын Ирландии».

— Надо говорить — сын короля Ирландии; ты говоришь неправильно. А теперь держись крепче, мы сейчас перепрыгнем через этот овраг... Вот так! Наша лошадь годится для цирка; она родилась преждевременно.

— ... «Этот рыцарь мне хорошо знаком, — сказал сэр Уэн, — он не хуже любого из ныне живущих. Я видел, как он на турнире сражался со многими рыцарями, и ни один не мог победить его». — «Ах, девы, — сказал Гоуэн, — мне думается, вы поступаете неосторожно, ибо тот, кто повесил здесь свой щит, скоро вернется, и тогда вы увидите, могут ли с ним сравниться те два рыцаря, и узнаете, что этот щит более достоин вашего поклонения, чем поругания; я же не хочу больше оставаться здесь и смотреть на посрамление рыцарского щита». Сэр Уэн и сэр Гоуэн отъехали в сторону и вдруг увидели сэра Мархауза, который скакал прямо к ним на огромном коне. Заметив сэра Мархауза, двенадцать дев со всех ног кинулись в башню и так спешили, что некоторые даже упали. Тогда один из рыцарей башни поднял свой щит и заносчиво крикнул: «Сэр Мархауз, защищайся!» И они съехались, и рыцарь сломал об Мархауза свое копьё, а сэр Мархауз скинул его на землю, и тот, падая, сломал шею себе и спину своему коню...

— Какой скверный обычай! Сколько лошадей гибнет зря.

— ... Это увидел второй рыцарь башни и бросился на Мархауза, и они сшиблись так яростно, что рыцарь башни рухнул на землю вместе с конем, оба мертвые.

— Еще одна лошадь погибла; говорю тебе, этот обычай надо уничтожить. Не понимаю, как умные люди могут терпеть такие обычаи и восхищаться ими.

— ... И вот, эти два рыцаря яростно кинулись друг на друга...

Я, видимо, задремал и пропустил целую главу, но ничего не сказал об этом Сэнди. Я предположил, что ирландский рыцарь за это время успел подраться с приезжими, и так оно и оказалось.

— ... Сэр Уэн с такой силой ударил сэра Мархауза, что сломал свое копьё об его щит, и сэр Мархауз с такой силой ударил сэра Уэна, что обрушил его вместе с конем на землю и пронзил ему левый бок...

— Сказать по правде, Алисанда, все эти ваши старинные повести слишком просты; запас слов у вас очень мал, и потому описания страдают отсутствием разнообразия; в них одни только факты, голые, как Сахара, и совсем нет никаких живописных подробностей; это придает им монотонность; ведь все сражения, в сущности, одинаковы: двое яростно бросаются друг на друга; «яростно» — хорошее слово, но есть слова ничуть не хуже, например: «бешено», или «пламенно», или «хищно», и сотни других; а то, чорт возьми, получается: они яростно кидаются друг на друга, ломают копыя, затем один разбивает щит другого, и тот падает вместе с конем, или перелетает через круп коня и ломает себе шею, затем на оставшегося в живых яростно кидается новый кандидат и ломает свое копьё, и ему разбивают щит, и он падает вместе с конем или перелетает через круп коня и ломает себе шею, потом еще кто-нибудь яростно кидается, потом еще и еще, пока не будет израсходован весь материал, и если вы захотите подвести итог, вам не удастся ни отличить одного поединка от другого, ни понять, кто победил, и, вместо живой картины боя, полной бешенства и рева, у вас получается нечто бледное и беззвучное, — будто какие-то призраки сражались в тумане. Боже, как бы вы стали описывать при таком скудном запасе слов какое-нибудь происшествие позначительнее, — например, сожжение Рима Нероном! Вы сказали бы: «Город сгорел; страховая премия уплочена не будет; мальчик разбил окно, пожарный сломал себе шею!» Нет, это не изображение пожара!

Я прочел ей целую лекцию, но на Сэнди она не произвела ни малейшего впечатления; пары ее словоизвержения снова вырвались наружу, чуть только я приоткрыл крышку.

— ... Тогда сэр Мархауз повернул коня и помчался к Гоуэну, направив на него копьё. Заметив это, сэр Гоуэн поднял свой щит, и они оба, выставив копыя вперед, понеслись друг на друга во всю прыть своих коней и

ударил друг друга в щиты, но копьё сэра Гоуэна сломалось...

— Я знал это заранее.

— ...а у сэра Мархауза не сломалось; и сэр Гоуэн вместе с конем рухнул на землю...

— Ну, конечно... и сломал себе спину...

— ...однако, сэр Гоуэн с легкостью вскочил на ноги, выхватил свой меч и пеший бросился на сэра Мархауза, и тот тоже спешил, и стали они биться мечами с такой яростью, что их щиты разлетелись в куски, их шлемы и панцыри раскололись, и оба они были ранены. Уже прошло девять часов, они дрались уже три часа, и с каждым часом сэр Гоуэн становился все сильнее и сильнее, и силы его утроились. Сэр Мархауз это заметил и очень дивился, почему сила его противника растёт, хотя они оба ранены; и когда, наконец, наступил полдень...

Звук ее заунывного голоса напомнил мне звуки, которые я так часто слышал в детстве:

— Нью-у-у— Хэвэн! Десять минут остановки... За две минуты до отправления кондуктор ударит в колокол... Пассажиры, отправляющихся по Приморской дороге, просят пересесть в задний вагон... Этот вагон дальше не пойдёт... Яблоки, апельсины, бананы, бутерброды, конфеты!

— ...и прошёл полдень, и день стал клониться к вечеру. И сила сэра Гоуэна стала иссякать, и он слабел, и не мог больше биться, а сэр Мархауз становился все огромнее и огромнее...

— Ему сделалось тесно в его латах; но разве эти люди способны обратить внимание на подобные мелочи.

— ...«Сэр рыцарь, — сказал сэр Мархауз, — я вижу, что вы доблестный рыцарь и что вы человек необычайной силы, но сила ваша начинает покидать вас, а так как важных причин для нашей ссоры нет, мне было бы жаль убить вас теперь, когда вы совсем ослабели». — «Ах, — сказал сэр Гоуэн, — благородный рыцарь, вы произнесли слова, которые я произнес бы сам на вашем месте», и они сняли шлемы, и поцеловались, и поклялись любить друг друга, как братья...

Но тут я потерял нить и задремал, размышляя над тем, как жаль, что люди, обладающие такой необычайной силой, — силой, дающей им возможность, закупорив себя в нестерпимо тяжёлый железный панцырь и обливаясь потом, рубить, и колоть, и молотить друг друга шесть часов

подряд, — не родились в такое время, когда их сила могла бы пригодиться на что-нибудь полезное. Возьмите, например, осла: осел обладает как раз такую силой, но употребляет эту силу на пользу, и потому весь мир ценит его за то, что он осел; а дворянина никто не станет ценить за то, что он осел. Из соединения дворянина с ослом ничего путного выйти не может, и дворянин никогда не должен выдвигать на первое место ослиную силу. Но, ничего не поделаешь, раз вы начали с ошибки, беды не исправишь, и никто вам не скажет, чем вы кончите.

Проснувшись, я заметил, что опять пропустил целую главу и что Алисанда уже увела своих героев очень далеко.

— ... Они ехали, ехали и въехали в глубокий овраг, полный камней, по дну которого бежал прозрачный ручеек; этот ручеек вытекал из фонтана, а у фонтана сидели три девы. «С тех пор, как этот край принял христианство, — сказал сэр Мархауз, — со всяким рыцарем, заезжавшим сюда, непременно случались странные приключения...»

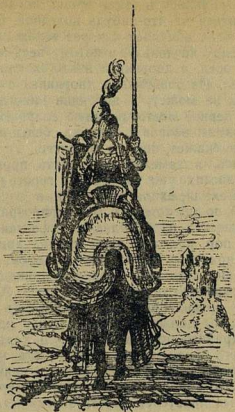
— Ты неправильно передаешь его речь, Алисанда. Сэр Мархауз, сын ирландского короля, говорит у тебя, как все остальные; ты должна придать ему ирландский акцент или, по крайней мере, какие-нибудь характерные словечки, чтобы его сразу можно было узнать, как только он заговорит, и чтобы отпала необходимость всякий раз называть его имя. Это общеупотребительный литературный прием всех крупных писателей. Пусть он скажет: «С тех пор, как этот край принял христианство, проткни его насквозь, со всяким рыцарем, заезжавшим сюда, непременно случались странные приключения, проткни его насквозь». Видишь, насколько лучше это звучит.

— ... «со всяким рыцарем, заезжавшим сюда, непременно случались странные приключения, проткни его насквозь». И вправду, благородный лорд, так гораздо лучше; мне трудно это выговорить, но со временем я привыкну. И они подъехали к девам и обменялись с ними приветствиями, и на голове у старшей девы сиял золотой венец, а отроду ей было три раза по двадцать зим и даже больше...

— Деве?

— Да, дорогой лорд, и под венцом у нее были белые волосы...

— И зубы у нее, можно поручиться, были из целлулоида по девяти долларов за челюсть, те самые, которые при еде прыгают вверх и вниз, как шторы, а при смехе вываливаются из рта.

Мы подъехали к замку, стоявшему
на холме.

— У второй девы, тридцати зим отроду, на голове был маленький золотой венчик. А третьей деве было всего пятнадцать лет. . .

Поток чувств хлынул мне в душу, и я перестал слышать голос Сэнди.

Пятнадцать! О, сердце мое, разбейся! О, милая моя, утраченная навеки! Пятнадцать лет было ей, такой нежной, такой прелестной, той, которую я любил больше всего на свете и которую никогда уже не увижу! И сразу, при мысли о ней, память перенесла меня в то далекое счастливое время, много-много столетий спустя, когда я, бывало, просыпался теплым летним утром, оторвавшись от милых снов о ней, и говорил: «Алло, центральная!» только для того, чтобы услышать в ответ слова: «Алло, Хэнк!», ка-

завишися моему очарованному слуху музыкой сфер. Она зарабатывала три доллара в неделю и была вполне их достойна.

Я так и не понял из дальнейших объяснений Алисанды, кто были плененные нами рыцари, — она, впрочем, и не пыталась мне это объяснить. Любопытство мое угасло, мысли мои были печальны и витали далеко. По случайным обрывкам ее рассказа я смутно понял, что каждый из этих трех рыцарей посадил одну из трех дев на круп своего коня и что они разъехались в разные стороны, — один на север, другой на восток, третий на юг — в поисках приключений, с тем чтобы встретиться через год и один день и лгать о своих похождениях. Уехали на год и один день, — и без всякого багажа. Вот еще один пример простоватости здешних жителей.

Солнце уже садилось. Свой рассказ о том, кто такие плененные нами ковбои, Алисанда начала в три часа пополудни, но, если принять во внимание обычную пространность ее речей, она, как видите, все же довольно далеко продвинулась в своем повествовании. Без сомнения, она когда-нибудь довела бы его до конца, торопить таких, как она, невозможно.

Мы подъехали к замку, стоявшему на холме; это было обширное, могучее древнее строение с серыми башнями, восхитительно окутанными плющом. Вся его величавая громада тонула в сиянии заходящего солнца. Это был самый большой замок из всех встреченных нами на пути, и я подумал, не тот ли это самый, который мы ищем, но Сэнди сказала: нет. Она не знала, кому принадлежит этот замок. Во время ее путешествия в Камелот она проехала мимо него, не останавливаясь.

Глава XVI

ФЕЯ МОРГАНА

Если верить странствующим рыцарям, не во всяком замке стоит искать гостеприимства. Странствующие рыцари, конечно, не те люди, которым следует верить, — если подходить к их рассказам с точки зрения наших современных взглядов на правдивость; однако, если подходить к ним с точки зрения их эпохи и сбавлять, сколько нужно, можно выделить правду. Это очень просто: от-

бросьте девяносто семь процентов, остальное — факт. Сделав такое вычисление, я пришел к выводу, что, прежде чем позвонить у дверей замка, — вернее, прежде чем позвать стражу, — следует узнать, что это за замок. И я очень обрадовался, увидев вдали всадника, который скакал нам навстречу по извилистой дороге, ведущей от замка.

Когда расстояние между нами уменьшилось, я заметил, что на голове у всадника шлем с перьями, что одет он в стальные латы, но поверх лат у него забавное добавление: квадратные доски с объявлениями на груди и спине. Я подъехал поближе и вдруг рассмеялся над своею забывчивостью — на досках было написано:

**МЫЛО
ПЕРСИММОНСА**

*Все примадонны
моются
этим мылом*

Это была моя собственная выдумка; цель ее — продвинуть народ по пути цивилизации. Во-первых, это был тайный удар из-за угла по бессмысленному странствующему рыцарству, удар, о котором никто не подозревал, кроме меня. Я разослал в разные стороны уже немало таких завербованных мною доблестных рыцарей, зажав их, как бутерброды, между двумя досками, на которых написано какое-нибудь объявление. Я рассчитывал на то, что со временем, когда их станет много, они не будут казаться смешными, напротив, любой закованный в сталь осел без доски будет чувствовать себя смешным, так как он одет не по моде.

Во-вторых, эти миссионеры постепенно, никого не пугая и не вызывая ничьих подозрений, приучат дворян к простейшим правилам чистоплотности, а от дворян эти правила усвоит народ, если только не помешают попы. Это будет подкоп под церковь. Вернее, самое начало подкопа. Затем — образование, затем — свобода, и церковь начнет разваливаться на куски. Я убежден, что господствующая церковь — это господствующее преступление, господствующее

Поверх лат у него было забавное добавление — квадратные доски с объявлениями на груди и спине.

щий закон для рабов, и, не колеблясь, готов бороться с ней любым оружием, лишь бы оно причинило ей вред. Ведь и в мои прежние годы, в тех грядущих веках, которые еще даже не начали шевелиться в пучине времен, были старые англичане, воображавшие, что они родились в свободной стране, — «свободной», с законом о корпорациях и законом, запрещающим лицам, не принадлежащим к господствующей церкви, занимать государственные должности, — этим частоколом, постыдно направленным против свободы и совести и охраняющим Господствующий Анахронизм*.

Я выучил своих миссионеров читать золоченые надписи на их досках; прекрасная была идея — вызолотить буквы; сам король не прочь был бы надеть на себя доску с объявлением, столько в ней было варварского величия! Миссионеры должны были читать свои объявления лордам и лэди и объяснять им, что такое мыло; если же лорды и лэди побоятся испробовать мыло, они должны были предложить им испробовать его на собаке. Затем миссионер обязан был собрать всю семью и показать действие мыла на себе самом; он не мог отступать ни перед какими трудностями, даже перед самыми неприятными опытами, лишь бы убедить дворянство, что мыло совершенно безвредно; если, несмотря ни на что, недоверие не рассеется, он должен был поймать отшельника, — все леса кишели ими; отшельники называли себя святыми, и все верили в их святость. Они были несказанно набожны и творили чудеса, и все благоговели перед ними. Если отшельника вымыть при герцоге и отшельник выживет, а герцог все-таки не уверует в мыло, — такого герцога надо оставить в покое и уйти от него прочь.

Когда моим миссионерам удавалось победить какого-нибудь странствующего рыцаря, они мыли его, а затем брали с него клятву, что он добудет себе такую же доску и будет распространять мыло и цивилизацию до конца своих дней. Таким образом число сподвижников на этом поприще все увеличивалось, и потребление мыла упорно росло. Мой мыловаренный завод это скоро почувствовал. Сначала у меня работало только двое рабочих, но перед моим отъездом у меня было их уже пятнадцать, и они работали днем и ночью. Запах от завода был так силен, что король однажды чуть не упал в обморок; задыхаясь, он заявил, что не в силах больше терпеть, а сэр Ланселот, тот только ходил по крыше и ругался.

Я уверял его, что на крыше запах сильнее всего, но он отвечал, что там, по крайней мере, можно дышать, и всякий раз прибавлял, что дворец — неподходящее место для мыловаренного завода и что он задушил бы того негодяя, который осмелился бы открыть мыловаренный завод в его собственном доме. Он не переставал ругаться даже в присутствии дам, но люди, подобные ему, с этим не считаются. А когда ветер доносил запах с завода, все готовы были ругаться даже при детях.

Рыцаря-миссионера, попавшегося нам навстречу, звали ля-Кот-Мэл-Тэл. Он сообщил нам, что в замке живет фея Моргана, сестра короля Артура и жена короля Уриэнса, все королевство которого было величиной с округ Колумбия*, — можно было стоять в самой его середине и швырять камешки в соседнее государство. «Королей» и «королевств» в Британии было столько же, сколько в Палестине при Иисусе Навине*, и жителям приходилось спать, поджав колени к подбородку, потому что нельзя было вытянуть ноги, не имея заграничного паспорта.

Ля-Кот был в большом унынии, так как в этом замке он потерпел самую досадную неудачу за все свое путешествие. Ему ничего не удалось продать, несмотря на то, что он выполнил все, чего требовало его ремесло, и даже вымыл отшельника; но отшельник умер. Это, действительно, была крупная неудача, ибо теперь скота-отшельника зачислят в мученики, и он попадет в святцы римско-католической церкви. Несчастный сэр ля-Кот-Мэл-Тэл стонал, сердился и мучился. Мое сердце обливалось за него кровью; мне хотелось утешить его и поддержать. И я сказал:

— Не печалься, благородный рыцарь, это еще не поражение. Ты да я, мы с тобой люди с мозгами, а у тех, у кого есть мозги, не бывает поражений, у них могут быть только победы. Вот посмотри, как мы превратим это кажущееся несчастье в рекламу; в рекламу нашему мылу; в рекламу, которая уничтожит даже воспоминание об этой незначительной неудаче; в рекламу, которая превратит поражение величиной с Вашингтонский холм в победу вышиной с Маттергорн*. Мы напишем на твоей доске: «Находится под покровительством святого». Тебе это нравится?

— Еще бы! Прекрасная мысль!

— Да, каждый согласится, что мысль прекрасная. Всего одна строчка, а как убедительно!

Все огорчения несчастного коммивояжера* разом рассеялись. Он был отважный малый и в свое время одержал много побед на поле брани. Впрочем, прославился он главным образом путешествием, вроде моего теперешнего, которое он совершил совместно с одной девой по имени Маледизанта, такой же разговорчивой, как и Сэнди, с той только разницей, что она была груба и сварлива, тогда как болтовня Сэнди была безобидна. Мне хорошо была известна его история, и я понял, что означало сочувствие, появившееся у него на лице, когда он прощался со мною. Он думал, что и мне нелегко.

Двинувшись в путь, мы с Сэнди принялись обсуждать его историю, и она сказала, что ля-Коту не везло с самого начала той его поездки; в первый же день его сшиб с коня королевский шут; по обычаю, девушка должна покинуть побежденного и перейти к победителю, но Маледизанта отказалась расстаться с ля-Котом; и в дальнейшем ни за что не соглашалась отстать от него, несмотря на все его поражения. «Но предположим, — сказал я, — победитель откажется принять такую добычу. Что тогда?» Она сказала, что такого вопроса возникнуть не может, победитель обязан принять добычу. Он не может отказаться; это будет не по правилам. Я на всякий случай запомнил ее слова. Если болтовня Сэнди станет непереносимой, я дам какому-нибудь рыцарю победить себя, чтобы предоставить ей возможность перейти к нему.

Со стен замка нас окликнула стража и, после обычных переговоров, нам разрешили войти. Ничего хорошего об этом визите я рассказать не могу. Но и никакого разочарования я не испытал, так как репутация миссис феи Моргань* мне была давно известна, и ничего приятного я не ожидал. Ее королевство трепетало перед ней, так как она всех заставила поверить, что она великая волшебница. Все желания ее и все ее поступки были преисполнены дьявольской злобы. Холодная злость переполняла ее. Вся жизнь ее была цепью страшных преступлений. Посмотреть на нее мне было любопытно, как на самого сатану. К моему удивлению, она оказалась красавицей; черные мысли не сделали отталкивающим выражение ее лица, годы не провели морщин по ее атласной коже и не коснулись ее цветущей свежести. Ее можно было принять за внучку старого Уриэнса, она казалась сестрой своего собственного сына.

Как только мы въехали в ворота замка, она повелела

привести нас к себе. Мы увидели короля Уриэнса — старика с добрым лицом, не смевшего поднять глаз, и его сына, сэра Уэна ля-Бланшмэн, с которым мне очень любопытно было встретиться, во-первых, потому, что, как гласит предание, он однажды зараз победил тридцать рыцарей, а во-вторых, потому, что он путешествовал вместе с сэром Гоуэном и сэром Мархаузом, о которых мне рассказывала Сэнди. Но, конечно, больше всего меня интересовала сама Моргана; сразу было видно, что она всем здесь управляет. Она предложила нам сесть и с милой приветливостью начала нас расспрашивать. Господи! Голос ее был похож на птичье пенье, на флейту. Мне стало казаться, что женщину эту оклеветали, оболгали. Она щебетала, щебетала до тех пор, пока хорошенький юный паж, гибкий, как волна, и разодетый пестро, как радуга, не подал ей что-то на золотом подносе; стараясь как можно изящнее опуститься перед ней на колени, он переусердствовал, потерял равновесие и легонько ударил ее по колену. Тогда она с таким спокойствием вонзила в него кинжал, словно он был крысой.

Бедный мальчик! Он рухнул на пол, скорчив от боли одетые в шелк руки и ноги, и умер. Старый король невольно вскрикнул от жалости: «ох!» Но она кинула на него такой взгляд, что он сразу замолк и больше уже не смел и рта раскрыть. Сэр Уэн, по знаку матери, вышел в прихожую и позвал слуг, а тем временем королева продолжала сладостно щебетать.

Она безусловно была хорошая хозяйка: ведя разговор, она все время следила, как бы слуги, выносившие тело, не сделали какого-нибудь промаха; когда они принесли чистые полотенца, она велела унести их обратно и принести другие, а когда они вытерли пол и уже собирались уходить, она глазами указала им на крохотное красное пятнышко, которого они не заметили. Мне стало ясно, что ля-Кот-Мэл-Тэлу не удалось повидать хозяйку этого дома. Немое свидетельство фактов часто говорит громче и более внятно, чем человеческий язык.

Голосок феи Морганы был музыкален попрежнему. Удивительная женщина! А какой у нее взгляд! Слуги вздрагивали от ее взгляда, как вздрагивают робкие люди при блеске молнии. Я и сам вздрагивал. Несчастный старый Уриэнс вздрагивал тоже; ужас не покидал его ни на мгновение; он вздрагивал даже раньше, чем она взглядывала на него.

Бедный мальчик! Он рухнул на пол, скорчив от боли одетые в шелк руки и ноги, и умер.

В разговоре я нечаянно произнес несколько благожелательных слов о короле Артуре, забыв о том, как ненавидит эта женщина своего брата. Этого было достаточно. Она нахмурилась, как туча. Позвала стражу и сказала:

— Бросьте этих мошенников в темницу!

Я похолодел, так как ее темницы славились по всей стране. Я растерялся, я не знал, что сказать, что сделать. Но Сэнди не растерялась. Когда воин протянул ко мне руку, она сказала ему спокойно и бесстрашно:

— Ты смерти, что ли, ищешь, безумец? Да ведь это Хозяин!

Удивительно счастливая мысль! И такая простая. Однако мне она не пришла в голову: я от природы скромный; не всегда, но в некоторые минуты, а это случилось как раз в одну из таких минут.

Королева мгновенно изменилась. Лицо ее снова стало ясным, улыбающимся, приветливым, изящество вернулось к ней; однако ей не удалось скрыть, до какой степени она испугана. Она сказала:

— Послушай, какой вздор болтает твоя служанка! Как можно было не понять, что я сказала все это только в шутку. Благодаря моим чарам я предвидела твой приход, победитель Мерлина, благодаря моим чарам я узнала тебя, едва ты вошел. Я нарочно сыграла эту шутку, чтобы захватить тебя врасплох и заставить тебя показать свое искусство; я надеялась, что ты обрушишь на этих воинов волшебное пламя и сожжешь их на месте; я сама не могу совершить такого чуда, а мне так хотелось посмотреть на него, я ведь любопытна, как ребенок.

Воины были менее любопытны и поспешно удалились, чуть только им это позволили.

Глава XVII

КОРОЛЕВСКИЙ ПИР

Королева, видя, что я не сержусь и не возмущаюсь, пришла, без сомнения, к выводу, что ей удалось меня обмануть. Страх ее рассеялся, и она принялась так настойчиво просить меня показать свое искусство и убить кого-нибудь, что я не знал, как от нее отвязаться. К счастью, нас всех позвали на молитву, и ей пришлось умолкнуть. Нужно признать, что дворянство, несмотря на свою склонность к мучительству и убийству, несмотря на свою жадность и развратность, было глубоко и восторженно религиозно. Ничто не могло отвлечь его от добросовестного выполнения всех обрядов, предписанных церковью. Не раз я сам видел, как дворянин, застигнув врага врасплох, останавливался помолиться, прежде чем перерезать ему горло; не раз я видел, как дворянин, напавший на врага из засады и убивший его, отправлялся к ближайшему придорожному распятию, приносил благодарность богу и только после этого грабил мертвеца. Даже десять столетий спустя такой неотесанный святоша, как Бенвенуто Челлини*, поступал столь же утонченно. Вся британская знать вместе с семьями ежедневно утром и вечером присутствовала при богослужении в своих домовых церквях, и даже самые захудалые из дворян, помимо того, еще пять-шесть раз в день собирались на общую семейную молитву. Это должно быть поставлено церкви в заслугу. Я не сторонник католической церкви,

но этой заслуги ее отрицать не могу. И нередко я против воли спрашивал себя: «Что стало бы с этой страной, если бы не было церкви?»

После молитвы мы обедали в просторной пиршественной зале, освещенной сотнями сальных свечей, где все дышало той пышностью, щедростью и грубой роскошью, которая подобает королям. В почетном конце залы, на помосте, стоял стол короля, королевы и их сына, принца Уэна. А на полу стоял общий стол, тянувшийся через всю залу. За ним, выше солонки, восседали вельможи и взрослые члены их семейств, составлявших королевский двор — всего шестьдесят один человек; ниже солонки сидели важнейшие королевские слуги со своими подчиненными; всего за столом сидело сто восемнадцать человек, а за их стульями стояло столько же одетых в ливреи лакеев, которые им прислуживали. На хорах оркестр, состоявший из цимбал, рогов, арф и прочих ужасов*, открыл веселье грубым прообразом застольной песни «В уюте, в прохладе», похожей на вопли умирающего и хорошо известной в грядущих веках. Тогда песня эта была еще совсем новой, и оркестр не успел ее, видимо, как следует разучить. Не знаю, по этой ли причине, или по какой-нибудь другой, но королева приказала после обеда повесить композитора.

Когда музыка смолкла, священник, стоявший позади королевского стола, произнес по-латыни проповедь весьма почтенной длины. Затем батальоны лакеев сорвались со своих мест, побежали, заметались, стремительно разнося блюда, и пиршество началось; никто ничего не говорил, все были заняты делом. Ряды челюстей открывались и закрывались одновременно, и звук жевания был похож на глухой гул подземных машин.

Жратва продолжалась полтора часа, и количество истребленной за это время пищи невозможно себе вообразить. От главного блюда — огромного дикого кабана, величаво и важно лежавшего посреди стола, не осталось ничего, кроме ребер; и это — образец и символ той участи, которой подверглись все остальные кушанья.

Когда подали сладкое, началось пьянство, а с пьянством — разговоры. Вино и мед исчезали галлон за галлоном. Мужчины и женщины становились сначала довольными, потом счастливыми, затем неистово веселыми и шумными. Мужчины рассказывали такие анекдоты, что страшно было слушать, но никто не краснел; после ка-

Оркестр, состоявший из цимбал, рогов, арф и прочих ужасов.

жлого анекдота все так ржали, что дрожали каменные стены замка. Дамы, в свой черед, рассказывали сказки, от которых, чего доброго, закрылась бы платком королева Маргарита Наваррская и даже великая Елизавета Английская*; но здесь никто платком не закрывался, все только смеялись, — вернее, лаяли от смеха. Почти во всех рассказах главными героями были священники, но это ничуть не смущало присутствовавшего здесь капеллана, — он смеялся вместе со всеми; мало того, по просьбе собравшихся, он заорал песню, которая была не менее непристойна, чем остальные песни, пропетые за этот вечер.

К полуночи все устали от смеха, все были пьяны. Одни плакали, другие слишком веселились, одни ссорились, другие лежали под столом, как мертвые. Из дам хуже всего вела себя хорошенькая молоденькая герцогиня, для

которой этот вечер был кануном свадьбы. Да, тут было на что посмотреть!

Внезапно, как раз в ту минуту, когда священник поднял руки, а все, еще не потерявшие сознание, набожно склонились, ожидая, чтобы он благословил их на ночь, в глубине зала, под входной аркой, появилась старая сгорбленная седая дама, опиравшаяся на костыль. Она подняла свой костыль, направила его на королеву и крикнула:

— Божий гнев и божье проклятие да падут на тебя, безжалостная, за то, что ты убила моего невинного сына и разбила мое сердце, мое старое сердце, у которого никого не было во всем мире, кроме него!

Все в страхе перекрестились, ибо люди тех времен ужасно боялись проклятий, но королева, со смертельной злобой в глазах, величественно поднялась и бросила через плечо безжалостное приказание:

— Взять ее! На костер!

Воинь послушно двинулись к старухе. Стыдно было смотреть на такую жестокость. Но что можно было сделать? Сэнди взглянула на меня. Я понял, что ее снова осенило вдохновение, и сказал:

— Делай, как знаешь.

Она сразу встала и повернулась к королеве. Указав на меня, она проговорила:

— Ваше величество, он не позволяет. Отмените свое приказание, а не то он разрушит замок и развеет его по воздуху, как зыбкое сновидение!

Чорт возьми, какое безумное обязательство должен я принять на себя! Что, если королева...

Но мои опасения сразу рассеялись, ибо королева растерянно и без всякого сопротивления дала знак воинам, что приказание отменено, и опустилась на стул. Она разом протрезвела. Протрезвели и многие другие. Все повскакали с мест и, позабыв об этикете, толпой кинулись к дверям, опрокидывая стулья, разбивая посуду, толкаясь, давя друг друга, лишь бы успеть уйти, прежде чем я передумаю и все же развею дворец по бесконечным небесным пространствам. Какие суеверные люди! Трудно себе даже представить, до чего они были суеверны.

Несчастливая королева так испугалась и так присмирела, что без моего разрешения не решалась повесить даже композитора. Мне стало жаль ее, и всякий пожалел бы ее на моем месте, так как она действительно страдала; я решил пойти на уступки и не доводить дело до крайности.

Поразмыслив, я приказал позвать музыкантов и велел им снова сыграть «В уюте, в прохладе»; они сыграли. Я убедился, что королева права, и дал ей разрешение повесить весь оркестр. Эта маленькая побрякушка подействовала на королеву самым благотворным образом. Государственный деятель ничего не выиграет, если будет проявлять твердость и непреклонность решительно во всех случаях, ибо это оскорбляет гордость его подчиненных и тем расшатывает его собственное могущество. Маленькие уступки то там, то здесь, где они не вредят делу, — самая мудрая политика.

Теперь, когда королева опять была спокойна и даже счастлива, вино снова ударило ей в голову, и она принялась за прежнее. Я хочу сказать, что вино развязало ей язык, и он опять зазвенел, как серебряный колокольчик. Да, говорить она была мастерица! Мне неудобно было напомнить ей, что уже поздно, что я устал и хочу спать. Я жалел, что не ушел спать раньше, когда это было возможно. А теперь нужно было терпеть, ничего другого не оставалось. И среди глубокой призрачной тишины спящего замка язычок ее звенел и звенел до тех пор, пока снизу, издалека, не донесся до нас приглушенный крик, полный такой муки, что я содрогнулся. Королева смолкла, и глаза ее радостно сверкнули; она по-птичьи склонилась на бок свою хорошенькую головку и прислушалась. И опять среди глубокой тишины до нас донесся тот же звук.

— Что это? — спросил я.

— Вот упорная душа! Как он долго терпит! Уже много часов.

— Что терпит?

— пытку. Пойдем, — ты увидишь веселое зрелище. Если он и теперь не покается, ты посмотришь, как его будут рвать на куски.

Что за очаровательное исчадие ада! Она была спокойна и безмятежна, а у меня ноги подкашивались от сочувствия страдальцу. В сопровождении вооруженных воинов, которые несли пылающие факелы, мы шли по гулким коридорам, по сырým каменным лестницам, где пахло плесенью и веками тюремной тьмы. Это был тягостный, жуткий и долгий путь, нисколько не ставший короче и приятнее от болтовни колдуньи, рассказывавшей о несчастном и его преступлении. По утверждению одного доносчика, пожелавшего остаться неизвестным, он убил оленя в заповедных королевских лесах. Я сказал:

— Донос неизвестного человека еще не доказательство, ваше величество. Правильнее было бы свести на очной ставке обвиняемого с обвинителем.

— Я не подумала об этом, дело такое пустяковое. А если бы даже и подумала, все равно не могла бы устроить очной ставки, так как обвинитель явился к леснику ночью, в маске, рассказал ему все и скрылся, и лесник не знает, кто он такой.

— Значит, этот неизвестный — единственный человек, который видел, как убили оленя?

— Ах, господи! Никто не видел, как убили оленя. Но тот неизвестный видел этого упряма возле того места, где лежал олень, и, полный верноподданнического усердия, донес о нем леснику.

— Значит, неизвестный тоже был недалеко от мертвого оленя? А что, если он сам его убил? Его верноподданническое усердие, да еще в маске, весьма подозрительно. Но ради чего вы, ваше величество, решили предать арестованного пытке?

— Он не хотел покаяться. А если он не покается, его душа пойдет в ад. За преступление, которое он совершил, закон карает смертью, — и уж, конечно, я послежу, чтобы он не избежал кары! Но я погублю свою собственную душу, если дам ему умереть без раскаяния и отпущения грехов. Нет, я не такая дура, чтобы угодить из-за него в ад!

— А вдруг, ваше величество, ему не в чем каяться?

— Это мы сейчас узнаем. Если я его замучаю до смерти, а он все-таки не покается, потому что ему не в чем каяться, — тем лучше. Не попаду же я в ад из-за нераскаявшегося человека, которому не в чем было каяться.

В то время все так рассуждали. Спорить с ней было бесполезно. Того, что вбили в голову с детства, нельзя вышибить никакими доводами; все доводы разбиваются, как волны о скалу. А ей вбили в голову то, что и всем. Самые светлые умы страны не разглядели бы, в чем слабая сторона ее рассуждений.

Войдя в камеру пыток, мы увидели зрелище, которое до сих пор стоит у меня перед глазами; я хотел бы его отогнать, но не могу. Растянутый на дыбе, лежал гигант лет тридцати с небольшим; его запястья и щиколотки были привязаны веревками к крюкам. Ни кровинки не было в его искаженном мучкой лице; капли пота выступили на лбу. Над ним склонился священник; рядом со священником стоял

палач; палача охраняла воины; пылали факелы, вставленные в стены; в углу сидела, скорчившись, молодая женщина с безумным затравленным взором, а у нее на коленях спал младенец. Как только мы шагнули через порог, палач слегка повернул колесо; несчастный и женщина вскрикнули одновременно; но я приказал, и палач сразу ослабил веревки, даже не взглянув, кто отдал приказ. Я не мог позволить, чтобы этот ужас продолжался; я не мог его вынести, я умер бы на месте. Я попросил королеву выйти из камеры и дать мне возможность поговорить с заключенным наедине; когда она начала спорить, я вполголоса сказал ей, что не желаю ссориться с ней в присутствии слуг, но воля моя должна быть исполнена, так как я представитель короля Артура и повелеваю его именем. Она поняла, что должна уступить. Я попросил ее назвать меня этим людям и затем удалиться. Это было ей неприятно, но она проглотила пилюлю и сделала даже больше, чем я ожидал. Я хотел лишь опереться на ее власть, она же сказала:

— Делайте все, что вам прикажет этот лорд. Он — Хозяин.

Это слово действовало, как заклинание, — тюремные крысы склонились передо мной. Воины королевы построились и, неся факелы, вышли вслед за нею; их мерный шаг, удаляясь, гулко отдавался в подземных коридорах. Я велел снять заключенного с дыбы и положить на койку. Ему дали вина, к ранам его приложили целебные зелья. Женщина подползла ближе и смотрела на него жадно, нежно, но испуганно, — она боялась, что ее прогонят; она протянула руку, чтобы украдкой коснуться его лба, но, когда я нечаянно повернулся к ней, в ужасе отскочила. Жаль было смотреть на нее.

— Господи, — сказал я, — да погладь его, девочка! Делай, что хочешь, не обращай на меня внимания.

В глазах у нее вспыхнула благодарность, как у животного, которое приласкали. Она положила ребенка на пол, прижалась щекой к щеке мужа, пальцами перебирала его волосы, и счастливые слезы текли по ее щекам. Он очнулся и нежно смотрел на нее, — приласкать ее у него не было силы. Я решил, что пора прогнать из камеры посторонних; я велел выйти всем, кроме жены заключенного. Затем я сказал:

— Ну, друг мой, расскажи мне, как ты сам смотришь на то, в чем тебя обвиняют; как смотрят другие, я уже знаю.

Мужчина отрицательно покачал головой. Но женщина, видимо, обрадовалась — так, по крайней мере, мне показалось — моему предложению. Я продолжал:

— Ты знаешь меня?

— Да. В королевстве Артура тебя знают все.

— Если тебе на меня не нагнали, ты не должен бояться со мной говорить.

Женщина поспешно перебила меня:

— Ах, мой благородный лорд, убеди его! Ты можешь его убедить, если захочешь. Он перенес такие муки! И все ради меня, ради меня! А я не в силах вынести его мучений. Как хотела бы я, чтобы он умер скорой легкой смертью! Но мук твоих, мой Гуго, я вытерпеть не могу!

Она зарыдала и кинулась к моим ногам, умоляя меня. О чем умоляя? О смерти мужа? Я не вполне понимал, что происходит. Но Гуго перебил ее:

— Молчи! Ты сама не ведаешь, о чем просишь. Неужели я, ради легкой смерти, обреку на голод тех, кого люблю? Я думал, ты меня знаешь лучше.

— Ничего не понимаю, — сказал я. — Не могу разгадать ваших загадок. Ты...

— Ах, дорогой мой лорд, убеди его! Подумай, как мучают меня его страдания. Он молчит, он не хочет говорить! А я так обрадовалась бы, если бы он умер скорой смертью. . .

— О чем ты болтаешь? Он выйдет отсюда свободным человеком. Он не умрет.

Бледное лицо мужчины засияло, а женщина, в неудержимом порыве радости, кинулась ко мне, крича:

— Он спасен! Ибо сам король Артур говорит устами своего слуги, а слово короля Артура — золото!

— Значит, ты в конце концов поверил, что на меня можно положиться. Отчего ж ты не верил мне прежде?

— Кто ж тебе не верил? Не я и не она.

— Почему же ты не хотел мне ничего сказать?

— Ты ничего мне не обещал, а то я рассказал бы тебе сразу же.

— Понимаю, понимаю... И все-таки не совсем понимаю. Ты терпел пытки и не сознавался; это доказывает, что тебе не в чем сознаваться...

— Мне, милорд? Почему же? Ведь оленя-то убил я!

— Ты? О боже, какое запутанное дело!..

— Драгоценный лорд, я на коленях умоляла его сознаться, но...

— Ты умоляла сознаться! Дело становится еще запутаннее. Зачем же ты его умоляла сознаться?

— Чтобы добиться для него скорой смерти и избавить его от жестоких мук.

— Да... в этом есть смысл. Но ведь он не хотел скорой смерти.

— Он? Конечно, хотел.

— Почему же он тогда не сознавался?

— Ах, сладчайший сэр, он не хотел оставить жену и ребенка без хлеба и крова.

— О, теперь я все понял! Вот золотое сердце! Жестокый закон отнимает имущество осужденного, разоряя его вдову и сирот. Можно замучить тебя до смерти, но, если ты не признаешься, нельзя обокрасть твою жену и твоего ребенка. Ты был стоек, как настоящий мужчина; а ты, настоящая жена и настоящая женщина, готова была купить его избавление от мук ценою собственной голодной смерти... Да, женщины способны на самопожертвование. Я вас обоих возьму в свою колонию; вам там понравится; это фабрика, где я превращаю незрячие и тупые автоматы в людей.

Глава XVIII

В ТЕМНИЦАХ КОРОЛЕВЫ

Я все устроил: заставил отпустить этого человека домой. Мне очень хотелось вздернуть на дыбу палача; не за то, что он был хороший, усердно мучивший чиновник, — ибо не мог же я поставить ему в вину, что он добросовестно исполнял свои обязанности, — а за то, что он беспричинно бил и всячески обижал жену узника. Мне рассказали про это попы, горячо требуя наказания палача. Попы — неприятнейшая порода, но иногда они выказывали себя с хорошей стороны. Я имею в виду некоторые случаи, доказывающие, что не все попы были мошенниками и себялюбцами и что многие из них, особенно те, которые стояли ближе к простому народу, искренне, бесхитростно и набожно старались облегчить страдания и горести людей. Это очень меня огорчало, но я не мог этого изменить и потому мало над этим задумывался; я не имею обыкновения размышлять о вещах, которые не в силах изменить. Мне это не нравилось, потому что привязывало

народ к господствующей церкви. Что говорить, без религии пока не обойдешься, но мне больше нравится, когда церковь разделена на сорок независимых враждующих сект, как было в Соединенных Штатах в мое время. Концентрация власти в политической организации всегда нехороша; а господствующая церковь — организация политическая; она создана ради политических целей; она выпестована и раскормлена ради них; она враг свободы, а то добро, которое она делает, она делала бы еще лучше, если бы была разделена на много сект. Быть может я и не прав, но таково мое мнение. Я, конечно, всего только человек, всего один человек, и мое мнение стоит не больше, чем мнение папы, но и не меньше.

Вздернуть палача на дыбу я не хотел, но не мог оставить без внимания справедливую жалобу попов. Он заслужил наказание, и я, сняв его с должности палача, назначил его на должность капельмейстера во вновь организуемый оркестр. Он умолял меня о пощаде, он уверял, что не умеет играть, — отговорка, вообще, уважительная, но в данном случае ничего не значащая: во всей стране не было музыканта, который умел бы играть.

Королева на утро обиделась, узнав, что она не получит ни жизни Гуго, ни его имущества. Но я объяснил ей, что ей придется терпеливо перенести эту неудачу, так как, хотя закон и обычай дают ей право на жизнь и имущество этого человека, я усмотрел в деле смягчающие обстоятельства и помиловал его именем короля Артура. Олень опустошил поля этого человека, и он убил его в запальчивости, а не ради выгоды; потом он отнес его в королевский лес, надеясь, что благодаря этому отыскать виновного не удастся. Но втолковать ей, будь она проклята, что запальчивость является смягчающим вину обстоятельством при убийстве оленя и человека, я не мог, а потому замолчал и предоставил ей сердиться, сколько она хочет. Объясняя, я, между прочим, сказал ей, что порыв гнева, охвативший ее, когда она убила пажу, является обстоятельством, несколько смягчающим преступление.

— Преступление! — воскликнула она. — О чем ты говоришь? Преступление, подумаешь! Ведь я собираюсь заплатить за это!

Убеждать ее было бесполезно. Взглядов, привитых с детства, не выбьешь ничем; воспитание — это всё. Мы говорим о характере, — глупости: никаких характеров не существует; то, что мы называем характером, — попросту

наследственность и воспитание. У нас нет собственных мыслей, собственных мнений. Наши мысли и мнения складываются под влиянием воспитания. Все, что есть у нас собственного и что, следовательно, является нашей заслугой или нашей виной, может поместиться на кончике иглки, все же остальное нам передал длинный ряд предков, начиная с Адама, или кузнечика, или обезьяны, от которых после биллионов лет столь утомительного, поучительного и невыгодного развития произошла наша теперешняя порода. Я же, со своей стороны, в этом трудном и нерадостном паломничестве между двумя вечностями, стремлюсь только к тому, чтобы прожить жизнь чисто, возвышенно, безупречно и сохранить ту микроскопическую частицу, которая, собственно, и составляет все мое подлинное я; остальное может отправляться хоть в преисподнюю, мне безразлично.

Нет, будь она проклята, эта королева. Мозгов у нее в голове было достаточно, но воспитание превратило ее в ослицу, — конечно, лишь с точки зрения людей, родившихся много столетий спустя. Убийство пажа — не преступление, а осуществление ее права; и она твердо отстаивала свое право, не сознавая его несправедливости. Она была воспитана в неколебимом и не требующем проверки убеждении, что закон, разрешающий ей убивать, кого она пожелает, правилен и справедлив.

Ну что ж, даже сатане нужно отдать должное. Она, в сущности, заслуживала похвалы; но похвалить ее я не мог, слова застревали у меня в горле. Убить мальчика она имела право и вовсе не была обязана платить за это убийство. Закон, требовавший уплаты за убийство, касался других, но не ее. Она вполне сознавала, что поступает великодушно и благородно, платя за этого мальчика, и что я, из справедливости, должен был похвалить ее за такой поступок, но я не мог, у меня язык не поворачивался. Мне все представлялась несчастная старая дама с разбитым сердцем и хорошенький мальчик в шелковом наряде, залитом алой кровью. Разве можно оплатить его смерть? Кому она будет платить? И, зная, что эта женщина, при ее воспитании, заслуживает похвалы и даже восхищения, я, воспитанный по-другому, не мог ее похвалить. Пересилив себя, я сказал ей, что ее похвалят другие, — на большее я не был способен:

— Ваше величество, ваш народ будет боготворить вас за это.

То, что я сказал ей, было правдой, но в глубине души я мечтал дожить до того дня, когда мне удастся повесить ее за этот благородный поступок. Очень уж плохи были многие законы, слишком уж плохи. Господин имел право убить своего раба без всякой причины — в раздражении, в злости или просто для того, чтобы провести время; и человек, носящий корону, тоже имел право убить своего раба, то есть любого человека. Дворянин имел право убить простолюдина, но должен был заплатить за убийство деньгами или хлебом. Дворянин имел по закону право убить другого дворянина совершенно бесплатно, но должен был ждать мести. В с я к и й, кроме простолюдина и раба, имел право убить к о г о - н и б у д ь; простолюдин и раб такой привилегией не пользовались. Если они убивали кого-нибудь, это так и считалось — убийством, а закон за-прещал убийства. Если убитый был человек более знатный, чем убийца, с убийцей и его семьей жестоко расправлялись. Если простолюдин наносил дворянину царапину, его привязывали к лошадям и разрывали на части, и целые толпы сбегались посмотреть на это зрелище, чтобы повеселиться и приятно провести время.

Достаточно я нагляделся на этот ужасный замок, и мне хотелось уехать, но уехать я еще не мог, так как задумал совершить одно дело, забыть о котором мне не позволяла совесть.

Дело это было неприятное, и мне не очень хотелось браться за него. И все же мысль о нем мучила меня все утро. Я, конечно, мог бы поговорить об этом деле со старым королем, но толку бы все равно не добился, — король был потухшим вулканом; в свое время вулкан этот действовал, но пламя его уже давно погасло, и от него осталась только величавая груда пепла; нет, король был добродушен, ласков, способен меня понять, но бесполезен. Он здесь не значил ничего, этот, так называемый, король; вся власть находилась в руках у королевы. Она была настоящим Везувием. Из любезности она могла зажарить для вас стаю воробьев, но тут же воспользоваться этим предлогом, чтобы начать извержение и похоронить целый город. Впрочем, бывает, что вы ждете самого худшего, а на деле все оказывается вовсе не так уж плохо.

Я набрался храбрости и обратился к ее величеству. Я сказал, что недавно произвел общий осмотр темниц в Камелоте и окрестных замках и, если она разрешит, охотно посмотрел бы и ее коллекцию узников. Она заупрями-

лась; впрочем, этого я и ожидал. А потом согласилась. Этого я ожидал тоже, но не думал, что она согласится так скоро. И почувствовал облегчение. Она кликнула воинов с факелами, и мы отправились вниз, в темницу. Темница находилась под замком и состояла из множества крохотных камер, выдолбленных прямо в скале. В некоторые вовсе не проникал свет. В одной из них мы обнаружили женщину в лохмотьях, которая сидела на земле, не произнося ни слова и не отвечая на наши вопросы; только раз или два она взглянула на нас сквозь паутину падавших ей на лицо спутанных волос, словно хотела разглядеть, кто это вместе со светом и шумом ворвался в ее унылые смутные сны, которые стали ее жизнью; затем она опять склонила лицо, сложив на коленях руки с грязными пальцами, и больше не двигалась. Этой женщине, похожей на мешок костей, с виду было лет около сорока; но только с виду; она просидела в темнице девять лет, и ей было всего восемнадцать, когда ее посадили сюда. Она была простолюдинка, и ее отправил в темницу сэр Брез-Санс-Питэ, соседний лорд; ее отец был вассалом этого лорда; лорд посадил ее сюда за то, что она в ночь своей свадьбы отказала ему в том, что впоследствии получило название права сеньора, и, мстя за насилие насилем, пролила полрюмки его почти священной крови. На помощь невесте прибежал ее жених, думая, что жизни ее угрожает опасность, и вытолкал в гостиную, полную перепуганных, дрожащих гостей, удивленного таким странным обращением и глубоко обидевшегося лорда. У лорда его собственная темница была набита битком, и он попросил королеву приютить обоих его преступников. С тех пор они так и сидели в этой темнице; их швырнули сюда через час после того, как они совершили преступление, и больше они уже ни разу не видались. Они сидели, замурованные, в одной и той же скале, где было темно, как в шахте; в течение девяти лет их разделяла только стена, но они ничего не знали друг о друге. В первые годы они только и спрашивали, с мольбами и со слезами, которые могли бы тронуть даже камни: «Жив ли он?» — «Жива ли она?» Но сердца не камни, и ответа они не получали; со временем они перестали спрашивать, — и об этом и обо всем остальном.

Выслушав их повесть, я пожелал посмотреть жениха. Ему было тридцать четыре года, но на вид — шестьдесят. Он сидел на квадратном камне, склонив голову, положив

локти на колени; длинные волосы закрывали его лицо; он что-то бормотал про себя. Он поднял лицо и медленно обвел нас взглядом, равнодушным и унылым, болезненно щурясь от света факелов, затем опять опустил голову, забормотал и больше не обращал на нас никакого внимания. Но были немые свидетели, достаточно красноречиво говорившие о том, что он испытал. На его запястьях и лодыжках виднелись зубцы, старые, почти сгладившиеся, а к камню, на котором он сидел, была прикреплена цепь с наручниками и кандалами; но наручники и кандалы валялись на земле, покрытые толстым слоем ржавчины. Они стали ненужными с тех пор, как узник пал духом.

Мне не удалось заставить этого человека очнуться; и я повелел отвести его к ней, к его невесте, которая когда-то была для него воплощением всей земной красоты, — розами, росой, жемчугами, одетыми в плоть, — дивным и искусным созданием природы: с глазами, каких нет ни у кого, с голосом, какого нет ни у кого, со свежестью, с гибким изяществом, с прелестью, свойственной, как ему казалось, лишь созданиям мечты. При виде ее снова закипит его застоявшаяся кровь, при виде ее...

Но мне пришлось в этом разочароваться. Они сели рядом на землю и посмотрели друг другу в лицо с каким-то смутным удивлением, с еле приметным животным любопытством; затем забыли друг о друге, опустили глаза, и было видно, что мысли их опять блуждают в далекой стране видений и теней, о которых мы ничего не знаем.

Я велел их выпустить и отправить к друзьям. Королеве это не очень понравилось. Лично она в этом деле заинтересована не была, но не хотела поступать неучтиво по отношению к сэру Брезу-Санс-Питэ. Я, однако, уверил ее, что если он начнет волноваться, я найду способы его успокоить.

Из этих крысиных нор я выпустил на свободу сорок семь узников и только одного оставил в заключении. Это был лорд, убивший другого лорда, дальнего родственника королевы. Тот, другой лорд, сам хотел убить этого лорда и заманивал его в засаду, но этот лорд одолел того и перерезал ему горло. Я оставил его в темнице вовсе не за это убийство, а за то, что он, по злобе, засыпал общественный колодец в одной из своих нищих деревушек. Королева собиралась его повесить за то, что он убил ее родствен-

Ему было тридцать четыре года, но на вид — шестьдесят.

ника, но я ей не позволил: не преступление убить того, кто нападает на вас с целью убийства. Однако я охотно разрешил ей повесить его за то, что он засыпал колодец, и она этим удовольствовалась, придя к заключению, что это лучше, чем ничего.

Боже, за какие ничтожные провинности попало в темницу большинство из этих сорока семи мужчин и женщин! Некоторые вообще ни в чем не были виноваты, а оказались в темнице просто потому, что рассердили кого-нибудь, и порой даже не королеву, а кого-нибудь из ее друзей. Тот узник, который попал сюда последним, сидел здесь за несколько неосторожных слов. Он сказал, что все люди одинаковы и отличаются друг от друга только по платью. Он сказал, что если весь народ раздеть донага и показать его чужестранцу, тот не отличит короля от лекаря и герцога от лакея. Повидимому идиотское воспитание еще не успело превратить в кашу мозги этого человека. Я выпустил его из темницы и отправил на фабрику.

Некоторые камеры были вырублены в скале, нависшей над пропастью; в каждой из таких камер была узенькая, как стрела, щелка, сквозь которую к узнику проникал благословенный солнечный луч. Одному из узников, заключенных в таких камерах, пришлось особенно тяжело. Из своего темного ласточкиного гнезда на высокой скале он сквозь щель мог видеть свой собственный дом, там внизу, в долине; и двадцать два года он смотрел на него с болью в сердце, с тоской. Ночью он видел, как в окнах зажигались огни, днем — как входили и выходили люди; кто именно, он на таком расстоянии разглядеть не мог, но знал — то его жена и дети. Не раз за эти годы он видел в доме праздники, и старался радоваться, и спрашивал себя: уж не свадьба ли это? Видел он и похороны; они истерзали его сердце. Он отлично различал гроб, но не мог определить его величины и не знал, кто умер — жена или ребенок. Он видел, как погребальное шествие с попами и плакальщиками торжественно двигалось в путь, унося с собой тайну, которую он не в силах разгадать. Он оставил дома пятерых детей и жену; за девятнадцать лет он пять раз видел похороны, и они всякий раз были так пышны, что он знал: хоронят не слугу. Следовательно, он уже потерял пять своих сокровищ; одно еще оставалось, — бесконечно, невыразимо драгоценное, — но которое? Жена? Или ребенок?

Этот вопрос мучил его ночью и днем, когда он спал

и когда он бодрствовал. Ну что ж, жизнь его была не пуста, а тонкий луч света в темнице хорошо предохраняет тело и разум от разрушения. Здоровье его оказалось в порядке. Когда он поведал мне свою печальную повесть, я испытал то, что испытали бы и вы, если у вас есть хоть немного любопытства: я не меньше, чем он сам, сгорал от желания узнать, кто из его семьи остался жив. Я отвез его домой; я был свидетелем изумления его родных, тайфунов и циклонов неистовой радости и целой Ниагары счастливых слез. И, боже, жена его, когда-то совсем молодая, оказалась пятидесятилетней цветущей седой матроной, а дети выросли и сами обзавелись семьями, и никто из всей его семьи не умер! Подумать только, до чего дошла королева в своей дьявольской изобретательности: особенно ненавидя этого узника, она нарочно подстроила все те похороны, чтобы истерзать его сердце; и всего гениальней была ее последняя выдумка — оставить одного из членов семьи непохороненным и измучить его старую несчастную душу догадками.

Если бы не я, он так и умер бы в темнице. Фея Моргана ненавидела его всем сердцем и никогда бы его не помиловала. Между тем преступление свое он совершил по легкомыслию, а не по злему умыслу. Он сказал, что у нее рыжие волосы. Так оно, конечно, и было, но говорить об этом не стоило. Когда рыжие люди занимают высокое положение в обществе, волосы их становятся каштановыми.

О пятерых из этих сорока семи узников уже не было известно ни того, когда они посажены, ни того, какое преступление они совершили, ни того, как их зовут. Это были женщина и четверо мужчин, — согбенные, морщинистые патриархи с потухшим разумом. Они и сами давным давно забыли все эти мелочи; ничего определенного они сказать о себе не могли, а только строили смутные догадки, всякий раз иные. К темнице приставлены были попы, которые ежедневно молились вместе с узниками; попы внушали им, что они очутились здесь по воле божией, что бог, в своей неизреченной мудрости, лучше знает их подлинные нужды, и учили их, что смирение, терпение и покорность угнетателям в людях низкого происхождения угодны богу. Пока те пятеро сидели в темнице, попы сменились несколько раз и сохранили лишь смутные предания о прошлом этих жалких людских обломков. Да и предания могли сообщить только о сроках заключения, но не о преступлениях и

именах. С помощью этих преданий удалось установить, что ни один из этой пятерки не видел дневного света, по крайней мере, тридцать пять лет; но сколько времени он не видел дневного света до этих тридцати пяти лет, установить было невозможно. Король и королева знали об этих несчастных лишь то, что получили их по наследству вместе с тронном от прежней фирмы. Но по наследству перешли только люди, а не сведения о них, и потому наследники не придавали им никакой цены и не проявляли к ним никакого любопытства. Я спросил королеву:

— Так почему же вы не отпустили их на свободу?

Этот вопрос поставил ее в тупик. В самом деле—почему? Просто это ей не приходило в голову. Так, сама того не ведая, она предугадала историю будущих узников замка Иф *. Я понимал, что, с ее точки зрения, эти унаследованные узники были просто имуществом. А когда нам достается по наследству имущество, мы не бросаем его, даже если оно для нас не имеет никакой цены.

Стоило взглянуть на шествие этих летучих мышей, когда я вывел их на волю, на яркое вечернее солнце, завязав им глаза, чтобы они не ослепли от света. Скелеты, привидения, вороньи пугала, — вот кем стали эти законнейшие дети монархии милостью божией и господствующей церкви. Я рассеянно пробормотал:

— Вот бы их сфотографировать!

Вам, конечно, встречались люди, которые никогда не сознаются, что им неизвестно значение какого-нибудь звучного слова. И чем они невежественнее, тем больше они стараются показать, что их ничем не удивишь. Королева была как раз из таких и постоянно совершала глупейшие промахи. Услыхав мои слова, она помедлила; затем ее лицо внезапно просияло, и она объявила, что сама сделает это для меня.

Я подумал: «Она? Что она смыслит в фотографии?» Но долго размышлять мне не пришлось. Она уже шла к освобожденным с топором в руках!

Ну и забавная женщина была эта фея Морганат! Много перевидал я женщин на своем веку, самых разных, но она была совсем особенная. И как характерен для нее этот случай. Она понимала в фотографии не больше, чем лошадь; но, не понимая, решила, что поступит правильно, отрубив им головы топором.

СТРАНСТВУЮЩЕЕ РЫЦАРСТВО КАК РЕМЕСЛО

На следующий день, ранним сияющим утром, мы с Сэнди снова двинулись в путь. Так хорошо было дышать полной грудью, набирая в легкие целые бочонки чистого, освеженного росой, пахнущего лесом воздуха после двух дней и двух ночей, проведенных в нестерпимой вони старого совиного гнезда, где мы духовно и телесно задыхались! Я, конечно, говорю только о себе, — Сэнди с детства привыкла к великосветской жизни и чувствовала себя в этом замке превосходно.

Бедная девушка, языку ее там пришлось отдохнуть, и я предугадывал, что все последствия этого отдыха обрушатся на меня. Я оказался прав; но она столько раз выручала меня и поддерживала в замке своею безмерной глупостью, которая была полезнее любой мудрости, что я решил позволить ей пустить в ход свою мельницу — она этого заслужила. Я даже не вздрогнул, когда она начала:

— ...А теперь вернемся к сэру Мархаузу, который отправился на юг с девой тридцати зим отроду...

— Ты думаешь, эта повесть поможет тебе напасть на след тех ковбоев, Сэнди?

— Конечно, благородный милорд.

— Тогда продолжай. Я постараюсь тебя не перебивать. Начни сначала; смело ступай всеми копытами, а я набыю свою трубку и буду внимательно слушать.

— ...А теперь вернемся к сэру Мархаузу, который отправился на юг с девой тридцати лет отроду. Они въехали в дремучий лес, и в лесу их настигла ночь; по дну глубокого оврага они добрались до замка Южных Болот и попросили пустить их переночевать. На утро герцог послал за сэром Мархаузом и предложил ему приготовиться. Сэр Мархауз встал, надел латы, выслушал обедню, позавтракал и во дворе замка, где должна была произойти битва, влез на коня. Герцог уже ждал его на коне, закованный в латы, и вместе с ним ждали шестеро его сынов с копьями в руках; и они съехались; герцог и два его сына поломали свои копья о сэра Мархауза, но сэр Мархауз держал свое копьё острием кверху и не тронул ни одного из них. И

тогда кинулись на него попарно остальные четыре сына, и сначала первая пара поломала свои копья, а потом и вторая. Но сэр Мархауз не тронул их. Он поскакал к герцогу, ударил его своим копьем, и тот рухнул вместе с конем на землю. Потом сэр Мархауз поверг на землю шестерых его сынов. Тогда сэр Мархауз слез с коня и потребовал, чтобы герцог подчинился ему или тому, кому он укажет, а иначе он убьет его. Тем временем некоторые из сынов герцога очнулись и снова хотели напасть на сэра Мархауза. Тогда сэр Мархауз сказал герцогу: «Укроти своих сынов, а не то я убью вас всех». Герцог, видя, что жизни его угрожает неминуемая опасность, повелел своим сынам покориться сэру Мархаузу. Они все упали на колени и протянули рыцарю рукояти своих мечей, и рыцарь принял их мечи. Они помогли встать своему отцу; затем сообща дали сэру Мархаузу обет никогда не поднимать оружия против короля Артура, а в ближайший Троицын день явиться к его двору и предать себя на его милость... Вот как было дело, благородный сэр Хозяин. Вы, конечно, уже догадались, что герцог и шестеро его сынов — те самые рыцари, которых вы тоже победили и тоже отправили ко двору Артура!

— Не может быть, Сэнди, что ты!

— Если я лгу, пусть эта ложь падет на мою голову.

— Хорошо, хорошо... Но кто бы мог подумать? Целый герцог и шестеро герцогенят! Что ж, Сэнди, улов недурен. Ремесло странствующего рыцаря — бессмысленное и очень утомительное, но теперь я начинаю понимать, что при удаче оно довольно доходно. Не думай, что я сам хочу приняться за это ремесло: я не примусь. Ни одно прочное и честное предприятие не может быть основано на спекуляции. Что останется от удачи странствующего рыцаря, если отбросить все глупости и взять только трезвые факты? Удача рыцаря — все равно что удача торговца свининой. Ты, конечно, разбогатеешь... разбогатеешь внезапно... на день, на неделю, может быть, а потом кто-нибудь другой завалит рынок свининой, и вся твоя торговля пошла прахом. Разве не так, Сэнди?

— Мой разум не поспевает за вашей речью, и самые простые слова кажутся мне такими длинными и запутанными...

— Нечего вилать, Сэнди. Как я сказал, так и есть. Я знаю, что это так. Скажу даже больше: если как следует разобраться, странствующее рыцарство хуже свино-

торговли, ибо, в случае неудачи, свинина все-таки останется и кто-нибудь ее съест; а какое имущество останется от странствующих рыцарей, если их постигнет неудача? Груда изрубленных тел и два воза железного лома. Разве это можно назвать имуществом? Нет, дайте мне лучше свиней. Прав я или не прав?

— Ах, должно быть, голова моя пострадала от всех пережитых нами за последнее время событий и приключений, и не только моя голова, и не только ваша голова, но обе наши головы, должно быть. . .

— Нет, голова твоя ни при чем, Сэнди. Голова твоя в порядке, но в делах ты не смыслишь ничего; вот в чем беда. Ты берешься опираться о делах и всякий раз попадаешь впросак. Но бросим этот разговор. Улов у нас хороший, — с таким уловом не стыдно будет показаться при дворе Артура. Кстати о ковбоях, — какая удивительная тут страна: здешние женщины и мужчины совсем не стареют. Взять, например, фею Моргану — на вид она молодая, как курочка; или этот старый герцог Южных Болот, он до сих пор машет то мечом, то копьем, хотя у него такая большая семья. Если я не ошибаюсь, сэр Гоуэн убил семерых его сыновей, и, тем не менее, у него осталось еще шестеро для сэра Мархауза и для меня. Или, например, та дева шестидесяти зим отроду, которая все еще разъезжает по свету, несмотря на свой преклонный возраст, овеянный холодом могилы. . . А тебе сколько лет, Сэнди?

Она впервые не ответила мне на вопрос. Вероятно мельница ее стала на ремонт.

Глава ХА

ЗАМОК ЛЮДОЕДА

За три часа, с шести утра до девяти, мы проехали десять миль; это было немало для лошади, везущей тройную ношу — мужчину, женщину и железные доспехи; затем мы долго отдыхали под деревьями у прозрачного ручья.

Внезапно мы увидели рыцаря, который скакал прямо к нам; он разговаривал сам с собой и, прислушавшись к его словам, я понял, что он отчаянно ругается; тем не менее

я обрадовался ему, потому что на груди у него висела доска, на которой сияющими золотыми буквами было написано:

**УПОТРЕБЛЯЙТЕ ПЕТЕРСОНОВУ
ПРОФИЛАКТИЧЕСКУЮ ЗУБНУЮ
ЩЕТКУ!**

Необходима всем!

Я обрадовался ему, так как понял, что это один из моих рыцарей. Он оказался сэром Мэдоком де-ля-Монтэном, высоким здоровяком, который прославился тем, что однажды чуть было не сбросил с коня сэра Ланселота. Каждому новому знакомому он непременно под каким-нибудь предлогом рассказывал об этом великом событии. Но в его жизни было и другое событие, почти столь же великое, — он от него не отрекался, хотя и не рассказывал о нем, если его не спрашивали; суть этого второго события заключалась в том, что ему только оттого не удалось сбросить сэра Ланселота с коня, что сэр Ланселот, не дождавшись, сбросил с коня его самого. Этот простодушный увалень не видел большой разницы между этими двумя событиями. Мне он нравился, и я дорожил им, потому что он относился к своей работе добросовестно. Было приятно поглядеть на его широкие плечи, на его львиную голову, украшенную перьями, на его большой щит со странным гербом — изображение руки в железной перчатке, держащей зубную щетку, и девиз: «Требуите Нойодонт». Нойодонтом называлась зубная паста, пущенная мною в продажу.

Он сказал мне, что очень устал, и, действительно, вид у него был изнуренный, но слезть с коня он не хотел. Он объяснил, что гонится за человеком, распространяющим политиру для печек. Вспомнив о нем, он снова принялся отчаянно ругаться. Распространение печной политиры было поручено сэру Оссэзу Сюрлюзскому, храброму рыцарю, известному тем, что однажды на турнире он сразился с самим сэром Гахерисом, — впрочем, безуспешно. Он был весельчак и насмешник и ни к чему на свете не относился серьезно. Это его свойство и побудило меня поручить ему пропаганду печной политиры. Дело в том, что железных печек у нас еще не существовало, и потому о печной политике нельзя было говорить серьезно. От такого агента

У него были широкие плечи, львиная голова, украшенная перьями, и щит со странным гербом.

требовалось только одно — осторожно и постепенно подготавливать публику к предстоящей великой перемене, чтобы к тому времени, когда на сцене появится железная печь, публика уже понимала необходимость содержать ее опрятно.

Сэр Мэдок был расстроен и ругался неистово. Он вполне сознавал, что эти ругательства доведут его душу до ада, но не мог удержаться; он не хотел слезть с коня, не хотел отдохнуть, не хотел ничего слушать, пока не найдет сэра Оссэза и не посчитается с ним. Из бессвязных его речей я понял, что на рассвете он случайно встретил сэра Оссэза, и тот сказал ему, что если он поедет напрямик через горы и доли, через поля и болота, он нагонит путешественников, которые, несомненно, раскупят и всю его зубную пасту и все зубные щетки. Сэр Мэдок, со свойственным ему усердием, тотчас же отправился по указанному направлению и, после трех часов мучительной скачки, нагнал свою добычу. И что же? Это были

пять патриархов, накануне выпущенные мною из тюрьмы. У них, у бедняг, последние зубы выпали двадцать лет назад.

— Я его сотру в порошок, — сказал сэр Мэдок. — Я его отполирую, как печку. Если бы мне поперек дороги стал рыцарь почище этого Оссэза, так и тот бы не снес головы. Только бы мне поймать его. Я дал великую клятву отомстить ему, и я отомщу.

После этих слов, и многих других, он потряс своим копьем и поскакал дальше. А перед вечером, в маленькой бедной деревушке, мы сами повстречали одного из тех патриархов. Он купался в любви родных и друзей, которых не видел пятьдесят лет; к нему ласкались его потомки, которых он не видел никогда; но для него и те и другие были равно чужими, потому что память его потухла и разум умер. Казалось невероятным, что человек в состоянии прожить полстолетия в темной норе, словно крыса; но его старуха-жена и уцелевшие сверстники подтвердили нам, что так оно и было. Они помнили, как он, сильный, здоровый мужчина, поцеловал свою дочку, передал ее на руки матери и удалился в тьму забвения. Обитатели замка не знали, сколько лет просидел в темнице этот человек за какую-то давно забытую вину. Но старуха-жена знала; знала и старуха-дочь, уже окруженная женатыми сыновьями и замужними дочерьми; она жадно вглядывалась в отца, который всю ее жизнь был для нее всего лишь звуком, мыслью, бестелесным образом, преданием — и вдруг возник перед нею живым человеком.

Любопытно, не правда ли? Но я отметил в своих записках это происшествие по другой причине, — еще более, на мой взгляд, любопытной. Даже такое страшное дело не вызвало в этих людях ни малейшей вспышки гнева против своих притеснителей. И сами они, и их предки так долго терпели бесконечные жестокости и обиды, что удивить их можно было разве только добротой. Да, любопытно было видеть, до какой глубины падения рабство довело народ. Эти люди вполне приспособились к смирению, терпению, к немой покорности перед всем, что выпадало в жизни на их долю. Даже воображение в них было убито. А когда в человеке убито воображение, это значит, что он дошел до самого дна, и дальше ему идти уже некуда.

Я пожалел, что поехал этой дорогой. Опыт был не из приятных для государственного деятеля, мечтающего произвести революцию мирным путем. Ибо этот опыт под-

тверждал неоспоримую истину, что еще ни один народ не купил себе свободы приятными рассуждениями и моральными доводами, что все успешные революции начинались с кровопролития; это исторический закон, который обойти невозможно. Если история чему-нибудь учит, так именно этому закону. Следовательно, этот народ нуждается в царстве террора и гильотины, а я для этого человек неподходящий.

Два дня спустя, около полудня, Сэнди начала обнаруживать признаки волнения и лихорадочного ожидания. Она сказала, что мы приближаемся к замку людоеда. Я был удивлен, и, признаться, удивлен неприятно. Цель нашего путешествия мало-помалу выпала из моего сознания, и теперь, когда мне о ней внезапно напомнили, я был потрясен ее необычайностью и близостью. Сэнди с каждой минутой волновалась все больше; я тоже, ибо волнение заразительно. Сердце мое громко стучало. С сердцем ведь не поспоришь, — оно стучит и тогда, когда разум полон холодного презрения. Когда же Сэнди, попросив меня остановиться, соскользнула с коня и, согнувшись почти до земли, крадучись, двинулась к кустам, которые росли на краю обрыва, оно стучало еще громче. Стучало оно и тогда, когда Сэнди, спрятавшись в кустах, внимательно вглядывалась в простор через долину; стучало оно и тогда, когда я подползал к ней на коленях. Глаза ее горели; ткнув пальцем вдаль, она, задыхаясь, прошептала:

— Замок! Замок! Смотрите! Вот он!

Какое приятное разочарование!

Я сказал:

— Замок? Да ведь это свиной хлев. Свиной хлев, обнесенный плетнем.

Она взглянула на меня удивленно и грустно. Лицо ее нахмурилось; она задумалась и молчала.

— Прежде он не был заколдован, — сказала она, наконец, словно размышляя вслух. — Какое странное чудо, какое страшное чудо — одни видят его превращенным чарами в нечто низменное и постыдное, а другие видят его прежним, неизменным, могучим и прекрасным, видят глубокий ров, окружающий его, видят флаги на башнях, тонущие в голубизне небес. Защити нас, господь! Сердце мое замирает при мысли, что я скоро опять увижу прелестных пленниц и что милые лица их омрачены еще более глубокой скорбью, чем прежде. Мы прибыли слишком поздно и потому достойны хулы.

Я понял, что мне следует говорить. Замок заколдован для меня, но не для нее. Спорить с ней, убеждать ее — пустая трата времени; мне остается только соглашаться. И я сказал:

— Это часто бывает: одна и та же вещь для одного заколдована, а для другого нет. Ты, конечно, слыхала о подобных случаях, Сэнди, хотя и не встречалась с ними. Но нам горевать нечего. Напротив, так даже лучше. Если бы эти дамы казались свиньями всем, в том числе и самим себе, нужно было бы их расколдовать; а для того чтобы их расколдовать, нужно знать, каким именно способом они были заколдованы. Снятие чар — дело опасное, ибо, не имея правильного ключа к тем чарам, которыми они были заколдованы, можно по ошибке обратить свиней в собак, собак в кошек, кошек в крыс и так далее, пока весь ваш материал не сойдет на нет, или, вернее, пока он не превратится в газ без цвета и запаха, что, в сущности, одно и то же. Но, по счастью, они заколдованы для меня одного, и потому расколдовывать их нет надобности. Эти дамы остались дамами для тебя, для себя и для всех остальных; а от моего заблуждения они не пострадают, ибо я, видя свинью, но зная, что свинья эта в действительности дама, буду обращаться с ней как с дамой.

— Благодарю вас, сладчайший милорд, вы говорите, как ангел. Я знала, что вы освободите их, ибо вы отважный и могучий рыцарь, с которым не может сравниться никто из живущих на земле.

— Я не способен оставить принцессу в хлеву, Сэнди. Но скажи мне, кто эти трое, которые кажутся моему ослепленному взору нищими пастухами...

— Людоеды? Значит, их облик изменен тоже? Удивительно! Теперь я начинаю бояться; как будете вы рассчитывать свои удары, когда пять локтей из девяти, составляющих их рост, для вас невидимы? Ах, будьте осторожны, благородный сэр; подвиг, который вам предстоит, опаснее, чем я предполагала.

— Не беспокойся, Сэнди. С меня довольно знать, какая именно доля людоеда невидима; и я без труда догадаюсь, где находятся его важнейшие органы. Не бойся, я живо справлюсь с этими прохвостами. Жди меня здесь.

Она опустила на колени; лицо ее было смертельно бледно, но сердце полно отваги и надежды; оставив ее, я подъехал к свиному хлеву и вступил в переговоры с пастухами. Они с благодарностью продали мне всех своих

свиней оптом; я заплатил им шестнадцать пенни — значительно выше рыночной цены. Я явился очень кстати, так как на завтра они ждали к себе в гости церковь, лорда и сборщиков податей, которые оставили бы пастухов без свиней, а Сэнди без принцесс. Но теперь подати они могли уплатить деньгами и у них еще кое-что оставалось. У одного из этих пастухов было десять человек детей; он рассказал, что когда в прошлом году пришел поп и взял самую жирную свинью из десяти, жена его кинулась к попу, суя ему ребенка и крича:

— Зверь бесчувственный, возьми и ребенка, если ты лишил меня возможности кормить его.

Забавное совпадение! Такой же самый случай произошел и в мое время в Уэлсе, где властвует та же самая древняя господствующая церковь. Многие думают, что она изменила свою сущность, но, в действительности, она изменила только свою внешность.

Я отослал пастухов, распахнул двери хлева и поманил Сэнди. И она пришла; не пришла, а прибежала, принеслась, словно степной пожар. И когда я увидел, как она кидается от одной свиньи к другой, как слезы радости текут по ее щекам, как она прижимает свиней к сердцу, как целует их, как ласкает их, как называет их звучными аристократическими именами, мне стало стыдно за нее и человечество.

Нам предстояло гнать этих свиней домой — десять миль; и какие это были упрямые и непослушные дамы. Они не хотели итти ни по дороге, ни по тропинке; они разбегались во все стороны, залезали на скалы, на холмы, забирались в такие места, откуда их невозможно было достать. А бить их я не имел права, потому что Сэнди требовала, чтобы я обращался с ними так, как подобает обращаться с высокими особами. Даже самую несносную, самую старую хавронью из всех приходилось называть «милэди» и «ваше высочество». Тяжело и неприятно бегать в латах за свиньями то туда, то сюда. Особенно много хлопот доставила мне одна маленькая графиня с железным кольцом, продетым сквозь рыло, и почти без щетины на спине; она была непослушна, как дьявол. Она заставила меня гоняться за собой целый час по самым непроходимым местам, и когда я догнал ее, мы оказались там, откуда началась погоня, не продвинувшись вперед ни на шаг. Я схватил ее, наконец, за хвост и поволол, не обращая внимания на визг. Но Сэнди пришла в ужас и

Нам предстояло гнать этих свиней десять миль.

заявила, что в высшей степени неделикатно волочить графиню за шлейф.

Уже стемнело, когда мы пригнали свиней домой, — не всех, но большинство. Нехватало принцессы Неровенс-де-Морганор и двух ее фрейлин — мисс Анджелы Бохун и девы Элен Куртмэн; первая из этих двух была молоденькая черная свинка с белым пятном на лбу, а вторая — бурая, слегка прихрамывающая на переднюю правую ногу; обе меня совершенно замучили, столько я гонялся за ними. Недоставало также нескольких простых баронесс, и, признаться, их отсутствие несколько меня не огорчило; но нет, всю эту колбасную начинку нужно было найти; за ними послали слуг с факелами, приказав им обшарить леса и горы.

Разумеется, все стадо поместили в доме. Господи, никогда я ничего подобного не видал! Никогда я ничего подобного не слышал! Никогда я ничего подобного не нюхал!

Глава XXI

ПАЛОМНИКИ

Наконец я добрался до постели! Я чувствовал себя несказанно утомленным; как приятно, как сладостно было вытянуться, расправить затекшие мышцы! Но этим все и ограничилось, — о том, чтоб уснуть, не могло быть и речи. Аристократки визжали и хрюкали во всех коридорах и залах, как сборище чертей, и мешали мне спать. Когда я не сплю, я, естественно, размышляю; и размышляя я, главным образом, о забавном заблуждении Сэнди. Она, конечно, была вполне здорова; однако вела она себя, с моей точки зрения, как сумасшедшая. Вот оно, могущество воспитания, внушения, обучения! Человека можно заставить поверить во все, что угодно. Я ставил себя на место Сэнди и убеждался, что она вовсе не сумасшедшая. Стань Сэнди на мое место, и она без труда поняла бы, как легко показаться сумасшедшим в глазах человека, которого учили и воспитывали иначе. Если бы я сказал Сэнди, что я видел вагон, который, без всякого колдовства, несся со скоростью пятидесяти миль в час, что я видел человека, который, не будучи чародеем, садился в корзинку и летел за облака, что я, без помощи волшебства, разговаривал с человеком, который находился от меня на расстоянии мно-

гих сотен миль, она сразу пришла бы к непоколебимому убеждению, что я сумасшедший. Все вокруг нее верили в колдовство; никто в существовании колдовства не сомневался; жители королевства Артура так же не сомневались в возможности превратить замок в хлев, а его обитателей в свиней, как жители Коннектикута не сомневаются в возможности говорить по телефону, — и в обоих случаях сомнение было бы неопровержимым доказательством сумасшествия. Да, я вынужден был признать, что Сэнди здорова. А чтобы и Сэнди меня считала здоровым, я должен держать свои сведения о действующих без помощи чар паровозах, воздушных шарах и телефонах про себя. Я, например, верил, что земля не плоская, что стоит она не на столбах и что над ней нет покрывала, защищающего ее от вод, которыми заполнено все пространство над небом. Но так как во всем королевстве я был единственным человеком, придерживающимся таких нечестивых и преступных взглядов, я понимал, что мне следует о них помалкивать, если я не желаю, чтобы на меня показывали пальцами, как на помешанного.

Утром Сэнди собрала свиней в столовой и угостила их завтраком, причем сама им прислуживала с тем глубоким почтением, которое уроженцы ее острова, древние и современные, всегда питают к людям знатного происхождения независимо от их умственных и нравственных качеств. Меня тоже усадили бы вместе со свиньями, если бы мое происхождение соответствовало тому высокому положению, которое я занимал; но, как человек безродный, я вынужден был есть отдельно от них и не смел на это даже пожаловаться. Мы с Сэнди завтракали за особым столом. Хозяев не было дома. Я сказал:

— Большая тут семья, Сэнди, или маленькая? И где она?

— Семья?

— Да.

— Какая семья, мой добрейший лорд?

— Которая здесь живет; твоя семья.

— Должна признаться, я вас не понимаю. У меня нет никакой семьи.

— Никакой семьи? А разве это не твой дом, Сэндч?

— Как он может быть моим? У меня нет никакого дома.

— Так чей же это дом?

— Я охотно ответила бы вам, если бы знала.

— Как, ты не знаешь хозяев этого дома? Кто же нас пригласил сюда?

— Никто нас не приглашал. Мы сами пришли, вот и все.

— Послушай, девушка, ведь это же верх наглости. Мы нахально влезли в чужой дом, набили его доверху единственной аристократией, которая хоть что-нибудь стоит, а потом оказалось, что мы даже не знаем имени хозяина. Как ты осмелилась совершить такое из ряду вон выходящее самоуправство? Я был убежден, что это твой дом. Что скажет хозяин?

— Что скажет хозяин? А что он может сказать? Он нас поблагодарит.

— Поблагодарит? За что?

На лице у Сэнди было полнейшее недоумение.

— Ваши странные речи смущают меня. Неужели вы думаете, что хозяину этого дома еще когда-нибудь выпадет честь принимать у себя столь важных гостей, как те, которые, благодаря нам, удостоили его своим посещением?

— Нет, пожалуй, такая честь ему никогда уже больше не выпадет. Я даже готов биться об заклад, что подобным посещением он удостоен впервые.

— Так пусть он будет нам благодарен, пусть проявит свою благодарность речами и смирением. Если он поступит иначе, он просто пес, потомок и предок псов.

Однако я чувствовал себя неловко. И опасался попасть в еще более неловкое положение. Пожалуй, всего благоразумнее забрать наших свиней и убраться. И я сказал:

— Мы зря тратим время, Сэнди. Пора собрать наших аристократок и двинуться в путь.

— Куда, благородный сэр и Хозяин?

— Как куда? Надо отвезти их домой.

— Вы только послушайте, что он говорит! Да они родились в разных концах земли! Каждая из них должна быть доставлена в ее собственный дом; но неужели вы думаете, что мы в состоянии совершить все эти путешествия за короткую жизнь, которой положил такой близкий предел тот, кто создал жизнь и смерть, создав Адама, согрешившего, вняв увещаниям своей подруги, введенной в соблазн величайшим врагом человека, змеиным князем Сатаной, от века влекомым к этому злему делу непреодолимою злобой и завистью, свившими гнездо в его сердце из-за несбывшихся честолюбивых притязаний, которые

исказили и загрязнили этого духа, некогда столь чистого и столь непорочного, что и ему было позволено витать вместе с лучезарными сонмами своих собратий в славе тех самых небес, где витают только достойные и...

— Чорт побери!

— Милорд!

— Ты же знаешь, что у нас нет времени на такие длинные рассуждения. Мы успели бы всех развезти по домам за то время, которое ты тратишь, доказывая, что мы их развезти не успеем. Нужно не болтать, а дело делать. Придержи свой язык, останови мельницу, сейчас на болтовню у нас времени нет. Поменьше слов, побольше дела. Кто развезет этих аристократок по домам?

— Их друзья. Они приедут за ними со всех концов земли.

Весть эта была неожиданна, как гром среди ясного дня; весть эта была сладостна, как сладостна для узника весть о помиловании. Сэнди, конечно, останется здесь, со своими принцессами.

— Так вот что, Сэнди. Порученное нам дело мы успешно довели до благополучного конца, и я должен ехать к королю с докладом; и если когда-нибудь еще...

— Я готова; я поеду с вами.

Помилование было отменено.

— Как? Ты поедешь со мной? Зачем?

— Неужели я способна изменить своему рыцарю? Такая измена обесчестила бы меня. Я не могу расстаться с вами до тех пор, пока в рыцарском поединке на поле брани вас не одолеет какой-нибудь другой рыцарь и не отобьет меня по праву. Но я была бы достойна осуждения, если бы допустила хоть в мыслях, что это может случиться.

«Я избран ею на долгий срок», — подумал я и вздохнул. «Ну что ж, постараюсь извлечь из этого хоть какую-нибудь пользу». И я сказал:

— Хорошо, в таком случае едем сейчас же.

Она рыдала, прощаясь со своей свининой; а я сдал аристократок на руки слугам. Я попросил их взять тряпки и вытереть полы в тех помещениях, где жили и прогуливались эти знатные дамы, но слуги решили, что вытирать полы не стоит, так как это было бы нарушением обычаев и вызвало бы много толков. Нарушение обычаев — значит, конечно; народ способен был на любое преступление, кроме этого. Слуги заявили, что они поступят по обычаю,

существующему с незапамятных времен и освященному давностью: они посыпят полы всех комнат и зал свежей соломой, скрыв под ней следы пребывания аристократических гостей. Получалось нечто вроде сатиры на природу; метод был научный, геологический — увековеченье истории семьи путем напластования; впоследствии археолог, раскапывая эти пласты, будет иметь возможность определить по остаткам каждого периода, как изменялось питание семьи в течение сотен лет.

Как только мы двинулись в путь, мы наткнулись на шествие паломников. Нам было с ними не по дороге, но мы присоединились к ним, так как во мне с каждым часом крепло убеждение, что если я хочу управлять этой страной мудро, я должен хорошенько изучать ее, и не с чужих слов, а путем внимательного личного наблюдения.

Это сборище паломников очень напоминало то, которое описал Чосер*; здесь были все профессии и все одеяния тогдашней Англии. Здесь были молодые мужчины и старые, молодые женщины и старые, люди веселые и люди печальные. Они ехали верхом на мулах и на лошадях, но ни единого дамского седла я не заметил, — оно появилось в Англии лишь девятьсот лет спустя.

Это была добродушная, дружелюбная, общительная толпа; набожная, счастливая, веселая, склонная к бессознательной грубости и невинным непристойностям. Рассказы, которые эти люди считали веселыми, без конца переходили из уст в уста и смущали слушателей не больше, чем такие же рассказы смущали лучшее английское общество двенадцать столетий спустя. Они выкидывали веселые шуточки, достойные английского остроумия первой четверти девятнадцатого века, вызывая всеобщий восторг; порой чье-нибудь крылатое словцо облетало из конца в конец все шествие, и путь его можно было проследить по взрывам хохота, раздававшимся то там, то сям, а также по стыдливому румянцу, вспыхивавшему на мордах мулов.

Сэнди было известно, куда направляются паломники, и она сразу сообщила об этом мне. Она сказала:

— Они идут в Долину Святости получить благословение отшельников, испить чудотворной воды и очиститься от грехов.

— Где находится этот водный курорт?

— В двух днях пути отсюда, у пределов страны, которая зовется королевством Кукушки.

— Расскажи мне об этом курорте. Он, наверно, очень знаменит?

— О, еще бы! Знаменитее всех! В старые времена там поселился настоятель и кучка монахов. Говорят, святее их не было никого на свете; они изучали священное писание и ни с кем не разговаривали, даже друг с другом, и ели только траву, и спали на жесткой земле, и много молились, и никогда не умывались, и не меняли одежды до тех пор, пока она сама от ветхости не сваливалась с их плеч. Слава об их ссытом подвижничестве распространилась по всему свету, и стали к ним ходить богатые и бедные, и все чтили их.

— Продолжай.

— Одна беда — у них не было воды. И настоятель стал молить бога даровать им воду, и бог, по молитве его, совершил чудо, и из земли хлынул поток чистой воды. Но тут слабых духом монахов стал искушать дьявол, и они пристали к своему настоятелю, прося и умоляя его построить купальню; настоятель под конец устал с ними спорить, сказал: пусть будет по-вашему, и исполнил их просьбу. Сейчас вы узнаете, что значит нарушить чистоту, угодную господу, и погнаться за чистотой, угодной свету. Монахи вошли в купальню и вышли оттуда чистыми и белыми, как снег, но, увы, в то же мгновение господь явил знамение свое и покарал их! Оскорбленные воды господнего источника перестали бить из земли. Источник иссяк.

— Это еще милостиво, Сэнди, если вспомнить, как относятся в здешней стране к такому преступлению.

— Возможно, но ведь они согрешили впервые; до этого греха они вели безупречную жизнь, жили, как ангелы. Молитвы, плач, истязания плоти — ничто не могло заставить источник бить снова. Даже крестные ходы, даже сожжение жертв, даже свечи перед образом святой девы — ничего не помогало, и вся страна дивилась божьей каре.

— Как странно, что даже в этой отрасли промышленности бывают финансовые кризисы, во время которых цена акций падает до нуля и все останавливается. Продолжай, Сэнди.

— Минувал один год и один день; и настоятель, смирившись, разрушил купальню. И сразу же гнев господень исчез, и воды снова обильно хлынули из земли, и текут по сей день.

— Значит, с тех пор никто уже на раз у в них не мылся?

— Тот, кто попробовал бы в них вымыться, был бы немедленно растерзан.

— И обитель с тех пор процветает?

— Слава о чуде разнеслась повсюду, из края в край. Монахи стали стекаться туда со всех концов земли; они шли стаями, как рыбы; и монастырь строил здание за зданием, рос и ширился, пока не принял всех пришедших в свои объятия. Приходили и монахини; они основали отдельную обитель на другом краю долины, они строили здание за зданием, и, наконец, вырос могучий женский монастырь. Монахи и монахини жили дружно, объединив свои труды, они совместно воздвигли превосходный приют для подкинутых младенцев, как раз на полпути между двумя монастырями.

— Ты хотела рассказать об отшельниках, Сэнди.

— Отшельники стекались туда со всех краев земли. Отшельник процветает там, где бывает много паломников. В Долине Святости есть отшельники любого сорта. Если кому-нибудь нужен отшельник совсем небывалый, какие встречаются только в далеких странах, пусть он пошарит в ямах, пещерах и болотах Долины Святости, — там он найдет то, что ему надо.

Я поехал рядом с круглолицым веселым толстяком, надеясь разговориться с ним и узнать от него какие-нибудь подробности. Но едва я с ним познакомился, как он, к моему ужасу, принялся с необыкновенным оживлением рассказывать мне тот самый старый анекдот, который мне рассказал сэр Дайнадэн в день, когда сэр Саграмор поссорился со мной и вызвал меня на поединок. Я извинился и отъехал назад, в самый хвост шествия. Мне было грустно, мне хотелось уйти из этой жизни, полной тревог, из этой юдоли слез, положить конец этому беспокойному краткому существованию, омраченному тучами и бурями, утомительной борьбой и постоянными поражениями; и все же я страшился смерти при мысли о том, как длинна вечность и сколько уже ушло в нее людей, знавших этот анекдот.

Вскоре после полудня мы нагнали другое шествие паломников; но там ни среди старых, ни среди молодых не видно было ни веселья, ни шуток, ни смеха, ни забавных выходок, ни счастливых дурачеств. А между тем там были и старые и молодые: седые старики и старухи, здоровые мужчины и женщины средних лет, молодожены, мальчики и девочки, и три грудных младенца. Даже дети не улыбались; все эти люди, — а их было около пятидеся-

ти, — шли, понутив головы, и лица их носили печать безнадежности, — след долгих тяжких испытаний и давнего знакомства с отчаяньем. Это были рабы. Их руки и ноги были прикованы цепями к кожаным поясам; кроме того, все, за исключением детей, были еще скованы общей цепью, которая вела от ошейника к ошейнику, вынуждая их идти вереницей на расстоянии шести футов один от другого. Они шли пешком и прошли триста миль за восемнадцать дней; питаясь скверно и скудно. По ночам они спали, не снимая цепей, сбившись в кучу, как свиньи. Их жалкие лохмотья нельзя было даже назвать одеждой. Кожа на их лодыжках была содрана кандалами, и в воспаленных ранах копошились черви. Босые ноги были изодраны в кровь, — все до единого они хромали. В начале пути этих несчастных была целая сотня, но половину из них уже распродали по дороге. Работорговец, гнавший их, ехал сбоку верхом, держа в руке плеть с коротенькой ручкой и длинным тяжелым ремнем, конец которого был разделен на множество узловатых ремешков. Этой плетью он хлестал по плечам, подбодряя тех, кто шатался от усталости и боли. Он не разговаривал; плеть выражала все его желания лучше слов. Ни один из этих несчастных не поднял даже глаз, когда мы поровнялись с ними; казалось, они даже не заметили нашего присутствия. Они шли молча, но всякий раз, когда сорок три человека одновременно поднимали ноги, цепь, тянувшаяся из одного конца вереницы в другой, мрачно и страшно звенела. Облако пыли висело над ними.

Пыль лежала толстым слоем на всех лицах. Такой слой пыли мы видим иногда на мебели в нежилых домах и пальцем пишем по нему свои праздные мысли. Я вспомнил об этом, заметив на пыльных лицах молодых матерей, младенцы которых были близки к смерти и свободе, письма, начертанные их сердцами, — такие заметные письмена, такие разборчивые! — следы слез. Одна из этих молодых матерей была сама совсем еще девочка, и у меня заныло сердце, когда и на ее лице я прочел эти письмена, ибо ее слезы были слезы ребенка, который не должен знать никаких забот, который должен наслаждаться утром жизни: и, конечно...

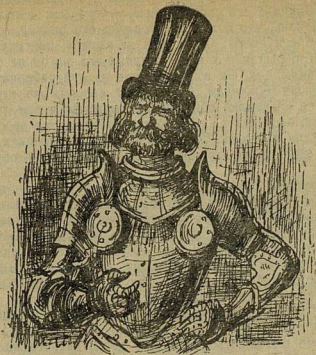
Она споткнулась, измученная усталостью, и на нее сразу же обрушилась плеть, сорвав лоскут кожи с ее обнаженного плеча. Я содрогнулся так, словно ударили не ее, а меня. Торговец остановил всех рабов и соскочил с

лошади. Он шумел и ругался, крича, что эта негодная девчонка измучила его своей ленью, и, так как сегодня последний день, что она находится под его опекой, он хочет свести с ней счеты. Она упала на колени, протянула к нему руки и, рыдая, в страхе умоляла его, но он не обратил на это внимания. Он вырвал у нее из рук ребенка и приказал рабам-мужчинам, ближайшим соседям по цепи, повалить ее на землю, обнажить и держать; а сам стал над нею и исполосовал ей плетью всю спину, пока она жалобно плакала и билась. Один из мужчин, державших ее, отвернул лицо, и за это проявление жалости был обруган и избит.

Паломники стояли, смотрели и обсуждали, подобно знатокам, хорошо ли торговец владеет плетью. Всю жизнь видя вокруг себя рабство, они так очерствели, что не были способны взглянуть на это истязание с какой-нибудь иной точки зрения. Вот до какого омертвения лучших человеческих чувств доводит рабство, ибо паломники были люди добросердечные и ни за что не позволили бы этому человеку так обращаться с лошадыю.

Мне хотелось остановить истязание и освободить рабов, но делать этого не следовало. Не следовало слишком часто вмешиваться в чужие дела, не следовало прослыть человеком, нарушающим законы и попирающим права граждан. Я дал себе слово, что если буду жив и если не потеряю власть, я казню рабство. Я буду палачом рабства, но надо стремиться к тому, чтобы стать его палачом волею народа.

Возле дороги стояла кузница; землевладелец, уже купивший эту молодую женщину в нескольких милях отсюда, поджидал здесь шествие рабов, чтобы снять с нее кандалы. Ее расковали; покупатель поссорился с продавцом из-за того, кто должен заплатить кузнецу. Едва с женщины сняли кандалы, она очнулась и, рыдая, кинулась в объятия того раба, который отвернулся, когда ее били. Он прижал ее к своей груди, осушил ее заплаканное лицо и лицо младенца поцелуями и оросил своими слезами. Я начал догадываться. Я стал расспрашивать. Да, я не ошибся: это муж и жена. Их растащили силой; женщину повели прочь, и она рвалась, билась и кричала, как помешанная, до тех пор, пока поворот дороги не скрыл ее из вида; но и потом еще долго до нас доносились ее удаляющиеся рыдания. А как держал себя муж и отец, который никогда больше не увидит своей жены и своего ребенка? У меня

Этот джентльмен работал у меня по распространению цилиндров.

нехватило сил смотреть на него, и я отвернулся; но я знал, что зрелище это никогда не изгладится из моей памяти; оно и сейчас стоит у меня перед глазами, и всякий раз, когда я вспоминаю его, сердце мое надывается.

Мы провели ночь в деревенской гостинице; на следующее утро, выйдя на крыльцо, я, в сиянии зари, увидел скачущего всадника и узнал в нем одного из своих рыцарей — сэра Озану ле-Кёр-Арди. Этот джентльмен работал у меня по распространению цилиндров. Он весь был закован в сталь, — и доспехи у него были, по тем временам, превосходные, — и только на голове вместо шлема он носил лоснящийся цилиндр — забавнейшее сочетание на свете. Мой тайный замысел был именно таков — ослабить рыцарство, сделав его смешным и нелепым. На седле сэра Озаны висели кожаные шляпные коробки, и каждый раз, побеждая какого-нибудь странствующего рыцаря, он при-

казывал ему поступить ко мне на службу и напяливал ему на голову цилиндр. Я оделся и побежал навстречу сэру Озане, чтобы приветствовать его и узнать у него новости.

— Как торговля? — спросил я.

— Осталось только четыре коробки; а когда я выезжал из Камелота, их у меня было шестнадцать.

— Вы совершили славные подвиги, сэр Озана. Где вы сейчас странствовали?

— Я только что из Долины Святости, сэр.

— Я сам еду туда. Ну как монахи? Есть там что-нибудь новенькое?

— Ох, и не спрашивайте!.. Эй, мальчишка, прими коня, накорми его хорошенько, и ты получишь крону; веди его в конюшню и делай, что я тебе говорю... Сэр, я привез печальные вести... А, здесь паломники! Послушайте меня, добрые люди, но вести мои повергнут вас в печаль, ибо вы не найдете того, что ищете, и поиски ваши будут тщетны; пусть я умру, если солгу. Случилось то, чего не случалось уже двести лет; но несчастье, двести лет назад волею всевышнего справедливо постигшее святую долину, было вызвано явными и всем понятными причинами, а теперь...

— Чудодейственный источник иссяк! — вырвался крик из двадцати глоток разом.

— Вы сами сказали, добрые люди, то, что я собирался вам сказать.

— Кто-нибудь опять выкупался?

— Некоторые так и думают, но большинство этому не верит. Полагают, что совершен какой-нибудь иной грех, но какой — никто не ведает.

— А как монахи переносят это бедствие?

— Словами не передашь. Источник сух вот уже девять дней. Они молятся, они причитают, они устраивают крестные ходы, не отдыхая ни днем, ни ночью; монахи, монахини и подкидыши уже так устали, что лишились голоса, и, не имея возможности молиться вслух, развешивают молитвы, начертанные на пергаменте. Наконец они послали за вами, сэр Хозяин, чтобы испытать вашу магию и ваше колдовство; а на случай, если вы не согласитесь прибыть, отправили посла за Мерлином, и Мерлин прибыл туда уже три дня назад и заявил, что он вернет воду, даже если для этого придется перевернуть всю землю и повергнуть все царства земные; и он усердно колдует и сзывает себе на помощь все силы ада, однако до сих пор влаги не появилось даже столько, сколько появляется на медном зер-

кале, если подышать на него, а между тем не счесть бо-чек пота, которые проливает он от зари до зари, усерд-ствуя в своих трудах; и если вы...

Нам подали завтрак. После завтрака я показал сэру Озане слова, которые написал внутри его цилиндра:

«Химический департамент, лабораторный отдел, секция Рххр. Вышлите два самых крупных, два № 3 и шесть № 4 вместе со всеми необходимыми деталями, а также двух хорошо обученных рабочих».

И сказал:

— Теперь, отважный рыцарь, скачите во весь дух в Камелот, покажите эту надпись Кларенсу и скажите ему, чтобы он как можно скорее прислал все, о чем здесь написано, в Долину Святости.

— Будет исполнено, сэр Хозяин, — сказал он и умчался.

Глава XXII

СВЯЩЕННЫЙ ИСТОЧНИК

Паломники были люди. Если бы они не были людьми, они поступили бы иначе. Они совершили долгий трудный путь, и теперь, когда путь этот был уже почти окончен и они вдруг узнали, что главное, ради чего они ехали, перестало существовать, они поступили не так, как на их месте поступили бы лошади, или кошки, или черви, — те, вероятно, повернули бы назад и занялись бы чем-нибудь более выгодным, — нет, прежде они жаждали увидеть чудотворный источник, а теперь они в сорок раз сильнее жаждали увидеть то место, где этот источник когда-то был. Поведение людей необъяснимо.

Мы двигались быстро. Часа за два до захода солнца мы уже стояли на высоких холмах, окружающих Долину Святости, и видели ее всю, из края в край. Она была обширна. В трех разных местах, далеко друг от друга, стояли постройки, казавшиеся игрушечными в этой просторной пустыне. Такое зрелище всегда печально, — тишина и неподвижность напоминают нам о смерти. Хотя тишину нарушал звук, доносимый издали порывами ветра, но от этого звука становилось еще печальнее; то был отдаленный похоронный звон, такой слабый, что мы даже не знали, слышим ли мы его на самом деле или он нам только чудится.

Еще засветло мы добрались до мужского монастыря; мужчин в нем приютили, а женщин отправили дальше, в женский монастырь. Колокола были теперь совсем близко, и их торжественное гудение врывалось в уши, как весть о страшном суде. Отчаянье владело сердцами иноков и было ясно написано на их изнуренных лицах. Они шныряли вокруг нас, то появляясь, то исчезая, в черных рясах, в мягких туфлях, с восковыми лицами, бесшумные и причудливые, как образы страшного сна.

Старый настоятель встретил меня с трогательной радостью. Слезы брызнули из его глаз, но он сдержал себя. Он сказал:

— Не медли, сын мой, приступай к своему спасительному труду. Если нам в самый короткий срок не удастся вернуть воду, мы погибли, и все, созданное благородными трудами за двести лет, будет разрушено. Только смотри, чары твои должны быть святыми чарами, ибо церковь не потерпит дьявольских чар, даже если эти чары должны принести ей пользу.

— К моим чарам, отец, дьявол не имеет никакого отношения. Ни к каким дьявольским чарам я прибегать не стану, я буду пользоваться только теми веществами, которые созданы божьей рукой. Но уверены ли вы, что Мерлин поступает столь же благочестиво?

— Да, мой сын, он обещал мне не прибегать к помощи нечистой силы и подтвердил свое обещание клятвой.

— Ну что ж, тогда пусть он и продолжает работать.

— Но, надеюсь, ты не будешь сидеть сложа руки, ты поможешь ему?

— Не годится смешивать столь различные методы, отец; и кроме того, это было бы нарушением профессиональной этики. Два человека, занимающиеся одним ремеслом, не должны подставлять ножку друг другу. Дела хватит на каждого, а кто из нас лучше, выяснится когда-нибудь само собой. Вы подрядили Мерлина; ни один другой чародей не станет вмешиваться в его работу, пока он сам от нее не откажется.

— Но я прогоню его. Дело важности необычайной, и я имею законное право прогнать его. А если даже и не имею такого права, так кто осмелится предписывать законы церкви? Церковь сама предписывает законы всему; всё, что нужно для церкви, должно быть исполнено, а если кто-нибудь этим обижен, пусть обижается. Я прогоню его, приступай к работе немедленно.

— Нет, так нельзя, отец. Разумеется, ты прав, — тот, кто всех сильнее, может делать, что хочет, и никто не посмеет ему перечить, но мы, несчастные чародеи, находимся в особом положении. Мерлин — отличный чародей на малые дела и пользуется безупречной, хотя и провинциальной, репутацией. Он старается, он делает все, что в его силах, и было бы неприлично отнимать у него работу, пока он сам от нее не откажется.

Лицо настоятеля просияло.

— Ну, этого добиться нетрудно. Мы найдем способ заставить его отказаться.

— Нет, нет, отец, это не пройдет. Если вы отстраните его насильно, он заколдует источник, и вам не удастся расколдовать его, пока я не проникну в тайну его чар. А это может занять целый месяц. У меня у самого есть такое небольшое колдовство, которое я называю телефон, и Мерлину пришлось бы потратить, по крайней мере, сто лет, чтобы проникнуть в его тайну. Да, он может задержать меня на целый месяц. Неужели вы согласны рисковать целым месяцем в такую засуху?

— Целый месяц! При одной мысли об этом я весь дрожу. Пусть будет по-твоему, сын мой. Но в сердце моем тяжелое разочарование. Оставь меня наедине с моей мукой, терзающей меня вот уже девять долгих дней, во время которых я не знал, что такое покой, ибо даже тогда, когда мое простертое тело казалось наслаждающимся покоем, его не было в глубине моей души.

Конечно, Мерлин поступил бы благоразумнее, если бы пренебрег приличиями и бросил это дело, так как ему все равно никогда не удалось бы пустить воду, ибо он был подлинный чародей своего времени, а это означает, что все крупные чудеса, которые его прославили, он всегда ухитрялся творить в такие мгновения, когда его никто не видел. Глазеющая толпа в те времена так же мешала творить чудеса чародею, как в мое время мешает она творить чудеса спириту: всегда в ней найдется скептик, который включит свет в самую критическую минуту и все испортит. Но я вовсе не хотел, чтобы Мерлин уступил дело мне, прежде чем я сам буду в состоянии за него взяться; я же не мог за него взяться до тех пор, пока не привезут из Камелота нужные мне вещи, а это займет два-три дня.

Мое присутствие вернуло монахам надежду и так их ободрило, что вечером они как следует поужинали, — впервые за девять дней. Когда желудки их наполнились,

они воспрянули духом, а когда вкруговую пошла чаша с медом, они и совсем развеселились. Подвыпившие святые отцы не хотели расходиться, и мы просидели за столом всю ночь. Было очень весело. Рассказывали добрые старые истории сомнительного свойства, от которых у иноков слезы текли по щекам, рты раскрывались, как пещеры, и сотрясались круглые животы; пели сомнительные песни, ревели их хором, так громко, что заглушали звон колоколов.

В конце концов я и сам решился кое-что рассказать и успех имел огромный. Не сразу, конечно, так как до жителей тех островов смешное никогда не доходит сразу; но когда я в пятый раз повторил свой рассказ, стена дала трещину; когда я повторил его в восьмой раз, начала осыпаться; после двенадцатого повторения — раскололась на куски; после пятнадцатого — рассыпалась в пыль, и я, взяв швабру, вымел ее. Я говорю, разумеется, в переносном смысле. Эти островитяне — вначале тугие плательщики и очень скупко оплачивают ваши труды, но под конец они платят столь щедро, что все остальные народы кажутся нищими и ничтожными по сравнению с ними.

На другой день, чуть свет, я был у источника. Я уже застал там Мерлина, который колдовал с усердием бобра, но не добился даже сырости. Он был мрачен; и всякий раз, когда я намекал ему, что, пожалуй, для человека неопытного подряд, который он взял на себя, слишком тяжел, у него развязывался язык, и он начинал выражаться, как епископ, — как французский епископ эпохи Регентства *.

Дело обстояло приблизительно так, как я и ожидал. «Источник» оказался самым обыкновенным колодезем, вырытым самым обыкновенным способом и облицованным самым обыкновенным камнем. Никакого чуда в нем не было. Даже во лжи, прославившей его, не было никакого чуда; я и сам мог бы без всякого труда изобрести такую ложь. Колодец находился в темной комнате, в самой середине часовни, построенной из неотесанного камня; стены комнаты были увешаны благочестивыми картинами, перед которыми и хромофотографии могли бы гордиться совершенством, — картинами, изображавшими чудесные исцеления, совершенные водами источника, когда никто на них не глядел. Никто, кроме ангелов; ангелы всегда вылезают на палубу, когда совершается чудо, — вероятно для того, чтобы попасть на картину. А они любят это не

меньше, чем пожарные; можете проверить по картинам старых мастеров.

Комнату, в которой находился колодец, тускло освещали лампы. Когда была вода, ее доставали с помощью вѳрота и ведра на цепи, доставали монахи и переливали в желоба, по которым она стекала в каменныe резервуары,

В работе он прибегал только к заклинаниям; к разуму он не прибегал никогда.

помещавшиеся снаружи, и в комнату, где находился колодец, никто не имел права входить, кроме монахов. Однако я вошел в нее — с любезного разрешения моего собрата по ремеслу и подчиненного. Сам он туда не входил. В работе он прибегал только к заклинаниям; к разуму он не прибегал никогда. Если бы он вошел в эту комнату и, вместо того чтобы напрягать свои поврежденные мозги, оглядел ее собственными глазами, он нашел бы способ исправить колодец естественными средствами, а потом мог бы выдать это за чудо, как обычно делается; но нет, он был старый дурень, он был из тех колдунов, которые сами верят в свое колдовство, а колдун, одержимый таким суеверием, никогда не добьется успеха.

Я подозревал, что колодец дал течь; что несколько камней возле дна обрушилось, и образовалось отверстие, через которое уходит вода. Я измерил цепь, — длина ее равнялась девяноста восьми футам. Затем я вызвал двух монахов, запер дверь на замок, взял свечу и заставил их спустить меня в колодец на ведре. Когда цепь размотали до конца, я, при свете свечи, убедился в правильности своих предположений: значительная часть стены вывалилась, образовав большую трещину.

Я почти жалел, что мои догадки подтверждались, так как я имел в виду кое-что другое, более выгодное для чуда. Мне вспомнилось, что в Америке, много веков спустя, когда нефтяной фонтан переставал бить, его снова вызывали к жизни, взрывая землю динамитом. Если бы оказалось, что колодец просто высох без видимых причин, я мог бы благородно удивить всех, заставив какого-нибудь не особенно ценного человека бросить в него динамитную бомбу. У меня была даже мысль использовать для этого Мерлина. Однако теперь я убедился, что бомбу бросать не придется. Обстоятельства не всегда складываются так, как мы хотим. Деловой человек не должен поддаваться разочарованию; самообладания он не должен терять никогда. Так я и поступил. Я сказал себе, что торопиться мне некуда, что я могу и подождать; дойдет черед и до бомбы. В свое время и дошел.

Когда меня подняли, я прогнал монахов и опустил в колодец рыболовную лесу: глубина колодца оказалась равной ста пятидесяти футам, и вода держалась в нем сейчас на уровне сорока одного фута. Я позвал монаха и спросил:

- Какова глубина колодца?
- Не знаю, сэр, мне никто об этом не говорил.
- На каком уровне обычно стояла в нем вода?
- В течение всех этих двухсот лет вода стояла в нем недалеко от края; так говорит предание, унаследованное нами от наших предшественников.

Слова этого монаха подтвердили свидетели, более заслуживающие доверия: только двадцать или тридцать футов цепи носили следы употребления, а вся остальная цепь была заржавлена и, видимо, никогда не опускалась в колодец. Каким образом в прошлый раз вода сначала исчезла, а потом появилась вновь? Несомненно, какой-то практичный человек спустился в колодец и заделал течь, а потом пришел к настоятелю и заявил, что если разрушат

купальню, вода вернется. А теперь снова образовалась течь, и эти простакы молились бы, и устраивали бы крестные ходы, и звонили бы в колокола, пока сами не высохли бы и ветер не развеял бы их на все четыре стороны, — и никому из них не пришло бы в голову спустить в колодец рыболовную лесу или самому спуститься туда и исследовать, в чем собственно дело. Преодолеть укоренившиеся навыки мышления труднее всего на свете. Они передаются от поколения к поколению, как черты лица; и если у человека той эпохи появилась какая-нибудь мысль, которой не было у его предков, начинали подозревать, что он незаконнорожденный. Я сказал монаху:

— Трудное чудо — вернуть воду в сухой колодец, но мы попробуем его сотворить, если моего брата Мерлина постигнет неудача. Брат Мерлин очень способный чародей, но его специальность — салонные фокусы, и здесь он может не добиться успеха; да, по всей вероятности, успеха он не добьется. Но в этом нет ничего для него постыдного, ибо человек, способный творить такие чудеса, может открыть отель.

— Отель? Я как-будто не слыхал...

— Об отелях? Это то, что вы зовете постоялым двором. Человек, который может сотворить такое чудо, управится и с постоялым двором; это чудо мне по силам; я его сотворю; но не скрою от вас, что для того, чтобы сотворить это чудо, мне придется напрячь все свои чародейские способности до крайней степени.

— Уж кому-кому, а нашей монастырской братии это известно, ибо предание гласит, что в тот раз восстановление источника оказалось настолько трудным, что потребовало целый год. Как бы то ни было, мы будем молиться богу и просить у него для вас успеха.

С деловой точки зрения удачная это была мысль — распространить слух, будто сотворить такое чудо очень трудно. Иногда самые незначительные вещи приобретают огромное значение благодаря рекламе. Этот монах был потрясен трудностью того, что мне предстояло совершить; он потрясет этим других. Через два дня сострадание ко мне станет всеобщим.

В полдень, возвращаясь домой, я встретил Сэнди. Она шла с осмотра отшельников. Я сказал:

— Я хочу сам их осмотреть. Сегодня среда. У них бывают утренние спектакли?

- Извините, сэр, о чем вы говорите?
- Утренние спектакли. У них открыто днем?
- У кого?
- У отшельников, конечно.
- Открыто?
- Ну да, открыто? Что же тут непонятного? Или они закрывают в полдень?
- Закрывают?
- Закрывают? Ну да, закрывают. Никогда не видал я такой тупицы; что ни скажи, ничего не понимает. Спрашиваю тебя самыми простыми словами: когда они закрывают лавочку? Когда они кончают игру? Когда они гасят свет?
- Закрывают лавочку, кончают...
- Ну все равно, хватит. Ты мне надоела. Ты не понимаешь самых простых вещей.
- Я была бы рада вам угодить, сэр, и я скорблю и горюю оттого, что угодить вам мне не удастся, но я всего только простая дева, и меня ничему не учили, не окрестили меня с колыбели в глубоких водах познания, окропивших того, кто приобщился к самому благородному из таинств, того, на кого с благоговением взирают очи смиренных смертных, сознающих, что их невежество — лишь прообраз иных несовершенств, скорбя о которых, люди облачаются во власяницу и посыпают пеплом горестей свои головы, и когда в мрак, окутывающий разум такого невежды, проникают такие золотые слова, исполненные высокой тайны, как, например, — закрыть лавочку, кончать игру, гасить огни, только милосердие божие спасает невежду от того, чтобы не лопнуть от зависти к тому, чей разум способен вместить, а язык способен произнести столь величавые, благозвучные и чудесные речения, и путаница, возникающая в смиренном уме невежды, и неумение постигнуть божественное значение этих чудес происходит не из тщеславия, — оно искренне и правдиво, и вы должны понять, что оно — самая сущность благоговейного преклонения, никогда не преходящего и вполне вам известного, если вы изучили склад души моей и моего разума и поняли, что я не не хочу, а не могу, а раз не могу, то ничего не могу поделать, если бы и хотела, и не в нашей власти превратить хочу в могу, и потому я прошу вас, мой добрый господин и драгоценный лорд, быть снисходительным к моей вине и простить мне ее по доброте вашей и по вашему милосердию.

Я не в состоянии был запомнить всего, что она говорила, но общий смысл я уловил и почувствовал себя пристыженным. Неблагодарно было обрушивать технические выражения девятнадцатого века на невежественную дочь шестого и потом бранить ее за то, что она не понимает; она изо всех сил старалась понять смысл моих речей, и не ее вина, если это ей не удалось; и я извинился. Мы вместе пошли по извилистым тропкам к норам, в которых жили отшельники, мирно беседуя между собой и чувствуя, что стали еще лучшими друзьями, чем были прежде.

Во мне постепенно возникало таинственное и полное трепета уважение к этой девушке; всякий раз, когда она пускала в ход свой поезд и он мчался через беспредельные матеряки, волоча за собой одну из ее фраз, мне казалось, что я стою перед страшным ликом самой праматери германских языков. Порой, когда она принималась изливать на меня такую фразу, я, полный невольного благоговения, снимал шлем и стоял с непокрытой головой; и, если бы слова ее были водой, я несомненно утонул бы. Она поступала совершенно как немцы: когда ей хотелось что-нибудь сказать, — все равно что — ответить ли на вопрос, произнести ли проповедь, изложить ли энциклопедию или историю войн, — она непременно должна была всадить все целиком в одну единственную фразу или умереть. Так поступает и всякий немецкий писатель: если уж он нырнет во фразу, так вы не увидите его до тех пор, пока он не вынырнет на другой стороне своего Атлантического океана с глаголом во рту.

До самого вечера мы таскались от отшельника к отшельнику. Это был в высшей степени странный зверинец. Казалось, отшельники соперничали друг с другом главным образом в том, кто превзойдет остальных нечистоплотностью и разведет вокруг себя больше насекомых. Все их повадки свидетельствовали о необычайном самодовольстве. Один анахорет, например, гордился тем, что лежит голый в грязи и разрешает насекомым кусать себя; другой тем, что стоит весь день у скалы, на виду у восхищенных паломников, и молится; третий тем, что, раздевшись догола, ползет на четвереньках; четвертый тем, что много лет подряд таскает на себе восемьдесят фунтов железа; пятый тем, что никогда не ложится спать, как все люди, а спит, стоя среди терновника, и храпит, когда паломники собираются вокруг и глазают на него. Одна женщина, прикрывавшая свою наготу только седыми

За 24 минуты 46 секунд он отбил 1244 поклона.

волосами, стала черной от головы до пят благодаря сорокасемилетнему благочестивому воздержанию от воды. Вокруг каждого из этих странных людей в почтительном изумлении стояли паломники и завидовали благодати, которую те стяжали себе на небесах своими набожными подвигами.

Мало-помалу добрались мы до самого великого из отшельников. Он был необычайно знаменит; слава его гремела по всему христианскому миру; именитые и знатные люди съезжались с отдаленнейших краев земного шара, чтобы поклониться ему. Он выбрал себе место в самой широкой части долины, и все пространство вокруг него всегда было заполнено толпой.

Он стоял на столбе в шестьдесят футов вышиной, с широкой площадкой на вершукке. Он был занят тем, чем занимался каждый день в течение вот уже двадцати лет

подряд: то стремительно нагибался к своим ногам, то разгибался. Так он молился. Я подсчитал с часами в руке — за 24 минуты 46 секунд он отбил 1244 поклона. Жаль было, что такая энергия пропадает зря. Движение, которое он совершал, для механики — настоящий клад. Я отметил это в своей записной книжке, предполагая в будущем приспособить к нему систему мягких ремней и заставить его вертеть колесо швейной машины. Впоследствии я осуществил этот план, и отшельник превосходно работал целые пять лет; за этот срок он сшил восемнадцать тысяч рубаш из домотканного холста — по десяти штук в день. Я заставлял его работать и по воскресеньям; в воскресенье он отбивал не меньше поклонов, чем в будни, и было бессмысленно расходовать столько энергии вхолостую. Эти рубашки обходились мне даром, если не считать ничтожных затрат на материал; материал оплачивал я сам, так как было бы несправедливо возложить этот расход на отшельника; наши рубашки продавались паломникам по полтора доллара за штуку, а на полтора доллара в королевстве Артура можно было купить пятьдесят коров или чистокровного коня. Рубашки эти считались лучшим предохранительным средством от всякого греха, и мои рыцари так усердно рекламировали их с помощью красок и трафарета, что скоро во всей Англии не осталось ни одной скалы, ни одного камня, ни одной слепой стены, где не было бы надписи, видной за милю:

Покупайте только рубашки св. Столпника.

Их носит вся знать. Патент заявлен.

Это предприятие принесло столько денег, что я не знал, куда их девать. Когда оно разрослось, мы стали изготавливать рубашки для королей, изящные сорочки для герцогинь и прочих знатных дам — с рюшками, сборками и вышивками. Да, прелестные вещицы.

Но как раз в это время я стал замечать, что мой двигатель приобрел обыкновение стоять на одной ноге, — с другой, очевидно, случилось что-то неладное; я сократил производство и вышел из дела, которое купил сэр Борс-де-Ганис в компании со своими друзьями; а через год и совсем пришлось закрыть это предприятие, так как святой подвижник удалился на покой. Он заслужил его. Могу утверждать это с полной ответственностью.

Но когда я его увидел впервые, он вел себя так, что описать его поведение здесь невозможно. Если угодно, прочтите о нем в Житии святых¹.

Глава XXIII

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ИСТОЧНИКА

В субботу около полудня я отправился к колодцу посмотреть, что там делается. Мерлин все еще жег благовонные курения, размахивал руками и усердно бормотал какую-то чушь, но, видимо, уже пал духом, так как, разумеется, ему не удалось добиться ни капли влаги. Наконец я сказал:

— Ну, как дела, товарищ?

— Гляди, я сейчас обращусь к помощи могущественнейших чар, ведомых только мудрейшим знатокам тайных наук Востока; если и эти чары не помогут, значит ничто уже не в силах помочь. Помолчи, дай мне кончить.

Он напустил столько дыму, что все потемнело вокруг, и отшельники испытали немало неприятностей, так как ветер дул в их сторону, и дым, густой, волнистый, полез прямо к ним в норы. Он говорил так много, что из его речей можно было бы составить целые томы, он извивался всем телом и яростно рассекал воздух руками. Через двадцать минут он упал на землю, задыхаясь и изнемогая. Тут явились и настоятель, и сотни монахов с монахинями, и паломники, и бесчисленные подкидыши, привлеченные чудодейственным дымом и чрезвычайно взволнованные. Настоятель озабоченно спросил, удалось ли чего-нибудь добиться. Мерлин сказал:

— Если бы сил смертного могло хватить на то, чтобы развеять чары, сковывающие эти воды, источник был бы уже расколдован. Однако он не расколдован; следовательно, произошло то, чего я больше всего опасался: моя неудача доказывает, что источник околдован могущественнейшим духом, хорошо известным магом Востока, имя которого так страшно, что всякий, кто произнесет его, умрет.

¹ Все подробности о жизни отшельников, приведенные в этой главе, заимствованы нами из книги Лекке, но сильно смягчены. Наша книга — не историческое сочинение, а повесть, и многие исторические факты, рассказанные откровенно, столь пахучи, что в повесть их поместить нельзя. (Примечание автора).

Нет и не будет такого смертного, который способен проникнуть в тайну этих чар, а не проникнув в их тайну, разрушить их невозможно. Воды никогда уже больше здесь не потекут, добрейший отец мой. Я сделал все, что может сделать человек. Позволь мне удалиться.

Конечно, настоятель пришел в отчаянье. Он обратился ко мне свое расстроенное лицо и сказал:

— Ты слышал его. Правду он говорит?

— Отчасти правду.

— Значит, правду, но не совсем! Что же в его словах правда?

— Правда то, что этот колодец действительно околдован духом с русским именем.

— Господи помиауй! Мы погибли!

— Быть может.

— Но не наверняка? Ты хочешь сказать, что не наверняка?

— Да, не наверняка.

— Следовательно, ты хочешь сказать, что он, утверждая, будто никто не в силах развеять эти чары. . .

— Говорит то, что может оказаться и неправдой. Существуют условия, при которых попытка развеять эти чары имеет некоторые, очень ничтожные, шансы на успех.

— Условия. . .

— О, в этих условиях нет ничего трудного. Вот в чем они заключаются: колодец и пространство на полмили кругом нужно передать в полную мою власть с сегодняшнего заката до тех пор, пока я не сниму заклятье, и никто не должен заходить сюда без моего разрешения.

— Это всё?

— Да.

— И ты не боишься попробовать?

— О, ничуть! Разумеется, меня может постигнуть неудача; ну, а вдруг я добьюсь успеха? Отчего не сделать попытку? Я готов попытаться. Согласны на мои условия?

— Мы согласны на любые условия. Я сейчас прикажу выполнять все твои требования.

— Подождите, — сказал Мерлин и злобно ухмыльнулся. — Известно ли вам, что тот, кто хочет развеять эти чары, должен знать имя того духа?

— Да, я знаю его имя.

— Знаете его имя! Так разве вы безумец? Разве вы согласны произнести его имя и умереть?

Он напустил столько дыму, что все потемнело вокруг.

— Назвать его имя? Конечно, придется произнести. Я произнесу его имя, даже если оно валлийское*.

— В таком случае, вы уже покойник; так я и сообщу Артуру.

— Отлично. Берите свое барахло и убирайтесь. Ступайте домой, Джон У. Мерлин, и принимайтесь за предсказания погоды. Здесь вам больше делать нечего.

Я попал не в бровь, а в глаз и заставил его поморщиться, ибо он был самый скверный предсказатель погоды во всем королевстве. Когда он отдавал приказ вывесить на побережье штормовые сигналы, начинался мертвый штиль, который длился целую неделю, а когда он предсказывал хорошую погоду, дождь лил ручьями. Тем не менее я оставил его в бюро предсказаний погоды, — я хотел подорвать его репутацию. Мой намек разозлил его, и он, вместо того чтобы отправиться домой и доложить о моей смерти, заявил, что собирается остаться здесь и насладиться предстоящим зрелищем.

Мои специалисты прибыли вечером, страшно измученные, так как в пути они почти не отдыхали. С ними были выючные мулы, на которых они привезли инструменты, насос, свинцовую трубу, бенгальский огонь, связки больших ракет, римские свечи, электрическую батарею — все необходимое для самого пышного чуда. Они поужинали, немного поспали, и около полуночи мы втроем отправились к колодцу, вокруг которого, как я и требовал, было совершенно пусто.

Мы завладели колодцем и его окрестностями. Мои ребята умели делать всё — от облицовки стен камнем до сооружения точных приборов. За час до восхода солнца течь была заделана, и уровень воды начал подниматься. Тогда мы сложили весь наш фейерверк в часовне, заперли ее на замок и отправились спать.

Еще обедня не кончилась, а мы уже снова были у колодца, ибо работы предстояло еще много, а я хотел сотворить свое чудо непременно до полуночи, исходя из следующего делового соображения: чудо, сотворенное на пользу церкви в воскресенье, ценится в шесть раз дороже такого же чуда, сотворенного в будни. За девять часов вода поднялась до своего обычного уровня; иными словами, она стояла в двадцати трех футах от края колодца. Мы погрузили в воду маленький железный насос, — один из первых, изготовленных на моей фабрике возле столицы; мы пробуравили каменный резервуар, стоявший возле на-

ружной стены комнаты, в которой помещался колодезь, и вставили в отверстие обрезок свинцовой трубы, — как раз такой длины, что конец его достигал дверей часовни и мог выбросить за порог струю воды, хорошо видную всей той толпе, которую я намеревался заполнить двести пятьдесят акров ровного пространства перед часовней.

Мы вышибли дно у пустой бочки, отнесли ее на плоскую крышу часовни, прибили к крыше, потом насыпали в бочку ровный слой пороха в дюйм толщиной и понатыкали в порох ракет всех сортов, какие у нас только были, — а было их у нас немало. Мы воткнули в порох провод, соединенный с карманной электрической батареей, затем сложили весь наш запас бенгальского огня на четырех углах крыши, — в одном углу синий, в другом зеленый, в третьем красный, в четвертом малиновый, — и тоже соединили каждый угол с батареей.

В двухстах ярдах от часовни мы из брусьев и досок построили платформу. Мы убрали эту платформу взятыми напрокат яркими коврами и водрузили на ее верхушку трон самого настоятеля. Когда чудо предназначается для народа невежественного, следует особое внимание обращать на мелочи; каждая мелочь должна поражать публику; не меньшее внимание следует уделить тому, чтобы вашим почетнейшим посетителям были предоставлены все удобства; если эти условия соблюдены, вы можете смело приступать к делу. Я знаю цену мелочам и удобствам, ибо я знаю природу человека. Вышностью чуда не испортишь. Вышность требует много хлопот, много труда, порой много денег, но, в конце концов, она всегда окупится. Итак, мы протянули провода под землей от часовни до платформы, а под платформой спрятали батарею. Вокруг платформы мы отгородили веревкой пространство площадью в сто квадратных футов, чтобы держать толпу подальше, и на этом кончили работу. Мой план был таков: впуск публики с 10.30; представление — ровно в 11. 25. Я не прочь был бы брать плату за вход, но, разумеется, это было неудобно. Я приказал моим ребятам явиться в часовню не позже десяти, когда еще никого не будет, чтобы во-время пустить в дело насос. И мы отправились ужинать.

Весть о несчастье, постигшем источник, к этому времени распространилась далеко, и за последние три дня народ валом валил в долину. Вся нижняя часть долины была занята огромным лагерем. Сбор у нас будет великолеп-

ный, об этом беспокоиться нечего. Едва начало смеркаться, глашатаи обошли всю долину, оповещая всех о предстоящей попытке вернуть воду, и ожидание стало еще лихорадочнее. Глашатаи объявили, что ровно в 10.30 настоятель со своими приближенными совершит торжественный выход из монастыря и займет свое место на платформе и что до тех пор никто не смеет переступить черту, объявленную мною под запретом; когда настоятель усядется, колокола перестанут звонить, и это будет знак, что все желающие могут войти.

Я уже стоял на платформе, готовый к приему гостей. И вот, наконец, показалась торжественная процессия, во главе которой шел настоятель. Я увидел ее только тогда, когда она подошла к веревке, так как ночь была черная, беззвездная, а зажечь факелы я не позволил. Вместе с настоятелем явился Мерлин и уселся на платформе в первом ряду; как видите, он на этот раз сдержал свое слово. Я не мог разглядеть толп, стоявших за веревкой, но я знал, что они уже там. Едва смолкли колокола, эти толпы ворвались огромной черной волной и разлились по всему свободному пространству; они продолжали прибывать еще в течение получаса; потом застыли, замерли; можно было пройти несколько миль по мостовой из человеческих голов.

Я заставил подождать минут двадцать — для того, чтобы усилить эффект; всегда полезно немного помучить публику ожиданием. Наконец среди всеобщего безмолвия хор мужских голосов запел благородный латинский гимн, сначала тихо, потом все громче, и торжественная мелодия величаво звучала в пучи. Это был самый удачный из всех изобретенных мною эффектов. Когда гимн смолк, я поднялся на платформе во весь рост, широко распростер руки, и, подняв лицо, стоял неподвижно минуты две, — этим способом всегда можно достигнуть полнейшей тишины. Затем медленно произнес страшное слово*, при звуке которого все содрогнулись, а многие женщины попадали в обморок:

Константинополитанишердудельзакспфайфенмахерсгезелльшаффт!

Когда из моих уст со стоном вырвался последний слог этого слова, я коснулся одного из моих электрических проводов, и потонувшие во мраке толпы озарил мертвенно-синий свет. Как это было эффектно! Раздалось множество криков, женщины кинулись в разные стороны, под-

кидыши падали в обморок целыми взводами. Настоятель и монахи торопливо крестились и, потрясенные, бормотали молитвы. Мерлин держал себя в руках, но изумление пробрало его до костей; он никогда еще ничего похожего не видывал. Пора было приниматься за новые эффекты. Я поднял руки и, словно в предсмертных муках, простонал:

**Нигилистендинамиттеатеркестхенсшпренгунгс
аттентэтсферзухунген!**

И включил красный свет. Вы бы послушали, как застонал и завыл этот людской Атлантический океан, когда алое пламя присоединилось к голубому! Через шестьдесят секунд я крикнул:

**Трансваальтруппентропентранспорттрампель-
тиртрайбертраунгстрэнентрагеди!**

И зажег зеленый свет. Прождав на этот раз всего сорок секунд, я широко распростер руки и громовым голосом выкрикнул все опустошительные слоги вот этого слова слов:

**Меккамузельманенмассенменшенмердерморен
муттермармормонументенмахер!**

И вспыхнуло малиновое сияние. Все четыре огня горели разом — красный, синий, зеленый, малиновый! — четыре неистовых вулкана струили вверх просторные тучи ослепительного дыма, озаряя радужным светом, ярким, как свет полудня, всю долину до самых отдаленных ее концов. Вдали, на фоне неба, виден был столпник, застывший на своем столбе, — впервые за двадцать лет он перестал кланяться. Я знал, что ребята мои уже возле насоса и ждут только знака. И я сказал настоятелю:

— Час настал, отец. Сейчас я назову страшное имя и прикажу чарам рассеяться. Будьте готовы. Ухватитесь за что-нибудь руками.

Затем я крикнул народу:

— Слушайте! Через минуту чары будут рассеяны, — или никогда ни один смертный не рассеет их. Если рассеять чары мне удастся, вы сразу об этом узнаете, ибо святая вода хлынет из дверей часовни.

Я подождал несколько мгновений, чтобы дать возможность слышавшим пересказать мои слова тем, кто, стоя в задних рядах, не мог расслышать их, и затем, приосанясь, причудливо размахивая руками, воскликнул:

— Повелеваю падшему духу, поселившемуся в священном источнике, извергнуть в небеса все адские огни,

которые еще таятся в нем, рассеять свои чары, умчаться отсюда в преисподнюю и лежать там связанным тысячу лет. Его собственным грозным именем заклинаю:

Бдвджджилгккк.

Я включил провод, ведущий к бочке с ракетами, и целый фонтан ослепительных огненных стрел с пронзительным свистом взлетел к зениту, рассыпаясь в небе ливнем алмазов! Вопль ужаса пронесся над толпой, но сразу же его заглушили неистовые крики радости, — ибо из дверей часовни, у всех на виду, ярко озаренная, хлынула освобожденная вода! Старый настоятель не мог произнести ни слова — слезы душили его. Он молча обнял меня и крепко сжал. Его объятия были красноречивее всяких слов. И гораздо опаснее, вдобавок, ибо в этой стране не было ни одного доктора, который стоил бы хоть ломаного гроша.

Посмотрели бы вы, как толпы людей кидались к воде и целовали ее; целовали ее, и ласкали, словно живую, и называли ее нежными прозвищами, как друга, который долго пропадал без вести, считался погибшим и вдруг вернулся домой. Да, на это было приятно смотреть; я стал лучшего мнения об этих людях, чем был прежде.

Мерлина я отправил домой на носилках. Когда я произнес страшное имя духа, Мерлин лишился чувств, и с тех пор так и не мог окончательно прийти в себя. Никогда прежде не слышал он этого имени, — как и я, — но сразу узнал, что оно настоящее; какое бы дурацкое имя я ни придумал, он признал бы его настоящим. Впоследствии он говорил, что даже родная мать этого духа не могла бы произнести его имя лучше, чем я. Он никак не мог понять, каким образом я остался жив, а я не открывал ему этой тайны. Такие тайны разбалтывают только молодые чародеи. Мерлин потратил три месяца, стараясь с помощью колдовства разгадать трюк, дающий возможность произнести это имя и остаться в живых. Но ничего не добился.

Когда я направился в часовню, толпа почтительно снимала шапки и широко расступалась передо мной, словно я был каким-то высшим существом, — впрочем, я действительно был существом высшим, и сам сознавал это. Я отобрал несколько монахов, посвятил их в тайну насоса и велел им качать воду, так как множество людей, несомненно, захочет провести возле воды всю ночь, и нужно, чтобы ее хватило на всех. Монахам и самый насос показался чудом; они не

могли надивиться на него и восхищались тем, как он превосходно работает.

То была великая ночь, необычайная ночь. Эта ночь принесла мне славу. Переполненный гордостью, я долго не мог заснуть.

Глава XXIV

МАГ КОНКУРЕНТ

Мое влияние в Долине Святости было теперь безгранично. И мне хотелось использовать его для какого-нибудь полезного дела. Эта мысль пришла мне в голову на следующее утро, когда к монастырю подъехал один из моих рыцарей, распространявших мыло. История утверждает, что двести лет назад здешние монахи были настолько доступны мирским соблазнам, что пожелали вымыться. Быть может в них и доньне сохранилась хоть капля этого нечестия. Я спросил одного из братьев:

— Не хочется ли вам выкупаться?

Он содрогнулся при мысли о том, какая опасность грозит источнику, но ответил взволнованно:

— Зачем вопрошать об этом бедное тело, с детских лет не знавшее благодатного освежения? Боже, как я хочу выкупаться! Но это невозможно, благородный сэр, не искушай меня: это запрещено.

И он вздохнул так скорбно, что я твердо решил дать ему возможность смыть хоть верхний слой грязи, даже если после этого влияние мое рухнет, а монастырь обанкротится. Я пошел к настоятелю и попросил его разрешить этому брату выкупаться. Настоятель при этих словах побледнел, — я не хочу сказать, будто я видел, как он побледнел, ибо для того чтобы увидеть, мне пришлось бы снять с его лица слой грязи толщиной в книжный переплет, а я вовсе не собирался этим заниматься, — но я знаю, что он побледнел и задрожал. И проговорил:

— Ах, сын мой, я все отдам тебе с благодарностью, требуй, чего хочешь, но только не этого. Неужели ты хочешь, чтобы священный источник снова иссяк?

— Нет, отец, я не дам ему иссякнуть. Я имел тайное откровение и теперь знаю, что в тот раз источник иссяк вовсе не потому, что монахи построили купальню. — Ста-

рик с любопытством насторожился, лицо его просияло. — Господь открыл мне, что купальня была неповинна в этом несчастье, ниспосланном совсем за другой грех!

— Речи твои дерзки... но... но, если они правдивы, мне отрадно слышать их.

— Они правдивы, не сомневайтесь. Позвольте мне заново построить купальню, отец. Позвольте мне восстановить ее, и воды источника будут течь вечно.

— Ты обещаешь это? Ты обещаешь? Только скажи, обещаешь ли ты это?

— Да, я обещаю.

— Тогда я первый войду в купальню и искупаюсь в ней. Ступай, принимайся за дело. Не медли, не медли, ступай.

Я со своими ребятами сразу же приступил к работе. Развалины купальни и поныне стояли на прежнем месте, ниже монастыря, ни один ее камень не пропал. В течение всех этих лет никто не осмеливался даже приблизиться к ней; ее избегали с набожным страхом, словно над ней тяготело проклятие. За два дня мы всё починили, и даже воду в нее провели, — получился обширный пруд с чистой, прозрачной водой, в котором можно было плавать. Вода была проточная. Она втекала и вытекала по древним трубам. Старый настоятель сдержал свое слово и первый влез в воду. Он влез в воду черный, дрожащий, и вся его черная братия в тревоге и страхе смотрела на него; а вылез он белый, радостный. Еще одна победа, еще один триумф.

Вся наша работа в Долине Святости прошла успешно, и я был вполне удовлетворен ею. Я уже собирался уезжать, но тут меня постигла неудача. Я сильно простудился, и у меня разыгрался мой застарелый ревматизм. Как всегда бывает, ревматизм нашел во мне самое слабое место и поразил именно его. Это было то место, которое пострадало от объятий настоятеля, когда он выражал мне свою благодарность.

Я поднялся, наконец, с постели, но от меня осталась одна тень. Однако все были так добры и внимательны ко мне, так старались меня развеселить, что я стал быстро поправляться.

Сэнди очень утомилась, ухаживая за мною, и я решил отправиться в путь один, оставив ее отдыхать в женском монастыре. Мне пришло в голову переодеться свободным поселянином и побродить пешком по стране недельку.

другую. Это дало бы мне возможность есть и спать вместе с низшим и беднейшим классом свободного населения страны. У меня не было иного способа познакомиться с его повседневной жизнью и с тем, как влияют на нее законы. Если бы я бродил между простолюдинами в дворянской одежде, они стали бы скрывать от меня свои подлинные радости и горести, и все наблюдения мои оказались бы внешними и поверхностными.

Однажды утром я, чтобы размять ноги и подготовить себя к предстоящему путешествию, отправился в долгую прогулку, забрался на горный кряж, окаймлявший долину с севера, и подошел к искусственной пещере, которую мне давно показывали снизу; то была пещера одного отшельника, прославившегося суровостью и нечистоплотностью. Я знал, что отшельнику этому недавно предложили видный пост в Сахаре, где благодаря львам и комарам жизнь отшельников особенно трудна и заманчива, и что он уехал в Африку, потому я решил войти и убедиться лично, действительно ли в этой берлоге так воняет, как мне рассказывали.

Каково же было мое удивление, когда оказалось, что пещера вычищена и подметена. Меня ждал здесь и другой сюрприз. Во тьме пещеры зазвенел звонок, и я услышал голос:

— Алло, центральная! Это Камелот? — Радуйся! Как не веровать в чудеса, как не веровать в то, что они окружают нас со всех сторон и проявляют себя там, где мы их не ожидаем, когда вот тут, рядом со мною, стоит во плоти его могущество, Хозяин, и ты сейчас собственными ушами услышишь его голос!

Какой решительный переворот! Что за нагромождение чудовищных несообразностей! Что за фантастическое сочетание непримиримых противоречий, — в обители лжечудотворца поселилось подлинное чудо, берлога средневекового отшельника превратилась в телефонную станцию!

Телефонист вышел на свет, и я узнал в нем одного из своих юных помощников. Я спросил:

— Когда здесь устроили телефонную станцию, Ульфиус?

— Вчера в полночь, благородный сэр Хозяин. Мы заметили в долине множество огней и решили устроить здесь телефонную станцию, ибо столько огней бывает лишь в очень больших городах.

Во тьме пещеры зазвенел звонок, и я услышал голос: — Алло, центральная!

— Вы поступили правильно. Хотя здесь и нет большого города, тем не менее это вполне подходящее место для телефонной станции. Вам известно, где вы находитесь?

— Я еще не успел навести справки, ибо когда товарищи мои ушли на работу, оставив меня здесь дежурить, я прилег отдохнуть, решив сначала выспаться, а уж потом навести справки и доложить в Камелот название этой местности.

— Знай же, что это Долина Святости.

Не клюнуло! Я думал, он так и подпрыгнет при этом названии, а он и бровью не повел. Только сказал:

— Я так и доложу.

— Позволь, да ведь вся округа гремит славой чудес, сотворенных здесь за последние дни! Неужели ты не слышал о них?

— Ведь мы передвигаемся по ночам и не вступаем в разговоры с посторонними. Мы знаем только то, что нам сообщают по телефону из Камелота.

— Но ведь в Камелоте все известно. Разве тебе не рассказывали о великом чуде восстановления святого источника?

— Конечно, рассказывали. Но ведь та долина совсем иначе называется, чем эта. Бóльшее несходство трудно себе даже...

— Как же тебе называли ту долину?

— Долиной Гадости.

— Теперь все понятно. Да будь он проклят, этот телефон. Он вечно путает похожие по звуку слова, совершенно искажая смысл. Ну, да все равно, теперь тебе известно название долины. Вызови Камелот.

Он вызвал Камелот, и Кларенс подошел к телефону. Как приятно было слышать голос моего мальчика! Словно я вернулся домой. Нежно обменявшись с ним приветствиями и рассказав ему о своей недавней болезни, я спросил:

— Что нового?

— Король и королева, в сопровождении многих придворных, сейчас отправляются в вашу долину благочестиво поклониться восстановленному вами источнику, очиститься от греха и посмотреть то место, откуда адский дух извергал в облака настоящее адское пламя. Если вы хорошенько вслушаетесь, вы услышите, как я, поддакивая, хитрую про себя, ибо я сам выбирал это пламя на нашем складе и сам посылал его к вам по вашему приказу.

— Разве король знает дорогу сюда?

— Король? Нет, не знает. И никто не знает. Но наши ребята, помогавшие вам творить чудо, поедут с ними, как проводники, и будут указывать места привалов и ночлегов.

— Когда же они будут здесь?

— Послезавтра, во время вечерни.

— А еще какие новости?

— Король начал создавать постоянную армию, как вы ему советовали. Один полк уже совсем готов, и все офицеры в него назначены.

— Какая досада! Я хотел сам назначить офицеров. Во всем королевстве есть только одна школа, откуда можно черпать офицеров для регулярной армии.

— Да. Но должен вас удивить. Ни один человек из школы Западного Мыса не попал в полк.

— Что ты говоришь? Ты не шутишь?

— Я говорю правду.

— Я ужасно обеспокоен. Кто же назначен? И каким методом выяснили пригодность или непригодность того или иного кандидата? Устроили, вероятно, конкурсный экзамен?

— О методе я ничего не знаю. Я знаю только, что все офицеры знатного происхождения и, — как это вы называете, — бараньи головы.

— Тут что-нибудь не так, Кларенс.

— Успокойтесь: два кандидата в лейтенанты сопровождают короля, — оба молодые аристократы, — и, если вы дождетесь их, они сами вам ответят на все вопросы.

— Это важная новость. Мне нужно вызвать сюда хоть одного ученика школы Западного Мыса. Пошли тотчас же в эту школу конного гонца с моим приказом: пусть загонит, если надо, хоть десяток лошадей, он должен быть там сегодня же до заката солнца и...

— В этом нет надобности. Я установил со школой телефонную связь. Позвольте мне соединить вас.

Как приятно было это слышать. В атмосфере телефонов, в атмосфере постоянной связи с отдаленнейшими районами мне дышалось легко и свободно. Только теперь я понял, каким ползучим, унылым, бездушным ужасом была для меня эта страна в течение всех этих лет, как задыхался я в ней, пока мало-помалу не привык к духоте.

Я отдал приказ начальнику школы лично. Я заодно попросил его прислать мне немного бумаги, самопишущее перо и несколько коробков безопасных спичек. Мне надоело обходиться без этих скромных удобств. Теперь мне удастся ими попользоваться, так как я не собираюсь больше надевать лат, и у меня снова будут карманы.

Вернувшись в монастырь, я застал там занятное зрелище. Настоятель и монахи, собравшись в большом зале, с ребяческим любопытством и младенческой доверчивостью следили за фокусами нового чародея, только что прибывшего. Одежда на нем была фантастическая, такая же нелепая и пестрая, как одежда индейских знахарей. Он вертелся, бормотал, размахивал руками, чертил таинственные знаки по воздуху и по полу, — словом, вел себя, как все фокусники. Он был очень знаменит во всей Азии, — так он сам утверждал, и этого было вполне достаточно. Такие утверждения стоят золота и всюду находят сбыт.

Этому человечку слава великого чародея досталась легко и дешево. Его специальностью было рассказывать, что в данную минуту делает любой обитатель земного шара, а также, что он делал в прошлом и что он станет делать в будущем. Он спросил, не желает ли кто-нибудь узнать, что сейчас делает император Востока? Блеск глаз, восхищенные потирания рук были красноречивее любого

ответа. Еще бы! Разумеется, вся эта благочестивая толпа мечтала узнать, что делает этот монарх. Обманщик забор-мотал и затем торжественно возвестил:

— Высочайший и могущественнейший император Востока сейчас кладет деньги на ладонь святого нищенствующего монаха, — одну монету, две, три монеты, и все серебряные.

Толпа восторженно загудела:

— Изумительно! Удивительно! Сколько пришлось учиться, сколько пришлось работать, чтобы приобрести столь необычайную силу.

Не желают ли они узнать, что сейчас делает Повелитель Индии? Да, желают. Он сказал им, что делает Повелитель Индии. Затем он сообщил им, чем занят Султан Египта и что собирается предпринять Король Дальних Морей. И так далее, и так далее... И с каждым новым чудом изумление перед точностью его знаний все возрастало. Порой его пытались сбить трудным вопросом, но нет, сбить его было невозможно, на каждый вопрос он отвечал без колебания и промедления, с полной уверенностью. Я видел, что если так будет продолжаться, я потеряю свое превосходство, — этому детине достанется все, а я останусь за флагом. Я должен сунуть палку ему в колесо, и притом как можно скорее. И я сказал:

— Мне очень хотелось бы узнать, что сейчас делает один человек.

— Спрашивайте, не бойтесь. Я дам вам ответ.

— Это, пожалуй, будет трудно... Быть может даже невозможно...

— Для моего искусства нет ничего невозможного. Чем труднее вопрос, тем охотнее я на него отвечу.

Как видите, я старался привлечь любопытство. И мне это удалось. Кругом насторожились, вытянули шеи, затаили дыхание. Любопытство привлечено, теперь нужно его разжечь.

— Если вы не ошибетесь, если вы ответите правильно, я дам вам двести серебряных пенни.

— Эти деньги уже все равно что мои... Я скажу вам все, что вы желаете узнать.

— В таком случае ответьте мне, что я сейчас делаю правой рукой?

— Ах!

Все были изумлены необычайно. Во всей этой толпе никому не пришел бы в голову простейший трюк — спро-

силь о человеке, который находится не за десять тысяч миль отсюда. Чародей смутился. Очевидно такого вопроса ему никогда еще никто не задавал. Он не знал, как ему вывернуться. Он был сбит с толку. Он не мог выговорить ни слова.

— Чего ж вы ждете? — сказал я. — Если вы в состоянии сразу, без всякой подготовки, определить, что делает человек на другом конце света, неужели вы не можете ответить, что делает человек, находящийся в трех ярдах от вас? Люди, стоящие позади меня, видят, что я делаю своей правой рукой, и подтвердят, если вы ответите правильно.

Он продолжал молчать.

— Хорошо, я объясню вам, почему вы молчите: потому, что вы не знаете. Это вы-то, чародей! Друзья, этот бродяга — просто обманщик и лгун.

Монахи огорчились и перепугались. Они никогда не видели людей, осмеливающихся бранить чародеев, и они опасались за последствия. Наступила мертвая тишина; тяжелые предчувствия зародились в суеверных умах. Чародей тем временем успел овладеть собой и улыбнулся спокойно и небрежно. И все сразу почувствовали облегчение, ибо, раз он улыбается, значит гибель им не угрожает. Он сказал:

— Речь этого человека так дерзка, что у меня отнялся язык от негодования. Да будет ведомо всем, кому это еще не ведомо, что волшебники моего ранга могут иметь дело только с королями, принцами, императорами, только с людьми, родившимися в золоте и пурпуре. Если бы вы меня спросили, что делает великий король Артур, я бы вам ответил, а деяния его подданных для меня безразличны.

— О, значит я неправильно вас понял. Мне послышалось, будто вы сказали: спрашивайте про любого человека, и я думал, что любой человек и есть любой человек, всякий человек.

— Ну да... любой человек благородного происхождения, а самое лучшее — королевского происхождения.

— Мне кажется, так оно и есть, — вмешался настоятель, очевидно полагая, что теперь как раз удобно уладить спор и предупредить беду. — Вряд ли такой удивительный дар мог быть создан для того, чтобы наблюдать за деяниями людей, не родившихся на вершинах величия. Наш король Артур...

— Хотите знать, что он делает? — перебил его чародей.

— О, конечно, пожалуйста, будем очень вам благодарны.

Все опять были полны внимания и любопытства — неисправимые идиоты! Они с глубоким волнением следили за движениями чародея и взглянули на меня с таким видом, словно говорили: «Ну, что ты теперь скажешь?», когда он произнес:

— Король утомился на охоте и вот уже два часа лежит у себя во дворце, погруженный в сон без сновидений.

— Да благословит его господь, — сказал настоятель и перекрестился. — Пусть этот сон укрепит его тело и душу.

— Так бы оно и было, если бы король спал, — сказал я. — Но король не спит, король скачет верхом.

Снова все взволновались, — столкнулись два авторитета. Никто не знал, кому из нас верить, ведь я еще не вполне потерял свою славу. Чародей посмотрел на меня с презрением и сказал:

— Я на своем веку повидал немало удивительных ясновидцев, и пророков, и чародеев, но ни один из них не умел проникать в сущность вещей без заклинаний.

— Вы всю жизнь прожили в лесу и многое прозебали. Вся здешняя добрейшая братия знает, что я и сам иногда прибегаю к заклинаниям, но не ради таких пустяков.

Когда дело доходит до насмешек, со мной справиться нелегко. Чародею пришлось поерзать. Настоятель спросил его, что делают королева и придворные, и получил ответ:

— Все они спят, так как утомились не меньше короля.

— Еще одна ложь. Часть придворных веселится, а другая часть вместе с королевой скачет верхом. А теперь понатужьтесь и ответьте нам, куда направляются король и королева?

— Как я уже сказал, сейчас они спят; но завтра они и вправду будут скакать, ибо собираются съездить на берег моря.

— А где они будут послезавтра во время вечерни?

— Далеко к северу от Камелота, на полпути к морю.

— Еще одна ложь, и огромная, в полтораста миль. Их путешествие придет к концу, и они будут здесь, в этой долине.

Вот это получилось здорово! Настоятель и монахи пришли в восторг, а чародей рухнул. Я добил его, сказав:

— Если король не приедет, я готов прокатиться верхом на бревне; но если он приедет, я прокачу вас.

На другой день я побывал на телефонной станции и установил, что король проехал уже через два города, лежащие у него на пути. На следующий день я опять разговаривал по телефону и, таким образом, все время был в курсе дела. Но, разумеется, никому об этом не говорил. На третий день из донесений выяснилось, что если его никто не задержит, он прибудет к четырем часам пополудни. Однако в монастыре, видимо, вовсе не готовились к встрече короля; сказать по правде, я удивился. Этому могло быть только одно объяснение: тот чародей подкапывается под меня. Так оно и оказалось. Я расспросил одного своего приятеля-монаха, и тот сказал мне, что, действительно, чародей опять чего-то наколдовал и установил, что при дворе решено не предпринимать никакой псездки и остаться дома. Посудите сами, многого ли стоит слава в этой стране! На глазах у этих людей я сотворил чудо, превосходящее великолепием все чудеса, известные в истории, и притом единственное чудо, имеющее хоть некоторую подлинную ценность, — а они, тем не менее, готовы были в любую минуту изменить мне ради проходимца, который не мог предъявить ни одного доказательства своего могущества, кроме собственного непрово-ренного утверждения.

Как бы то ни было, дурная политика — позволить королю прибыть в монастырь неожиданно, без всякой торжественности и пышности; поэтому я устроил процессию из паломников и в два часа дня отправил ее навстречу королю, включив в нее несколько отшельников, которых выкурил предварительно из нор. Больше никто короля не встречал. Настоятель онемел от ярости и унижения, когда я вывел его на балкон и показал ему, как глава государства въезжает в монастырь, как его не встречает ни один монах, даже самый захудалый, как пустыни и мертвы монастырские дворы, как безмолвствуют даже колокола, не веселя монарха своим звоном. Он только взглянул и помчался со всех ног. Через минуту колокола неистово гремели, а из монастырских зданий выбегали монахи и монахини, строясь в крестный ход; вместе с этим крестным ходом из монастыря выехал и тот чародей; по распоряжению настоятеля он ехал верхом на бревне; его слава рухнула в грязь, а моя снова взлетела к небесам. Да, даже и в такой стране можно поддерживать честь своей торговой марки, но для этого надо все время трудиться, все время быть настороже и не сидеть сложа руки.

КОНКУРСНЫЙ ЭКЗАМЕН

Когда король, развлекаясь, разъезжал по стране или отправлялся в гости к какому-нибудь далеко живущему вельможе, которого собирался разорить своим посещением, его сопровождала целая орда крупных чиновников. Таков был обычай того времени. И на этот раз вместе с королем в Долину прибыла комиссия, которой поручена была проверка знаний кандидатов на офицерские должности в армии, ибо работать здесь она могла с таким же успехом, как и дома. И, хотя поездка эта была предпринята королем ради увеселений, он и сам продолжал заниматься делами. Каждое утро на рассвете он садился в воротах и творил суд, ибо он был верховным судьей в своем королевстве.

Со своими судейскими обязанностями он справлялся блестяще. Он был мудрый и человеколюбивый судья и, видимо, из всех сил старался решать дела справедливо — в меру своего разума. А эта оговорка много значит. Его решения нередко носили на себе печать предвзятости, привитых ему воспитанием. Если спор шел между дворянином и человеком простого звания, он невольно, сам того не подозревая, сочувствовал дворянину. Да иначе и быть не могло. Всеми миру известно, что рабство притупляет нравственное чувство рабовладельцев, а ведь аристократия — ничто иное, как союз рабовладельцев, только под другим названием. Это звучит неприятно, но тем не менее не должно никого оскорблять, — даже и самого аристократа, — если только факт сам по себе не кажется ему оскорбительным, ибо я всего лишь констатирую факт. Ведь в рабстве нас отталкивает его сущность, а не его название. Достаточно послушать, как говорит аристократ о низших классах, чтобы почувствовать в его речах тон настоящего рабовладельца, лишь незначительно смягченный; а за рабовладельческим тоном скрывается рабовладельческий дух и притупленные рабовладельчеством чувства. В обоих случаях причина одна и та же: старая укрепившаяся привычка хозяина считать себя существом высшей породы. Приговоры короля были часто несправедливы, но виной этому было лишь его воспитание, его естественные и неизменные симпатии. Он не годился в судьи, как в голодные годы мать не годится на то, чтобы раздавать мо-

локо голодающим детям; ее собственные дети получали бы больше, чем чужие.

Однажды королю пришлось разбирать весьма любопытное дело. Молоденькая девушка, сирота, имевшая большое поместье, вышла замуж за молодого человека, не имевшего ничего. Поместье девушки находилось в феодальной зависимости от церкви. Епископ местной епархии, высокомерный отпрыск знатного рода, потребовал конфискации принадлежащего девушке поместья на том основании, что она обвенчалась тайно и тем самым лишила церковь одного из присвоенных ей, как сеньору, прав — так называемого «права сеньора». За отказ или уклонение от подчинения этому праву закон карал конфискацией имущества. Девушка строила свою защиту на том, что представителем власти сеньора в данном случае был епископ, что указанное право не может быть передано другому лицу, но должно быть осуществлено либо самим сеньором, либо никем, а между тем другой закон, еще более древнего происхождения и установленный самою церковью, строжайше воспрещал епископу пользоваться таким правом. Да, дело было запутанное.

Оно напомнило мне прочитанный в юности рассказ о хитроумной выдумке, с помощью которой лондонские олдермэны собирали деньги на постройку Мэншен-Гауза*. Всякое лицо, не причащавшееся по английскому обряду, не имело права выставлять свою кандидатуру на должность лондонского шерифа. Следовательно, иноверцы, даже будучи избранными, принуждены были отказываться от исполнения обязанностей шерифа. Олдермэны — несомненно, переодетые янки — изобрели такую хитрую уловку: провели закон, налагающий штраф в 400 фунтов на всякого, кто отказывается выставить свою кандидатуру в шерифы, и в 600 фунтов — на всякого, кто, будучи избран шерифом, отказывается исполнять его обязанности. Потом они принялись за работу и избрали, одного за другим, в шерифы множество иноверцев, взимая с каждого положенный штраф, — до тех пор, пока общая сумма штрафов не достигла 15 000 фунтов; и вот поныне высится величественный Мэншен-Гауз, чтобы напоминать краснеющим гражданам о давнопрошедшем и прискорбном дне, когда банда янки проникла в Лондон и принялась разыгрывать те шутки, благодаря которым их племя, среди других племен, честных и добродетельных, пользуется столь скверной славой.

Мне казалось, что права девушка; но епископ, по-своему, был тоже прав. Я не мог сообразить, как выберется король из этого тупика. Но он выбрался. Вот как он рассудил:

— Ничего трудного здесь нет, в этом деле мог бы разбраться и ребенок. Если бы невеста, как повелевал ей долг, своевременно заявила епископу, своему феодальному господину, повелителю и защитнику, о своем предстоящем замужестве, она не потерпела бы никакого ущерба, ибо названный епископ мог бы получить разрешение от аббата, делающее его временно способным осуществить названное свое право, и все, ей принадлежащее, осталось бы при ней. Виновная в невыполнении своего первого долга, она тем самым виновна во всем; ибо тот, кто, цепляясь за веревку, перерезает ее выше того места, за которое держится, непременно упадет; и, как бы он ни уверял, что остальная часть веревки крепка, это не спасет его от гибели. Дело этой женщины в корне неправо. Суд присуждает передать все ее имущество до последнего фартинга вышеупомянутому лорду-епископу и возложить на нее судебные издержки. Следующий!

Так трагически кончился прекрасный медовый месяц. Бедные молодожены! Недолго они блаженствовали, наслаждаясь богатством. Одежды и драгоценности, украшавшие их, были изысканны и хороши, насколько это позволялось законами о роскоши, установленными для людей их звания; и в этих изысканных одеяниях, — она, плакавшая у него на плече, и он, пытавшийся ее утешить словами надежды, положенными на музыку отчаянья, — оба они ушли из суда в широкий мир бездомные, бесприютные, голодные; последний нищий, сидевший у дороги, не был так нищ, как они.

Что ж, король распутал это трудное дело, разумеется, к полному удовлетворению церкви и аристократии. Можно приводить сколько угодно изящных и правдоподобных доводов в защиту монархии, но факт остается фактом, что там, где каждый житель государства имеет право голоса, нет зверских законов. Народ короля Артура был, разумеется, убогим материалом для республики, — слишком долго он жил под принижаящим игом монархии, но даже у этого народа хватило бы ума отменить закон, только что примененный королем, если бы это зависело от свободного и всеобщего голосования. Существует одно такое сочетание слов, совершенно бессмысленное, которое от частого

употребления как будто получило значение и смысл; я имею в виду слова «способный к самоуправлению», применяемые то к одному, то к другому народу; при этом подразумевается, что где-то есть, или был, или может быть народ, неспособный к самоуправлению, — народ, который неспособен управлять собою так, как им управляют или могли бы управлять специалисты, сами себя признавшие достойными власти. Лучшие умы всех народов во все века выходили из народа, из народной толпы, а вовсе не из привилегированных классов; следовательно, независимо от того, высок ли или низок общий уровень данного народа, дарования его таятся в длинных рядах безвестных бедняков, и материал этот столь неистощим, что не будет такого дня, когда в недрах народных не найдется людей, способных к самоуправлению. А из этого следует, что даже самая лучшая, самая свободная и просвещенная монархия не может дать народу того, чего он достиг бы, если бы сам управлял собой; и тем более это относится к монархиям не свободным и не просвещенным.

Я совсем не ожидал, что король Артур так поспешит с устройством армии. Я не мог предположить, что он займется этим делом в мое отсутствие, и потому не подготовил требований, которые нужно предъявлять каждому, желающему занять офицерскую должность; я только сказал мимоходом, что кандидатов нужно подвергнуть суровому и строгому экзамену; а про себя решил потребовать от них таких военных знаний, какими могут обладать только ученики моей школы Западного Мыса*. Напрасно не выработал я программу испытаний до своего отъезда: мысль о создании постоянной армии так захватила короля, что он не в силах был ждать и, не откладывая, сам принялся за дело и составил такую программу испытаний, какую мог составить собственным умом.

Мне нетерпелось познакомиться с ней и доказать, насколько она хуже той, которую я сам собирался предъявить экзаменационной комиссии. Я осторожно поведал это королю и сразу разжег его любопытство. Едва комиссия собралась, явился и я вслед за королем, а вслед за нами явились кандидаты. Один из этих кандидатов был ученик моей школы Западного Мыса, прибывший в сопровождении двух профессоров.

Увидев комиссию, я не знал, плакать ли мне или смеяться. В ней председательствовал Главный Герольдмейстер! Двое членов были начальниками отделений в его депар-

таментё; и все трое, разумеется, были попами; все чиновники, умевшие читать и писать, были попами.

Из учтивости ко мне моего кандидата вызвали первым, и глава комиссии с официальной торжественностью стал задавать ему вопросы:

— Имя?

— Мализ.

— Чей сын?

— Уэбстера.

— Уэбстер... Уэбстер... Гм... Что-то не припомню такой фамилии. Звание?

— Ткач.

— Ткач! Господи, спаси нас!

Король дрожал весь, с головы до пят, один член комиссии упал в обморок, другой, казалось, вот-вот упадет.

Председатель опомнился и, негодуя, сказал:

— Довольно. Вон отсюда!

Но я воззвал к королю. Я умолял его допустить моего кандидата к экзаменам. Король соглашался, но комиссия, состоявшая из столь знатных особ, просила короля изба-вить ее от унижения экзаменовать сына ткача. Я знал, что экзаменовать его они все равно не могут, так как сами ничего не знают, а потому присоединился к их просьбам, и король возложил эту обязанность на моих профессоров. У меня заранее была приготовлена черная доска, я велел ее внести, и представление началось. Приятно было слушать, как бойко мой юноша излагал военную науку, как подробно рассказывал он о битвах и осадах, о снабжении и переброске войск, о минах и контрминах, о тактике и стратегии отдельных частей и крупных соединений, о сигнальной службе, о пехоте, кавалерии, артиллерии, об осадных орудиях, полевых орудиях, о винтовках, о ружьях крупного и мелкого калибра, о револьверах, — а эти болваны слушали и не понимали ни одного слова; приятно было смотреть, как он вычерчивает мелом на доске математические головоломки, которые поставили бы в тупик и ангелов, как легко и просто рассказывает он о затмениях, о кометах, о солнцестояниях, о созвездиях, о полуденном времени, о полночном времени, об обеденном времени, обо всем, что только есть над облаками и под облаками годного для того, чтобы известить и замучить врага и заставить его пожалеть, что ему вздумалось напасть на вас; и когда он, наконец, кончил и, отдав честь по-военному, отошел в сторону, я с гордостью обнял его, а остальные бы-

ли потрясены, уничтожены и смотрели на него, как пьяные. Я решил, что дело в шляпе.

Образование — великая вещь! Когда этот самый юноша явился в школу Западного Мыса, он был так невежествен, что на мой вопрос: «Как должен поступить старший офицер, если во время боя под ним убьют лошадь?» — наивно ответил:

— Встать и почиститься.

Следующим вызвали одного из молодых дворян. Я решил сам задавать ему вопросы. Я спросил:

— Умеете ли вы, ваше сиятельство, читать?

Он весь вспыхнул от негодования и гневно выпалил:

— Вы принимаете меня за псаломщика? Кровь, текущая в моих жилах, не потерпит...

— Отвечайте на вопрос!

Он подавил свой гнев и ответил:

— Нет.

— А писать вы умеете?

Он опять собирался обидеться, но я сказал:

— Прошу отвечать только на вопросы и не говорить ничего лишнего. Вы здесь не для того, чтобы хвастать своею кровью и своим происхождением, этого вам здесь не позволят. Умеете вы писать?

— Нет.

— А таблицу умножения знаете?

— Не понимаю, о чем вы спрашиваете.

— Сколько будет девятью шесть?

— Это тайна, которая сокрыта от меня, ибо еще ни разу в моей жизни не было у меня нужды познать ее, и, не имея надобности познать ее, я ее не познал!

— Если А уступил В бочонок луку ценою по 2 пенса за бушель в обмен на овцу ценою в 4 пенса и собаку ценою в 1 пенни, а С убил собаку, прежде чем она была доставлена покупателю, ибо она укусила его, приняв за Д, какую сумму В должен А? и кто обязан оплатить стоимость собаки — С или Д? и кому должны достаться эти деньги? и если деньги эти должны достаться А, то должен ли он удовольствоваться одним пенни, составляющим стоимость собаки, или имеет право потребовать дополнительного возмещения за тот доход, который могла бы принести ему собака, став его собственностью?

— Поистине, премудрое и неисповедимое божественное провидение, тайнственно управляющее миром, никогда не стало бы предлагать человеку подобных вопросов,

единственная цель которых — сбить с толку и помутить сознание. А потому я прошу вас предоставить собаке, луку и этим людям со странными безбожными именами выпутываться из своих удивительных и жалости достойных затруднений самим, без моей помощи, ибо, если бы я попытался им помочь, я только еще больше запутал бы все дело и, возможно, умер бы, не перенеся того отчаянья, в которое они были бы повергнуты.

— Что вам известно о законах притяжения и тяготения?

— Если такие законы существуют, значит его величество король издал их, когда я в начале года лежал больной и ничего не мог о них услышать.

— Что вы знаете о науке оптике?

— Я знаю о губернаторах провинций, о сенешалях замков, о шерифах графств, знаю о многих других должностях и почетных званиях помельче, но о том, кого вы называете Наукой Оптикой, я никогда прежде не слышал; вероятно, эта должность — новая.

— Да, в этой стране.

Подумайте только — такой моллюск с полной самонадеянностью предъявляет права на получение офицерского чина! Его способностей хватило бы разве только на то, чтобы выучиться стучать на пишущей машинке, да и тут ему будет мешать склонность к нововведениям в области грамматики и пунктуации. И все-таки странно, почему при такой неспособности к любому сколько-нибудь сложному делу он, действительно, не взялся за переписку на машинке. Впрочем, если он пока еще не стал переписчиком, это не значит, что он не станет им в будущем. Помучив его еще немного, я сдал его на руки профессорам, которые вывернули его наизнанку, стараясь выяснить, осведомлен ли он в военных науках, и, разумеется, обнаружили полнейшую пустоту. Он знал кое-что о военном ремесле своей эпохи — о рысканье по зарослям в поисках людоедов, о побоищах на турнирах и тому подобной ерунде, — но во всем остальном он был невежествен и бесполезен. Затем мы вызвали другого знатного юношу, и оказалось, что он не уступает первому ни в невежестве, ни в бездарности. Я передал обоих председателю комиссии в полной уверенности, что песенка их спета. И комиссия проэкзаменовала их заново.

— Имя, будьте любезны.

— Пертиноль, сын сэра Пертиноля, барона Барли Маша.

— Дед?

— Так же сэр Пертиноль, барон Барли Маш

— Прадед?

— То же имя и тот же титул.

— Прапрадед?

— Его у нас не было, почтенный сэр, наш род не столь древен.

— Это неважно. Все-таки целых четыре поколения; основное условие выполнено.

— А что это за условие? — спросил я.

— Условие, согласно которому каждый кандидат должен доказать наличие четырех поколений знатных предков.

— Значит, тот, за спиной которого не стоят четыре поколения знатных предков, не может стать армейским лейтенантом?

— Никоим образом, ни лейтенантом, ни любым другим офицером.

— О, что вы! Это изумительно. Да какой же толк в подобном требовании?

— Какой толк? Смелый вопрос, благородный сэр и Хозяин; предлагать такие вопросы, значит оспаривать премудрость нашей святой матери-церкви.

— Это почему?

— Потому что подобным же правилом церковь руководствуется при провозглашении святых. По церковному закону к лику святых может быть причислен лишь тот, кто умер столь давно, что после его смерти сменились четыре поколения.

— Понимаю, понимаю... да, да, и здесь то же самое. Удивительно! В одном случае четыре поколения предков человека прожили, как мертвые, — превращенные в мумии невежеством и грязью, — и это дает ему право командовать живыми людьми, беря в свои бессильные руки управление их счастьем и горем; а в другом случае человек лежит мертвый под землей, черви едят его в течение смен четырех поколений, и это дает ему право командовать небесным воинством. И его величество король одобряет этот странный закон?

Король сказал:

— По правде говоря, я не вижу в нем ничего странного. Все почетные и доходные должности принадлежат, в силу естественного права, лицам благородной крови; офицерские должности в армии точно так же являются их собственностью и достались бы им по праву и без этого

закона. Закон только ставит преграду. Он отстраняет тех, чья знатность недавнего происхождения, ибо если офицерские должности займут люди безродные, никто не станет к этим должностям относиться с уважением, а люди знатные отвернутся от них и брезгливо откажутся их занимать. Я был бы достоин осуждения, если бы допустил такую беду. Вы — дело другое, ваша власть заемная, не прирожденная, но если бы это сделал король, он был бы не понят, признан безумным и всеми осужден.

— Я сдаюсь, продолжайте сэр председатель коллегии Герольдии.

Председатель продолжал:

— Каким славным подвигом в честь трона и государя основатель вашего великого рода возвысился до священного звания британского дворянина?

— Он построил пивоварню.

— Государь, комиссия находит, что кандидат этот удовлетворяет всем требованиям и вполне достоин стать офицером, но окончательное решение откладывает до опроса его соперника.

Соперник вышел вперед и сразу доказал, что у него тоже четыре поколения знатных предков. Так чья же военная квалификация выше? Да, не легко было развязать этот узел.

Он отошел в сторону, и председатель обратился к сэру Пертинолу:

— К какому сословию принадлежала супруга основателя вашего рода?

— Она была из семьи очень зажиточных землевладельцев, но не дворян; она была очаровательна, чиста, милосердна и жизнь свою прожила так безупречно, что ее по праву можно поставить рядом с самыми знатными дамами в стране.

— Довольно, отойдите.

Председатель снова вызвал второго дворянина и спросил:

— К какому сословию или званию принадлежала ваша прабабушка, супруга человека, возведенного в дворянское достоинство и основавшего ваш великий род?

— Она была королевской любовницей и достигла этого блистательного положения без всякой посторонней помощи, исключительно своими личными качествами, а до того была швеей.

— Ах, вот это истинное дворянство; кровь королей те-

чет в ваших жилах. Чин лейтенанта за вами, благородный лорд. Не презирайте его; это первый скромный шаг, который приведет вас к почестям, более достойным вашего высокого происхождения.

Я был низвергнут в бездонную пропасть унижения. Я рассчитывал на легкий ослепительный триумф, — и вот чем все кончилось!

Мне было стыдно смотреть в глаза моему несчастному посрамленному ученику. Я сказал ему, чтобы он ехал домой и терпеливо ждал, ибо это еще не конец.

Я получил у короля частную аудиенцию и сделал ему новое предложение. Я признал, что он был совершенно прав, назначая в этот полк только дворян, что мудрее поступить невозможно. Недурно было бы назначить туда офицерами еще человек пятьсот дворян; или даже произвести в офицеры этого полка всех знатных людей королевства и всех их родственников; не беда, если в полку окажется в пять раз больше офицеров, чем солдат; пусть это будет блестящий полк, полк, возбуждающий всеобщую зависть, собственный полк его величества, пусть он сражается, как ему хочется и где ему угодно, пусть во время войны он приходит или уходит по своей собственной воле, никому не подчиняясь, совершенно независимый. Все дворяне будут с величайшей охотой служить в этом полку, и все они будут довольны и счастливы. А остальные части нашей постоянной армии мы можем создать из более заурядных материалов, и офицерами назначим туда людей безродных, не считаясь ни с чем, кроме настоящего знания военного дела; этот полк соблюдал бы строжайшую дисциплину, не пользовался бы никакими аристократическими вольностями и постоянно был бы занят учениями и упражнениями; и собственный полк его величества, утомясь или попросту пожелав для перемены поохотиться, мог бы заняться этим без всякого опасения, зная, что дело остается в надежных руках и будет идти, как всегда. Король был очарован моей выдумкой.

При виде его восторга у меня явилась еще одна ценная мысль. Мне показалось, что на этот раз удастся разрешить одну старую и очень трудную задачу. Видите ли, дело в том, что все члены королевского дома Пендрагонов* отличались долговечностью и плодовитостью. Когда у кого-нибудь из них рождался ребенок, — а случалось это очень часто, — вся нация безумно радовалась на словах и глубоко горевала в душе. Радость была сомнительная, но

горе совершенно искреннее. Ибо рождение нового члена королевского дома влекло новый сбор в королевский фонд. Список членов королевского дома был очень длинен; постоянно возрастая, он ложился тяжким бременем на государственное казначейство и создавал угрозу самому существованию королевской власти. Однако Артур никак не мог этому поверить и не хотел даже слушать, когда я предлагал разные проекты замены королевских фондов. Если бы мне удалось убедить его хоть изредка помогать своим дальним родственникам из своего кармана, это произвело бы отличное впечатление на народ; но нет, он об этом и слышать не хотел. В уважении, которое питал он к королевскому фонду, было что-то почти религиозное; он смотрел на него как на свою священную добычу и приходил в ярость, когда кто-нибудь нападал на это почтенное учреждение. Когда я осторожно намекал ему, что в Англии нет ни одной другой уважаемой семьи, которая согласилась бы унижить себя, протягивая шляпу за подаванием, — вот до чего я договаривался, — он всегда обрывал меня с первых же слов.

Но тут мне показалось, что наконец-то я добьюсь своего. Этот блестящий полк я решил составить из одних офицеров — ни одного простого солдата. Половина полка будет состоять из дворян, которые заполнят все чины вплоть до генерал-майора включительно; служить они будут даром и сами оплачивать все расходы; и, конечно, они будут осчастливлены этим, узнав, что вторая половина полка состоит исключительно из принцев крови. Эти принцы крови займут все чины от генерал-лейтенанта до фельдмаршала включительно, будут получать большое жалованье, будут одеваться и кормиться на казенный счет.

Кроме того, — в этом и заключалось самое главное, — будет постановлено, что те из принцев, которые согласятся служить в этом полку, получают оглушительно пышный, страх нагоняющий титул (я сам собирался его придумать), и этим титулом будут иметь право именоваться только они одни. Перед всеми принцами крови встанет выбор: либо вступить в полк, получить пышнейший титул и отказаться от королевского фонда, либо сохранить за собой фонд, но зато не вступать в полк и остаться без титула. Но вот что было лучше всего: в полк можно было записывать, по заявлению родителей, даже еще не родившихся, но готовых к рождению принцев крови, и они, едва

появившись на свет, получали хорошее жалованье и высокое звание.

Я не сомневался, что все принцы вступят в полк; следовательно, все уже существующие фонды будут отменены; а всех новорожденных запишут в полк заранее, в этом я тоже не сомневался. Еще два месяца, и смешная нелепость, королевский фонд, перестав существовать, займет место среди курьезов прошлого.

Глава XXVI

ПЕРВАЯ ГАЗЕТА

Когда я сказал королю, что намерен отправиться странствовать, переодевшись свободным простолюдином, чтобы поближе познакомиться с жизнью простого народа, он мгновенно загорелся новизной этого плана и объявил, что отправится странствовать вместе со мной, что ничто на свете его не удержит. Он сейчас все бросит и пойдет, — так ему нравится этот план. Он хотел отправиться немедленно, но я убедил его, что так нельзя. Он уже назначил время, когда будет исцелять от золотухи, а в таких вещах обманывать нехорошо, тем более, что речь шла о задержке всего на одну ночь. Кроме того, я полагал, что он должен предупредить королеву о своем предстоящем отъезде. Когда я сказал это, он стал мрачен и печален. Я пожалел, что заговорил о королеве, особенно после того, как он грустно ответил:

— Ты забываешь, что Ланселот остается здесь. А когда Ланселот здесь, она не замечает ни приездов короля, ни отъездов.

Разумеется, я сразу же заговорил о другом. Спору нет, Гиневра красавица, но как жена она нехороша. Я никогда не вмешиваюсь в то, что меня не касается, но мне не нравилось ее поведение, и я не стесняюсь об этом заявить. Сколько раз она меня спрашивала: «Сэр Хозяин, не видели ли вы сэра Ланселота?» А если ей и случалось когда-нибудь спрашивать о короле, меня, должно быть, не было поблизости.

Исцеление от золотухи прекрасно обошлось — аккуратно и правдоподобно. Король сидел на троне под балдахином; вокруг него построилось духовенство в полном облачении. На виду у всех важно стоял Маринэл, отшельник из породы

лекарей-шарлатанов, и представлял королю больных. На полу, вплоть до самых дверей, сидели и лежали больные, озаренные ярким светом. Все это было как на сцене и казалось нарочно подстроенным, хотя в действительности никто ничего не подстраивал. Присутствовало восемь сотен больных. Работа шла медленно; она не представляла для меня большого интереса, потому что я и прежде видел уже подобные церемонии. Мне все это скоро надоело, но приличие заставляло меня терпеть до конца. Излечение основывалось на том, что в подобных толпах всегда много таких людей, которые только воображают, что они больны, и таких, которые притворяются больными, чтобы сподобиться бессмертной чести королевского прикосновения или чтобы получить монету, вручаемую королем при этом прикосновении. Монета была золотая и стоила примерно треть доллара. Если вы примете в расчет, как много можно было купить на эти деньги в те времена и в той стране и какая обычная болезнь золотуха у всех, кто еще не лежит в могиле, вы поймете, как дорого обходились казне эти ежегодные исцеления и как казна обирала налогоплательщиков, чтобы покрыть этот расход. И потому я про себя решил исцелить казну от золотухи. За неделю до отъезда из Камелота на поиски приключений я удержал в казначействе шесть седьмых ассигнований на исцеление, а оставшуюся седьмую велел потратить на чеканку пятицентовых никелевых монет, которые передал в руки старшего клерка Золотушного департамента, чтобы вместо каждой золотой монеты он выдавал никелевую. Никеля у нас не так много, но я надеялся, что его хватит. Как правило, я не одобряю подделки монет. Но в данном случае, по-моему, стесняться было нечего, потому что речь шла как никак о подарке. В дареное вино вы можете влить столько воды, сколько вам хочется; я всегда так и поступаю. Старинные золотые и серебряные монеты, обращавшиеся в стране, были, в большинстве, неизвестного происхождения; попадались между ними и римские; все они были неправильной формы и не круглее, чем луна неделю спустя после полнолуния; они были выбиты, а не отчеканены, и так стерлись от употребления, что надписи на них, похожие на простые зазубрины, стали неудобочитаемы. Я и подумал, что четкие, яркие, новенькие никелевые монетки с очень схожим изображением короля на одной стороне и таким же изображением Гиневры на другой, да еще с какой-нибудь благочестивой надписью, способны исцелять от золотухи

не хуже полновесных червонцев и даже больше понравятся золотушным; и я оказался прав. Это был наш первый подобный опыт, и он удался на славу. Экономия получилась значительная. Вот вам цифры. Из 800 пациентов король удостоил прикосновением более 700; по прежней расценке это обошлось бы государству в 240 долларов; по новой расценке мы выплатили около 35, сэкономив на одной операции более 200 долларов. Чтобы понять все значение этого переворота, примите во внимание другие цифры. Годовой расход национального правительства равен среднему трехдневному заработку всего населения страны, считая каждого жителя за взрослого мужчину. Возьмем нацию численностью в 60 000 000 с ежедневным средним заработком одного жителя в 2 доллара; трехдневный общий заработок будет равен 360 000 000, и это та сумма, которой можно оплатить расходы правительства за год. В мое время у меня на родине деньги эти государство собирало с помощью пошлин, и граждане воображали, что платят их иностранцы, ввозящие товары, и мысль эта была для них утешительна; но на самом деле их уплачивал сам американский народ, и сумма эта была с такой точностью разделена между американцами поровну, что и владелец 100 000 000 и годовалый ребенок чернорабочего платили в год одно и то же — 6 долларов. Большого равенства, я полагаю, и быть не может. Ну, а здесь Ирландия и Шотландия были данниками Артура, и общее население Британских островов приближалось к 1 000 000. Ремесленник зарабатывал 3 цента в день, на своих харчах. Следовательно, расходы национального правительства равнялись 90 000 долларов в год, или 250 долларам в день. Итак, заменив никелем золото в день исцеления от золотухи, я не только никого не обидел, не только никого не разочаровал, но, наоборот, доставил удовольствие всем заинтересованным лицам и сохранил в казне четыре пятых всех государственных расходов на этот день, что в Америке в мое время составило бы 800 000 долларов. Совершая эту подмену, я руководствовался мудростью, почерпанною из очень отдаленного источника, — мудростью моего детства, — ибо подлинный государственный деятель не должен пренебрегать мудростью, как бы низменно ни было ее происхождение: в детстве я всегда сберегал пенни, которые мне велели бросать в кружку миссионеров, и бросал вместо них пуговицы. Для невежественного дикаря было все равно что монеты, что пуговицы, а для меня монеты были лучше

пуговиц; таким образом все оставались довольны, и никто не испытывал ущерба.

Маринэл первый принимал пациентов. Он экзаменовал каждого кандидата; если кандидат не выдерживал экзамена, его прогоняли; если же выдерживал, его подводили к королю. Священник произносил слова: «Да возложит он руки на страждущего и да исцелит его». Тем временем король касался язв; затем надевал пациенту никелевую монету на шею — и отпускал его. Как по-вашему, исцеляло это или нет? Безусловно исцеляло. Любой обман может исцелить, если пациент твердо верит в него. Возле Астолата была часовня, выстроенная на том месте, где однажды Святая Дева явилась девочке, которая пасла гусей; девочка сама об этом рассказала; в часовне повесили картину, изображавшую это событие, — такую картину, что больному человеку, казалось бы, опасно к ней приблизиться; однако, напротив, тысячи увечных и больных приходили ежегодно молиться перед этой картиной и уходили исцеленными; и даже здоровые смотрели на нее и не умирали. Конечно, когда мне рассказали об этом, я не поверил, но увидев все это собственными глазами, я сдался. Я сам видел исцеления; и то были настоящие исцеления, а не сомнительные. Я видел, как калеки, которых я в течение многих лет встречал возле Камелота на костылях, приходили, молились перед картиной, потом бросали свои костыли и уходили, не хромя. Лучшее доказательство — груды костылей, которые валяются возле этой часовни.

В одних местах целители воздействовали непосредственно на разум больного, исцеляли его, не произнося ни слова. В других специалисты собирали пациентов в комнату, и молились за них, и взывали к их вере, и исцеляли. Если вам попадется король, который не может излечить золотуху, будьте уверены, что самое ценное суеверие, поддерживающее его трон, — вера в божественное происхождение его власти, — утрачено. В годы моей юности монархи Англии перестали лечить золотуху своим прикосновением, и напрасно: они добились бы излечения в сорока пяти случаях из пятидесяти.

Уже три часа подряд гнусавил священник и добрый король возлагал свои персты на язвы, а толпа больных не уменьшалась, и мне все это нестерпимо надоело. Я сидел у раскрытого окошка неподалеку от королевского балдахина. Уже пятисотый больной подходил к королю, выстав-

Это был величайший из королей — мальчишка-газетчик.

ляя свои отвратительные язвы; и в пятисотый раз звучали слова: «Да возложит он руки на страждущего», как вдруг за окном прозвенел звонкий, словно дудочка, детский голос, восхитивший мою душу и сразу перенесший меня на тринадцать веков вперед:

— Камелотская «Еженедельная Осанна* и Литературный Вулкан»! Последний выпуск — Только два цента! Всё о великом чуде в Долине Святости!

Это был величайший из королей — мальчишка-газетчик. Но во всем этом многолюдном собрании я был единственный, кто знал, что значит его величавое пришествие, и понимал, что сделает с миром этот могущественный волшебник.

Я кинул за окно монетку и получил газету; газетчик, Адам всех газетчиков, скрылся за углом, чтобы принести мне сдачу; он до сих пор не вернулся из-за угла. Необычайно приятно было снова увидеть газету, но, признаться, я был потрясен, когда взор мой скользнул по заголовкам первой страницы. Я так долго жил в прилипчивой атмосфере почтительности, уважения, низкопоклонства, что холодная дрожь прошла по моей спине, когда я прочел:

ВЕЛИКИЕ СОБЫТИЯ В ДОЛИНЕ СВЯТОСТИ!

Водомер засорился!

Старый Мерлин пускает в ход все свое искусство, но ничего не выходит!

Зато Хозяин одним махом всего добивается!

Чудотворный источник забил среди ужасающих взрывов адского пламени, и дыма, и грома!

Весь курятник всполошился!
Невообразимый восторг!

И так далее, и так далее. Пожалуй, слишком трескуче. Когда-то такие заголовки мне нравились, и я не видел в них ничего дурного, но теперь они резали мне глаза. Это был славный арканзасский журнализм, но ведь здесь не Арканзас. Мало того, предпоследняя строчка была рассчитана на то, чтобы оскорбить отшельников, а это могло лишить нас их объявлений. Вообще, весь тон газеты был слишком легкомысленный и задорный. Очевидно я, сам того не замечая, сильно изменился. Меня неприятно поражали мелкие дерзости, которые в первый период моей жизни показались бы мне только изящными оборотами речи. Не понравились мне и такие заметки, которых в газете было множество:

МЕСТНЫЙ ДЫМ И ПЕПЕЛ

На прошлой неделе за болотом к югу от свинарни сэра Бальморала ла-Мервейеза сэр Ланселот неожиданно повстречался со старым королем Агривансом Ирландским. Доводится до сведения вдовы.

Экспедиция № 3 отправится в начале будущего месяца на розыски сэра Саграмора Желанного. Ее возглавляет известный рыцарь Алых Лугов. Его сопровождает сэр Персанти Индский, который хорошо знает дело, умен и любезен, а также сэр Паламид Сарацин, который тоже не промах. С такими ребятами можно быть уверенным, что получится

дело, а не увеселительная прогулка.

Читатели Осанны с огорчением узнают, что красивый и популярный сэр Шароле Галльский, который прожил у нас в городе четыре недели на постоялом дворе «Бык и Клятва» и покорила все сердца изысканностью манер и изяществом речи, на днях уезжает домой. Приезжай к нам опять, Чарли!

Похороны покойного сэра Даманса, сына герцога Корнваллийского, павшего в бою с великаном Узловатой Дубины в прошлый вторник на краю Долины Очарований, распоряжался услуж-

ливый и деловитый Мембл, краса гробовщиков, славящийся непревзойденным умением отдавать последний долг. Испытайте его.

Вся контора Осанны от редактора до последнего наборщика приносит сердечное спасибо Третьему Помощнику Камердинера Лорда-Сенешаля Дворца за несколько блюдец мороженого, столь превосходного качества, что у вкусивших глаза увлажнились от благодарности. Мы не останемся в долгу. Когда

начальство начнет отыскивать кандидата для повышения в чине, Осанна окажет нужную поддержку.

Демуазель Ирен Дьюлеп из Южного Астолата гостит у своего дяди, популярного хозяина Харчевни Скототорговцев, в Печечном переулке, у нас в городе.

Барьер Младший, занимающийся починкой раздувальных мехов, снова дома и очень поправился, отдохнув и пошатавшись по окрестным кузницам. См. его объявление.

Разумеется, для начала это неплохо, и тем не менее я был несколько разочарован. «Придворная хроника» понравилась мне больше; ее простой, проникнутый почтительным достоинством тон освежил меня после всех этих неприличных фамильярностей. Но и она могла бы быть лучше. Я, конечно, хорошо знаю, что, при всем старании, в придворную хронику разнообразия не внесешь. Придворная жизнь так однообразна, что разбивает все попытки внести в нее краски. Лучший и единственный разумный способ — прикрыть повторение одного и того же разнообразием формы: раздевайте каждый раз ваш факт догола и одевайте его в новое облачение из слов. Это обманет глаз; факт покажется вам новым; у вас сложится представление, что и двор движется вперед, как всё остальное; это разбудит вас, и вы с аппетитом проглотите всю колонку, не заметив, что ведро супа сварено из одного единственного боба. Тот метод, которым пользовался Кларенс, был хорош, был прост, был полон достоинств, был прям, был деловит, и все же он, по-моему, не был лучшим из возможных:

Придворная хроника

В понедельник король катался в парке

• вторник	•	•	•
• среду	•	•	•
• четверг	•	•	•
• пятницу	•	•	•
• субботу	•	•	•
• воскресенье	•	•	•

Но в общем я был очень рад этой газете. В ней попоздались кое-какие технические погрешности, но в целом она

была бы достаточно хороша даже для Арканзаса, а для эпохи короля Артура и подавно. Грамматика, правда, хромала, изложение мыслей тоже, но я не придавал этому значения. У меня у самого те же недостатки, а человек не должен критиковать других на той почве, на которой он сам не может стоять перпендикулярно.

Я так изголодался по литературе, что готов был проглотить сразу весь газетный лист, но мне удалось только откусить от него раза два, потому что меня осадил монахи и забросали вопросами: «Что это за странная штука? Для чего она? Это носовой платок? Попона? Кусок рубахи? Из чего она сделана? Какая она тонкая, какая хрупкая; и как шуршит. Прочная ли она и не испортится ли от дождя? Это письма на ней, или только украшения?» Они подозревали, что это письма, потому что те из них, которые умели читать по-латыни и немного по-гречески, узнали некоторые буквы, но все-таки не могли сообразить, в чем тут дело. Я старался отвечать им возможно проще:

— Это общедоступная газета; что это значит, я объясню вам в другой раз. Это не материя, это бумага; когда-нибудь я объясню вам, что такое бумага. Строчки на ней, действительно, служат для чтения; они не рукой написаны, а напечатаны; со временем я объясню вам, что значит печатать. Таких листков выпущена целая тысяча, все точь в точь как этот, до мельчайших подробностей, так что не отличишь один от другого.

Они все хором воскликнули с удивлением и восторгом:

— Тысяча! Какой огромный труд! Работа на год для многих людей!

— Нет, работа на день для мужчины и мальчика.

Они перекрестились и пробормотали несколько молитв.

— О чудо, о диво! Это создано колдовством!

Я не стал их переубеждать. Я прочел вслух, негромко, так, что слышать могли только те, кто придвинули ко мне свои бритые головы, отрывок из описания чуда восстановления источника под аккомпанемент изумленных и благоговейных восклицаний:

— Ах! Как правдиво! Удивительно, удивительно! Все как раз так, как было, поразительная точность!

А можно им взять эту странную вещь в руки, пощупать ее, изучить? Они будут очень осторожны. Да. Они взяли газету так бережно и благоговейно, словно это было

Они взяли газету так бережно и благоговейно,
словно это было что-то священное...

что-то священное, упавшее с небес; осторожно щупали ее, гладили, зачарованными глазами разглядывали невиданные знаки. Как я наслаждался! Ибо разве это не было моим детищем, и разве все это немое изумление, и любопытство, и восторг не были красноречивой данью его достоинствам? Я чувствовал то же, что чувствует мать, когда другие женщины — все равно, подруги или посторонние — берут ее новорожденное дитя и склоняются над ним в таком восторженном порыве, что на время весь остальной мир перестает для них существовать. Я знал теперь, что это за чувство, я понял, что никакое другое удовлетворенное тщеславие — короля, победителя или поэта — не может доставить такого блаженства.

До самого конца сеанса моя газета переходила от одной кучки к другой, путешествуя по всей огромной зале, и мой счастливый взор следил за ней, и я сидел, не двигаясь, упоенный. Да, то было райское блаженство; я вкусил его, — больше, может быть, вкусить не доведется.

ЯНКИ И КОРОЛЬ ПУТЕШЕСТВУЮТ ИНКОГНИТО

Перед сном я отвел короля к себе на квартиру, подстриг ему волосы и показал, как надевать простонародную одежду. Высшие классы стригли волосы над лбом и давали им свободно расти сзади и падать на плечи, в то время как простонародье стригло волосы и над лбом и на затылке; рабы не стриглись совсем и давали своим волосам расти, как вздумается. Я надел королю на голову горшок и отрезал все локоны, которые торчали из-под него. Я подстриг также его бороду и усы; я старался, чтобы стрижка получилась как можно менее художественной, и добился успеха. Получилось криво и косо — совсем по-народному. А когда он надел на себя неуклюжие сандалии и длинную рубаху из грубой коричневой холстины, которая ниспадала от шеи до лодыжек, этот изящнейший в королевстве мужчина превратился в заурядного и непривлекательного уродца. Мы были одеты и подстрижены одинаково и могли сойти за мелких фермеров, или за управляющих фермами, или за пастухов, или за возчиков, или, если угодно, за деревенских ремесленников, ибо такую одежду, какая была на нас, носили все бедняки, так как она прочна и дешева. Я не хочу сказать, что она действительно была дешева для очень бедного человека, я только имею в виду, что более дешевого материала на мужскую одежду не было, — материал был домотканый, как вы понимаете.

Мы незаметно ускользнули за час до восхода солнца. Прежде чем начало припекать, мы прошли уже миль восемь-десять и оказались в мало населенной местности. Мешок, который я тащил, был нелегок; он был полон провизии — провизии для короля, который только постепенно мог привыкнуть есть без вреда крестьянскую пищу.

Я нашел удобное место возле дороги, усадил короля и дал ему немного еды. Затем сказал ему, что пойду поищу воду, и ушел. По правде сказать, мне просто хотелось побыть одному, и посидеть, и отдохнуть. В присутствии короля я всегда стоял, даже на заседаниях совета, кроме тех редких случаев, когда заседание тянулось несколько часов; если заседание затягивалось, мне разрешалось присесть на маленькую скамейку без спинки, похожую на перевернутый жолоб и удобную, как зубная боль.

Я не хотел нарушить этот обычай сразу, а собирался приучать короля постепенно. Все равно в присутствии посторонних нам теперь придется сидеть обоим, а то люди обратят внимание; но было бы неполитично с моей стороны разыгрывать с ним равного наедине, когда в этом нет необходимости.

Прежде чем солнце стало припекать, мы прошли уже миль восемьдесят.

Я нашел воду ярдах в трехстах и отдыхал уже минут двадцать, когда вдруг услышал голоса. «Волноваться нечего, — подумал я, — это крестьяне отправляются на работу; никто, кроме крестьян, не станет подниматься так рано». Но через минуту из-за поворота дороги выехали на конях хорошо одетые знатные люди в сопровождении мулов, нагруженных кладью, и слуг. Я вскочил и, как пуля, помчался через кусты. Я боялся, что эти люди подъедут к королю

раньше, чем я добежу до него. Но отчаянье придает силы. Я нагнулся, выпятил грудь, набрал воздуха и помчался. Я добежал. И как раз во-время.

— Простите, государь, но теперь не до церемоний. Вставайте! Вставайте, едут какие-то знатные люди!

— Ну и что же? Пускай себе едут.

— Но, мой повелитель, нельзя, чтобы они увидели вас сидящим. Вставайте! И стойте в смиренной позе, пока они не проедут. Ведь вы крестьянин.

— Это правда. А я и забыл об этом. Я был погружен в обдумывание планов большой войны с Галлией. — Он поднялся, но неторопливо, не так, как поспешил бы подняться крестьянин в подобных обстоятельствах. — Ты так неожиданно налетел на меня и разогнал эту величавую мечту, которая...

— Внимание, государы! Внимание! Нагните голову! Ниже! Еще ниже! Опустите ее!

Он добросовестно старался, но достиг не многого. Смирения у него было столько же, сколько у пизанской падающей башни*. Смиренная поза так плохо ему удалась, что лица всех всадников, одно за другим, изумленно хмурились, и франтоватый лакей, последний в ряду, поднял свой бич, но я во-время подскочил и принял удар на себя. Под взрыв грубого хохота я потихоньку убеждал короля не обращать на это внимания. Он пересилил себя, но с трудом; он, казалось, так бы и съел всех этих всадников. Я сказал:

— Наши приключения оборвались бы в самом начале: безоружные, мы ничего не могли бы поделать с вооруженной бандой. Если мы хотим, чтобы наша затея удалась, мы должны не только быть похожими на крестьян, но и вести себя, как крестьяне.

— Это мудро, возразить тебе невозможно. Так вперед, сэр Хозяин. Я приму твой совет во внимание и постараюсь им руководствоваться, насколько возможно.

Он сдержал свое слово. Он старался, как мог, но у многих получалось лучше, чем у него. Если вы когда-нибудь видели резвого, неосторожного, предприимчивого ребенка, который в течение всего дня беспечно переходит от одной шалости к другой, и его озабоченную мать, которая не отходит от него ни на шаг, оберегая его то от опасности утонуть, то от опасности сломать шею, — вы видели короля и меня.

Если бы я мог предугадать, как пойдут наши дела дальше, я бы сказал: «Нет, если у кого есть охота зарабаты-

вать себе на хлеб, выдавая короля за мужика, тот пускай и берется за это дело, а я лучше буду возить зверинец — оно безопаснее». Первые три дня я даже не позволял ему заходить в дома. Мы принуждены были вначале ограничиваться дорогой и постоялыми дворами, где не слишком приглядываются к людям. Да, он очень старался, но что из того? Дело шло ничуть не лучше.

Он постоянно пугал меня всякими неожиданными выходками в самых неподходящих местах. Под вечер второго дня он, представьте себе, вдруг вытащил из-под полы кинжал!

— Господи, мой повелитель, где вы это достали?

— У контрабандиста на постоялом дворе, вчера вечером.

— Ради какого дьявола вы его купили?

— Мы избегли многих опасностей с помощью хитрости, — твоей хитрости, — но мне подумалось, что не худо было бы иметь при себе и оружие. А вдруг твоя хитрость изменит тебе в трудную минуту.

— Но людям нашего звания запрещено носить оружие. Что скажет лорд или любой другой человек, обнаружив у крестьянина кинжал?

Счастье наше, что в это время никого вблизи не было. Я убедил его выбросить кинжал, а сделать это было не легче, чем убедить ребенка выбросить новую пеструю игрушку, которой он может убить себя. Мы шли рядом, задумались и молчали. Наконец король сказал:

— Если ты знаешь, что я задумал что-нибудь неподходящее или опасное, отчего ты не предупреждаешь меня заранее, чтобы я мог отказаться от своего намерения?

Этот вопрос озадачил меня. Я не знал, как ответить на него, и потому, в конце концов, дал самый естественный ответ:

— Но, государь, как я могу знать, что вы задумали?

Король остановился и взглянул на меня изумленно.

— А я думал, что ты более велик, чем Мерлин; и вправду, в колдовстве ты превзошел его. Но пророчество важнее колдовства. Мерлин пророк.

Я понял, что совершил промах. Нужно было выворачиваться. После глубокого размышления я осторожно наметил план действий и сказал:

— Государь, вы меня не поняли. Я сейчас все объясню. Существуют два рода пророчеств. Существует дар предсказывать близкие события, и существует дар предска-

вать то, что будет через века. Какой дар, по-вашему, могущественнее?

— Конечно, второй!

— Правильно. А обладает ли им Мерлин?

— Отчасти да. Он за двадцать лет вперед предсказал мое рождение и то, что я буду королем.

— А что будет дальше, он тоже предсказал?

— От него больше и не требовали.

— Это, вероятно, его предел. Каждый пророк имеет свой предел. Предел некоторых великих пророков — сто лет.

— Таких, я думаю, немного.

— Существовало два еще более великих, чей предел был четыреста и шестьсот лет, и один, чей предел приближался к семистам двадцати.

— Господи, это поразительно!

— Но что они в сравнении со мной? Ничто!

— Да ну? Ты можешь глядеть вперед через такой океан времен, как...

— Семьсот лет? Повелитель, мой пророческий взор ясен, как взор орла, и я совершенно ясно прозреваю, что будет с этим миром через тринадцать с половиною веков.

О, если бы вы видели, как широко король раскрыл глаза! Они чуть не выскочили из орбит. Брат Мерлин был уничтожен. Этим людям никогда не приходится доказывать, — они верят на слово. Никому из них и в голову не пришло бы усомниться в любом голом утверждении.

— Оба пророческих дара доступны мне, — продолжал я. — Я умею прорицать далекое и близкое, для этого мне нужно только переключиться. Но обычно я предсказываю отдаленное будущее, потому что предсказывать ближайшее будущее ниже моего достоинства. Это больше свойственно всяким Мерлинам — короткохвостым пророкам, как называем их мы, собратья по профессии. Конечно, я иногда забавляюсь и малым пророчеством, но не часто. Вы, вероятно, помните, сколько было толков, когда вы прибыли в Долину Святости, о том, что я за двое или трое суток предсказал день и час вашего прибытия.

— Конечно, я это помню.

— Предсказать ваше прибытие мне было бы в сорок раз легче, и я привел бы в тысячу раз больше подробностей, если бы оно должно было совершиться не через два-три дня, а через пять столетий.

— Как это странно и удивительно!

— Да, опытному специалисту всегда легче предсказывать за пятьсот лет, чем за пятьсот секунд.

— А ведь, казалось бы, рассуждая разумно, должно было бы быть как раз наоборот; казалось бы, в пятьсот раз легче предсказать близкое, чем далекое, ибо близкое так близко от нас, что и обыкновенный человек может его предвидеть. Надо признать, что пророческий дар противоречит вероятности, превращая самым причудливым образом трудное в легкое и легкое в трудное.

У него была умная голова. Скрыть этого не могла даже крестьянская шапка; хоть водолазный колокол наденьте на эту голову, все равно обнаружится, что это голова королевская, стоит ей только пошевелить мозгами.

Теперь у меня появилась новая забота. Король с такой жадностью хотел знать все, что случится за ближайшие тринадцать веков, словно он сам собирался прожить их. Я из кожи лез, стараясь угодить ему. Мне и прежде случалось поступать необдуманно, но никогда я еще не поступал глупее, чем теперь, вздумав выдавать себя за пророка. Впрочем, в этом были и свои хорошие стороны. Пророку не нужны мозги. В его повседневной жизни они, конечно, могут ему пригодиться, но в профессиональной он вполне может без них обойтись. Для мозгов пророчество — отдых. Когда на вас накатывает дух прорицания, вы берете свой рассудок, кладете его куда-нибудь в прохладное место, чтобы он не испортился, и принимаетесь работать языком; язык работает вхолостую, без участия рассудка; в результате получается пророчество.

Каждый день нам попадались странствующие рыцари, и при виде их в короле вспыхивал воинственный дух. Он непременно забылся бы и сказал бы им что-нибудь неподобающее, если бы я всякий раз не отводил его в сторону от дороги. Он стоял и смотрел на них во все глаза. Гордое пламя пылало в его взоре, ноздри его раздувались, как у боевого коня, и я видел, что ему смертельно хочется подраться с ними. Но на третий день около полудня я остановился, чтобы принять кое-какие меры предосторожности, о которых я подумал было еще два дня назад, когда меня ударили бичом. Я бы охотно без них обошелся, настолько они были мне неприятны, но тут случай напомнил мне об этом: беспечно шагая, с работающим языком и отдыхающими мозгами, ибо я пророчествовал, я вдруг споткнулся о корень и шлепнулся на землю. Я чуть было не потерял рассудок со страху, но потом осторожно поднялся и раз-

взял свою сумку: в сумке лежала динамитная бомба, обернутая шерстью и уложенная в ящичек. В дороге это была вещь полезная; придет, быть может, время, когда я с ее помощью совершу чрезвычайно ценное чудо; но необходимость постоянно носить ее с собой меня нервировала, а отдать ее королю мне не хотелось. Нужно было либо выбросить ее, либо придумать какой-нибудь безопасный способ пользоваться ее обществом. Я вытащил ее из сумки и положил к себе в карман; и как раз в это мгновение заметил двух рыцарей. Король остановился, гордо, как изваяние, и уставился на них, — он, разумеется, опять забыл свою роль; и прежде чем я предупредил его, чтобы он отскочил в сторону, он уже отскочил, — поневоле. Он думал, что они посторонятся. Посторонятся, чтобы не раздавить грязного мужика, шагающего пешком по дороге! Разве сам он когда-нибудь сворачивал с пути в таких случаях, и разве крестьянин, завидя его, не спешил сам сойти прочь с дороги? Да и не только крестьянин, а и благородный рыцарь. Рыцари не обратили на короля никакого внимания; он должен был сам позаботиться о себе и, если бы он не отскочил, они раздавили бы его и посмеялись бы над ним.

Король пришел в бешенство и, в королевском негодовании, стал осыпать их самой жестокой бранью. Рыцари уже успели немного отъехать. Они остановились, глубоко изумленные, и повернулись в своих седлах, как бы размышляя, стоит ли связываться с такой дрянью, как мы. Потом повернули коней и устремились на нас. Нельзя было терять ни мгновения. Я кинулся им навстречу и бросил им такое ругательство, в сравнении с которым брань короля казалась бедной и жалкой. Я вынес это ругательство из девятнадцатого столетия, в котором люди действительно умели ругаться. С разбегу рыцари не могли сразу остановиться. Они были уже почти возле короля, когда круто повернули назад и, вздыбив коней, ринулись на меня. Я находился ярдах в семидесяти от них и вскарабкался на большой валун возле дороги. В тридцати шагах от меня они разом выставили свои длинные пики и низко пригнули головы в шлемах, так что видны были только плюмажи из конских волос; и вся эта громада неслась ко мне! Когда между нами оставалось ярдов пятнадцать, я уверенной рукой швырнул бомбу, и она стукнулась о землю как раз под мордами коней.

Да, это было славное зрелище, славное и приятное!

Словно взрыв парохода на Миссиссипи*. Потом целых четверть часа на нас сыпался дождь из микроскопических частиц рыцарей, металла и конины. Я говорю — на нас, так как король, отдышавшись, примчался ко мне. На том месте, где были рыцари, образовалась яма, которая, как я предвидел, задаст много труда окрестным жителям; я, конечно, имею в виду, что им трудно будет объяснить ее происхождение, а засыпать ее будет не трудно, так как эта честь выпадет на долю избранного меньшинства — на крестьян местного сеньора, которым ничего не заплатят.

Но королю я все объяснил сам. Я сказал ему, что яма вырыта динамитной бомбой. Объяснение это не могло ему повредить, потому что он ровно ничего из него не понял. Он считал это новым великолепным чудом, новым сокрушительным ударом по Мерлину. Я счел за лучшее пояснить, что подобные чудеса очень редки и что совершать их можно только при благоприятном состоянии атмосферы. Иначе он при каждом удобном случае приставал бы ко мне, чтобы я повторил это чудо, а мне этого не хотелось, так как у меня больше не было бомб.

Глава XXVIII

ДРЕССИРОВКА КОРОЛЯ

Утром четвертого дня, на восходе солнца, прошагав уже целый час в предрассветной прохладе, я пришел к решению: короля необходимо выдрессировать! Так больше не может продолжаться, его нужно взять в руки и добросовестно вымуштровать, — иначе нам нельзя будет войти ни в один жилой дом; даже кошки сразу поймут, что этот крестьянин — ряженный. Я предложил ему остановиться и сказал:

— Государь, ваша одежда в полном порядке и не вызывает подозрений, но между вашей одеждой и вашим поведением — бросающийся в глаза разлад. Солдатская выправка, царственная осанка, — нет, это никуда не годится. Вы держитесь слишком прямо, ваши взоры слишком надменны. Царственные заботы не горбят спины, не приучают клонить голову, не заставляют смотреть себе под ноги, не поселяют в сердце страх и сомнение, которые делают го-

Целых четверть часа на нас сыпался дождь из микроскопических частиц рыцарей, металла и конины.

лову понурой, а поступь неуверенной. Низкорощенный человек вечно согбен под бременем мелких забот. Вам же необходимо научиться этому; вы должны подделывать клейма бедности, несчастья, унижения, которые обесчеловечивают человека и превращают его в покорное, способное все вынести существо, радующее взор своего господина, — иначе младенцы отгадают, что вы ряженный, и наша затея рухнет в первой же хижине, куда мы зайдем. Прошу вас, попробуйте ходить вот так.

Король внимательно посмотрел на меня и попытался мне подражать.

— Недурно, совсем недурно. Подбородок немного ниже пожалуйста... вот так, хорошо. Слишком надменный взор. Постарайтесь смотреть не на горизонт, а на землю, в десяти шагах от себя. Так лучше, так хорошо. Нет, погодите, в вашей походке слишком много уверенности, решительности: нужно ступать неуклюжей. Будьте добры, посмотрите на меня: вот как надо ступать... У вас получается... В этом роде... Да, почти хорошо... Но чего-то все-таки нехватает, я сам не вполне понимаю — чего. Пожалуйста пройдите тридцать ярдов, чтобы я мог посмотреть на вас со стороны... Голову вы держите правильно, плечи тоже, подбородок тоже, скорость шага как раз такая, как нужно, осанка, взор — всё, как следует. Однако всё вместе — не то. Итог не сбалансирован. Пройдите еще пожалуйста... Ага, я начинаю понимать. Нет в вас настоящей унылости, вот в чем загвоздка. Получилась любительщина, дилетанщина — все детали проработаны правильно, до волоска; казалось бы, иллюзия должна быть полная, а иллюзии нет.

— Что же делать?

— Дайте мне подумать... Ничего мне не приходит на ум. По правде сказать, здесь помочь может только практика. Вот как раз подходящее место: корни и камни, есть на чем испортить себе походку. Никто нам тут не мешает — кругом поле, и всего одна хижина, да и то так далеко, что оттуда не видно. Сойдите пожалуйста с дороги, государь, и мы посвятим этот день дрессировке.

Продрессировав его немного, я сказал:

— А теперь вообразите себе, государь, что мы подходим к двери той хижины и нас встречает вся семья. Прошу вас, как вы обратитесь к главе дома?

Король выпрямился, словно памятник, и с ледяной суровостью произнес:

— Мужик, принеси мне кресло. И подай мне чего-нибудь поесть.

— Ах, ваше величество, не так.

— Чем же не так?

— Эти люди не называют друг друга мужиками.

— Не называют?

— Их так называют только те, кто выше.

— Ну так я попробую еще раз. Я скажу: крепостной.

— Нет, нет. Он, может быть, свободный человек.

— Ну хорошо, я назову его: добрый человек.

— Это подходит, ваше величество, но еще лучше было бы, если бы вы его назвали другом или братом.

— Братом! Такую грязь!

— Но ведь мы притворяемся, что мы такая же грязь, как и он.

— Ты прав. Я скажу ему: брат, подай мне кресло и угости, чем можешь. Так хорошо?

— Не совсем, не вполне хорошо. Вы просите для себя одного, не для нас обоих; пищу для одного, кресло для одного.

Король посмотрел на меня удивленно, — он был не очень сообразителен. Голова его работала медленно. Он мог усвоить новую мысль, но не сразу, а по зернышкам.

— Разве тебе тоже нужно кресло? Разве ты сел бы?

— Если бы я не сел, этот человек заметил бы, что мы только притворяемся равными, и притворяемся очень плохо.

— Ты говоришь справедливо! Как удивительна истина, в каком бы неожиданном виде она ни предстала пред нами. Он обязан принести кресла и пищу для обоих и подавать рукомойник и салфетки одному с такой же почтительностью, как и другому.

— И все-таки остается еще одна деталь, которую нужно исправить. Он ничего не обязан приносить; мы сами войдем в хижину; там будет грязь и, вероятно, много противного, но мы войдем и сядем за стол вместе с его семьей, и будем есть, что подадут и как подадут, и держаться будем на равной ноге, — если только хозяин не раб; а рукомойника и салфеток не будет вовсе, кто бы на был хозяин, раб или свободный... Прошу вас, повелитель, пройдитесь еще раз. Так... это лучше... еще лучше; и все же не совсем хорошо. Ваши плечи не гнутся, — они никогда не знали ноши, менее благородной, чем железная кольчуга.

— Дай мне твой мешок. Я хочу узнать, что значит неблагородная ноша. Не вес ее сгибает плечи, а ее неблагородство; кольчуга тяжела, но благородна, и человек, носящий ее, остается прям... Нет, не спорь, не возражай. Дай мне мешок. Взяли его мне на спину.

Теперь, с мешком за плечами, король, наконец, совсем не был похож на короля. До конца упрямыми оказались только его плечи: они не гнулись, а если и гнулись, то совсем неестественно. Продолжая дрессировку, я направляли исправлял его:

— Вообразите себе, что вы опутаны долгами, что вас мучат беспощадные кредиторы; вы безработный, — ну, скажем, вы кузнец и вас выгнали со службы; ваша жена больна, а дети ваши плачут, потому что им хочется есть...

И так далее, и так далее. Я заставлял его изображать людей, страдающих от самых разных несчастий и притеснений. Но, господи, для него это были всего только слова, и если бы я свистал, а не говорил, мой свист тронул бы его не больше. Слова не значат для вас ничего, если вы не выстрадали сами того, что слова эти пытаются выразить. Бывают мудрецы, которые любят с видом знатоков потолковать о «рабочем классе» и утешают себя тем, что умственный труд куда тяжелее труда физического и по праву оплачивается много лучше. Они и вправду так думают, потому что испытали только умственный труд, а физического не знают. Но я испытал и умственный и физический; и за все деньги вселенной не согласился бы я тридцать дней подряд работать заступом; а любым умственным трудом, даже самым тяжелым, я охотно займусь почти даром — и буду доволен.

Глава XXIX

ОСПА

Когда мы подошли к этой хижине, день уже клонился к вечеру. Возле хижины никого не было. Хлеб на поле был уже сжат, и притом сжат так чисто, что поле казалось голым. Заборы, сарай — всё развалилось, всё красноречиво говорило о бедности. Ни единой живой души поблизости. Безмолвие казалось жутким, как безмолвие смерти. Хижина была одноэтажная, соломенная крыша ее почернела от времени, висела лохмотьями.

Дверь была слегка приотворена. Мы к ней подкрались беззвучно, — на носках и почти не дыша, — повинуюсь какому-то смутному предчувствию. Король постучал. Мы подождали. Нет ответа. Он постучал еще раз. Нет ответа. Я осторожно отворил дверь и заглянул внутрь. Что-то шевельнулось в темноте; женщина поднялась с пола и уставилась на меня как во сне.

— Пощадите! — взмолилась она. — Все уже взято, ничего не осталось.

— Я ничего не собираюсь брать, бедная женщина.

— Ты не священник?

— Нет.

— Ты не из усадьбы лорда?

— Нет, я прохожий.

— Так ради господа бога, карающего невинных нищетою и смертью, беги отсюда! Это место проклято богом и его церковью.

— Позволь мне войти и помочь тебе. Ты больна, ты в беде.

Глаза мои привыкли к сумраку и стали лучше видеть. Я видел ее запавшие глаза, устремленные на меня. Я видел страшную худобу ее тела.

— Говорю тебе, это место проклято церковью. Спаси себя, беги, чтобы кто-нибудь не заметил тебя здесь случайно и не донес.

— Ты обо мне не беспокойся, церковное проклятье меня не тревожит. Позволь мне помочь тебе.

— Так пусть же все добрые духи, — если только они существуют, — благословят тебя за эти слова! Мне бы только немного воды. Но нет, забудь, что я сказала, и беги, ибо тот, кто не страшится церкви, должен страшиться той болезни, от которой мы умираем. Оставь нас, отважный и добрый прохожий, и мы благословим тебя от всего сердца, если только могут благословлять те, на ком лежит проклятие.

Но прежде чем она договорила, я схватил деревянную чашку и побежал к ручью. До ручья было десять ярдов. Когда я вернулся, король был уже в хижине и отворял ставни, чтобы впустить свет и воздух. В хижине стоял тяжкий удушливый запах. Я поднес чашку к губам женщины. Она ухватилась за нее исхудалыми руками, похожими на птичьи когти. Как раз в это мгновение ставни распахнулись, и свет ударил ей прямо в лицо. Оспа!

Я подскочил к королю и зашептал ему на ухо:

— Бегите, государь, бегите! Эта женщина умирает от той самой болезни, которая в позапрошлом году опустошила окрестности Камелота.

Он не двинулся с места.

— Клянусь, я останусь здесь и постараюсь помочь!

Я снова зашептал:

— Король, так нельзя, вы должны уйти.

— Ты стремишься к добру, и слова твои мудры. Но стыдно было бы королю дрожать от страха, стыдно было бы рыцарю отказать нуждающемуся в помощи. Успокойся, я не уйду отсюда. Это ты должен уйти. Церковное проклятие не может коснуться меня, но тебе запрещено быть здесь, и церковь наложит на тебя свою тяжелую руку, если ты нарушишь ее запрет.

Оставаясь здесь, король мог поплатиться жизнью, но спорить с ним было бесполезно. Если он считает, что задета его рыцарская честь, ничего не поделаешь: он останется, и помешать ему невозможно; я знал это по опыту. Я больше не настаивал. Женщина заговорила:

— Добрый человек, будь так милостив, вскарабкайся по этой лесенке, посмотри, что там творится, и скажи мне. Что бы ты ни увидел там, не бойся сказать мне, ибо бывает, что и матери можно сказать все, не опасаясь разбить ее сердце, так как оно давно разбито.

— Останься здесь, — сказал король, — и накорми эту женщину. Я полезу наверх.

И положил мешок на лавку.

Я повернулся, но король был уже у лестницы.

Он помедлил немного и взглянул на мужчину, который лежал в полутьме и, казалось, не замечал нас.

— Это твой муж? — спросил король.

— Да.

— Он спит?

— Да, благодарение богу, он спит уже три часа. Сердце мое разрывается от благодарности за этот сон, который снизошел на него.

Я сказал:

— Мы будем осторожны. Мы не разбудим его.

— Нет, вы его не разбудите, он умер.

— Умер?

— О, какое счастье знать, что он умер! Никто больше не может ни обидеть, ни оскорбить его. Он теперь в раю и счастлив, а если он в аду, он все-таки доволен, потому что там он не встретит ни аббата, ни епископа. Мы вы-

росли вместе; мы двадцать пять лет женаты и никогда не расставались за это время. Подумайте, как долго мы любили друг друга и как долго мы вместе мучились! Сегодня утром в бреду ему представлялось, что мы снова мальчик и девочка и снова гуляем по счастливым полям. Так, под невинный младенческий говор шел он все дальше и дальше, пока не перешел незаметно в другие поля, о которых мы ничего не знаем, и не скрылся от наших смертных взоров. Разлуки не было, потому что в бреду ему представлялось, будто я иду вместе с ним и будто моя рука у него в руке, юная мягкая рука, не эта птичья лапа. Умереть — и не заметить смерти; разлучиться — и не заметить разлуки; может ли кончина быть более мирной? Этим он награжден за тяжкую жизнь, которую нес так безропотно.

В темном углу, где стояла лестница, раздался слабый шум. Это спустился король. Он нес что-то, прижимая к себе одной рукой, а другою придерживаясь за ступеньки. Он вышел к свету; на груди его лежала худенькая девочка лет пятнадцати. Она была почти без сознания и тоже умирала от осы. Это был высший предел героизма, его вершина. Это значило вызвать смерть на поединок, будучи безоружным, когда всё против тебя, когда нет не только никаких надежд на награду, но даже глазеющей рукоплещущей толпы, одетой в шелк и золото. А между тем осанка короля была так же спокойна и мужественна, как и во время тех дешёвых поединков, когда рыцарь встречается с рыцарем в равном бою, защищенный стальной кольчугой. Он был велик в эту минуту; возвышенно велик. К грубым статуям его предков у него во дворце будет присоединена еще одна, — я позабочусь об этом. И это не будет изображение короля в кольчуге, убивающего великана или дракона, — это будет изображение короля в крестьянской одежде, несущего смерть на руках, чтобы крестьянка могла посмотреть на свое дитя и успокоиться.

Он положил дочь рядом с матерью, которая стала осыпать ее ласками и нежными словами; и в ответ в глазах девочки вспыхнул слабый свет, но и только. Мать нагнулась над ней, целуя ее, лаская ее, умоляя ее сказать хоть слово, но губы девушки шевелились беззвучно. Я достал из мешка флягу с вином, но женщина остановила меня, сказав:

— Нет, она не страдает; пусть лучше так. Вино может возратить ее к жизни. А такой добрый человек, как ты,

не захочет поступать с ней столь жестоко. Посуди сам, для чего ей жить? Ее братья в неволе, ее отец умер, ее мать умирает, над ней тяготеет проклятие церкви, и никто не посмел бы поднять ее и приютить, даже если бы она лежала умирающая посреди дороги! Она одинока. Я даже не спрашиваю тебя, доброе сердце, жива ли еще ее сестра, там, наверху; я и без того знаю, что, если бы она была жива, ты снова полез бы наверх и не оставил бы бедняжку там одну...

— Она покоится в мире, — тихим голосом прервал ее король.

— И я не хотела бы, чтоб было иначе. Как богат счастьем этот день! Ах, моя Эннис, ты уже скоро догонишь сестру, ты на верном пути, а эти люди — друзья, они милосердны, они не задержат тебя.

И она снова забормотала, нагнувшись над девочкой, глядя ее по волосам, по щекам, целуя и шепча ласковые слова, но глаза девочки уже остеклянели. Я видел, как слезы хлынули из глаз короля и покатались по лицу. Женщина тоже заметила это и сказала:

— А, я знаю, что это значит: у тебя, бедняга, дома тоже есть жена, и вы с ней нередко голодными ложились спать, отдав последнюю корку детям; ты знаешь, что такое бедность, ты перенес немало обид от тех, кто знатнее тебя, ты знаком с тяжелой рукой церкви и короля.

Король поморщился, но сдержался; он вошел в свою роль; и, для человека, который вначале играл так плохо, справлялся с нею отлично. Я поспешил заговорить о другом; предложил женщине еды и вина, но она отказалась. Она не хотела отдалять своей смерти. Я принес сверху ее мертвое дитя и положил рядом с нею. Она этого не выдержала, и произошла новая раздирающая душу сцена. Я опять осторожно отвлек ее внимание и заставил рассказывать нам свою историю.

— Вы ее хорошо знаете, сами натерпелись того же, ибо кто у нас в Британии, кроме знати, не перенес таких же страданий. Это старая скучная повесть. Мы боролись, и боролись успешно; успешно — это значит, что мы могли жить и не умирать; о большем мы и не мечтали. До нынешнего года мы справлялись со всеми бедами, но в этом году беды обрушились на нас все сразу, — и одолели. Несколько лет назад лорд из усадьбы посадил на нашей ферме фруктовые деревья; на самом лучшем участке. Как это грешно и стыдно!...

— Он был в своем праве, — перебил ее король.

— Никто этого не отрицает; смысл закона таков: что принадлежит лорду, то его, а что принадлежит мне, то тоже его. Мы арендовали у него эту ферму, но землю он все-таки считал своей и делал на ней, что хотел. Недавно три его дерева оказались срубленными. Три наших взрослых сына испугались и сразу сообщили лорду о преступлении. Они там и остались, у его сиятельства в подземной темнице, — пусть гниют, пока не сознаются. А им не в чем сознаваться, они ни в чем не повинны и, следовательно, приговор этот означает, что им придется сидеть там до смерти. Вы знаете, как это бывает. А теперь вот что случилось с нами; мужчине, женщине и двум девочкам пришлось убирать поле, которое вспахали и засеяли, кроме нас, еще трое взрослых мужчин, да еще отгонять днем и ночью голубей и разных зверей, которых не дай бог убить или обидеть. Пшеница лорда поспела в одно время с нашей; когда его колокол зазвонил и созвал нас убирать бесплатно жатву на его полях, он не согласился считать меня с дочками за трех моих заключенных сыновей, а только за двух; вышло, что одного нехватает, и мы за него ежедневно платили пеню. А тем временем наша собственная жатва пропадала, потому что некому было ее убирать; и священник и его сиятельство лорд наложили на нас пеню, потому что от нашего небрежения страдали и те доли жатвы, которые причитались им. В конце концов эти пени пожрали весь наш урожай, и они забрали его; да заставили еще и собрать и увезти его, ничего нам не платя, не кормя нас, и мы умирали с голоду. Но худшее случилось тогда, когда я от голода, от тоски по сыновьям, от вида лохмотьев, в которые были одеты мой муж и мои маленькие дочки, от горя и отчаянья потеряла рассудок и возроптала на церковь и ее дела. Это было десять дней назад. Я заболела вот этой болезнью, и когда поп пришел побранить меня за то, что я не смирилась перед карающей десницей божьей, я стала ругать церковь. Он донес на меня. Я не отреклась от своих слов; и на мою голову, и на головы всех, кто был дорог мне, пало проклятие Рима. С тех пор нас все чуждаются, бегут от нас в ужасе. Никто не зашел в эту хижину узнать, живы ли мы или нет. Муж и дочери заболели. Тогда я заставила себя встать и ухаживать за ними. Есть они не просили, да у нас и не было никакой еды. Но вода была, и я давала им пить. Как они жадно пили! Как они благословляли воду! Но вчера все кончилось; силы мне

изменили. Вчера я в последний раз видела мужа и младшую дочь. Я лежала тут одна все эти часы, все эти века, и слушала, слушала, слушала, не услышу ли звук, который...

Она быстро взглянула на свою старшую дочь, затем вскрикнула: «О, милая!» и ослабевшими руками притянула к себе коченеющее тело. Она услышала стук смерти.

Глава XXX

ТРАГЕДИЯ УСАДЬБЫ

В полночь всё кончилось, и мы сидели рядом с четырьмя трупами. Мы укрыли их теми тряпками, какие нам удалось найти, и ушли, затворив за собою дверь. Их дом должен был стать их могилой, ибо отлученных от церкви нельзя хоронить по христианскому обряду в освященной земле. Они были как псы, как дикие звери, как прокаженные, и ни одна душа, надеющаяся на вечную жизнь, не согласилась бы пожертвовать своей надеждой, войдя в соприкосновение с этими осужденными и отверженными.

Мы не успели отойти, как вдруг я услышал звук шагов по песку. Мое сердце забилося. Нельзя, чтобы видели, как мы выходим из этого дома. Я оттащил короля за плечо, мы попятились и спрятались за углом хижины.

— Теперь мы в безопасности, — сказал я, — но чуть не попались. Если бы ночь была светлее, этот прохожий непременно увидал бы нас, он проходил так близко.

— Быть может, это вовсе не человек, а зверь?

— Возможно. Но человек это или зверь, а нам нужно постоять здесь и подождать, пока он уйдет.

— Тише! Он идет сюда.

Король был прав. Шаги приближались к нам, направляясь прямо к хижине. Очевидно это зверь, и нам нечего бояться. Я уже собирался идти, но король положил руку на мое плечо. Наступила тишина, потом кто-то чуть слышно постучал в дверь хижины. Я вздрогнул. Стук повторился, и мы слышали осторожный голос:

— Мама! Отец! Мы вышли на волю и принесли вам вести, от которых побледнеют ваши щеки, но развеселят ваши сердца. Нельзя терять ни мгновенья, нужно бежать! И... но отчего они не отвечают? Мама! Отец!

Я увлекал короля подальше от двери, шепча:

— Идем! Теперь мы можем выйти на дорогу.

Король медлил, не хотел уходить, но тут мы услышали, как дверь открылась, и поняли, что эти несчастные уже рядом со своими мертвецами.

— Идем, повелитель! Сейчас они зажгут свет, и то, что мы услышим, разобьет ваше сердце.

Он больше не колебался. Едва мы вышли на дорогу, я побежал, и король, забыв о своем сани, побежал тоже. Мне тяжело было думать о том, что сейчас происходит в хижине. Стараясь отогнать неприятные мысли, я заговорил о первом, что мне пришло на ум:

— Я болел той болезнью, от которой умерли эти люди, и мне нечего бояться, но если вы не болели ею...

Он перебил меня, сказав, что его мучает совесть.

— Эти молодые люди, по их словам, вышли на волю. Но как? Вряд ли лорд сам освободил их.

— О нет, не сомневаюсь, что они удрали!

— Вот это меня и беспокоит; я опасаясь, что они удрали, и твои слова подтверждают мои опасения.

— Я не стал бы это называть опасениями. Я подозреваю, что они удрали, но если это так, я ничуть не огорчен.

— Я тоже не огорчен... но...

— В чем же дело? Что может вас тревожить?

— Если они удрали, наш долг повелевает нам поймать их и доставить к их лорду, ибо нехорошо, если человек столь знатный потерпит столь тяжкую обиду от людей низкого звания.

Вот оно, опять! Он способен был видеть только одну сторону дела. Так он был воспитан, в его венах текла кровь предков, отравленная бессознательной жестокостью, передаваемая по наследству длинным рядом сердец, из которых каждое еще добавляло отравы. Посадить в тюрьму этих людей без всякого доказательства вины и умерить голодом их родителей — это не беда, так как они всего только крестьяне и существуют лишь для удовольствия своего лорда; но если они разобьют столь неправомерно наложенные на них оковы, — это дерзость, которую не может терпеть ни один порядочный человек, знающий свой долг по отношению к своей касте.

Целых полчаса старался я отвлечь его от этих мыслей, но безуспешно; наконец, одно внешнее событие отвлекло его. Поднявшись на вершину небольшого холма, мы увидели вдали красное зарево.

— Пожар, — сказал я.

Я вообще очень интересовался пожарами, так как начал вводить страховое дело, одновременно тренируя лошадей и строя машины, чтобы завести со временем пожарную команду. Попы восставали против моих проектов страхования от огня и несчастных случаев, утверждая, что это дерзостная попытка помешать проявлению божьей воли; когда же я доказывал, что я вовсе не пытаюсь идти против божьей воли, а лишь стремлюсь смягчить тяжкие последствия ее проявления, они утверждали, что смягчать суровость божьей кары — не меньшая дерзость. Они мешали мне, но, тем не менее, страхование от несчастных случаев у меня налаживалось. Как правило, рыцари были глупы и невежественны, и эти торговцы сверхестественным легко могли их убедить самыми убогими доводами, и все же рыцари оказывались иногда способными рассмотреть практическую сторону вопроса; и потому в последнее время при уборке после турниров в каждом шлеме непременно находили квитанцию моего страхования жизни от несчастных случаев.

Мы стояли в глубоком мраке и безмолвии, глядя на алевшее вдалеке зарево, и старались объяснить себе значение отдаленного рокота, то тихого, то более громкого. Иногда казалось, что он приближается, и мы уже падали отгадать его причину, но он вдруг затихал и удалялся, унося с собой свою тайну. Мы спустились с холма и пошли извилистой тропинкой в ту сторону, откуда доносился шум; и погрузились в непроглядный мрак, оказавшись между двумя высокими стенами деревьев. Так шли мы около полумили вниз по скату, а рокот становился все слышнее, и все явственнее ощущали мы приближение грозы по внезапным порывам ветра, по слабым вспышкам молний, по угрюмому ворчанию отдаленных раскатов грома. Я шагал впереди и вдруг наткнулся на что-то мягкое и грузное, слегка поддавшееся под мою тяжестью; блеснула молния, и на расстоянии фута от моего лица я увидел перед собой искаженное лицо человека, висевшего на ветке дерева. Это было омерзительное зрелище. Раздался оглушительный грохот грома, и небеса прорвались; дождь хлынул, как во времена потопа. Тем не менее, разве мы не обязаны были перерезать веревку, на которой висел этот человек, чтобы узнать, не теплится ли в нем еще жизнь? Ослепительные молнии сверкали одна за другой, и было то светло, как в полдень, то темно, как в полночь.

Блеснула молния, и я увидел человека, висевшего на ветке дерева.

Повешенный был то отчетливо виден, то исчезал во мраке. Я сказал королю, что мы должны перерезать веревку. Но король возразил:

— Если он повесился сам, значит он желал, чтобы его имущество досталось его лорду; так пусть он висит. Если же его повесили, значит имели право его повесить, — и пусть он висит.

— Но...

— Никаких «но», оставь его висеть. Есть и еще причина. Когда опять сверкнет молния, погляда вперед.

В пятидесяти ярдах от нас болтались еще двое повешенных.

— В такую погоду нет смысла оказывать бесполезные любезности мертвецам. Они уже не в состоянии поблагодарить тебя. Идем. Мы тут зря теряем время.

Слова его были разумны, и мы пошли дальше. На протяжении мили мы при блеске молнии насчитали еще шесть повешенных. Это было пренеприятное путешествие. Рокот, который мы слышали раньше, превратился в рев: рев человеческих голосов. Мимо нас во мраке промчался убегающий человек. Толпа мужчин догоняла его. Они исчезли. Потом опять человек и погоня за ним, и опять, и опять. Внезапный поворот тропинки, и мы очутились перед пожаром. Горела большая помещичья усадьба, и от нее уже почти ничего не осталось. И всюду были люди убежавшие и люди, гнавшиеся за ними.

Я предостерег короля, что это не безопасное место для прохожих. Лучше держаться подальше от света и подождать. Мы отошли в сторону и спрятались на опушке леса. Отсюда мы видели мужчин и женщин, за которыми гналась толпа. Эта страшная работа продолжалась почти до рассвета. Затем огонь погас, гроза миновала, крики и топот бегущих ног смолкли, и снова воцарились темнота и безмолвие.

Мы осторожно двинулись вперед. Мы очень устали и очень хотели спать, но шли до тех пор, пока пожарные не осталось далеко позади. Мы попросили гостеприимства в хижине угольщика и отдали себя в руки судьбы. Жена угольщика уже встала, но он сам все еще спал на соломе, которой был покрыт глиняный пол. Женщина, казалось, встревожилась, но я объяснил ей, что мы путники, сбившись с дороги и проблуждали в лесу всю ночь. Тогда она стала разговорчивой и спросила, слышали ли мы об ужасах, которые произошли в Аббласурской усадьбе.

Да, мы слыхали о них, но сейчас мы хотим только спать. Король добавил:

— Продайте нам свой дом и уходите, так как мы можем вас заразить. Мы недавно были возле людей, которые умерли от Пятнистой Смерти.

Это было благородно с его стороны, но излишне. Рябое, как вафельница, лицо было украшением почти каждого его подданного. Я давно уже заметил, что женщина и ее муж тоже были рябые. Она приняла нас радушно и перестала бояться. Предложение короля потрясло ее; не малое событие — наткнуться на человека в крестьянской одежде, который готов купить дом, чтобы провести в нем одну ночь. Это внушило ей такое почтение к нам, что она использовала все свои убогие возможности, стараясь устроить нас поудобнее.

Мы проспали почти весь день и проснулись такими голодными, что крестьянская пища показалась королю очень вкусной, хотя ее было мало и разнообразием она не отличалась: лук, соль и черный овсяный хлеб. Хозяйка стала рассказывать нам о вчерашних событиях. Часов в десять или в одиннадцать вечера, когда все уже легли спать, усадьба загорелась. Соседи кинулись на помощь, и семья владельца была спасена, но сам он исчез. Это всех очень огорчило, и два стражника пожертвовали жизнью, разыскивая его драгоценную особу в горящем здании. Потом нашли его труп. Он лежал в трехстах ярдах от усадьбы, связанный, с кляпом во рту и с дюжиной колотых ран.

Чье это дело? Подозрение пало на скромную семью по соседству, с которой барон не так давно обошелся слишком уж сурово; а с этой семьи перекинулось на родных и близких. Подозрения было достаточно; ливрейная челядь лорда возглавила крестовый поход против этих людей, и вся округа примкнула к ней. Муж нашей хозяйки тоже принимал участие в погоне и вернулся только на рассвете. Теперь он ушел, чтобы узнать, чем все кончилось. Пока мы беседовали, он возвратился. Восемнадцать человек повешены или убиты; два стражника и тринадцать узников погибли в огне.

— А сколько узников находилось в подземелье?

— Тринадцать.

— И все они погибли?

— Да, все.

— Но ведь люди успели спасти семью лорда. Почему же они не спасли никого из узников?

Наш хозяин удивился и сказал:

— Кто же станет открывать казематы в такую минуту? Ведь заключенные разбежались бы.

— Ты хочешь сказать, что никто не открыл казематов?

— Никто даже не подошел к тюрьме. Замки были крепкие, и достаточно было поставить часового, чтобы изловить всякого, кто попытается удрать. Но ловить никого не пришлось, значит никто и не удрал.

— Нет, трое удрали, — сказал король, — и ты хорошо сделаешь, если объявишь об этом и направишь правосудие на их след, ибо это они убили барона и подожгли дом.

Я так и знал, что он этим кончит. Вначале угольщик и его жена были взволнованы этим сообщением и готовы были сейчас же бежать, чтобы рассказать соседям, но внезапно что-то новое мелькнуло в их глазах, и они стали нас расспрашивать. Я сам отвечал на их вопросы и внимательно наблюдал за их лицами. Я с удовольствием заметил, что узнав, кто были трое бежавших, наши хозяева уже только делали вид, будто торопятся оповестить соседей. Король не заметил перемены, и я был рад этому.

Я заговорил о других подробностях событий минувшей ночи, и наши хозяева вздохнули с облегчением.

Самым печальным в этом деле была та готовность, с какой угнетенные набросались на своих же братьев, защищая общего угнетателя. Этот мужчина и эта женщина по-видимому считают, что в ссоре человека, принадлежащего к их собственному классу, с их лордом им естественнее и выгоднее стать на сторону своего господина и сражаться за него, даже не вникая в то, кто прав и кто виноват. Этот угольщик помогал вешать своих соседей, и помогал усердно, хотя отлично знал, что против этих людей нет никаких улик, а одни только смутные подозрения, и ни он, ни его жена не видели в том ничего ужасного.

Это было тяжело для человека, мечтавшего о республике. Мне вспомнилось время тринадцать веков спустя, когда «бедные белые» нашего Юга, всегда презираемые и притесняемые рабовладельцами, бедствовавшие как раз потому, что вокруг них существовало рабство, малодушно поддерживали рабовладельцев во всех политических движениях, стремившихся сохранить и продлить рабство, и наконец даже взяли ружья и проливали кровь свою за то, чтобы не погибло то самое учреждение, которое их при-

нижало. В этом прискорбном историческом событии единственной искупающей чертой было то, что втайне «бедные белые» ненавидели рабовладельцев и чувствовали, что покрыли себя позором. Это чувство никак внешне не проявило себя, но оно существовало и при благоприятных обстоятельствах могло проявиться; а это уже немало, так как доказывает, что в глубине души человек остается человеком, даже когда человечность его внешне ни в чем не проявляется.

Как выяснилось, наш угольщик был родным братом тех южных «бедных белых» отдаленного будущего. Король, наконец, стал выказывать нетерпение и сказал:

— Если вы будете болтать здесь весь день, правосудие пострадает. Вы думаете, преступники так и будут сидеть в доме своего отца? Они улетят, они ждать не станут. Вы должны добиться, чтобы по их следу направили всадников.

Женщина слегка побледнела, а у ее мужа вид был растерянный и нерешительный. Я сказал:

— Пойдем, друг, я провожу тебя и покажу тебе, в каком направлении они могли удрать. Если бы они обвинялись в уклонении от платежа податей или в каком-нибудь другом пустяке, я постарался бы их защитить, но убийство знатного человека и поджог его дома — дело другое.

Последнее было сказано для короля, чтобы успокоить его. По дороге угольщик взял себя в руки и зашагал увереннее, но особого усердия я в нем не заметил. Как бы невзначай, я спросил:

— Эти люди твои родственники?

Он так побледнел, что бледность стала заметна даже сквозь слой угольной пыли, покрывавшей его лицо, и остановился, дрожа.

— О, боже, как ты об этом узнал?

— Я ничего не знаю. Я случайно догадался.

— Бедные мальчики, они пропали! А какие славные мальчики!

— Ты и вправду собираешься донести на них?

Он не знал, как отнестись к моему вопросу, и нерешительно ответил:

— Д-да.

— Значит, ты просто негодяй!

Он так обрадовался, словно я назвал его ангелом.

— Повтори свои добрые слова, брат! Ты действительно хочешь сказать, что не выдашь меня, если я не исполню свой долг?

— Долг? У тебя есть один долг — молчать и дать этим людям уйти подальше. Они совершили справедливое дело.

Он был доволен; доволен, хотя и встревожен. Он поглядел по сторонам и, убедившись, что мы одни, сказал вполголоса:

— Из какой страны ты пришел, брат, что говоришь такие опасные слова и не боишься?

— Эти слова несколько не опасны, когда я говорю их человеку одного со мною сословия. Ведь ты никому не скажешь, что слышал от меня эти слова?

— Я? Скорее меня разорвут на части дикие кони.

— Тогда дай мне сказать то, что я думаю. Я не боюсь повторить свои слова. Дьявольское дело совершили вы вчера, повесив невинных. Старый барон получил по заслугам. Будь моя воля, всех таких, как он, постигла бы та же участь.

Страх и подавленность исчезли с лица моего спутника; он оживился, в глазах его блеснула отвага.

— Если даже ты шпион и слова твои только ловушка, в них такая отрада, что ради того, чтобы слушать их снова и снова, я готов пойти на виселицу; такие речи — пир для голодного. Дай теперь мне сказать и донеси на меня, если ты донощик. Я помогал вешать своих соседей, потому что я бы погиб, если бы не проявил усердия в защите моего господина; все остальные помогали по той же причине. Все рады сегодня, что он мертв, но все притворяются опечаленными и проливают лживые слезы, чтобы обезопасить себя. Я сказал. Никогда еще слова не оставляли у меня во рту такого приятного вкуса, и в этом моя награда. Веди меня теперь куда хочешь, хоть на эшафот, — я готов.

Вот видите. Человек всегда остается человеком. Века притеснений и гнета не могут лишить его человечности. Тот, кто полагает, что это ошибка, сам ошибается. Да, для создания республики достаточно материала даже у самого отсталого народа, который когда-либо существовал, и всегда найдется достаточно мужества, чтобы опрокинуть и затоптать в грязь любой трон и любую знать, поддерживающую его. Мы еще увидим многое, будем же надеяться и верить. Сперва смягченная монархия, до конца жизни Артура, по-

том разрушение трона. Дворянство я упраздню и всех дворян заставлю заняться полезными ремеслами; введу всеобщее избирательное право и власть передам навеки в руки мужчин и женщин, составляющих народ. Да, у меня пока еще нет причин отказываться от своей мечты.

Глава XXXI

МАРКО

Мы гуляли с угольщиком Марко, непринужденно болтая. Мы должны были потратить столько времени, сколько нужно для того, чтобы сходить в маленькую деревушку Аббласур, направить правосудие на след убийц и вернуться домой. Пока мы гуляли, я предавался развлечению, которое, с тех пор, как я очутился в королевстве Артура, не утратило для меня новизны, — наблюдать, как случайные прохожие приветствуют друг друга при встрече. Бритому монаху, по жирным щекам которого струился пот, угольщик отвешивал почтительный низкий поклон; дворянину кланялся он раболепно; с мелкими фермерами и свободными ремесленниками был он сердечен и болтлив; а когда мимо проходил раб, почтительно склонившись, угольщик даже не видел его, — так высоко он задирал свой нос. Право, иногда хочется повесить весь род человеческий, чтобы положить конец этой комедии.

Внезапно мы наткнулись на любопытное происшествие. Из леса выскочила нам навстречу кучка полуголых мальчишек и девчонок, перепуганных и кричащих. Старшему из них было не больше двенадцати или четырнадцати лет. Они умоляли о помощи, но были так взволнованы, что мы не могли понять, что случилось. Мы кинулись в лес, они бежали впереди, ведя нас, и скоро нам все стало ясно: они повесили своего товарища на веревке из березовой коры, а он бился, стараясь вырваться, и все туже затягивал петлю, и чуть не задохся. Мы освободили его и привели в чувство. Еще одна черта человеческой природы — дети во всем подражают взрослым; они играли в толпу, и притом с таким успехом, что последствия могли быть гораздо серьезнее, чем они рассчитывали.

В деревушке я со многими познакомился. Меня очень порадовало, что здесь уже была в ходу наша новая монета — множество мильрейсов, множество миллей, мно-

Жирному монаху угольщик отвешивал почтительный поклон.

жество центов, очень много никеля и много серебра — и у ремесленников и у крестьян; было и золото, но только, так сказать, в банке, то есть у ювелира. Я зашел к нему, пока угольщик Марко, сын Марко, торговался с лавочником из-за четверти фунта соли, и попросил разменять двадцатидолларовую золотую монету. Ее мне разменяли, попробовав ее предварительно на зуб, и позвонев ею о конторку, и испытав ее кислотой, и спросив меня, где я ее достал, и кто я такой, и откуда я иду, и куда я направляюсь, и когда я собираюсь туда прибыть, и задав мне еще сотни две вопросов. Ответив на них, я по собственной воле сообщил им еще множество сведений: я сказал им, что у меня есть собака, которую зовут Сторож, что моя первая жена была баптистка, а ее дедушка стоял за запрещение спиртных напитков, и что я знал человека, у которого было по два больших пальца на каждой руке и бородавка на внутренней стороне верхней губы и который умер в надежде на славное воскресение, и т. д. и т. д. Наконец, мой любопытный деревенский банкир почувствовал себя удовлетворенным и даже несколько приуныл; он, конечно, вынужден был

относиться с уважением к столь богатому человеку, как я, и не посмел на меня рассердиться, но я заметил, что он сорвал свое раздражение на своих подчиненных, что вполне естественно. Да, они разменяли мне мою двадцатку, но мне показалось, что для банка это было не легко, как не легко было бы разменять двухтысячедолларовый кредитный билет в лавке какой-нибудь бедной деревушки девятнадцатого века. Хозяин лавки, конечно, разменял бы такой кредитный билет, но он удивился бы тому, что мелкий фермер носит при себе столько денег; вот так, повидимому, удивлен был и этот ювелир; он проводил меня до дверей и долго смотрел мне вслед с почтительным изумлением.

Наши монеты не только были уже повсюду в ходу, но даже к новым их названиям привыкли настолько, что стали забывать старые. Только и было слышно: эта вещь стоит столько-то долларов, или центов, или миллей, или милрейсов. Это было очень приятно. Мы несомненно шли к прогрессу.

Я познакомился со многими ремесленниками, но самым интересным из них был кузнец Даули. Это был человек живой, большой говорун; он держал двух помощников и трех учеников и все-таки еле справлялся — так много было у него работы. Конечно, он богател и пользовался общим уважением. Марко гордился дружбой с таким человеком. Он привел меня к нему якобы для того, чтобы показать мне мощное предприятие, которое приобретает у него столько угля, но в действительности для того, чтобы я увидел, на какой он короткой ноге с таким великим человеком. Мы с Даули сразу сошлись; у меня на оружейном заводе работало немало таких же славных молодцов; я пригласил его прийти в воскресенье к Марко и пообедать с нами. У Марко даже дух захватило; и когда богач принял приглашение, он на радостях даже забыл подивиться такой снисходительности.

Марко ликовал, — но недолго; он задумался и опечалился; а когда он услышал, как я оказал Даули, что собираюсь пригласить каменщика Диккона и колесника Смуга, угольная пыль у него на лице превратилась в мел, и он совсем пал духом. Но я знал, что причина его огорчения — расходы. Он видел себя уже разоренным, он считал, что состоянию его пришел конец. И, направляясь приглашать других, я сказал:

— Позволь мне пригласить моих друзей, а расходы я беру на себя.

Лицо его прояснилось, и он пылко сказал:

— Но не все расходы, не все. Тебе одному они будут не под силу.

Я перебил его:

— Пойми меня хорошенько, старый друг. Я всего только управляющий фермой, это правда, но я вовсе не беден. Мне очень повезло в этом году, — ты удивился бы, если бы знал, сколько я заработал. Поверь, я могу оплатить дюжину таких обедов, не заботясь о расходах! — и я щелкнул пальцами. Я чувствовал, что с каждым словом расту в глазах Марко, и когда я выговорил последнюю фразу, я стал высок, как башня. — Так уж позволь мне сделать по-своему. Ты не истратишь ни цента на весь этот пир, это решено.

— Ты великодушен и добр...

— Нисколько. Ты великодушно раскрыл двери своего дома передо мной и перед Джонсом; Джонс сам сказал мне об этом; тебе он, конечно, этого не скажет, потому что Джонс неразговорчив и смущается в обществе, но сердце у него доброе, благодарное, и он умеет ценить хорошее к себе отношение; да, ты и твоя жена приняли нас очень гостеприимно...

— Ах, брат, такое гостеприимство немногого стоит!

— Оно стоит многого; когда человек отдает лучшее, что у него есть, это всегда многого стоит. Большого дать не может и принц, потому что и принц может дать только лучшее, что у него есть. Теперь мы пойдем по лавкам и кое-что купим, и пусть мои расходы тебя не беспокоят. Я такой мот, какого свет не видал. Иногда за одну неделю я трачу... нет, не стоит и говорить, ты все равно не поверишь.

Так мы бродили по деревне, из лавки в лавку, прицениваясь, болтая с лавочниками про вчерашние события; нам о них напоминали ежеминутно попадавшиеся на глаза потрясенные и запуганные дети, дома которых были отобраны, а родители убиты или повешены. Одежда Марко и его жены была сшита из холста и сермяги и напоминала географическую карту, склеенную из отдельных кусочков; за пять-шесть лет от первоначальной ткани не осталось и куска шириной в ладонь. Мне хотелось подарить им новую одежду, чтобы они не ударили в грязь лицом перед гостями, но я не знал, как по деликатнее приступить к делу, пока мне не пришло в голову подкрепить свою вы-

думку о признательности короля вещественными доказательствами. И я сказал:

— Тебе, Марко, придется позволить мне еще кое-что... из любезности к Джонсу... ведь не захочешь же ты его обидеть... Ему очень хотелось бы выразить тебе свою благодарность, но он такой застенчивый, что не умеет сделать это сам. Он попросил меня купить за его счет кое-какую мелочь для тебя и госпожи Филлис, но так, чтобы вы не знали, от кого эти подарки... Он человек щепетильный, и ему было бы неловко... Я, конечно, обещал ему держать все в секрете от вас, и ты пожалуйста не выдай меня. Он считает, что самое лучшее было бы купить вам новую одежду...

— О, это слишком! Не надо, брат, не надо. Подумай, сколько это будет стоить!..

— Да черт с ним, пусть стоит! Помолчи минутку, ты слишком много разговариваешь. Тебе нужно лечиться от болтливости, Марко, болтливость будет все разрастаться, если ты во-время не обратишь на нее внимания. Мы зайдем сюда и приценимся вот к этой материи... Не забудь только, что Джонс не должен догадаться, что тебе все известно. Ты и представить себе не можешь, как забавно он щепетилен и горд. Он фермер — зажиточный фермер, — а я его управляющий; но что за воображение у этого человека! Иногда он забывается и болтает такое, что можно подумать, будто он соль земли; ты можешь слушать его сто лет и никогда не догадаешься, что он фермер, особенно, если он заговорит о сельском хозяйстве. Он считает, что он лучший знаток сельского хозяйства на всем свете; но, между нами, он столько же понимает в сельском хозяйстве, сколько в управлении королевством. Однако, когда он говорит, нужно молчать с таким видом, будто ты никогда за всю свою жизнь столь мудрых речей не слышал. Вот это Джонсу понравится.

Марко хохотал, слушая рассказы о таком чуде, и был теперь хорошо подготовлен к любым неожиданностям. А я знал по опыту, что, странствуя с королем, который выдает себя за кого-то другого и поминутно забывает за кого именно, нужно быть как можно предусмотрительнее.

Наконец мы дошли до лучшей лавки в селении; в ней было всего понемногу — от молотков и мануфактуры до рыбы и поддельных драгоценностей. Я решил купить всё, что мне было нужно, здесь и никуда больше не ходить. Прежде всего я избавился от Марко, отправив его пригла-

сить каменщика и колесника, и тем расчистил себе поле деятельности. Ибо я никогда ничего не делаю тихо; если в деле нет театральности, я теряю к нему всякий интерес. Я беспечно кинул деньги на прилавок, чтобы заставить лавочника уважать себя, а затем написал список необходимых мне вещей и протянул его ему, чтобы посмотреть, умеет ли он читать. Оказывается, он умел и был рад случаю показать это. Он сказал мне, что учился у священника и умеет и читать и писать. Пробежав список, он с удовольствием заметил, что итог выходит изрядный. Да так оно и было. Я покупал не только провизию, но и многое другое. Все это я приказал доставить в тележке на дом к Марко, сыну Марко, в субботу вечером, а в воскресенье в обеденный час прислать мне счет. Он сказал, что я могу быть совершенно спокоен, так как точность и аккуратность — закон его фирмы. Он прибавил, что пришлет для Марко пару кошельков-пистолетов* даром, — их теперь все употребляют. Он был высокого мнения об этом мудром изобретении. Я сказал:

— Наполните их до половины и припишите к счету.

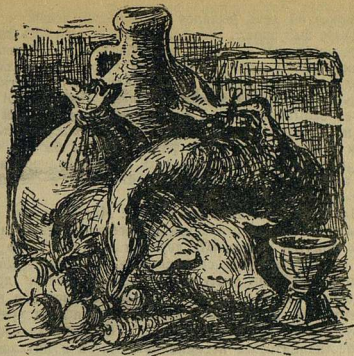
Он согласился с удовольствием. Он наполнил их, и я захватил их с собой. Я не мог ему сказать, что кошелько-пистолет — мое собственное изобретение и что я официально приказал всем лавочникам в королевстве иметь их под рукой и продавать по казенной цене, то есть за пустяк, который шел лавочнику, а не казне. Мы раздавали их бесплатно.

Вернулись мы вечером, и король не заметил нашего прихода. Он рано погрузился в сны о грандиозном вторжении в Галлию со всей армией своего королевства, и вторая половина дня прошла для него незаметно.

Глава XXXII

ПОСРАМЛЕНИЕ ДАУЛИ

Когда в субботу на закате прибыл весь этот груз, мне нелегко было помешать Марко и его жене упасть в обморок. Они были уверены, что мы с Джонсом разорены, и проклинали себя за содействие нашему банкротству. Помимо провизии для обеда, которая тоже обошлась мне в довольно крупную сумму, я купил еще многое, что могло пригодиться нашим хозяевам в будущем: например, мешок

Провизия, которая обошлась мне в довольно крупную сумму.

пшеницы — такое же редкое лакомство за столом людей их класса, как сливочное мороженое за столом отшельника; затем большой обеденный стол; затем два фунта соли — тоже роскошь в глазах наших хозяев; затем посуду, стулья, одежду, небольшой бочонок пива и так далее. Я попросил Марко и его жену никому не говорить обо всем этом великолепии, чтобы удивить гостей и пустить им пыль в глаза. Увидав новые одежды, эти простодушные супруги были рады, как дети; они не спали всю ночь, дожидаясь рассвета, чтобы надеть их, и облачились в них за час до восхода солнца. Тут их восторг дошел до таких пределов, что вознаграждал меня за мой прерванный сон. Король спал, как всегда, словно мертвый. Марко с женой не могли поблагодарить его за одежду, так как я им это запретил, но пытались всячески показать ему, как они благодарны. Однако все впустую: он ничего не заметил.

Июньский день выдался на редкость ясный и теплый, на дворе был просто рай, в комнаты не хотелось заходить. Гости явились к полудню; мы собрались под большим деревом и скоро разговаривались, как старые приятели. Даже король оттаял немного, хотя сначала ему нелегко было привыкнуть, что его называют просто Джонсом. Я просил его не забывать, что он фермер; но вместе с тем просил его не вдаваться в подробности, а довольствоваться простым утверждением этого факта. Ибо он был из тех людей, которые все испортият, если их не предупредишь, так как язык он имел гибкий, ум деятельный, а сведения обо всем самые туманные.

Даули был разодет, как павлин. Мне без труда удалось заставить его разговориться и рассказать свою историю; было приятно сидеть под деревом и слушать его болтовню. Он сам выковал свое счастье. А такие люди умеют порассказать. Они заслуживают доверия больше других, и им охотно верят. Он рассказал, как он вступил в жизнь сиротой, без денег и без друзей; как он жил хуже, чем живут рабы у иного хозяина; как он работал ежедневно по шестнадцати, по восемнадцать часов и питался одним черным хлебом, да и то впроголодь; как его усердие приплекло, наконец, внимание доброго кузнеца, который чуть не свалил его с ног великодушным предложением взять его к себе в ученики на девять лет, на готовых харчах и одежде, и научить ремеслу, — или «секрету», как выразился Даули. Это было первое его возвышение, первая блистательная удача; и он до сих пор говорил о ней с восторгом и не переставал удивляться, что такое необычайное счастье могло выпасть на долю обыкновеннейшего человека. За все время своего ученичества он ни разу не получил новой одежды, но в тот день, когда ученичество кончилось, его хозяин подарил ему новое одеяние из сермяги, в котором он чувствовал себя несказанно богатым и прекрасным.

— Я помню этот день! — восторженно воскликнул колесник.

— И я тоже! — вскричал каменщик. — Я тогда не поверил, что это твоя одежда. Честное слово, не поверил!

— Никто не верил! — крикнул Даули, и глаза его за сверкали. — Я из себя выходил, убеждая соседей, что одежда эта не краденая. То был великий день, великий день; таких дней не забывают.

Да, его хозяин был прекрасный человек, дела его процветали так, что он дважды в год доотвалу наедался мясом и белым хлебом, настоящим пшеничным хлебом; по правде говоря, он жил, как лорд. Со временем Даули унаследовал его предприятие и женился на его дочери.

— А теперь посмотрите, как все изменилось, — сказал он внушительно. — Два раза в месяц я ем свежее мясо. — Он помолчал, чтобы слушатели имели возможность понять все значение этих слов. — И восемь раз в месяц — солонину.

— Это правда, — подтвердил колесник, затаив дыхание.

— Я это сам видел, — почтительно подтвердил каменщик.

— А белый хлеб у меня на столе каждое воскресенье, круглый год, — торжественно добавил кузнец. — Скажите по совести, друзья, разве это не правда?

— Клянусь головой, правда! — вскричал каменщик.

— Я это подтверждаю, — сказал колесник.

— Скажите сами, какая у меня в доме мебель! — Даули широко раздвинул руки, как бы предоставляя каждому полную свободу слова. — Говорите всё, что хотите. Говорите так, словно меня здесь нет.

— У тебя пять стульев, и притом прекрасной работы, хотя твоя семья состоит из трех человек, — сказал колесник с глубоким уважением.

— А для еды и питья у тебя шесть деревянных кубков, и шесть деревянных тарелок, и две оловянные, — сказал каменщик. — Я говорю это по чистой совести, зная, что буду отвечать перед богом на страшном суде за каждое лживое слово.

— Ну, теперь ты знаешь, что я за человек, брат Джонс, — сказал кузнец с благородной и дружественной снисходительностью, — и, разумеется, думаешь, что такой человек требует к себе уважения и не станет якшаться с незнакомыми людьми, пока не узнает, кто они такие; но ты не беспокойся; знай, что я готов принять каждого, как равного и друга, какое бы скромное ни занимал он положение в этом мире, лишь бы он был хороший человек. И в подтверждение моих слов вот тебе моя рука; я сам заявляю, что мы с тобой равны, совершенно равны, — и он улыбнулся всем самодовольной улыбкой бога, который совершил благородный и прекрасный поступок и отлично понимает это.

Король принял протянутую руку с плохо скрытым неудовольствием и сейчас же отбросил ее, как дама отбрасывает скользкую рыбу; все это произвело отличное впечатление, ибо ошибочно было принято за естественное смущение человека, ослепленного блеском величия.

Угольница вынесла стол и поставила его под деревом. Это, видимо, изумило гостей, так как стол был новый и хорошо сделанный. Но изумление еще возросло, когда госпожа Филлис, стараясь принять самый равнодушный вид, но с сияющими тщеславием глазами, не спеша развернула ослепительно белую скатерть и покрыла ею стол. Скатерти не было даже у кузнеца, при всем великолепии его дома, и видно было, что он сильно задет. Зато Марко чувствовал себя, как в раю; и это тоже было заметно. Филлис вынесла два прекрасных новых стула и — о! — это произвело сенсацию; гости были потрясены. Потом она вынесла еще два, стараясь сохранить полное спокойствие. Новая сенсация, благоговейный шопот. Потом еще два; гордость так переполнила ее, что казалось, будто она движется по воздуху. Гости были потрясены, и каменщик пробормотал:

— Перед такой роскошью невольно благоговеешь.

Как только госпожа Филлис повернулась, чтобы идти обратно в дом, Марко, чувствуя, что надо ковать железо, пока горячо, сказал ей, стараясь говорить спокойно и сдержанно, хотя это не очень ему удавалось:

— Достаточно, остальные приносить не надо.

Остальные! Значит, это еще не все. Эффект был необычайный. Я и сам не мог бы добиться лучшего.

Затем пошли сюрпризы за сюрпризами, подогревшие общее изумление до ста пятидесяти градусов в тени, но парализовавшие внешние его проявления, которые свелись к охам и ахам и безмолвному возведению к небу рук и очей. Она принесла посуду, совершенно новенькую; новые деревянные чашки и прочие столовые принадлежности; пиво, рыбу, цыплят, гуся, яйца, жареную говядину, жареную баранину, ветчину, маленького зажаренного поросенка и грудку белого пшеничного хлеба. Никто из них за всю свою жизнь не видал подобного великолепия. И пока они сидели, отупевшие от изумления, я как бы случайно взмахнул рукой, и передо мной, как из-под земли, возник сын лавочника и заявил, что он пришел за деньгами.

— Хорошо, — сказал я равнодушно. — Сколько там всего? Подведи итог.

Он стал вслух читать счет, и потрясенные гости слушали, и волны удовлетворения заливали мою душу, и волны то ужаса, то восторга заливали душу Марко:

2 фунта соли	200	миллей
8 дюжин пинт пива в деревянном бочонке . .	800	"
3 бушеля пшеницы	2,700	"
2 фунта рыбы	100	"
3 курицы	400	"
1 гусь	400	"
3 дюжины яиц	150	"
1 кусок жареной говядины	450	"
1 кусок жареной баранины	400	"
1 окорок ветчины	800	"
1 молочный поросенок	500	"
2 обеденных сервиза	6,000	"
2 смены мужской одежды и белья	2,800	"
1 юбка и 1 кофта шерстяная и женское белье .	1,600	"
8 деревянных чашек	800	"
Разная столовая утварь	10,000	"
1 стол	3,000	"
8 стульев	4,000	"
2 кошелька-пистолета, заряженных	3,000	"

Он умолк. Наступила зловещая тишина. Никто не смел шевельнуться. Никто не смелдохнуть.

— Это все? — спросил я, и голос мой был совершенно спокоен.

— Все, прекрасный сэр, только некоторые мелочи я отнес в графу «разная утварь». Если угодно, я могу их выде. . .

— Это лишнее, — сказал я, сопровождая свои слова жестом полного безразличия. — Скажи общий итог, пожалуйста.

Приказчик прислонился к дереву, чтобы удержаться на ногах, и сказал:

— Тридцать девять тысяч сто пятьдесят мильрейсов*!

Колесник свалился со стула, остальные ухватились за стол, чтобы не упасть, и хором воскликнули:

— Господи, не покинь нас в день бедствия!

Приказчик поспешил сказать:

— Отец поручил мне передать вам, что совесть не позволяет ему требовать, чтобы вы уплатили все сразу, и он только просит вас. . .

Никто из них за всю свою жизнь не видал подобного великолепия.

Я обратил на его слова так мало внимания, словно это был ветер, с видом полнейшего равнодушия достал деньги и кинул на стол четыре доллара. Надо было видеть, как все уставились на эти монеты!

Приказчик был изумлен и очарован. Он попросил меня оставить в залог один доллар, пока он сходит в город за...

Я перебил:

— За девятью центами сдачи?! Вздор. Сдачу возьми себе.

Это вызвало изумленный шопот:

— Он набит деньгами! Он швыряет деньги, словно грязь.

Кузнец был уничтожен.

Приказчик схватил деньги и убежал, пьяный от счастья. Я сказал Марко и его жене:

— Добрые люди, вот вам небольшой подарок, — и протянул им кошельки-пистолеты с таким видом, будто это сущий пустяк, хотя в каждом из них, как в копилке, находилось по пятнадцати центов, — и пока эти бедняки рассыпались в благодарности, я повернулся к остальным и сказал так спокойно, словно спрашивал, который час:

— Что ж, если вы готовы, обед, я думаю, тоже готов. Приступим.

Все это получилось действительно великолепно. Никогда еще не удавалось мне произвести больший эффект, выгоднее использовать имевшиеся под рукой материалы. Кузнец, тот был просто уничтожен. Не хотел бы я быть на месте этого человека! А он-то хвастал, что дважды в год объедается мясом, и ест свежую рыбу два раза в месяц, и каждое воскресенье ест солонину, имея семью из трех человек. Все это обходилось ему в год не дороже 69.26 (шестидесяти девяти центов, двух миллей и шести мильрейсов). И вдруг является человек, который швыряет на стол четыре доллара зараз, да еще с таким видом, будто ему скучно возиться со столь мелкими суммами. Да, Даули увял, съежился, свернулся, словно пузырь, на который наступила корова.

Глава XXXIII

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ ШЕСТОГО ВЕКА

Однако я взялся за него всерьез, и не прошла еще и первая треть обеда, как он снова был счастлив. Осчастливить его было не трудно — в стране рангов и каст. Видите ли, в стране, где есть ранги и касты, человек никогда не бывает вполне человеком, он всегда только часть человека. Стоит вам доказать ему, что вы выше его — чином, рангом, богатством, — и все кончено, он поникает перед вами. После этого вы не можете его даже оскорбить. Нет, я не то хотел сказать; конечно, оскорбить его вы можете, но с большим трудом, и если у вас мало свободного времени, лучше и не пытайтесь. Уважение кузнеца я уже приобрел, потому что он считал

меня человеком необычайного богатства; если бы я, к тому же, мог похвастать каким-нибудь завалящим дворянством, он боготворил бы меня. И не только он, но и любой простолудин, даже если бы по уму, достоинству и характеру он был бы величайшим человеком всех времен, а я полнейшим ничтожеством. Так это было, и так это останется, пока будет существовать Англия. Обладая даром пророчества, я прозревал грядущее и видел, как она воздвигает статуи и памятники своим ничтожнейшим Георгам и прочим ослиам королевской и дворянской крови и хоронит без почестей первых — после бога — творцов этого мира — Гутенберга, Уатта, Аркрайта, Уитни, Морзе, Стефенсона, Белля*.

Между тем король как следует нагрузился и, так как разговор шел не о битвах, победах и поединках, на него напала сонливость, и он ушел всхрапнуть. Миссис Марко убрала со стола, поставила возле нас бочонок с пивом и ушла, чтобы где-нибудь в уединении пообедать тем, что осталось после нас, а мы заговорили о том, что ближе всего сердцам людей нашего склада — о делах и заработках, конечно. Разговаривали только Даули и я, остальные жадно слушали. Даули, разгорячась и чувствуя преимущество на своей стороне, стал задавать мне вопросы, которые по его мнению должны были меня сокрушить и на которые, действительно, не легко было ответить:

— А какое жалованье, брат, получает в твоей стране управляющий, дворецкий, конюх, пастух, свинопас?

— Двадцать пять милрейсов в день; иначе говоря, четверть цента.

Лицо кузнеца засияло от удовольствия. Он сказал:

— У нас они получают вдвое! А сколько зарабатывают ремесленники — плотник, каменщик, маляр, кузнец, колесник?

— В среднем пятьдесят милрейсов; полцента в день.

— Хо-хо! У нас они зарабатывают сто! У нас хороший ремесленник всегда может заработать цент в день! Я не говорю о портных, но остальные всегда могут заработать цент в день, а в хорошие времена и больше — до ста десяти и даже до ста пятнадцати милрейсов в день. Я сам в течение всей прошлой недели платил по сто пятнадцати.

Его лицо сияло, как солнце. Но я не сдался. Я только взял свой молот для забивания свай и в течение пятнадцати минут вбивал кузнеца в землю, да так, что он

весь туда ушел, даже макушка не торчала. Вот как я начал.

Я спросил:

— Сколько вы платите за фунт соли?

— Сто милрейсов.

— Мы платим сорок. Сколько вы платите за баранину и говядину в те дни, когда едите мясо?

Намек попал в цель: кузнец покраснел.

— Цена меняется, но незначительно; скажем, семьдесят пять милрейсов за фунт.

— Мы платим тридцать три. Сколько вы платите за яйца?

— Пятьдесят милрейсов за дюжину.

— Мы платим двадцать. Сколько вы платите за пиво?

— Пинта стоит восемь с половиной милрейсов.

— Мы платим четыре; двадцать пять бутылок на цент.

Сколько вы платите за пшеницу?

— Бушель стоит девятьсот милрейсов.

— Мы платим четыреста. Сколько у вас стоит мужская одежда из сермяги?

— Тринадцать центов.

— А у нас шесть. А платье для жены рабочего или ремесленника?

— Мы платим восемь и четыре милля.

— Вот обрати внимание на разницу: вы платите за него восемь центов и четыре милля, а мы всего четыре цента.

Я решил, что пора нанести удар. Я оказал:

— Теперь погляди, дорогой друг, чего стоят ваши большие заработки, которыми ты хвастался минуту назад. — И я со спокойным удовлетворением обвел всех глазами, сознавая, что связал противника по рукам и ногам, да так, что он этого даже не заметил. — Вот что стало с вашими прославленными высокими заработками. Теперь ты видишь, что все они дутые.

Не знаю, поверите ли вы мне, но он только удивился, не больше! Он ничего не понял, не заметил, что ему расставили ловушку, что он сидит в западне. Я готов был убить его, так я рассердился. Глядя на меня затуманенным взором и тяжело зорочая мозгами, он возражал мне:

— Ничего я не вижу. Ведь доказано, что наши заработки вдвое выше ваших. Как же ты можешь утверждать, что они дутые, если я правильно произношу это диковинное слово, которое господь привел меня услышать в первый раз?

Итак, я потерпел поражение. Незаслуженное поражение, но все же поражение. И подумать — при каких обстоятельствах! Крупнейший государственный деятель своего века, способнейший человек, самый образованный человек во всем мире, самая умная некоронованная голова за много столетий — побит в споре с невежественным деревенским кузнецом. Я заметил, что всем стало жалко меня, и так вспыхнул, что почувствовал, как усы мои за пахли паленым. Поставьте себя на мое место; вообразите весь тот стыд, который испытывал я; и скажите, — разве вы на моем месте не нанесли бы противнику недозволенный удар ниже пояса? Конечно, нанесли бы; уж такова человеческая природа. И я нанес. Я не пытаюсь оправдываться; я только говорю, что я был взбешен и что всякий поступил бы так на моем месте.

Когда я решаю нанести удар, я вовсе не собираюсь ограничиться ласковым щелчком; нет, я не таков; уж если я бью, я бью на совесть. И я не наскакиваю вдруг, рискуя сорваться на полдороге, нет, я отхожу в сторону и осторожно веду подготовку, так что противнику моему никогда и в голову не придет, что я собираюсь ударить его; потом — мгновение, и он уже лежит на обеих лопатках, сам не зная, как это с ним случилось. Так поступил я с братом Даули. Я заговорил лениво и непринужденно, как будто только для того, чтобы провести время, и величайший мудрец вселенной не догадался бы, к чему я клоню:

— Сколько забавного, ребята, можно найти в законах и обычаях; да и в развитии человеческих взглядов тоже немало забавного. Существуют писанные законы — их в конце концов упраздняют; существуют неписанные законы — они вечны. Возьмите, например, неписанный закон о заработной плате; он гласит, что заработная плата с каждым столетием повышается, постепенно, но непрерывно. И заметьте, как правильно действует этот закон. Мы знаем, сколько платят за труд в разных местах и выводим среднюю заработную плату на нынешний год. Мы знаем, сколько платили за труд сто лет назад и сколько платили двести лет назад; дальше, в прошлое мы заглянуть не можем, но и этого достаточно, чтобы установить закон постепенного роста оплаты труда; и, на основании этого закона, даже не имея под руками документов, можем приблизительно определить, сколько платили за труд триста, четыреста и пятьсот лет назад. Хорошо. И это все? Нет. Мы больше не станем глядеть в прошлое; вооруженные

этим законом, мы попытаемся глядеть в будущее. Друзья мои, я могу сказать вам, какова будет заработная плата в будущем, через сотни и сотни лет.

— Что ты говоришь, добрый человек!

— За ближайшие семьсот лет заработки возрастут в шесть раз, и батрак на ферме будет получать по три цента в день, а ремесленник — по шесть.

— Хотел бы я умереть теперь и жить тогда! — перебил меня Смуг, колесник, жадно блестя глазами.

— И притом не на своих, а на хозяйских харчах, — впрочем, на хозяйских харчах, как известно, не разжиреешь. А еще два с половиною века спустя — прошу внимания, — ремесленник будет зарабатывать, — помните, это точный закон, а не выдумка, — ремесленник будет зарабатывать двадцать центов в день!

Раздался общий вздох изумления. Диккон, каменщик, пробормотал, воздев к небу глаза и руки:

— Трехнедельный заработок за один рабочий день!

— Богачи, ей-богу, богачи! — повторял Марко, задыхаясь от возбуждения.

— Зарботки будут все расти, мало-помалу, мало-помалу, как растет дерево, и еще через триста сорок лет на свете будет по крайней мере одна страна, в которой заработок ремесленника достигнет двухсот центов в день.

Они онемели! Они не дышали в течение целых двух минут. Наконец угольщик сказал:

— Вот бы дожить до этого времени!

— Это доход графа, — сказал Смуг.

— Ты говоришь, графа? — сказал Даули. — Ты мог бы сказать — герцога, и не соврал бы. Во всем королевстве Багдамагуса нет ни одного графа с таким доходом. Доход графа! Нет, это доход ангела!

— Да, вот как поднимется заработная плата. В те отдаленные времена человек в состоянии будет купить на заработок одной недели столько добра, сколько вам не купить и за пятьдесят недель работы. Будет немало и других удивительных вещей. Брат Даули, кто у вас устанавливает каждую весну, сколько полагается платить ремесленнику, батраку или слуге, на весь текущий год?

— Иногда суды, иногда совет города, но чаще всего магистрат. В общем, можно сказать, что размеры заработной платы устанавливает магистрат.

— И не просит никого из бедняков рабочих помочь ему определить эти размеры?

— Что за вздорная мысль! Разве ты не понимаешь, что тут заинтересован только хозяин, только человек, который платит деньги.

— Я думаю, что тот, кому платят, тоже немного заинтересован; и даже его жена, и даже его несчастные дети. Хозяева люди знатные, богатые, процветающие. Меньшинство, не работая, определяет, сколько платить большинству, которое работает за всех. Потому что богачи объединились, организовали, так сказать, профессиональный союз чтобы принудить своих меньших братьев получать столько сколько им сочли нужным дать. А через тринадцать веков — так гласит неписанный закон — объединятся сами труженики, и богачи станут скрежетать зубами, возмущаясь тиранней профессиональных союзов! Да, правда, вплоть до девятнадцатого века магистрат будет преспокойно устанавливать цены на труд, но затем трудящийся скажет, что с него довольно тех двух тысячелетий, во время которых этот вопрос решался столь односторонне; и возмутится, и начнет сам устанавливать размеры своего заработка. Да, большой счет предъявит он за все те издевательства и унижения, которых он натерпелся.

— Ты думаешь...

— Что он будет участвовать в определении размеров своего собственного заработка? Конечно. К тому времени он будет и силен и умен.

— Хорошие времена, нечего сказать, — фыркнул богач-кузнец.

— И еще одна подробность. В те времена хозяин будет иметь возможность нанимать рабочих и на неделю, и на месяц, и даже на один день, если это ему удобнее.

— Что?

— Правда. Мало того, магистрат уже не будет иметь права заставить человека работать на одного и того же хозяина целый год подряд, хочет он того или не хочет.

— Разве в те времена не будет ни законов, ни здравого смысла?

— И законы и здравый смысл, Даули. В те времена человек будет принадлежать самому себе, а не магистрату и хозяину. И, если заработок покажется ему мал, он может покинуть город и идти в другой, и никто не выставит его за это у позорного столба.

— Проклятие такому веку! — крикнул Даули в сильнейшем негодовании. — Собачий век, ни почтения к старшим, ни уважения к властям! Позорный столб...

Что происходит, когда какого-нибудь бедняка привязывают к позорному столбу.

— Погоди, брат, не защищай позорный столб. Я считаю, что позорный столб должен быть отменен.

— Вот странная мысль. Почему?

— Хорошо, я скажу тебе, почему. Могут ли человека привязать к позорному столбу за крупное преступление?

— Нет.

— А справедливо ли приговорить человека за незначительное преступление к незначительному наказанию и затем убить его?

Никто не ответил. Это была моя первая победа. Впервые кузнец стал втупик и не мог мне ответить. Все это заметили. Хорошее впечатление.

— Ты молчишь, брат? Ты только что собирался прославить позорный столб и пожалеть грядущие века, когда его не будет. Я считаю, что позорный столб должен быть отменен. Что обычно происходит, когда какого-нибудь бед-

няка привязывают к позорному столбу за какой-нибудь пустяк? Толпа потешается над ним, не так ли?

— Да.

— Толпа начинает с того, что швыряет в него комьями земли и хохочет, когда он, стараясь увернуться от одного кома, попадает под удар другого.

— Да.

— А разве в него не швыряют дохлыми кошками?

— Швыряют.

— А теперь предположим, что в толпе находится несколько его личных врагов, обиженных им и затаивших обиду, предположим, что он нелюбим своими соседями за гордость, или за богатство, или еще за что-нибудь, — разве вместо кошек и комьев земли в него не посыпятся внезапно камни и кирпичи?

— Несомненно.

— Обычно дело кончается тем, что его искалечат на всю жизнь, не так ли? Переломят челюсть, выбьют зубы, или перешибут погу так, что она потом загноится и ее придется отрезать, или выбьют глаз, а то и оба глаза.

— Видит бог, что правда.

— А если его не любят, может случиться, что его и убьют.

— Может случиться. Никто не станет это отрицать.

— Я уверен, что вас всех любят, что никто из вас не нажил себе врагов ни гордостью, ни кичливостью, ни богатством, ничем иным, и не вызвал зависти и ненависти у подонков своей деревни. Вы, по-вашему, ничем не рисковали бы, если бы вам пришлось стать у позорного столба?

Даули замигал глазами. Я видел, что он побежден. Но на словах он ничем себя не выдал. Зато другие откровенно и убежденно заявили, что они достаточно насмотрелись на позорные столбы и ни за что не пошли бы на такой ужас, — лучше уж скорая смерть через повешенье.

— Пора переменить тему, ибо, по-моему, я ясно доказал, что позорные столбы должны быть отменены. Многие наши законы несправедливы. Например, если я совершил проступок, за который меня должны привязать к позорному столбу, а ты, зная об этом, не донес на меня, тебя самого привяжут к позорному столбу, если кто-нибудь на тебя донесет.

— И по заслугам, — сказал Даули, — ибо ты должен был донести. Так гласит закон.

Остальные поддержали его.

— Хорошо, пусть так, раз вы все против меня. Но кое-

что все-таки несправедливо бесспорно. Предположим, магистрат установил, что заработок ремесленника равен одному центу в день. Закон гласит, что если хозяин, хотя бы на один день, хотя бы под давлением деловой необходимости, повысит заработок своего рабочего, он сам должен быть выставлен у позорного столба. Вот это кажется мне несправедливым. Даули, и очень опасным для всех нас, потому что ты сам недавно признался, что в течение целой недели платил по центу и пятнадцати миль...

Вот это был удар! Я сразу сокрушил их всех. Только что самодовольно улыбавшийся Даули был смят, повержен и убит этим неожиданным ударом.

Эффект получился великолепный. Никогда еще мне не случалось за такой короткий срок добиться столь великолепного эффекта.

Но через мгновение я увидел, что немного пересоллил. Я собирался нанести им удар, но не собирался убивать их. А они были близки к смерти. Они хорошо знали, что такое позорный столб, и теперь, когда он заглянул им в лицо, когда они почувствовали себя отданными целиком на милость чужого, едва знакомого человека, которому стоит только донести на них, чтобы их постигла эта кара, они были еле живы от страха. Они побледнели, тряслись, онемели, были достойны жалости; они мало чем отличались от покойников. Все это вышло очень неприятно. Конечно, я полагал, что они будут просить меня держать язык за зубами, и мы пожмем руки, и выпьем, и посмеемся, и этим все кончится. Но нет; я был чужой человек, а они прожили всю жизнь под жестоким гнетом и приучились никому не доверять, видя, что люди не упускают случая воспользоваться их беспомощностью, они не ждали ни справедливости, ни доброты даже от родных и близких. Просить меня быть добрым, быть справедливым, быть великодушным? Конечно, им очень этого хотелось бы, но они не решались.

Глава XXXIV

ЯНКИ И КОРОЛЬ ПРОДАНЫ В РАБСТВО

Что же теперь делать? Только не спешить. Нужно изобрести какой-нибудь обходный маневр, чтобы дать себе время подумать, а этим беднякам прийти в себя. Напротив меня сидел Марко, окаменевший в то мгновение, когда он

пытался привести в действие свой кошелек-пистолет, и до сих пор бессознательно сжимавший в руке эту игрушку. Я взял ее у него и предложил раскрыть ему ее тайну. Тайна! Какая может быть тайна в таком пустяке? Однако в тот век и в той стране даже здесь была тайна.

Удивительный народ, совершенно не умеющий обращаться с механизмами; да у них и не было никаких механизмов. Кошелек-пистолет представлял собой небольшую стеклянную трубку с пружинкой, при нажиме на которую происходил выстрел. Этот выстрел был совершенно безвреден, так как дробинка падала к вам же в руку. Дробинки были разной величины — одни с горчичное зерно, другие значительно больше. Они заменяли монеты. Дробинки величиной с горчичное зерно заменяли милрейсы, а те, что побольше, — милли. Пистолет служил кошельком; и очень удобным кошельком, с его помощью вы могли расплачиваться в темноте, не боясь ошибиться; вы могли носить его во рту, или в жилетном кармане, если у вас был жилетный карман. Я изготовил их разных размеров; крупнейший вмещал в себя дробинки на целый доллар — замена монет дробью была очень выгодна для правительства; металл не стоил ничего, а подделки нечего было опасаться, так как я был единственный человек в королевстве, умевший отливать дробь. Выражение «настрелять денег» скоро пошло в ход и сохранилось даже до девятнадцатого века, хотя никто не подозревает откуда оно взялось.

К этому времени к нам присоединился и король. Сон освежил его, и он чувствовал себя отлично. Теперь меня легко было взволновать, я нервничал, так как чувствовал, что обе наши жизни в опасности; и, подозрительно вглядываясь в глаза короля, я заметил, что он чем-то заряжен и собирается выкинуть какую-то штуку. Проклятие, неужели он не мог выбрать более подходящего времени?

Я не ошибся. Он сразу же, с неумелой хитростью, заговорил о сельском хозяйстве. Я весь покрылся холодным потом. Мне хотелось шепнуть ему на ухо: «Послушай, мы в ужасной опасности! Каждая минута дорога, пока мы не вернем себе доверия этих людей; не трать драгоценного времени». Но шепнуть ему было невозможно, гости решили бы, что мы сговариваемся. Оставалось сидеть и приятно улыбаться, глядя, как король, сидя на динамитной mine, рассуждает о проклятом луке. Вначале от сознания опасности у меня в голове был такой беспорядок, что я не

мог даже вникнуть в смысл его слов; но когда в голове моей начал складываться план военных действий, до меня, словно издавека, стали доноситься залпы королевских батарей:

— ... по-моему, это не лучший способ, хотя мнения зна-токов тут расходятся и некоторые утверждают, что лук — вредная для здоровья ягода, если его снимать с дерева незрелым*...

Слушатели начали обнаруживать признаки жизни и переглядываться с удивлением и тревогой в глазах.

— ... в то время, как другие говорят, и не без основания, что это не так важно, ибо сливы и другие злаки выкапывают из земли в незрелом виде...

Слушатели были в смятении; да, в смятении и страхе.

— ... тем не менее они вполне съедобны, особенно если смягчить их природную терпкость, прибавив к ним успокоительного сока капусты...

Глаза наших гостей были полны дикого ужаса и один из них пробормотал:

— Что он говорит! Господь замутил разум этого фермера!

Я предчувствовал беду и сидел, как на гвоздях.

— ... далее, если принять во внимание всем известную истину, что молодые животные, так сказать, свежие почки животного мира, всего вкусней, и что когда козел созреет, его мех становится слишком жарким и портит мясо, каковой недостаток, в соединении с гнусным нравом и богопротивным поведением этого зверя...

Они повскакали с мест. С яростным криком: «Один предатель, а другой сумасшедший! Убьем их! Убьем их!» они кинулись на нас. Какой восторг вспыхнул в глазах короля! Он ничего не смыслил в сельском хозяйстве, но драться он умел. Он долго постился и теперь жаждал битвы. Ударом в челюсть он сбил кузнеца с ног и повалил на спину. «Святой Георгий, помоги Британии!» — и он сбил с ног колесника. Каменщик был грузен, но я опрокинул его без труда. Все трое тотчас же вскочили на ноги и снова кинулись на нас; мы снова их повалили; они снова вскочили. И продолжали падать и вскакивать с чисто британским упорством и мужеством, пока мы не превратили их в котлеты; они шатались от усталости; ослепленные гневом, они перестали отличать друзей от врагов и колотили друг друга. Они колотили друг друга, а мы отошли в сторону и смотрели, как они катаются по земле, и рвут волосы, и ку-

Каменщик был грузен, но я опрокинул его без труда.

саются, словно бульдоги. Мы смотрели на них спокойно, так как они не в силах уже были сбегать за помощью, а место битвы было так удалено от дороги, что случайные прохожие не могли нас увидеть.

Забавляясь этим зрелищем, я случайно заметил, что Марко нет среди нас. Я оглянулся; его нигде не было видно. О, дело плохо! Я дернул короля за рукав, мы незаметно ускользнули и вбежали в хижину. Там никого, — ни Марко, ни Филлис! Они, несомненно, побежали к дороге звать на помощь. Я сказал королю, что нам нужно удирать, а причину я объясню потом. Мы успели перебежать через открытое поле и нырнули в лес; только тогда я обернулся и увидел толпу разъяренных крестьян с Марко и его женой во главе. Они ужасно орали, но мы их не боялись; лес был дремучий, мы влезем на дерево, а там пускай они ищут нас, где хотят. Но тут мы услышали новый

звук. Собаки! это совсем другое дело! Задача наша стала сложнее — нужно найти проточную воду.

Мы побежали, и звуки стали удаляться и превратились в глухой шум. Мы добежали до ручья и прыгнули в воду. В воде мы прошли вниз по течению ярдов с триста. Нам загородил дорогу дуб, толстый сук которого висел над самой водой. Мы вскарабкались на этот сук и поползли по нему к стволу; звуки погони опять стали громче; значит, толпа напала на наш след. Некоторое время звуки приближались очень быстро. Потом они перестали приближаться. Без сомнения, собаки нашли то место, где мы вошли в ручей, и теперь мечутся по берегу, разыскивая наш след.

Когда мы прочно уселись на дереве, скрытые листвою, король вполне успокоился, но я не совсем. Мне показалось, что мы могли бы перелезть по одной из веток на другое дерево, и я решил, что нужно попробовать. Мы попробовали, и с успехом, хотя король поскользнулся и чуть не упал. Мы удобно расселись, хорошо скрытые в листве, и теперь нам оставалось только прислушиваться к погоне за нами.

Внезапно она стала приближаться, и приближаться стремительно и сразу по обоим берегам ручья. Громче, громче — и с ревом, гиком, лаем, топотом она пронеслась мимо, как циклон.

— Я боялся, что сук, висящий над водой, заставит их догадаться, — сказал я, — и очень рад, что ошибся. Идем, повелитель, не будем терять времени. Мы сбили их с толку. Скоро стемнеет. Если мы еще раз перейдем через ручей и на каком-нибудь пастбище возьмем взаймы пару коней на несколько часов, мы будем в безопасности.

Мы начали спускаться и добрались уже до нижнего сука, как вдруг нам показалось, что шум погони возвращается. Мы замерли, прислушиваясь.

— Да, — сказал я, — они ничего не нашли, им надоело, и они возвращаются домой. Влезем снова на наш намест и дадим им пройти мимо.

Мы опять полезли вверх. Король прислушался и сказал:

— Они все еще ищут. Нам лучше остаться здесь.

Он был прав. Он больше смыслил в охоте, чем я. Шум приближался постепенно, не быстро. Король сказал:

— Они сообразили, что мы где-то вблизи, так как мы движемся пешком и не можем уйти далеко от воды.

— Да, государь, боюсь, ты прав, хотя я надеялся на лучшее.

Шум все приближался, и скоро авангард опять прошел мимо нас, по обоим берегам ручья. Чей-то голос крикнул с другого берега:

— Они люди умные и могли влезть на дерево вот по этой ветке, не коснувшись земли. Хорошо бы послать туда человека.

— Чорт возьми, так мы и сделаем!

Я порадовался своей предусмотрительности. Мы хорошо сделали, перебравшись на соседнее дерево. Но разве вы не знаете, обо что разбивается любая предусмотрительность? О человеческую тупость. Первый фехтовальщик в мире может не бояться второго фехтовальщика в мире; он должен бояться невежды, который никогда не держал шпаги в руках; невежда сделает как раз не то, что следует сделать, невежда сделает как раз то, чего не следует делать; и опытный фехтовальщик будет побежден. Ну, могли я, при всех моих дарованиях, предвидеть, что этот близорукий, косой, глупый шут ошибется и полезет не на то дерево, на которое его послали? А он именно так и сделал. И дерево, выбранное им по ошибке, оказалось именно тем, на которое нужно было лезть, и он полез.

Положение было серьезное. Мы не шевелились и ждали, что будет дальше. Мужик с трудом карабкался все выше. Король привстал; он нацелился ногой и, как только голова пришельца приблизилась настолько, что до нее можно было достать, раздался глухой стук, и мужик упал на землю. Гневный вопль донесся снизу, толпа сбилась в кучу вокруг дерева. Мы стали пленниками. К нам полез другой человек; ветка, служившая нам мостиком, была обнаружена, и какой-то доброволец полез на дуб, чтобы по ней добраться до нас. Король приказал мне охранять мост, подобно Горацию*. Враги появлялись то с одной стороны, то с другой; но на головы их поочередно обрушивались удары, и они скатывались на землю. Король воспрянул духом, и радость его была безгранична. Он уверял, что мы проведем превосходную ночь, потому что, придерживаясь подобной тактики, мы можем отстоять наше дерево от всей округи.

Нападающие и сами поняли это; они прекратили штурм и принялись обсуждать другие планы. Оружия у них не было, но камней сколько угодно, а камни могли пригодиться. Пожалуйста, мы не возражали. Один какой-ни-

Мы прочно уселись на дереве, скрытые листвою.

будь камень долетит до нас, но и это мало вероятно. Мы были хорошо защищены ветвями и листьями и невидимы снизу. Если они потратят на метание камней полчаса, к нам на помощь придет темнота. Мы были довольны. Мы могли улыбаться; даже хохотать.

Но мы не хохотали, и хорошо сделали, потому что хохотать нам пришлось бы недолго. Не прошло и четверти часа после начала бомбардировки, как мы ощутили какой-то странный запах. Достаточно было раза два втянуть в себя воздух, чтобы убедиться, что это запах дыма. Наша игра была проиграна! Мы этого не отрицали. Когда приглашение подкрепляется доброй порцией дыма, нужно идти. Осаждающие навалили вокруг дерева груды сухого хвороста и, увидев, что густое облако дыма окутало ствол и поползло вверх, огласили воздух радостными кликами. Задышавшись, я сказал:

— Вперед, повелитель; подданные всегда идут позади. Король проговорил:

— Следуй за мной вниз. Ты прислонишься к стволу с одной стороны, а я с другой. И примем бой. Пусть каждый из нас навалит груды тел, как хочет и как умеет.

Он спускался, бранясь и кашляя, я за ним. Я коснулся земли мгновением позже, чем он. Мы заняли заранее намеченные места и принялись отражать и наносить удары. Натиск на нас был бешеный, подобный урагану. Внезапно несколько всадников ворвалось в толпу, и чей-то голос прогремел:

— Остановитесь, или все вы будете убиты!

Как сладостны были эти слова! Говоривший обладал всеми несомненными признаками дворянина: пышной и дорогой одеждой, властным суровым лицом, черты которого носили следы распутной жизни. Толпа униженно отхлынула, как собачья стая. Дворянин осмотрел нас критически, затем резким голосом спросил крестьян:

— Что вы делали с этими людьми?

— Они сумасшедшие, благородный сэр, они пришли неизвестно откуда и...

— Неизвестно откуда? Вы притворяетесь, что вы их не знаете?

— Благороднейший сэр, мы говорим правду. Они не здешние, и никто их здесь не знает; это самые свирепые и кровожадные сумасшедшие, которых когда-либо...

— Тише! Ты сам не понимаешь, что ты говоришь. Они вовсе не сумасшедшие. Кто вы? Откуда вы? Объясните.

— Мы мирные странники, сэр, — сказал я, — и путешествуем по своим делам. Мы из далекой страны и никому тут неизвестны. Мы не сделали ничего плохого; однако, если бы не твое отважное вмешательство и покровительство, эти люди убили бы нас. Ты прав, сэр, мы не сумасшедшие; мы не свирепы и не кровожадны.

Дворянин обернулся к своей челяди и сказал спокойно:

— Загоните этих псов в их конуры.

Толпа рассеялась мгновенно; за ней погнались всадники, хлеща бичами и давя копытами тех, которые бежали по дороге, не догадываясь свернуть в кусты. Крики замерли в отдалении, и всадники вскоре стали возвращаться. Тем временем дворянин продолжал допрашивать нас, но ничего не добился. Мы благодарили его за услугу, но продолжали повторять, что мы чужестранцы и друзей здесь не имеем. Когда свита вернулась, дворянин сказал одному из своих слуг:

— Приведи вьючных лошадей и посади на них этих людей.

— Слушаю, мой лорд.

Нас поместили в конце каравана, между слугами. Мы двигались быстро и вскоре после того, как стемнело, остановились на постоялом дворе у большой дороги, милях в десяти-двенадцати от места, где нас постигло столько неприятностей. Милорд немедленно удалился в отведенную ему комнату, заказав себе ужин, и мы больше его не видели. На рассвете мы позавтракали и приготовились ехать дальше.

Камердинер милорда подошел к нам с непринужденным изысцеством и сказал:

— Вы говорили, что путь ваш лежит в ту же сторону, что и наш; поэтому господин мой граф Грин приказал нам предоставить вам этих коней и проводить вас до ближайшего города, который лежит отсюда в двадцати милях и называется Камбенетом, где вы будете в безопасности.

Нам оставалось только выразить свою благодарность и принять предложение. Мы поехали вшестером неторопливой неутомительной рысью и по дороге из разговора с нашими спутниками узнали, что милорд Грин очень важный вельможа в своем краю и что владения его лежат на расстоянии дня пути от Камбенета. Мы двигались так лениво, что было уже позднее утро, когда мы въехали на рыночную площадь города. Мы слезли с коней, приказав еще раз поблагодарить милорда, и приблизились к толпе, соб-

равшейся посреди площади, посмотреть, что вызвало ее любопытство. Оказывается, это были остатки того каравана невольников, который мы встретили несколько дней назад!.. Значит, все это время они волокли свои цепи по пыльным дорогам. Несчастливого мужа не было уже между ними, как и многих других; зато прибавилось несколько новых лиц. Король был равнодушен к этому зрелищу и хотел уйти, но я был глубоко им взволнован и полон жалости. Я не мог глаз оторвать от этих убогих человеческих обломков. Они сидели кучками на земле, безмолвные, не жалуясь, с опущенными головами, бесконечно трогательные в своем унижении. И, как бы нарочно для контраста, в тридцати шагах, перед другой кучкой, напыщенный оратор произносил речь, превознося «наши великие британские вольности!»

Я вскипел. Я забыл, что я плебей, я помнил только, что я человек. Пусть будет что будет, но я влезу на эту трибуну и... Щелк! нас с королем сковали вместе наручниками! Это сделали наши спутники, слуги графа; милорд Грин стоял тут же и смотрел на нас. Король пришел в бешенство и сказал:

— Что означает эта шутка дурного тона?

Милорд холодно произнес, обращаясь к своему главному камердинеру:

— Выставь этих рабов и продай их!

Рабов! В этом слове на этот раз был особый привкус, и какой страшный! Король поднял свои скованные руки и с бешеной силой занес их над головой милорда; но милорд успел увернуться от удара. Дюжина мерзавцев-слуг кинулась на нас, и через мгновение мы были уже беспомощны, со скрученными позади руками. Но мы так громко и горячо заявляли, что мы свободные люди, что привлекли к себе внимание свободолюбивого оратора и его патриотических слушателей, и они обступили нас. Оратор сказал:

— Если вы действительно свободные люди, вам нечего бояться. Богом данные британские вольности послужат вам щитом и охраной. (Аплодисменты). Вы в этом сейчас убедитесь. Представьте доказательства.

— Какие доказательства?

— Доказательства, что вы свободные люди.

Ах, я вспомнил! Я пришел в себя; я не сказал ничего. Но король загремел, как буря.

— Ты не в своем уме! Пусть этот вор и подлец докажет, что мы не свободные люди.

Он знал свои законы, но знал, как обычно знает большинство: букву закона, а не закон в действии. Закон надо испытать на себе, чтобы понять его настоящее значение.

Все разочарованно покачали головами; многие отвернулись, потеряв к нам интерес. Оратор сказал, — и на этот раз деловито, а не чувствительно:

— Если вы не знаете законов своей страны, пора вам с ними познакомиться. Для нас вы люди чужие; вы не станете этого отрицать. Быть может, вы свободные люди, мы этого не отрицаем; но, быть может, вы рабы. Закон ясен: он не требует от рабовладельца доказательств, что вы рабы, он требует от вас доказательств, что вы не рабы. Я сказал:

— Дорогой сэръ, дай нам время послать в Астолат; или дай нам время послать в Долину Святости...

— Успокойся, добрый человек, ты ставишь чрезмерные требования и не можешь надеяться, что они будут выполнены. Это заняло бы слишком много времени и доставило бы слишком много хлопот вашему господину...

— Господину, идиот! — заревел король. — У меня нет господина, я сам гос...

— Молчи, ради бога!

Я во-время остановил короля. И без того достаточно бед обрушилось на нас; мало было бы проку, если бы эти люди пришли к убеждению, что мы помешанные.

О подробностях распространяться не стоит. Граф продал нас с публичного торга. Тот же самый проклятый закон существовал на нашем Юге в мое время, более тринадцати столетий спустя; и в силу этого закона сотни свободных людей, которые не имели доказательств, что они свободные люди, были проданы в рабство на всю свою жизнь, и тогда меня это не особенно волновало. Но когда я испытал на себе самом, что значит быть проданным с публичного торга, закон этот внезапно показался мне гнусным. Что поделаешь, так уж мы созданы.

Да, нас продали с публичного торга, как свиней. В большом городе и на людном рынке за нас дали бы хорошую цену; но тут было страшное захолустье, и нас купили так дешево, что мне даже стыдно вспомнить об этом. Король Англии пошел за семь долларов, а его первый министр за девять; между тем, за короля можно было дать двенадцать долларов, а за меня все пятнадцать. Но так бывает всегда; если рынок плох, какой бы хороший товар вы ни предлагали, вы очень мало на нем наживете, и я советую

вам помнить об этом. Если бы у графа хватило ума, чтобы...

Впрочем, не мне огорчаться, что он так плохо ведет свои дела. Я показал вам, что он за человек, и чорт с ним!

Работорговец купил нас обоих и приковал нас к общей цепи, так что мы оказались в хвосте процессии. В полдень мы уже выходили из города, и мне казалось диким и странным, что король Англии и его первый министр, скованные по рукам и ногам, шагают в караване невольников, не вызывая никакого внимания к себе среди праздных зрителей, и проходят под окнами, у которых сидят прелестные и добрые женщины, не внушая им не только сочувствия, но даже любопытства. В конце концов, это только доказывает, что в короле нет ничего божественного, что он ничем не отличается от любого бродяги, — пока вы не знаете, что он король. Но скажи вам это и, боже мой, вы, задыхаясь, побежите, чтобы взглянуть на него. Мы все дураки. Дураки от рождения.

Глава XXXV

ПЕЧАЛЬНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Мир полон превратностей. Король размышлял, и это было вполне естественно. Вы, конечно, думаете, что он размышлял о своем необычайном падении, о том, как он утратил свое высокое положение, как из всемогущего превратился в униженного, из знатного в неизвестного, о том, как был всем, а стал никем? Нет, клянусь, не это мучило его больше всего, а мучила его мысль о том, как дешево он был продан. Не думал король, что будет стоить всего только семь долларов! Узнав, какие мысли его мучат, я был так поражен, что едва поверил: мне это показалось невероятным! Но когда в голове у меня прояснилось и я снова мог правильно смотреть на вещи, я понял, что ошибся: это было вполне вероятно! И в самом деле: королем его сделали, и потому его ощущения, как короля, были не настоящими, а оделанными, словно у заводной куклы. Но человек он был настоящий, настоящими были и его человеческие ощущения, а обыкновенному, среднему человеку как-то неприятно и совестно, когда его ценят ниже, чем он сам себя оценивает, а король, конечно, насколько не был выше среднего человека.

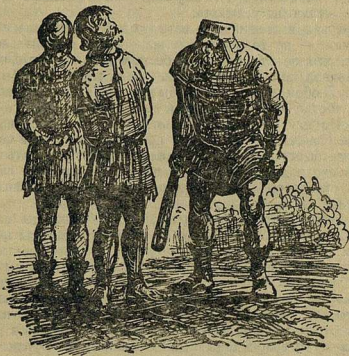
Да, нас продали с публичного торга, как свиней.

Проклятие! Он так надоел мне, доказывая, что на настоящем рынке за него дали бы никак не меньше двадцати пяти долларов, — это было полнейшей нелепицей и ерундой. Да я сам не стоил бы столько. Но у меня были основания не спорить с ним. Вопрос это щекотливый, и я дипломатически решил не возражать. И даже стал нагло и бессовестно утверждать, что именно двадцать пять долларов он и стоил бы. А сам между тем был твердо убежден, что с сотворения мира до сего дня не было короля, который стоил бы и половины этой суммы, а в последующие тринадцать веков за него не дали бы и четверти. Да, он надоел мне. О чем бы он ни говорил — о погоде, об урожае, о политике, о собаках, кошках, нравственности, богословии, — я только вздыхал, зная, что всякий разговор он неизбежно средет к этим злосчастным семи долларам. Стоило нам остановиться где-нибудь в людном месте, он бросал на меня красноречивый взгляд, ясно говоривший: здесь за меня дали бы настоящую цену. Когда его продали за семь долларов, я, признаться, вначале даже позлорадствовал. А теперь он так надоел мне своим нытьем, что я был бы счастлив, если бы за него дали сто. Но надежды на это не было, ибо нас каждый день осматривали всевозможные покупатели и большей частью так отзывались о короле:

— Этому болвану и вся цена-то два с половиной доллара, а чванливости у него на тридцать пять. Жаль, что чванство ничего не стоит!

В конце концов подобные замечания не довели до добра. Наш владелец был человек практичный и смекнул, что этот недостаток надо выбить из короля, если надеешься найти на него покупателя. И он принялся выбивать чванство из его священной особы. Я мог бы дать этому человеку дельный совет, но решил смолчать: полезешь с советами к торговцу невольниками и только повредишь делу. Сам я потратил немало труда, переделывая короля в простого крестьянина, а ведь тогда король был послушным и старательным учеником. Но силой заставить его изменить королевскую осанку было почти невозможно. Не будем говорить о подробностях, — можете сами себе их вообразить. Скажу только, что к концу недели бич, дубина и кулак сделали свое дело, и тело короля представляло из себя печальное зрелище, над которым стоило поплакать. А дух его? О, духом он и не дрогнул! Даже этот олух-работороговец вынужден был убедиться, что иной раз и раб

остаётся человеком до самой смерти и что ему можно переломить кости, но нельзя сломить дух. В конце концов работорговец увидел, что все усилия напрасны, что король одержал верх над ним, и оставил его в покое. Дело в том, что король был больше, чем просто король, — он был че-

Силой заставить его изменить королевскую осанку
было почти невозможно.

ловек, а из настоящего человека человеческие свойства не выбьешь.

С месяц нам жилось очень трудно: мы скитались по всяким местам и натерпелись всего. И кто во всей Англии больше всего интересовался вопросами рабства в это время? Его величество король. Да. Насколько раньше он был равнодушен к этому вопросу, настолько теперь этот вопрос волновал его. Никогда в жизни я не встречал большего ненавистника рабства. И я решился задать ему вопрос, который задал несколько лет тому назад и на который получил такой резкий ответ, что больше не решался

касаться его: не считает ли он нужным упразднить рабство?

Ответ его был так же резок, как и прежде, но прозвучал музыкой для меня, хотя брань была составлена довольно неуклюже и бранное слово оказалось посередине фразы, а не в конце, где ему надлежало быть. Но другого я и не желал бы услышать.

Теперь и я стал подумывать о свободе. Раньше я о ней не думал, — не то, что не думал, — нет, я желал ее, но считал, что не стоит делать бесполезных попыток, и даже отговаривал короля. Но теперь, — о, теперь все было по иному! Любой ценой готов был я заплатить за свободу. Я разработал план действий, и сам пришел от него в восторг. Но для этого надо было запастись временем и терпением. Конечно, можно было придумать не менее верный, но более быстрый способ, но нельзя было придумать более красочного и драматичного. И потому я решил не отказываться от своего плана, хотя он мог затянуть наше освобождение на месяц.

Не обходилось и без приключений. Однажды нас застигла снежная буря в миле от селения, куда мы направлялись. В одно мгновение нас словно туманом окутало, — так густ был снегопад. Не видно было ни зги, и мы вскоре заблудились. Работорговец, предвидя убытки, нещадно хлестал нас бичом, но это только ухудшало дело, так как бич его все дальше и дальше уводил нас от дороги, а тем самым от какой-либо помощи. В конце концов мы завязли в снегу и вынуждены были остановиться. Буря бушевала до полуночи, а потом стал утихать. К этому времени двое из слабейших мужчин и три женщины умерли. Остальные были чуть живы и едва могли двигаться. Наш хозяин был вне себя. Усиленно помогая себе кнутом, он заставлял нас подыматься, щипать и шлепать себя, чтобы восстановить кровообращение.

Вдруг слышались крики и вопли, и, рыдая, к нам подбежала женщина с двумя маленькими девочками. Она упала на колени, моля о защите. За ней гналась толпа с факелами, крича, что это ведьма, что она насылает падеж на коров и ей помогает сам дьявол в образе кошки. Бедная женщина была так окровавлена, так избита камнями, что почти утратила человеческий облик. И теперь ее хотели сжечь.

И как, вы думаете, поступил наш хозяин? Когда мы столпились вокруг несчастной, чтобы защитить ее, он бы-

стро смекнул, в чем дело. Он сказал, что выдаст ее только в том случае, если они тут же сожгут ее. Вы только представьте себе! И те согласились. Они привязали ее к столбу, обложили хворостом и подожгли. А она кричала и молила, прижимая к груди своих маленьких дочек. И наш жестокосердный хозяин, думающий только о выгоде, велел нам обступить костер и согреваться тем самым огнем, который унес жизнь несчастной невинной матери, покуда мы снова не ожили и не вернули себе утраченной рыночной стоимости. Вот какой у нас был хозяин!

Этот снежный буран стоил ему десяти невольников. И после этого в течение многих дней он обращался с нами еще свирепее, чем прежде, так был взбешен своей потерей.

Приключение следовало за приключением. Однажды мы наткнулись на шествие. И какое! Казалось, тут собрались подонки со всего королевства, да к тому же все эти оборванцы были вдребезги пьяны. Впереди ехала телега, на которой стоял гроб, а на нем сидела миловидная женщина лет восемнадцати, кормившая грудью ребенка. Она то и дело прижимала его к себе и вытирала с его личика слезы, капавшие из ее глаз. А глупое дитя только счастливо улыбалось, цепляясь за материнскую грудь пухлой, в ямочках ручонкой, и несчастная мать гладила и ласкала его.

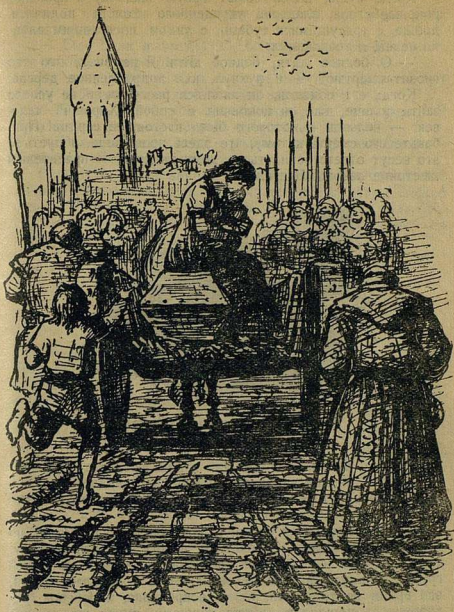
Мужчины и женщины, мальчишки и девчонки, приплясывая, с тиканьем бежали вокруг телеги, богохульствуя и сквернословя, распевая непристойные песни, — это было отвратительное зрелище, настоящий праздник демонов. Мы достигли уже стен и предместий Лондона. Наш хозяин раздобыл нам хорошее местечко возле самой виселицы. Священник уже ждал здесь, он помог женщине взобраться на помост, говоря ей всякие слова утешения, и велел помощнику шерифа достать для нее табурет. Потом сам стал на эшафот возле нее, несколько мгновений глядел на плотную толпу у своих ног, на множество обращенных к нему лиц и начал рассказывать историю несчастной. И в голосе его зазвучала жалость, — как редко звучала жалость в этой дикой, невежественной стране! Я помню малейшую подробность в его рассказе, только не помню слов его и потому расскажу своими словами.

«Закон должен быть справедливым. Это не всегда получается. Но ничего не поделаешь. Мы можем только покоряться, сокрушаться и молиться за душу тех, кого неправильно покарал закон, и желать, чтобы таких было по-

мёньше. Закон осудил на смерть это бедное юное создание, — и закон прав. Но другой закон вынудил ее либо совершить преступление, либо умереть с голода вместе со своим ребенком, — и такой закон отвечает перед богом и за ее преступление, и за ее позорную смерть!

Совсем еще недавно это юное создание, это восемнадцатилетнее дитя было счастливейшей женой и матерью в Англии. На устах ее всегда звенела песня, — песня, язык счастливых и невинных сердец! Юный супруг ее был так же счастлив, как и она. Выполняя свой долг, зарабатывая кусок хлеба, он честно трудился с утра до ночи, был опорой и защитой семьи и вносил свою лепту в благосостояние нации. Но коварный закон в одно мгновение разрушил этот священный очаг. Молодого супруга поймали, заклеямили и услали в море. Жена ничего об этом не знала. Она повсюду разыскивала его, трогая самые жестокие сердца своими мольбами, красноречиво говорившими об ее отчаянии. Тянулись недели, она разыскивала его, ждала, надеялась, но понемногу рассудок ее мешался от горя. Мало-помалу все ее небольшие сбережения были прожиты. Когда ей нечем стало платить за аренду, ее выгнали на улицу. Она просила милостыню, покуда у нее хватало сил. В конце концов у нее от голода пропало молоко, и тогда она украла кусок холста ценой в четверть цента, надеясь продать его и спасти свое дитя.

Но владелец холста поймал ее. Ее бросили в тюрьму и предали суду. Владелец под присягой подтвердил факт покражи. Ей дали защитника, и для смягчения приговора была рассказана ее грустная история. Она тоже получила слово и рассказала, как украла холст, потому что рассудок ее с горя помутился и когда голод овладел ею, она перестала понимать, хорошо или дурно поступает, сознавая только одно — что ужасно голодна. Вначале все были расстроганы и склонны проявить милосердие, видя, что она так молода и одинока, так достойна сожаления, что единственный виновник, который толкнул ее на преступление, был закон, лишивший ее опоры. Тут возразил обвинитель, сказав, что хотя все это верно и весьма достойно сожаления, но за последнее время так участились мелкие кражи, что нехстати проявленное милосердие послужило бы угрозой собственности, — боже мой, а разве британский закон не должен охранять, как самое драгоценное состояние, домашние очаги, детей и сердца людские! — и потому он вынужден требовать наказания.

Впереди ехала телега, на которой стоял гроб, а на нем сидела женщина, кормившая грудью ребенка.

Когда судья надел свою черную шапочку и произнес роковые слова, владелец украденного холста поднялся, дрожа, с трясущимися губами, с лицом, посеревшим словно пепел, и воскликнул:

— О, бедное дитя, бедное дитя! Я не знал, что это грозит смертью! — и рухнул, как подрубленное дерево.

Когда его подняли, он лишился рассудка, и не успело зайти солнце, как он покончил с собой. Хороший человек, — человек, у которого было настоящее сердце! Прибавьте его смерть к тому, что здесь произошло, и пусть за это несут ответственность те, кому следует, — правители и жестокие законы Британии.

Ребенок смеялся и дрыгал ножками.

Настало время, дитя мое. Дай я помолюсь над тобой, — не за тебя, бедное униженное и невинное сердце, а за тех, кто виновен в твоей гибели и смерти, им нужнее моя молитва».

После молитвы на ее юную шейку накинута петля, но им немало пришлось повозиться, чтобы завязать веревку, так как она все время прижимала ребенка к своей груди, к лицу, страстно целовала его и обливала слезами, все время не то рыдая, не то вскрикивая, а ребенок восторженно смеялся и дрыгал ножками, думая, что с ним играют. Даже палач не мог этого вынести и отвернулся. Когда все было готово, священник ласково, но настойчиво взял ребенка из рук матери и стал поспешно спускаться с помоста. Она всплеснула руками и с воплем бешено рванулась к нему. Но веревка и помощник шерифа крепко

держали ее. Тогда она упала на колени и, простирая руки, стала молить:

— Еще один поцелуй! .О, боже, еще один, еще один, это мольба умирающей!

Ей дали ребенка. Она чуть не задушила малютку. И когда ребенка снова отняли, она закричала:

— О, мое дитя, мое ненаглядное дитя, оно умрет! У него нет ни дома, ни друзей, ни отца, ни матери!

— Все они есть у него, — сказал добрый священник. — Я заменю ему всех, покуда жив.

Видели бы вы ее лицо в это мгновение! Благодарность? Нельзя словами описать его выражения. Словами можно описать только пламя. И во взоре ее было пламя. Она бросила такой взор и унесла его в сокровищницу небес, где и надлежит быть всему неземному.

Глава XXXVI

ВСТРЕЧА ВО МРАКЕ

Лондон для раба был довольно любопытным городом. То есть не городом, а громадной деревней, полной соломы и грязи. Улицы были кривые, немощеные, грязные, население — вечно снующая толпа и в лохмотьях, и в шелках, в колышащихся перьях и блестящих доспехах. В Лондоне у короля был дворец. Он издали увидел его, взглянул и слегка выругался — чуть-чуть, как ругались в шестом веке. Мы увидели знакомых рыцарей и вельмож, но нас, в синяках, лохмотьях и грязи, они не узнавали, не узнали бы, если бы мы и окликнули их, не остановились бы, чтобы ответить нам, так как не имели права разговаривать с прикованными к цепи рабами.

В десяти ярдах от меня проехала Сэнди, — возможно, разыскивая меня. Но окончательно убило меня то, что происходило на площади против нашего старого барака, — там заживо варили в масле фальшивомонетчика. Показался газетчик, — и я не смел окликнуть его! Одно утешало меня, — видимо, Кларенс жив и действует. Я давно мечтал встретиться с ним, и теперь, наконец, появилась надежда на встречу.

Очень ободрило меня то, что я как-то заметил проволоку, натянутую между домами. Это, несомненно, был телеграф или телефон. Мне страстно захотелось получить

кусочек такой проволоки. Она была необходима мне для осуществления моего плана бегства. План мой состоял в том, чтобы как-нибудь ночью освободить себя и короля, связать нашего хозяина и, заткнув ему рот, перемениться с ним одеждой, избить его до неузнаваемости, приковать к цепи рабов, притвориться владельцем невольников, отправиться в Камелот и...

Но вы поняли мой план. Вы видите, какой потрясающий, драматический сюрприз готовил я двору. Все это было бы осуществимо, достать бы только кусочек железной проволоки, из которой можно сделать отмычку. Тогда я мог бы отпереть замки, которыми были скованы наши цепи. Но мне ужасно не везло — ни разу не попалось ни кусочка. И вдруг подвернулся удобный случай. Джентльмен, уже два раза приходивший торговать меня, но безуспешно, пришел опять. Я знал, что он не купит меня, так как мой хозяин с самого начала заломил за меня непомерную цену, вызывавшую негодование и насмешки, и упорно стоял на своем. Он хотел за меня двадцать два доллара и не уступал ни цента. Могучим сложением короля восхищались, но не покупали из-за его королевской осанки: такие рабы никому не нужны. Я был уверен, что не расстанусь с ним, так как за меня просили слишком дорого. Но сейчас дело было не в этом. Джентльмен, о котором я упоминал, интересовал меня вот почему: у него было нечто, чем я решил завладеть, если он будет часто навещать нас — длинная стальная булавка, которой он скалывал спереди свой плащ. Таких булавок у него было три. Два раза у меня все срывалось, так как он недостаточно близко подходил ко мне. Но раз мне повезло: я вытащил у него самую нижнюю, а он, заметив пропажу, наверно решил, что потерял эту булавку.

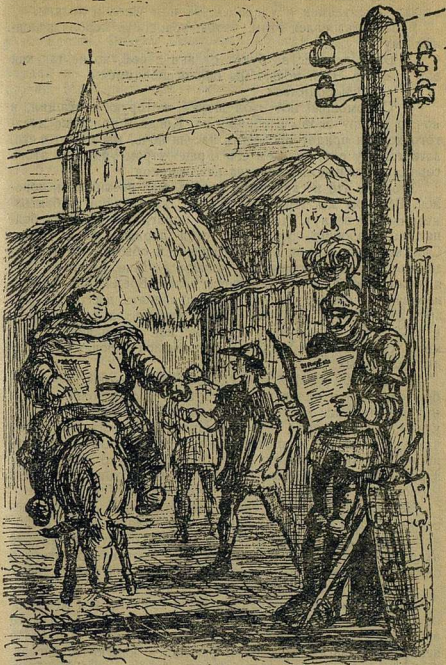
Я очень обрадовался, но радость моя была непродолжительна. Когда сделка, как всегда, опять не состоялась, хозяин внезапно сказал то, что на современном английском языке обозначало бы следующее:

— Я вам скажу, что я хочу сделать. Мне надоели эти два никуда не годных раба. Дайте мне двадцать два доллара за одного, и я вам дам другого в придачу.

У короля от негодования сперло дыхание. Он начал давиться и кашлять, а тем временем хозяин и джентльмен продолжали разговор:

— Если у меня будет время подумать...

— Завтра в этот час вы мне дадите ответ.

Показался газетчик, и я не смел окликнуть его.

— Хорошо, завтра в это самое время я вам отвечу, — сказал джентльмен и удалился, за ним ушел и хозяин.

Я воспользовался этим, чтобы успокоить короля, и шепнул ему на ухо:

— Ваше величество будет отдано даром, но не так, как они думают. Этой ночью мы оба освободимся.

— О! Освободимся?

— С помощью вот этой штуки, которую я стащил, я ночью отопру оковы и сброшу их. Когда в половине десятого хозяин придет проверить нас на ночь, мы схватим его, заткнем ему рот, избьем его и рано утром уйдем из этого города владельцами каравана невольников.

Это все, что я сказал, но король был восхищен и доволен. Вечером мы терпеливо ждали, когда наши собратья-невольники заснут. Нельзя было полагаться на этих бедняг, да и вообще лучше про себя держать свои тайны. Они, конечно, возились не дольше, чем обычно, но мне казалось, что они бесконечно копаются. Мне казалось, что я никогда не дождусь обычного храпа. Время шло, и я стал нервничать, боясь, что не успею проделать всего. Но мои преждевременные попытки только затягивали дело: стоило в этой тьме дотронуться до оков, как они начинали греметь, кто-нибудь просыпался, принимался ворочаться и будил остальных.

Но в конце концов мне удалось снять оковы, и я снова был свободным человеком. Я глубоко и облегченно вздохнул и потянулся к оковам короля. Увы! Слишком поздно: к нам шел хозяин со свечой в одной руке, держа в другой тяжелую дубину. Я плотно прижался к спящим, стараясь, по возможности, скрыть, что я без оков, в то же время я зорко следил за каждым его движением, готовый вскочить и броситься на него, чуть он приблизится.

Но он не подошел. Он остановился и с минуту рассеянно глядел на темную массу невольников, видимо, о чем-то размышляя. Потом задул свою свечу, задумчиво направился к выходу и, прежде чем я мог сообразить, как он намерен поступить, вышел и затворил за собой дверь.

— Живо! — сказал король. — Верни его!

Разумеется, это необходимо было сделать, и я мгновенно вскочил и бросился за ним. Но, бог мой, ведь в то время не было фонарей, а ночь была темная. Все же в нескольких шагах от себя я разглядел какую-то фигуру. Я бросился на нее, и вот тут-то началась потеха! Мы боролись и колотили друг друга. Мгновенно собралась толпа.

Зрители проявляли необычайный интерес к борьбе, добродушно и весело подбадривая нас. Внезапно позади раздался ужасный шум, и добрая половина наших зрителей разбежалась. Факелы замелькали по всем направлениям, — это стража спешила со всех сторон. Меня стукнули алебардой по спине, и я понял, что произошло: я был арестован. Мой противник тоже. Нас под стражей повели в тюрьму. Вот горе! Весь мой тонко задуманный план погиб. Я пытался вообразить себе, что будет, когда хозяин увидит, кто дрался с ним, и что будет, когда нас вместе посадят в тюрьму, в камеру к буянам и мелким жуликам, и что будет...

Внезапно мой противник повернулся ко мне лицом, свет факела упал на него, и — клянусь святым Георгием! — это был не хозяин!

Глава XXXVII

УЖАСНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Уснуть? — Невозможно. Как уснуть в этом шумном вертепе, битком набитом пьяницами, ссорящимися и горланящими бездельниками! И еще не мог я уснуть оттого, что мучительно хотел вырваться отсюда и подробно узнать, что произошло в далеком невольничьем квартале из-за моего ужасного промаха.

Ночь казалась бесконечной, но все же утро наступило. На суде я дал исчерпывающие показания. Я сказал, что я невольник знатного графа Грина, который накануне с наступлением темноты прибыл в селение Тобард на том берегу реки и вынужден был там заночевать, вследствие приступа какой-то странной болезни. Меня послали в город, чтобы поскорее привести лучшего врача. Я старался изо всех сил, и, конечно, мчался во всю мочь. Ночь была темная, и я налетел на этого дуралея, который схватил меня за глотку и принялся тузить, хотя я умолял его отпустить меня ради спасения жизни моего знатного господина.

Дуралей перебил меня, уверяя, что все это ложь, и стал объяснять, как я ни с того, ни с сего бросился на него.

— Молчи, плут! — сказал судья. — Уведите его и дайте ему несколько палок, чтобы он в другой раз знал, как обращаться со слугой знатного господина.

Потом судья извинился передо мной и выразил надежду, что я доложу его сиятельству о том, что суд отнюдь не виновен в этом возмутительном происшествии. Я обещал все уладить и направился к выходу. И как раз вовремя: судья начал расспрашивать меня, почему я не рассказал все это при аресте. Я ответил, что сказал бы, если бы мог соображать в то время, но этот человек выколол рассудок из меня, и так далее, и так далее. И, бормоча, я ушел.

Я ног не чуял под собой. И скоро был в невольничьем квартале. Пусто, — все исчезли. Впрочем, за исключением хозяина. Он лежал тут же, избитый, превращенный в кашу.

И все вокруг носило следы жестокой битвы. На тележке возле дверей стоял грубо сколоченный гроб, и гробовщик с помощью полицейского пробивал себе дорогу сквозь толпу зевак, чтобы положить тело в гроб.

Я выбрал человека, достаточно скромного, чтобы снизойти до разговора с таким оборванцем, как я, и спросил, что тут произошло.

— Шестьдесят невольников ночью взбунтовались против своего хозяина, и вот видишь, чем все кончилось.

— Да. Но как это началось?

— Кроме рабов, здесь не было свидетелей. Они говорят, что самый ценный невольник освободился от своих оков и исчез танственным образом — с помощью колдовства, надо думать, так как ключа у него не было, а замки оказались целы. Обнаружив потерю, хозяин от горя пришел в бешенство и стал колотить остальных своей тяжелой дубиной, а те, сопротивляясь, так исполосовали ему спину, что ему быстро пришел конец.

— Ужасно. И, конечно, плохо придется невольникам на суде.

— Да суд уже был. —

— Уже был?

— Неделя, что ли, ему тянуться, — дело ведь простое. Достаточно и пяти минут, чтобы разобраться в таком деле.

— Не понимаю, как в такое короткое время можно было решить, кто виноват?

— Кто виноват? Да судьи особенно и не разбирались в этом. Осудили всех гуртом. Не знаешь, что ли, закона? Говорят, еще со времен римлян остался, — если один из рабов убьет хозяина, все рабы должны умереть.

— Верно. Я позабыл. А когда их казнят?

— Через двадцать четыре часа. Хотя некоторые говорят, что подождут еще денька два: вдруг случайно найдут сбежавшего.

— Сбежавшего! — Мне стало не по себе. — А найдут ли его?

— Ну, ясно, найдут еще до наступления ночи. Его разыскивают повсюду. У городских ворот поставили стражу и невольников, которые узнают его, если он появится, и никого без осмотра не выпускают.

— А можно взглянуть, куда заперли остальных?

— Снаружи можно. А внутри — да ты сам не захочешь смотреть.

Я взял адрес тюрьмы и побрел. В глухом переулке, в первой попавшейся лавке старьевщика я приобрел грубую одежду моряка, а лицо повязал платком, сославшись на то, что у меня болят зубы. Повязка скрыла мои синяки. Я совсем преобразился. Я больше не походил на себя. Потом разыскал проволоку и пошел вдоль нее до того места, откуда она начиналась. Она выходила из крохотной комнатки над лавкой мясника — видимо, телеграфное дело не очень-то еще процветало. Юный служащий дремал над столом. Я запер дверь и положил громадный ключ себе за пазуху. Молодой человек встревожился и хотел позвать на помощь. Но я сказал:

— Побереги себя. Если ты раскроешь рот, ты — покойник. За работу! Живо! Вызови Камелот.

— Не верю! Как может такой человек, как ты, разбираться в...

— Вызови Камелот. Я человек отчаянный. Вызови Камелот или отойди прочь, и я сам вызову.

— Что? Ты?

— Заткнись! Вызови дворец.

Он вызвал дворец.

— Позови к аппарату Кларенса.

— Кларенса? Как его фамилия?

— Тебе нет дела, как его фамилия. Говорят тебе: позови Кларенса, и тебе ответят.

Он подчинился. Прошло пять минут... десять минут мучительного ожидания, напряженных нервов. Как долго! Затем стук, который я сразу узнал, как узнают знакомый человеческий голос, ибо Кларенс был мой ученик.

— А теперь проваливай! Они там могли узнать меня, и поэтому я хотел, чтобы вызов сделал ты, но теперь я и сам справлюсь.

Вызови Камелот! Я человек отчаянный. Вызови Камелот или
я сам вызову!

Он пустил меня на свое место и насторожил уши, но напрасно. Я воспользовался шифром. Я не стал тратить времени на обмен любезностями с Кларенсом, а начал дело напрямик:

— Король здесь и находится в опасности. Нас захва-

тили и продали в рабство. Мы не можем доказать, кто мы такие; положение мое таково, что я не решаюсь даже попробовать. Телеграфируй в здешний дворец, чтобы там мне поверили.

Он сразу ответил:

— В лондонском дворце не знают о существовании телеграфа: лондонская линия проведена только что. Лучше не рисковать. Чего доброго, они вас повесят. Придумай что-нибудь другое.

Нас повесят! Он даже не подозревает, как он близок к истине. Я ничего не мог придумать. Наконец меня осенило, и я телеграфировал:

— Вышли пятьсот отборных рыцарей с Ланселотом во главе; вышли их немедленно. Пусть они вступят в город через юго-западные ворота и разыщут человека с белой повязкой на правой руке.

Ответ был краток:

— Они выступят через полчаса.

— Отлично, Кларенс; теперь скажи здешнему молодому человеку, что я твой друг и сорви-голова и чтобы он был скромен и не болтал о моем посещении.

Аппарат заговорил с молодым человеком, а я поспешил уйти. Я стал высчитывать. Через полчаса будет девять часов. Рыцари и кони в тяжелых доспехах не могут двигаться очень быстро. Если не будет снега или грязи, они могут делать миль по семи в час; раза два им придется менять коней; следовательно, они явятся к шести или немного позже; будет еще совсем светло; они заметят белую повязку, которой я обвяжу свою правую руку, и я приму над ними командование. Мы окружим тюрьму и выпустим короля. Все это получится достаточно эффективно и живописно, хотя я предпочел бы, чтобы они явились в полдень, — тогда вышло бы еще театральнее.

Я всегда предпочитаю лук с двумя или тремя тетивами, а потому решил зайти к кому-нибудь из моих прежних знакомых. Это, пожалуй, помогло бы нам выпутаться из беды и без рыцарей. Но нужно быть осторожным, потому что дело это рискованное. Необходимо раздобыть хорошую одежду и, раздобывая ее, не торопиться. В одной лавке я куплю одежду бедняка, в другой одежду человека среднего достатка, я буду переходить из лавки в лавку, пока не разоденусь в шелк и бархат и не стану похожим на себя прежнего. Так я и решил поступить.

Но план мой сразу провалился! За первым же углом я

наткнулся на одного из наших рабов, бродившего по городу в сопровождении стражника. Как на зло, я кашлянул; он взглянул на меня, и кровь застыла в моих жилах. «Раб, вероятно, припомнил, что уже слышал этот кашель», — подумал я. Я вбежал в лавку, остановился у прилавка, разглядывая товары, прицениваясь и в то же время поминутно посматривая через плечо на дверь. Раб и стражник, разговаривая, остановились перед дверью. Я решил удрать через черный ход, если только в этой лавке есть черный ход, и спросил лавочницу, нельзя ли мне выйти на двор посмотреть, нет ли там беглого раба, который, говорят, прячется где-то здесь на задворках; я пояснил, что я переодетый стражник и что товарищ мой стоит за дверью с одним из рабов, убивших своего хозяина, и попросил ее выйти сказать ему, чтобы он не ждал напрасно, а поспешил бы на другой конец переулка и схватил бы беглеца, когда я выгоню его отсюда.

Лавочнице не терпелось взглянуть на одного из убийц, уже ставших знаменитыми, и она сразу же побежала выполнять мое поручение. Я выскользнул из лавки по черному ходу, запер за собою дверь, положил ключ в карман и пошел, посмеиваясь, очень довольный.

И всё снова испортил, сразу же совершив ошибку. И не одну ошибку, а две. Много было способов удрать от полицейского, так нет же, мне понадобилось выбрать из них самый театральный; любовь к театральности — главный мой недостаток. Расчет мой был основан на том, что полицейский, будучи человеком, поступит самым естественным образом; но бывает, что как раз тогда, когда вы не ожидаете, человек поступает вовсе не самым естественным образом. Самым естественным на месте этого полицейского было бы преследовать меня по пятам; попытаться выломать запертую дубовую дверь, отделяющую его от меня; пока он будет ее выламывать, я уйду далеко и с помощью ряда успешных переодеваний превращусь в такого роскошного господина, что ни одна ищейка Британии не заподозрит моей чистоты и невинности. Но вместо того, чтобы поступить естественно, полицейский поверил каждому моему слову и выполнил мое приказание. И как раз когда я выходил из тупика, очень довольный своим умом, он вынырнул из-за угла и встретил меня наручниками. Если бы я знал, что это тупик... но это не оправдание.

Конечно, я негодовал, я клялся, что только что сошел

с корабля после долгого плаванья, стараясь сбить с толку раба. Но безуспешно. Он узнал меня. Тогда я стал упрекать его, зачем он выдал меня. Это не столько обидело, сколько изумило его. Он посмотрел на меня широко раскрытыми глазами и сказал:

— Неужели ты думал, что я дам тебе избежать виселицы, единственному из всех, когда нас из-за тебя и вешают? Поди ты!

Они говорили «поди ты» в тех случаях, когда мы сказали бы «не смей меня». Станные у них были выражения!

По-своему он был прав, и я не стал спорить. Я не люблю спорить, когда спор бесполезен. И я сказал:

— Тебя вовсе не повесят. Никого из нас не повесят.

Они оба захохотали, и раб ответил:

— Тебя прежде не считали дураком. Так постарайся сохранить свою репутацию, тем более, что стараться осталось не долго.

— Моя репутация останется при мне. Еще до завтрашнего утра все мы выйдем из тюрьмы и будем свободны.

Мудрый полицейский поковырял пальцем у себя в ухе, прочистил горло и сказал:

— Да, из тюрьмы вы выйдете и будете свободны, но не здесь, а в подземном царстве дьявола.

Я сдержал свой гнев и равнодушно проговорил:

— Значит, ты действительно полагаешь, что нас повесят через день или два?

— Так я полагал еще несколько минут назад, ибо так было решено и объявлено.

— А сейчас ты полагаешь по-иному, не правда-ли?

— Сейчас по-иному. Тогда я только полагал, а сейчас знаю.

Я насмешливо сказал:

— О, премудрый слугитель закона, открой нам, что же ты знаешь.

— Что вас всех повесят сегодня в три часа дня. Ого, как тебя зашатало! Прислонись ко мне.

Мне, действительно, нужно было к чему-нибудь прислониться. Мои рыцари не успеют. Они опоздают, по крайней мере, на три часа. Ничто на свете не спасет короля Англии. Ничто на свете не спасет меня, который еще необходимее. Необходимее не мне, но народу, — единственному народу, готовому вот-вот воспринять цивилизацию. Мне было дурно. Я молчал, мне больше нечего было ска-

зять. Я понял, что имел в виду полицейский: если пропавший раб будет найден, отсрочка казни будет отменена, и казнь совершится сегодня. Ну вот, пропавший раб найден.

Глава XXXVIII

СЭР ЛАНСЕЛОТ И РЫЦАРИ ПРИХОДЯТ НА ПОМОЩЬ

Около четырех часов пополудни. Действие происходит возле стен Лондона. Прохладный, приятный, восхитительный день, полный солнечного сияния; в такой день хочется жить, а не умирать. Кругом огромная бесконечная толпа; но у нас, у пятнадцати висельников, в этой толпе нет ни одного друга. Как хотите, а мне было больно при этой мысли. Все эти люди — наши враги, и мы, сидящие на высоком помосте, — мишень для их насмешек и злобных выходок. Мы — праздничное развлечение, спектакль. Для дворян соорудили нечто вроде лож, и они уже толпились там вместе со своими дамами. Мы многих из них узнали.

Король доставил толпе неожиданное развлечение. Когда с нас сняли наши оковы, он вскочил в своих фантастических отрепьях, с неузнаваемым от синяков лицом, и провозгласил, что он Артур, король Британии, и угрожал всем присутствующим ужасными наказаниями за измену, если хоть волос падет с его священной головы. Как он был изумлен, когда в ответ ему грянул хохот! Оскорбленный в своем достоинстве, он сразу замолк, хотя толпа просила его продолжать, дразнила его мяуканьем, свистом и криками:

— Пусть говорит! Короли! Короли! Твои смиренные подданные алчут и жаждут мудрых речей твоего Ободранного величества.

Но они ничего не добились. Величавый, он неподвижно сидел под градом насмешек и оскорблений. По-своему он был действительно велик. Рассеянно я снял с лица своего белую повязку и перевязал ею свою правую руку. Увидев это, толпа принялась за меня:

— А этот моряк, конечно, его министр, — посмотрите, какая у него перевязь через плечо.

Я не мешал им издеваться, пока им самим не надоело, а затем сказал:

— Да, я его министр, я — Хозяин; и завтра вы услышите об этом из Камелота, где...

Я не мог продолжать — так они хохотали. Но внезапно все стихло; появились шерифы Лондона в своих официальных одеяниях, со своими помощниками, — это означало, что казнь сейчас начнется. В тишине было объявлено, в чем заключалось наше преступление, прочитан смертный приговор, затем все обнажили головы, и священник пробормотал молитву.

Потом одному из рабов завязали глаза; палач накинул ему веревку на шею. Между нами и толпой лежала дорога, хорошая пустынная дорога, охраняемая полицией, — как приятно было бы увидеть на ней пятьсот моих всадников! Но нет, это несбыточно. Взор мой скользил по дороге вдаль, — нигде никого.

Миг — и раб уже болтался на веревке, — болтался и барахтался, так как руки его и ноги не были связаны.

Снова палач набросил петлю, и второй раб закачался на веревке.

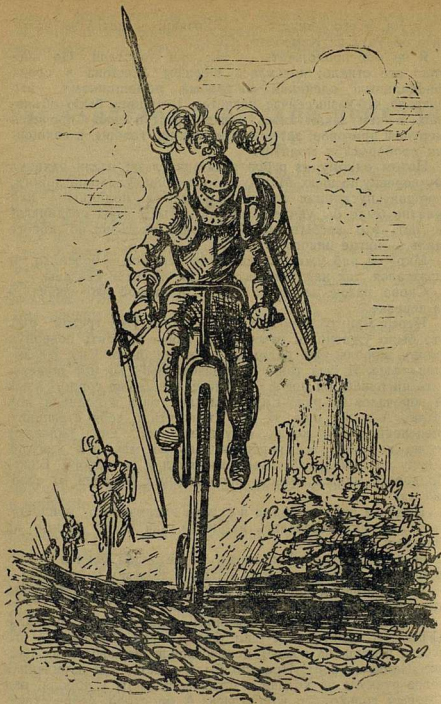
Через минуту в воздухе барахтался уже третий раб. Это было ужасно. Я отвернулся. Когда я опять повернул голову, короля уже рядом со мной не было. Ему завязывали глаза. Я был точно парализованный, не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, что-то сдавило мне горло, язык не ворочался во рту. Ему завязали глаза и подвели под петлю. А я все еще не мог стряхнуть с себя страшного оцепенения. Но когда я увидел, что ему надевают петлю на шею, все перевернулось во мне, и я кинулся к нему на помощь. Мельком взглянул я на дорогу. Боже! По дороге мчатся пятьсот вооруженных рыцарей на велосипедах!

Никогда еще не видал я столь величавого зрелища. Господи, как развевались их перья, как сияло солнце на стальных колесах!

Я махнул рукой Ланселоту, — он узнал меня и в ляхмотях, — сорвал с короля петлю и повязку и крикнул:

— На колени, мерзавцы, и приветствуйте короля! А кто откажется, тот будет ужинать сегодня в аду!

Я всегда выражаюсь высоким стилем, когда готовлю эффект. А приятно все-таки было, когда Ланселот и его ребята вошли на помост и пошвыряли шерифов и их приспешников за борт. Приятно было видеть, как изумленная толпа рухнула на колени и просила пощады у короля, над которым только что издевалась. А он стоял, величествен-

Никогда еще не видал я столь величавого зрелища.

ный и в лохмотьях, и я невольно подумал, что царственная осанка — это все-таки что-нибудь да значит.

Я был безмерно доволен. Принимая во внимание все обстоятельства, такого блестящего эффекта мне никогда еще не удавалось достигнуть.

И вдруг ко мне подходит Кларенс, сам Кларенс! Он мне подмигивает и говорит как ни в чем не бывало:

— Недурной сюрприз, а? Я знал, что он тебе понравится. Я давно уже втихомолку обучал ребят езде на велосипедах; и всё поджидал случая показать их искусство.

Глава XXXIX

ПОЕДИНОК ЯНКИ С РЫЦАРЯМИ

Я снова дома, в Камелоте. Дня два спустя за завтраком на столе возле своей тарелки я нахожу только что отпечатанный, еще влажный газетный лист. Начинаю прямо с объявлений, зная, что найду там что-нибудь, меня лично касающееся. Так и есть.

По указу короля

Доводится до всеобщего сведения, что великий лорд и прославленный рыцарь сэр Саграмор Желанный снисходит до поединка с королевским министром Хэнком Морганом, коего именуют Хозяином, в удовлетворение за старинную обиду, и поединок этот

состоится близ Камелота, в десятом часу утра, на шестнадцатый день следующего месяца. Бой будет беспощадный, ввиду того, что названная обида была смертельной и примирения не допускающей.

Кларенс снабдил это извещение следующими редакционными комментариями:

Как уже известно читателю, просмотревшему столбец объявлений, нам предстает в ближайшее время быть свидетелями выдающегося турнира. Имена артистов — ручательство, что скучно не будет. Касса открывается 13-го в полдень; входная плата 3 цента, место на скамейке 5 центов. Чистая прибыль поступает

в больничный фонд. Будут присутствовать Августейшие Особы и важнейшие сановники. За исключением их, а также представителей прессы и духовенства, никто бесплатно пропущен не будет. Рекомендуем воздержаться от покупки билетов у спекулянтов, — такие билеты при входе будут недействительны. Все мы

знаем и любим Хозяина, все мы знаем и любим сэра Саграмора; так придем же и поощрим обоих. Помните, что доход идет на цель благотворительную, и притом в пользу учреждения, простирающего руку помощи равно ко всем страждущим, независимо от национальности, происхождения, общественного положения и цвета кожи, — единственная в мире благотворительность, не имеющая ни политической, ни религиозной подкладки, но говорящая: „Здесь струится ручей, подходите к нему

все жаждущие и пейте!“ Так раскошеливайтесь! Не пожалеете, — отлично проведете время. На месте продажа пирожков, и камней, чтобы разбивать их; а также специального циркового лимонада — три капли лимонного сока на бочку воды.

Это первый турнир, к которому будет применен новый закон, разрешающий каждому из участников выбрать себе любой род оружия. Обратите на это внимание.

Вплоть до назначенного дня во всей Британии только и было разговору, что об этом поединке. Все остальные темы и интересы отступили на задний план. Не потому, что сам по себе турнир был таким уж важным делом, не потому, что сэр Саграмор нашел святой Грааль, ибо ему найти его не удалось, не потому, что второе (после короля) лицо в государстве участвовало в этом поединке; нет, все это было делом обычным. Была особая причина, вызвавшая такое экстраординарное внимание к предстоящему поединку. Весь народ знал, что это будет поединок не между двумя обыкновенными людьми, а между двумя могущественными волшебниками, поединок не мышц, но разума, не человеческой силы, но сверхчеловеческого искусства, последняя битва за первенство двух великих чародеев своего века. Каждый понимал, что самые пышные состязания самых прославленных рыцарей не могут стоять в одном ряду с подобным зрелищем; они всего лишь детская игра в сравнении с таинственной и страшной битвой богов. Да, весь мир знал, что это, в сущности, поединок между Мерлином и мной, между его волшебной силой и моей. Все знали, что Мерлин трудился дни и ночи, стараясь сообщить оружию и броне сэра Саграмора сверхестественную силу нападения и защиты, что духи воздуха соткали ему облачное покрывало, сквозь которое противник мой будет видим всем, кроме меня. Тысяча рыцарей не могла бы справиться с сэром Саграмором, так вооруженным и находящимся под таким покровительством, никакие доселе известные чары не могли бы одолеть его. Оставалось выяснить: существуют ли иные чары, неведомые Мерлину, которые способны сделать покрывало сэра Саграмора проз-

рачным для меня и его заколдованные доспехи уязвимыми для моего оружия? Этот вопрос мог решить только сам поединок. И весь мир ждал поединка.

Итак, мир полагал, что на карту здесь поставлено многое, и мир был прав; и все-таки на карту было поставлено больше, чем он полагал. Дело шло о дальнейшем существовании странствующего рыцарства. Я, действительно, был чемпионом, но не чемпионом вульгарного черно-книжия, я был чемпионом сурового несентиментального здравого смысла и разума. Я шел на бой с твердым намерением — либо уничтожить странствующее рыцарство, либо пасть его жертвой.

Пространство для зрителей было отведено огромное, однако шестнадцатого уже в девять часов утра на нем не было ни одного свободного места. Грандиозные трибуны были украшены флагами, знаменами, роскошными драпировками и набиты вассальными королями, их придворными и британской аристократией; на первых местах красовались наши собственные король с королевой, а вокруг них сверкало всеми цветами радуги море бархата и шелка, блеск которого можно было сравнить только с битвой между закатом и северным сиянием в верховьях Миссиссипи. Целый лагерь разноцветных шатров, украшенных флагами, с часовым перед каждой дверью, державшим в руках блистающий щит, тоже представлял великолепное зрелище. Здесь были все рыцари, обладавшие хоть каким-нибудь честолюбием, хоть какой-нибудь гордостью за свое сословие, ибо мое отношение к рыцарству, как сословию, не составляло тайны ни для кого, и защитники рыцарства не хотели упустить удобного случая. Если бы я победил сэра Саграмора, другие рыцари имели право один за другим вызывать меня на бой до тех пор, пока я был согласен сражаться.

На моем конце поля находилось всего два шатра — один для меня, другой — для моих слуг. В назначенный час король подал знак, и герольды возгласили имена бойцов и причины ссоры. Наступила тишина, затем раздался звук рога, приглашающий нас начать. Толпа затаила дыхание; на всех лицах было жадное любопытство.

Из своего шатра выехал великий сэр Саграмор, огромный, величественный и неподвижный, как железная башня; огромная пика его торчала также недвижно и прямо, сжатая могучей рукой; морда и грудь его огромного коня были закованы в сталь, а туловище было покрыто пышной

попоной, которая свисала почти до земли, — о, величавое зрелище! Его приветствовали криками восхищения.

Затем выехал и я. Но криками меня не приветствовали. Сначала наступило молчание, красноречивое и полное изумления, потом грянул взрыв хохота и прокатился по всему этому человеческому морю, — но тотчас же был оборван предостерегающим звуком рога. На мне был простой и удобный гимнастический костюм — телесного цвета трико и широкие шаровары из синего шелка; на голове моей не было никакого головного убора. Конь у меня был средних размеров, но быстрый, гибкий, с мышцами, как пружины, и стремительный, как борзая. Это был красавец с шелковистой шерстью и ничем не обремененный, кроме седла и уздечки.

Железная башня на разукрашенном огромном коне понемногу приближалась ко мне, выделявая тяжеловесные пируэты, и я двигался ей навстречу. Мы остановились; башня поклонилась мне, я ответил поклоном; потом мы поехали рядом к помосту, где восседали король и королева, чтобы преклониться перед ними. Королева воскликнула:

— Как, сэр Хозяин, вы собираетесь сражаться голый, без пики, без шпаги, без...

Но король оборвал ее и вежливо дал ей понять, что это ее не касается. Опять затрубили в рог; мы разъехались, заняли места в разных концах ратного поля и приготовились. Тут выступил старый Мерлин и накинул на сэра Саграмор тонкое, как паутина, покрывало, и сэр Саграмор стал похож на тень отца Гамлета*. Король подал знак, рог завыл, и сэр Саграмор, держа свою огромную пику наперевес, уже неся прямо на меня с развевающимся сзади вуалем. Я свистнул и как стрела помчался к нему навстречу, насторожив уши и делая вид, будто я не вижу его и знаю о его приближении только по звуку. Хор поощрительных возгласов подбодрял моего противника, но и мне чей-то славный голос крикнул:

— Держись, тощий Джим!

Могу биться об заклад, что это кричал Кларенс; да и манера выражаться была его. Когда наконецник грозной пики был в каких-нибудь полуторах ярдах от моей груди, я без труда повернул своего коня в сторону, и огромный рыцарь пролетел мимо, пронзив пикой пустоту. Меня наградили аплодисментами. Мы разъехались и снова понеслись друг другу навстречу. Снова промах рыцаря и гром

аплодисментов в мою честь. Потом в третий раз то же самое. Мне так хлопали, что сэр Саграмор потерял терпение и, изменив тактику, стал гоняться за мной. Этим он не достиг ничего; мы словно играли в пятнашки, причем все преимущества были на моей стороне; я всякий раз ускользал от него и даже однажды очутился у него за спиной и хлопнул его сзади по плечу. Наконец уже не он гонялся за мной, а я за ним; и, сколько он ни поворачивался, ему больше ни разу не удалось оказаться сзади меня; каждый его маневр кончался тем, что он был впереди, а я сзади. Он вынужден был бросить это занятие и отъехать на свой край ратного поля. Выйдя из себя, он забылся и крикнул мне обидное слово, которое положило конец моему терпению. Я спустил свое лассо с седельного рога и взял петлю в правую руку. Посмотрели бы вы, как он помчался ко мне! На этот раз он шутить был не намерен; глаза его налились кровью. Я спокойно сидел на коне, и петля моего лассо чертила широкие круги над моей головой; внезапно я поскакал ему навстречу; когда пространство между нами сократилось до сорока футов, змеевидная спираль моего веревочного оружия взвилась в воздух, а мой хорошо натренированный конь остановился, как вкопанный. Миг — и крепкая петля, обвив шею сэра Саграмора, сбросила его с седла! Вот была сенсация!

Бесспорно, в этом мире наибольшим успехом пользуется то, что ново. Эти люди не знали ни ковбоев*, ни их забав и от восторга повскакали с мест. Со всех сторон гремели крики:

— Бис! Бис!

Меня удивило, что им знакомо это слово, но я не имел времени разбираться в филологических тонкостях, ибо весь рыцарский улей уже жужжал, и дела мне предстояло немало. Едва сэра Саграмора освободили от петли и отнесли в его шатер, я снова выехал на середину поля, крутя лассо над головой. Я знал, что мне предстоит новый бой, чуть только рыцари выберут преемника сэру Саграмору, я это не трудно при таком множестве желающих. Действительно, преемник был избран сразу — сэр Эрви де-Ревель.

Бэз! Он мчался ко мне, пылая, как дом, охваченный пожаром; я увернулся: он, как молния, пронесся мимо меня, уже с моей волосяной петлей на шее; через мгновение — пст! — его седло было пусто.

Я снова получил «бис!»; и еще, и еще, и еще. Когда

я спешил пятого, мои бронированные противники решили, что со мной шутки плохи, и собрались на совещание. Они решили, пренебрегая этикетом, выслать против меня самых прославленных и могучих. К изумлению всего их мирка, я вышиб из седла сначала сэра Ламорака де-Галис, затем сэра Галахада. Как видите, им теперь осталось только одно — постараться побить меня своим старшим козырем выслать против меня лучшего из лучших, могущественнейшего из могущественнейших, — самого сэра Ланселота Великого!

Была ли удовлетворена моя гордость? Я думаю, что да. Вот Артур, король Британии; вот Гинебра, вот целые груды мелких провинциальных королей и королишек; вот, в лагере шатров, прославленные рыцари многих стран, и в их числе рыцари Круглого Стола, самые знаменитые во всем христианском мире; и вот само солнце этой блестящей плеяды мчится на меня, выставив вперед пику, и сорок тысяч глаз с обожанием смотрят на него; и я бестрепетно жду его приближения. В памяти моей мелькнул дорогой мне образ телефонистки из восточной части Хартфорда, мне хотелось, чтобы она видела меня в эту минуту. Непобедимый налетел на меня, как ураган. Все зрители вскочили с мест... Роковая петля мелькнула в воздухе, и не успели они глазом мигнуть, как я уже волочил за собой, словно на буксире, лежащего на спине сэра Ланселота и посылая воздушные поцелуи в ответ на бурю рукоплесканий и трепетание машущих носовых платков.

«Победа полная, — говорил себе я, опьяненный славой, свертывая свой аркан и вешая его на седельный рог, — никто больше не дерзнет выступить против меня. Странствующему рыцарству конец!» Представьте же, как я изумился, — и не я один, — когда звук рога возвестил, что еще кто-то собирается со мной сразиться! Это было необъяснимо. Но тут я заметил Мерлина, который, крадучись, уходил от меня, и сразу же обнаружил исчезновение моего лассо! Старый шут несомненно украл его и спрятал под своей одеждой.

Рог протрубил вторично. Я глянул и увидел подъезжающего ко мне на коне сэра Саграмора, — пыль с него счистили и вуаль опять прицепели. Я подъехал к нему рысью и притворился, будто знаю о его присутствии только по стуку копыт. Он сказал:

— Слух у тебя чуткий, но и он не спасет тебя вот от этого, — и дотронулся до рукоятки своего огромного ме-

Миг — и крепкая петля, обвившая сэра Саграмора, сбросила его с седла! Вот была сенсация!

ча. — Что это такое, ты не видишь, потому что это не длинная неуклюжая пика, а меч, скрытый волшебным покрывалом, и тебе от него не уйти.

Забрало его было поднято; в улыбке его была смерть. Да, от меча его мне не уйти. На этот раз один из нас

Тут я заметил Мерлина, который, крадучись, уходил от меня.

должен умереть. Если только ему удастся дотянуться до меня мечом, я — покойник. Мы поехали рядом и приветствовали короля с королевой. Король встревожился. Он сказал:

— Где твое странное оружие?

— Его украли, государь!

— А другого у тебя нет?

— Нет, государь, я захватил с собой только одно.

Тут вмешался Мерлин:

— Он захватил с собой только одно, потому что другого и не мог захватить. Другого не существует. Это единственное принадлежит королю демонов Моря. Этот человек обманщик и невежда; если бы он не был невеждой, он бы знал, что это оружие можно употребить только восемь раз, а затем оно исчезает на дне морском.

— Значит, он безоружен, — сказал король. — Сэр Саграмор, ты, конечно, разрешишь ему взять меч.

— Я одолжу ему свой, — сказал сэр Ланселот, вскочив. — Он самый доблестный рыцарь из всех живущих, и он получит мой меч.

Он хотел было вынуть свой меч из ножен, но сэр Саграмор возразил:

— Это неправильно. Он должен сражаться тем оружием, которое сам избрал; он имел право сам избрать себе оружие и воспользовался этим правом. Если он ошибся, пусть ошибка падет на его голову.

— Рыцарь! — вскричал король. — Ты ослеплен страстью; страсть помутила твой разум. Неужели ты убьешь безоружного?

— Если он осмелится это сделать, он даст ответ мне, — сказал сэр Ланселот.

— Я дам ответ всякому, кто пожелает, — крикнул сэр Саграмор запальчиво.

Мерлин снова вмешался, усмехаясь злорадно и самодовольно:

— Хорошо сказано, верно сказано! И хватит разговоров, пусть милорд король подаст знак к бою.

Королю пришлось уступить. Протрубил рог, и мы снова разъехались. Мы стояли в ста ярдах друг от друга, глядя друг другу в лицо, оцепеневшие и недвижные, словно конные статуи. Тишина; прошла минута, казавшаяся вечностью; никто не спускал с нас глаз, никто не шевельнулся. Король медлил; казалось, у него нехватает духа подать знак. Но вот он махнул рукой, и сразу звонко пропел рог. Длинный меч сэра Саграмора описал в воздухе сияющую дугу, и вот он, великолепный, понесся на меня. Я не двинулся. Он приближался. Я не шевельнулся. Зрители были так взволнованы, что кричали мне:

— Беги, беги! Спасайся! Это смерть!

Я не сдвинулся и на дюйм, пока этот громовержец не подскочил ко мне на пятнадцать шагов; тогда я выхватил револьвер из кобуры; гром, молния, и револьвер исчез в кобуре, прежде чем кто-либо сообразил, что случилось.

Конь без всадника пронесся мимо, а на земле лежал сэр Саграмор, мертвый, как камень.

Люди, подбежавшие к нему, онемели, убедаясь, что он умер, и притом, повидимому, без всякой причины, потому что на теле его не было заметно никакой раны. Правда, в

Труп поволокли к королю.

кольчуге его, на груди, была крохотная дырочка, но такому пустяку они не придали значения; так как при огнестрельной ране крови вытекает немного, то кровь осталась под одеждой и не протекла сквозь доспехи. Труп поволокли к королю, и толпа разглядывала его. Естественно, все обалдели от изумления. Меня пригласили подъехать и объяснить чудо. Но я остался на месте, как статуя, и сказал:

— Если это приказ короля, я подъеду, но мой повелитель король знает, что я нахожусь там, где повелевают мне находиться законы о поединках, до тех пор, пока есть желающие сразиться со мною.

Я ждал. Желающих не было. Тогда я сказал:

— Если кто-нибудь из присутствующих сомневается в том, что бой был честный и победа заслуженная, я не жду от них вызова и сам вызываю их.

— Это доблестный вызов и достойный тебя, — сказал король. — Назови же имя того, с кем ты хочешь сразиться первым.

— Ни с кем в отдельности, я вызываю всех! Я стою здесь и вызываю на бой все рыцарство Англии, — не по одиночке, а всех вместе.

— Что? — воскликнули разом два десятка рыцарей.

— Вы слышали вызов. Принимайте его, или я назову вас малодушными трусами, всех до единого!

Как вам понятно, это был блеф. В такие мгновения вполне разумно дерзнуть и поднять ставку в сто раз выше, чем позволяют вам ваши возможности; сорок девять шансов против пятидесяти, что никто не осмелится принять вызов, и победа за вами. Но на этот раз номер не прошел! В одно мгновение пять сотен рыцарей вскочили в седла, и не успел я опомниться, как они уже стройными рядами, гремя оружием, неслись на меня. Я выхватил оба свои револьвера, взглядом измеряя расстояние и подсчитывая свои шансы.

Бац! Одно седло опустело. Бац! Другое тоже. Бац! бац! — и еще двое скатились на землю. Я знал, что жизнь моя висит на волоске, — если и одиннадцатый выстрел не убедит их в моей непобедимости, двенадцатый противник убьет меня наверняка. И я почувствовал себя счастливым, когда, после падения девятого всадника, я заметил колебание в рядах врагов, — признак приближающейся паники. Если бы я упустил это мгновение, все погибло бы. Но я не упустил его. Я поднял оба револьвера и прицелился. Мои противники остановились, потом повернули коней и бросились врассыпную.

Битва была выиграна. Странствующее рыцарство, как учреждение, погибло. Началось шествие цивилизации. Что я чувствовал? Ну, этого вы и представить себе не можете.

А брат Мерлин? Его ставка опять была бита. Всякий раз, когда волшебство чернокнижия сталкивалось с волшебством науки, чернокнижное волшебство терпело поражение.

Глава XL

ТРИ ГОДА СПУСТЯ

Переломив спину странствующему рыцарству, я больше не считал нужным работать в тайне. На другой же день я показал изумленному миру свои засекреченные школы, свои рудники, свою обширную систему потаенных фабрик и мастерских. Иными словами, я выставил девятнадцатый век на показ шестому.

Выгодное положение нужно использовать быстро. Рыцарство временно унижено, но если я дам ему опомниться, этот паралич не превратится в смерть. Как вы видели, все мое поведение на ратном поле под конец было просто

блефом; и они разгадают это, если я дам им возможность. Итак, я не должен дать им опомниться; и я не дал.

Я возобновил свой вызов, выгравировал его на меди и разослал повсюду, где был хоть один священник, который мог прочесть его народу; напечатал его в газете, в столбце объявлений.

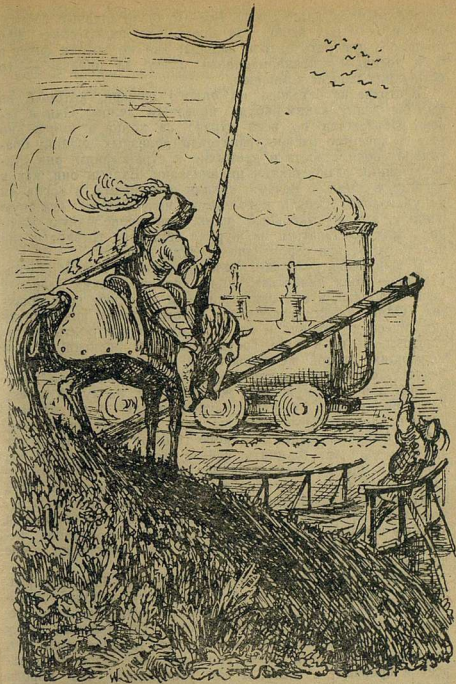
Я не только возобновил его, но и расширил. Я заявил: назначьте день, и я с пятьюдесятью помощниками выйду на бой с рыцарями всего света и уничтожу их.

Теперь это не был блеф. Я собирался исполнить то, что говорил. Я мог исполнить то, что обещал. Смысл моего вызова был так ясен, что понять его мог всякий. Даже самые тупые из рыцарей поняли, что им остается только сдаться. И они сдались. В течение ближайших трех лет они ни разу не доставили мне беспокойства, достойного упоминания.

Помните, что прошло три года. И посмотрите, какой стала Англия. Счастливой процветающей страной, чудесно изменившейся. Всюду школы и множество колледжей; несколько хороших газет. Появились даже писатели; среди них первое место занял сэр Дайнадэн-Шутник выпустивший томик поседелых остроумцев, которые были мне известны в течение тринадцати веков. Если бы он хотя бы изъясился из него тот старый гнусный анекдот о проповеднике, я не сказал бы ничего; но он оставил этот анекдот. Я истребил книгу и повесил автора.

Рабство было уничтожено; все люди были равны перед законом; налоги взыскивались со всех, независимо от сословия. Телеграф, телефон, фонограф, пишущая машина, швейная машина, пар, электричество мало-помалу входили в моду. Два-три парохода плавали по Темзе, у нас было несколько паровых военных судов, начиналось паровое торговое судоходство; я собирался послать экспедицию для открытия Америки.

Мы строили несколько железнодорожных линий, и линия Камелот-Лондон была уже окончена и вступила в эксплуатацию. У меня хватило ума поставить дело так, что все должности службы движения считались высокими и необычайно почетными. Мой план заключался в том, чтобы привлечь на эти должности рыцарство и дворянство, заставить их работать и тем самым уберечь их от баловства. План отлично удался, и за каждую должность шла борьба между кандидатами. Кондуктор экспресса, отходившего в 4 ч. 33 м., был герцог; не было ни одного кондук-

Линия Камелот-Лондон была уже окончена и вступила в эксплуатацию.

тора с титулом ниже графа. Всё это были славные ребята, но у всех у них было два недостатка, на которые мне пришлось смотреть сквозь пальцы: они не хотели снять с себя доспехи и прикарманивали плату за проезд, — то есть обкрадывали компанию.

В стране не осталось ни одного рыцаря, который не был бы занят каким-нибудь полезным делом. Они и теперь разъезжали по всей стране из конца в конец, но уже в качестве распространителей полезных знаний; благодаря своей страсти и привычке к странствиям, они стали лучшими разносчиками цивилизации. Ездили они, как и прежде, в латах, с мечами, пиками и секирами, и когда им не удавалось убедить кого-нибудь испробовать швейную машину, или музыкальный ящик, или проволочную изгородь, или подписаться на журнал общества трезвости, они просто устранили строптивца и ехали дальше.

Я был очень счастлив. Дело постепенно шло к осуществлению моих давно намеченных планов. Таких планов у меня было два, и оба они были куда обширнее всех прежних. Один из них заключался в том, чтобы низвергнуть католическую церковь и на ее обломках построить протестантизм, — не в виде государственной религии, а для желающих; второй же заключался в том, чтобы добиться декрета, вводящего после смерти Артура всеобщее голосование для всех мужчин и женщин, или, на худой конец, для всех мужчин, умных и глупых, и для всех матерей средних лет, которые смыслят ведь все-таки не меньше, чем их сыновья двадцати одного года от роду. Артур мог прожить еще лет тридцать; сейчас ему было столько же, сколько и мне, то есть сорок лет, и я полагал, что за это время я без труда подготовлю наиболее деятельную часть населения к радикальной, но бескровной революции. В результате получится республика. Мне совестно, однако я должен признаться: во мне шевелилось недостойное желание стать первым ее президентом. Что поделаешь, и мне человеческое не чуждо.

Кларенс тоже мечтал о революции, но более умеренной. Он хотел республики без привилегированных сословий, но с наследственной королевской семьей во главе ее, вместо выборного главы государства. Он полагал, что у народа, уже изведавшего радость чтить царствующий дом, не следует отнимать этого удовольствия, иначе он захиреет и пропадет с тоски. Я же утверждал, что короли опасны. Он говорил: тогда возведите на трон котов. По

его мнению, королевская династия из котов и кошек окажется вполне на месте. Пользы от них будет не меньше, чем от любой другой королевской династии, зная они будут столько же, у них будут те же добродетели и те же пороки, та же склонность к дракам с соседскими царствующими котами, то же смешное тщеславие, — а стоять они будут очень недорого. А «божьей милостью Мурлыка VII, Мурлыка XI, Мурлыка XIV» звучит ничуть не хуже имени любого другого повелителя.

— Как правило, — сказал он на своем чистом современном английском языке, — коты гораздо нравственнее королей, и коронованные коты окажут самое благотворное влияние на нравственность народа, всегда склонного подражать своим монархам. А так как народ уже приучен чтить королевский сан независимо от его носителя, он будет чтить и этих изящных безвредных котов, тем более, что очень скоро все заметят, что кот-король никого не вешает, никого не обезглавливает, никого не сажает в темницу, не совершает никаких жестокостей и несправедливостей. Тогда его начнут почитать и любить еще больше, чем почитают и любят обыкновенных королей. Весь мир будет с завистью взирать на нашу гуманную и деликатную систему правления, и царственные мясники внезапно начнут повсюду исчезать; освободившиеся вакансии будут замещаться котятами из нашего королевского дома; у нас будет кошачья фабрика, снабжающая троны всего мира; через сорок лет всей Европой будут править коты, и поставлять их будем мы. Настанет царство всеобщего мира, которому не будет конца... Мяу... ау... ау... мяу!..

Я думал, он говорит серьезно, и даже стал соглашаться с ним, пока он вдруг не замаякал; на мне чуть платье не лопнуло от смеха. Но Кларенс не умел быть серьезным. Он даже не знал, что это значит. Он изобрел вполне разумное усовершенствование конституционной монархии, но сам был слишком легкомыслен, чтобы оценить это. Я хотел обругать его, но тут вбежала Сэнди, обезумевшая от испуга; рыдания мешали ей говорить. Я обнял ее, успокаивая, лаская и упрасывая:

— Говори же, дорогая, говори! Что случилось?

Ее голова упала ко мне на грудь, и она еле слышно прошептала:

— Алло-Центральная!..

— Живо! — крикнул я Кларенсу. — Вызови по телефону королевского гомеопата!

Через минуту я уже стоял на коленях перед люлькой ребенка, а Сэнди рассылала слуг по всему дворцу. Я сразу понял, что случилось, — крупозное воспаление легких. Я нагнулся и прошептал:

— Очнись, деточка. Алло-Центральная!

Она медленно открыла свои нежные глазки и сказала:

— Папа.

Это меня утешило. Значит, она еще не умирает. Я послал за серным раствором, прокипятил инструменты, ибо когда Сэнди или ребенок больны, я не сижу без дела, ожидая врача. Я умею ухаживать за ними, у меня большой опыт. Наша дочка большую часть своей жизни провела у меня на руках, и я умел ее успокоить и осушить ее слезы, даже когда мать не знала, что с нею делать.

Сэр Ланселот в парадных доспехах проходил в это время через главную залу, направляясь в торговую палату; он был председателем торговой палаты — должность эту он купил у сэра Галахада; ибо торговая палата состояла теперь из рыцарей Круглого Стола, и Круглый Стол служил для деловых заседаний. Место за этим столом стояло... вы никогда не поверите, если я назову вам цифру, поэтому нет смысла ее называть. Сэр Ланселот был биржевик, владел частью акций новой железнодорожной линии и как раз сегодня собирался играть на понижение*. Но что из этого? Он оставался прежним Ланселотом. Заглянув мимоходом в раскрытую дверь и увидав, что его любимица больна, он сразу забыл все; пусть там идет игра на повышение, пусть там идет игра на понижение, ему все равно, он останется с маленькой Алло-Центральной, даже если бы это стоило ему всего состояния. И он остался. Он швырнул свой шлем в угол и через минуту уже кипятил на спиртовке воду. Тем временем Сэнди устроила над люлькой навес из одеяла, и все было готово для ингаляции.

Сэр Ланселот добывал пар, мы с ним подбавили в кастрюльку негашеной извести, карболки и молочной кислоты, и целебный пар по трубке шел под одеяло, в люльку. Мы стояли с ним по обе стороны люльки, как часовые. Сэнди успокоилась и была так нам благодарна, что набила нам две толстые папиросы ивовой корой и позволила нам курить, заявив, что в люльку дым не проникнет, а она любит, когда курят, так как из всех дам страны она первая увидела курильщика. Поистине, умирительно было видеть

сэра Ланселота в благородных доспехах, сидящего возле детской постельки. Красивый он был мужчина и добрый человек, и, конечно, он хотел счастья своей жене и своим детям. Но Гиневра... впрочем, стоит ли скорбеть о том, чему нельзя помочь.

Он дежурил вместе со мной три дня и три ночи, пока не миновала опасность; тогда он взял малютку на руки и поцеловал ее, и перья его шлема склонились над золотой ее головкой; потом осторожно передал ее Сэнди и величаво проследовал через главную залу между двумя рядами восхищенных воинов. И ничто не подсказало мне, что я вижу его в последний раз! Боже, как тяжело жить на этом свете!

Доктора объявили, что девочку нужно увезти, если мы хотим вернуть ей здоровье и силу. Ей необходим морской воздух. Мы взяли военный корабль с экипажем в двести пятьдесят человек и отправились в плавание; через две недели мы пристали к французскому берегу, и доктора посоветовали нам там остановиться. Королек этой области предложил нам свое гостеприимство, которым мы охотно воспользовались. Жил он не очень удобно, но, перенеся кое-что с корабля, мы отлично устроились в его забавном старом замке.

В конце месяца я послал корабль домой — за продовольствием и новостями. Через три или четыре дня он должен был вернуться. В числе других новостей, я ждал известий о результатах еще одного из моих экспериментов. Мой план заключался в том, чтобы заменить турниры чем-нибудь, что могло бы занять моих рыцарей без вреда для окружающих, служить выходом для избытка их энергии и в то же время поддержать лучшее, что в них было — благородный дух соревнования. Я создал из них группу игроков, которых тренировал в тиши, и теперь приближался день их первого публичного выступления.

Мой эксперимент называется игрой в без-болл*. Чтобы сразу ввести в моду эту игру и поставить ее на недостижимую для критики высоту, я подбирал игроков в мои первые две девятки не по способностям, а по знатности. Каждый рыцарь, участвовавший в них, был владетельной особой. Подобного материала вокруг Артура было всегда сколько угодно. Там нельзя было швырнуть камешек, чтобы не угодить в какого-нибудь короля. Разумеется, о том, чтобы эти господа сняли с себя доспехи, не могло быть и речи; они даже купались в доспехах. Уж и за то спасибо,

что они согласились внести некоторое различие в свои доспехи, чтобы можно было отличить одну команду от другой. Так, одна команда носила кольчуги в виде фуфаек, а другая латы из моей новой бессемеровской стали*. Их упражнения на поле были фантастичны до крайности. Они никогда не убегали от мяча, а поджидали его на месте, и мяч отскакивал от бессемеровской стали на полтора-два ярда. А когда игрок с разбегу кидался наземь и полз на брюхе за мячом, было похоже, будто броненосец входит в порт. Вначале я назначал судьями лиц незнатного происхождения, но от этого пришлось отказаться. Угодить моим командам было не легче, чем другим. Первое решение судьи обычно оказывалось и его последним. Его разрубали пополам, и друзья относили труп на носилках. Когда заметили, что ни один судья не переживает игры, судейская должность стала непопулярной. И я был вынужден назначать в судьи людей, чье звание и высокое положение в государстве служило бы защитой.

Вот состав команд:

БЕССЕМЕРЫ

ФУФАЕЧНИКИ

Король Артур
Король Лот Лотианский
Король Северной Галлии
Король Марсил
Король Малой Британии
Король Лабор
Король Пеллам Листенджизский
Король Багдамагус
Король Толлем ля-Фэнт

Император Люций
Король Логрис
Король Марголт Ирландский
Король Морганор
Король Марк Корнваллийский
Король Мелиодас Лионский
Король Нонтр Гарлотский
Король Озера
Султан Сирийский

Судья — Кларенс

На первом публичном состязании должны были по моему расчету присутствовать пятьдесят тысяч человек; стоило проехать весь свет, чтобы поглядеть на такую потеху. Все нам благоприятствовало; весенние дни были прелестны, и природа уже облачилась в свои новые наряды.

ОТЛУЧЕНИЕ

Но внимание мое было внезапно отвлечено от предстоящего состязания: нашей девочке внезапно стало хуже, положение ее было серьезное, и мы от нее не отходили. Нам не хотелось, чтобы за ней ухаживали посторонние, и мы вдвоем дежурили у ее постельки день и ночь. Ах, Сэнди, какое у нее было прекрасное сердце, как добра она была, как искренна и проста! Она была безупречной женой и матерью; а ведь я женился на ней только потому, что по рыцарским правилам она была моей собственностью до тех пор, пока кто-нибудь не выиграет ее у меня на поле брани. Она изъездила всю Британию ради меня; нашла меня на лондонском эшафоте и сразу же заняла свое место рядом со мной. Я был уроженец Новой Англии, и, по моим понятиям, наша неразлучность могла скомпрометировать ее. Она этого не понимала, но я, чтобы прекратить всякие споры, поспешил обвенчаться с нею.

Я тогда не знал, что получил сокровище, а между тем она была сокровищем. Через год я уже обожал ее; она была самым близким и милым моим товарищем. Толкуют о прелестях дружбы между лицами одного и того же пола. Но такая дружба вздор в сравнении с дружбой мужа и жены, живущих общими стремлениями, общими идеалами. Первая дружба — земная, вторая — небесная.

Вначале я еще долгое время во сне переносился через тринадцать столетий, и неудовлетворенный дух мой бесплодно зывал к исчезнувшему миру, не получая ответа. Много раз Сэнди слыхала слова, которые я кричал по ночам во сне. И, со свойственным ей великодушием решив, что я твержу имя женщины, которая когда-то была мне дорога, назвала этим именем наше первое дитя. Я был тронут до слез, и все же чуть не грохнулся на землю, когда она, с улыбкой глядя мне в глаза, в ожидании заслуженной награды, поднесла мне такой сюрприз:

— Имя той, кто была тебе дорога, сохранится, и станет свято для нас, и будет звучать музыкой в наших ушах. Теперь поцелуй меня, так как ты знаешь, какое имя дала я нашей дочке.

Но я не отгадал. Я никак не мог догадаться, но признаться в этом было бы жестоко; мне не хотелось испортить ее милую игру, поэтому я не выдал себя и сказал:

— Да, любимая, я знаю, и как это мило с твоей стороны! Но я хочу, чтобы твои губы, — они ведь и мои, правда? — первые произнесли его. Вот тогда оно прозвучит для меня музыкой.

Польщенная, она пробормотала:

— Алло-Центральная!

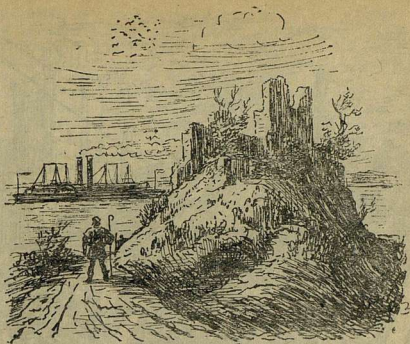
Я не рассмеялся, — я благодарен богу, что я не рассмеялся, — но это стоило мне таких страшных усилий, что в течение нескольких недель у меня все кости звенели на ходу. Так она никогда и не поняла своей ошибки. Услышав однажды те же слова в разговоре по телефону, она удивилась и рассердилась, но я сказал ей, что телефонистки действуют по моему приказу: милое имя моей утраченной подруги и ее маленькой тѣзки будет отныне служить любезным телефонным приветствием. Это не было правдой, но это было то, что нужно.

Две с половиной недели дежурили мы возле колыбельки и, оторванные от всего мира, не знали, что творится на свете. Наконец пришла награда: девочку мы спасли. Были ли мы благодарны? Это не то слово. Вообще, не существует слова, способного выразить, что мы чувствовали. Это вы знаете сами, если вам приходилось сопровождать ваше дитя в его странствии по Долине Теней и потом видеть, как оно возвращается к жизни и улыбается все озабоченной улыбкой.

Мы снова вернулись в мир! И, взглянув друг другу в глаза, внезапно были поражены одною и тою же мыслью: прошло более двух недель, а корабль еще не вернулся.

Я созвал свою свиту. По лицам слуг я сразу заметил, что они давно уже беспокоятся. Взяв с собой несколько человек, я проскакал пять миль и взобрался на вершину горы, с которой видна была морская даль. Где же мой торговый флот, еще недавно оживлявший и украшавший это море своими белыми крылами? Ни одного корабля! Ни паруса, ни дымка — от края до края мертвая пустыня вместо кипучей и шумной жизни.

Я сразу вернулся, никому не сказав ни слова. Но Сэнди я рассказал все. Мы не могли придумать никакого объяснения этой необъяснимой перемене. Вторжение? Землетрясение? Чума? Вся нация перестала существовать? Но догадки были бесполезны. Я должен ехать, и сейчас же. Я взял взаймы у короля его единственное крохотное суденышко и собрался в дорогу.

В Дувре, в гавани стояли корабли, но со спущенными парусами и без всяких признаков жизни.

Разлука, о, как она была тяжела! Когда я, прощаясь, целовал дочку, она впервые после болезни заговорила, и мы чуть с ума не посходили от радости. Детский лепет, коверкающий слова — какая музыка может сравниться с ним! И как грустишь, когда эта музыка смолкает, сменяется правильным выговором, зная, что больше она уже никогда не коснется твоего осиротелого слуха. И как от-
радно было увезти с собой столь сладостное воспоминание!

На другое утро я прилетел к английским берегам. В Дувре, в гавани стояли корабли, но со спущенными парусами и без всяких признаков жизни. Было воскресенье, но в Кэнтербери на улицах — никого. И странней всего, что нигде не видно было ни одного священника, не зазвонил ни один колокол. Тоскливая тишина смерти царила всюду. Я ничего не мог понять. Наконец в конце города мне попалась похоронная процессия, — гроб провожали только родственники и друзья покойного, священника с ними не было; похороны без колокольного звона, без чтения священного

Вокзал был пуст, как пещера.

писания, без свечей. Рядом была церковь, но, плача, они прошли мимо и не вошли в нее. Я взглянул на колокольню и увидел, что колокол завешен черным, а язык его подвезан. И я обо всем догадался! Теперь я понял, какое бедствие постигло Англию. Вторжение? Вторжение — вздор Отлучение*.

Я никого ни о чем не спрашивал; мне и так все было ясно. Церковь нанесла удар; теперь мне остается только изменить свою внешность и вступить с нею в бой. Мой слуга уступил мне свою одежду, я переоделся в лесу и поехал дальше один; так было безопаснее.

Нерадостное путешествие. Глубокая тишина всюду. Даже в Лондоне. Движения никакого; люди не разговаривают, не смеются, не толпятся; они понуро бредут поодиночке с тоской и страхом в сердцах. На Тауэре свежие боевые рубцы. Да, произошли немаловажные события.

В Камелот я, конечно, собирался ехать поездом. Поезд! Вокзал был пуст, как пещера. Я отправился в путь пешком. Я шел два дня, словно по пустыне, мертвой и унылой. Понедельник и вторник ничем не отличались от воскресенья. В Камелот я прибыл глубокой ночью. Город, когда-то сиявший электричеством, словно солнце, был теперь погружен во мрак и стал даже чернее окружающего его мрака; мне почудилось в этом нечто символическое, — знак, что церковь одолела меня и погасила все светочи цивилизации, зажженные мною. На темных улицах было пусто. С тяжелым сердцем продолжал я путь. Темная громада замка чернела на вершине холма; ни одного огонька в окнах. Подъемный мост был спущен, огромные ворота открыты настежь, ни одного звука, кроме стука моих шагов, зловеще раздававшегося в огромных пустых дворах.

Глава XLII

ВОЙНА!

Кларенс один сидел в своих покоях, погруженный в меланхолию. Вместо электрической лампы перед ним горела древняя светильня, шторы на окнах были спущены, и комнате наполнял полумрак. Он вскочил и кинулся ко мне.

— Я готов заплатить биллион мильрэйсов за счастье видеть тебя живым!

Он узнал меня сразу, несмотря на то, что я был переодет. Это, естественно, напугало меня.

— Расскажи мне, как произошло это несчастье, — сказал я. — Что случилось?

— Если бы не королева Гиневра, беда не свалилась бы на нас так скоро, но, в конце концов, мы все равно не

избегли бы беды. Беда эта вообще была неотвратима, но к несчастью случилось так, что начало ей положила королева.

— И сэр Ланселот?

— Вот именно.

— Расскажи подробности.

— Тебе хорошо известно, что за последние годы на отношения между королевой и сэром Ланселотом во всем королевстве не косил глаз только один человек...

— Да, король Артур.

— И только одно сердце ничего не подозревало...

— Да, сердце короля; сердце, которое неспособно было заподозрить предательство со стороны друга.

— И король, вероятно, дожил бы до конца дней в счастливом неведении, если бы не одно из твоих нововведений — биржа. Когда ты уехал, железная дорога между Лондоном, Кэнтербэри и Дувром была почти готова, а железнодорожные акции созрели для биржевой игры. Так что же сделал сэр Ланселот?..

— Я знаю, что он сделал; он спокойно продал почти весь свой пакет акций, а когда благодаря этому цены на акции пали, он по дешевке купил вдвое больше акций, чем продал, и разорил всех.

— Правильно. Держатели акций посменвались, продавая ему акции за 15 и за 16 в то время, как цена им была 10. Но смеяться им пришлось недолго. Через несколько дней они охотно заплатили бы Непобедимому за каждую акцию по 283!

— Боже!

— Он ободрал их, как липки, и они это заслужили, и все королевство этому радовалось. Но в числе разоренных оказались сэр Агравэн и сэр Мордред, племянники короля. Конец первого действия. Действие второе, сцена первая; замок Карлайл, куда двор прибыл на несколько дней поохотиться. Присутствуют все королевские племянники. Мордред и Агравэн предлагают открыть глаза Артуру на отношения Гиневры и сэра Ланселота. Сэр Гоуэн, сэр Гарет и сэр Гахерис заявляют, что они не хотят быть причастными к такой подлости. Начинается спор, и очень громкий. И тут входит король. Мордред и Агравэн обрушивают на него весь свой ужасный рассказ. Картина. По приказу короля сэру Ланселоту подставляют ловушку, и сэр Ланселот попадает в нее. Это дорого обошлось доносчикам — Мордреду, Агравэну и двенадцати другим

рыцарям помельче, — потому что сэр Ланселот убил их всех, кроме Мордредра; но, конечно, это не могло улучшить отношений между Ланселотом и королем, и не улучшило.

— О, боже, результат этого мог быть только один! Война! Рыцари всего королевства разделились на две партии — на партию короля и партию сэра Ланселота.

— Так оно и случилось. Король послал королеву на костер, чтобы очистить ее огнем. Ланселот со своими рыцарями спас ее и, спасая, убил многих твоих и моих старых друзей, лучших из них; погибли сэр Белиас ле-Оргюлю, сэр Сегваридес, сэр Грифлет ле-Фас де-Дье, сэр Брандайлс, сэр Эгловэл...

— О, ты надрываешь мое сердце!

— Погоди, я еще не кончил... сэр Тор, сэр Готер, сэр Джиллимер...

— Лучший игрок в моей без-больной команде!

— Три брата сэра Рейнолда, сэр Дамус, сэр Приам, сэр Кэй Странник...

— Тоже великолепный игрок, не раз ловивший мяч зубами. Довольно, с меня хватит.

— Сэр Драйент, сэр Ламбегус, сэр Хермайнд, сэр Пертилоп, сэр Перимонес и... кто бы ты думал еще?

— Скорей! Не мучь меня!

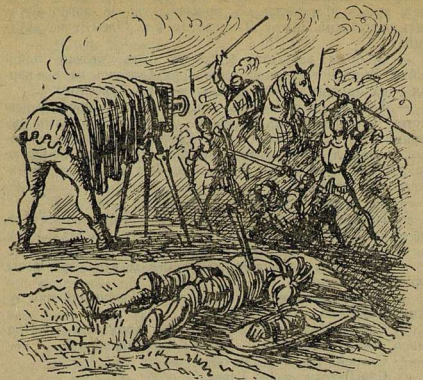
— Сэр Гахерис и сэр Гарет — оба!

— Невероятно! Они обожали Ланселота.

— Это вышло случайно. Они были просто зрителями; пришли безоружные поглядеть, как будут наказывать королеву. Сэр Ланселот рубил в слепом бешенстве всех, кто попадался ему на пути, и зарубил сэра Гахериса и сэра Гарета, даже не заметив, кто они такие. Вот моментальный фотографический снимок этого побоища; он продается в каждом газетном ларьке. Видишь: сэр Ланселот стоит возле королевы, подняв меч, а рядом умирает сэр Гарет. Даже сквозь дым можно разглядеть муку на лице королевы. Потрясающий снимок!

— Потрясающий. Необходимо его сохранить. Это исторический документ, не имеющий цены. Продолжай.

— Затем началась обыкновенная война. Ланселот отступил в свой замок Веселая Крепость и собрал вокруг себя всех примкнувших к нему рыцарей. Король с большим войском двинулся к замку, и они сражались много дней, завалив все окрестности трупами и обломками железа. Потом церковь помирила Артура с Ланселотом

Вот моментальный фотографический снимок этого побоища.

и королевой, — со всеми, кроме сэра Гоуэна. Сэр Гоуэн оплакивал своих убитых братьев сэра Гарета и сэра Гахериса и ни за что не хотел мириться. Он предупредил Ланселота, что идет на него войной и чтобы тот приготовился. Ланселот со своими сторонниками отплыл в свое герцогство Гийень, а Гоуэн последовал за ним с армией и уговорил Артура сопровождать себя. Артур оставил управление королевством в руках сэра Мордреда до твоего возвращения. . .

— Ох! Узнаю короля и его обычную мудрость.

— Да. Сэр Мордред сразу же вздумал сделаться королем. Прежде всего он решил жениться на Гиневре, но она удрала и спряталась в лондонском Тауэре. Мордред напал на Тауэр; архиепископ Кентерберийский отлучил его

от церкви. Король вернулся; Мордред сражался с ним в Дувре, и в Кэнтербери, и в Бархэм-Даун. Потом начались переговоры о мире. Условия: Мордред получает Корнваллис и Кент до конца жизни Артура, а потом к нему переходит все королевство.

— Здорово! Моя мечта о республике так и останется мечтой.

— Да. Обе армии стояли под Солисбери. Гоуэн, — голова Гоуэна покоится в Дуврском замке, где он пал в бою, — Гоуэн явился Артуру во сне, — ну, не сам Гоуэн, а его дух, и посоветовал ему в течение месяца не вступать в бой, чего бы ни стоила такая задержка. Но случайность ускорила решительное столкновение. Артур приказал: если во время переговоров с Мордредом о мире хоть один рыцарь обнажит меч, сразу же трубить в трубы и кидаться на неприятеля, ибо Мордреду он не доверял. Мордред отдал такой же приказ своей армии. Внезапно одного рыцаря укусила в пятку змея; рыцарь забыл о приказе и зарубил змею своим мечом. Через полминуты обе враждебные армии кинулись друг на друга. Они сражались весь день. Наконец король... Знаешь, после твоего отъезда мы ввели у себя в газете кое-что новенькое...

— В самом деле? Что же именно?

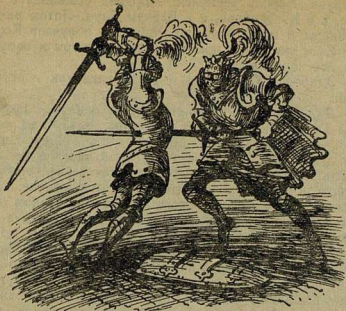
— Корреспонденции с фронта.

— Отлично.

— Да, наша газета шла чудесно, потому что, пока длилась война, отлучение на нас не распространялось. Мои военные корреспонденты сидели в обеих армиях. Я прочту тебе, как один из моих ребят описал конец этой битвы!

... Тогда король поглядел по сторонам и увидел, что все его добрые рыцари пали, кроме двух: сэра Лукана де-Бутлер и его брата сэра Бедивера; но и они были тяжело ранены. „Господи Инсусе“, сказал король, „где все мои благородные рыцари? Увы, зачем я дожид до этого грустного дня! И мой конец уже близок. Если бы только Господь помог мне узнать, где этот предатель сэр Мордред, заваривший всю эту кашу!“ И король Артур увидел сэра Мордреда, который стоял среди груды мертвых тел, опершись на меч.

„Дай мне свое копье“, сказал Артур сэру Лукану, „ибо я выследил предателя, зачинщика всех наших бед“. „Государь, пощади его“, сказал сэр Лукан, „ибо он несчастен. Вспомни свой сон, государь, вспомни, что сказал тебе ночью дух сэра Гоуэна, вспомни, от чего предостерегал тебя всеблагий Господь. Ради Господа, государь, оставь его в покое. Ибо, благодарение Богу, ты победил: нас осталось трое в живых, а с сэром Мордредом нет никого. Если ты не тронешь его, сей злополучный день минует“. „Мне все равно — жить или умереть“, сказал Артур.

И Король Артур пронзил сэра Мордреда насквозь.

„Он сейчас один, и он не уйдет от меня, ибо лучшего случая мне не дожидаться“. „Да хранит тебя Господь“, сказал сэр Бедивер. Король взял его копье в обе руки и побежал к сэру Мордреду, крича: „Предатель, твой смертный час настал“. Сэр Мордред, услышав сэра Артура, кинулся к нему с мечом в руке. И король Артур пронзил сэра Мордреда ниже пята насквозь, и наконечник

копья вышел наружу. Сэр Мордред, видя, что рана его смертельна, сам нанизал себя на копье короля Артура до рукоятки. Держа меч обеими руками, он обрушил его на голову Артура с такой силой, что разрубил и шлем и череп; свершив это, сэр Мордред мертвый рухнул на землю. И благородный Артур упал без чувств, и долго его не могли привести в себя...

— Я скажу тебе, что делать.

— Отличный образец военной корреспонденции, Кларенс! Ты стал первоклассным журналистом. Король выздоровел? Поправился?

— Увы, нет. Он умер.

Я был ошеломлен; мне всегда казалось, что для этого человека никакая рана не может быть смертельной.

— А королева, Кларенс?

— Она монахиня в Солмсбери.

— Какие перемены! И за такой короткий срок. Непостижимо! Что же делать?

— Ну?

— Поставить наши жизни на карту.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Теперь власть в руках церкви. Ты подвергся отлучению заодно с Мордредом; это отлучение не снимут до тех пор, пока ты жив. Уже собираются кланы*. Церковь созывает всех рыцарей, оставшихся в живых, и чуть только узнают, что ты вернулся, у нас будет достаточно хлопот.

— Вздор! С нашим смертоносным боевым материалом, с нашим хорошо обученным войском...

— Оставь! У нас есть не более шестидесяти человек, на которых можно положиться.

— Что?! А наши школы, наши колледжи, наши мастерские, наши...

— Когда явятся рыцари, все эти учреждения перейдут на сторону врага. Неужели ты воображаешь, что тебе удалось избавить этих людей от предрассудков?

— По правде сказать, я воображал.

— Так больше не воображай. Они повиновались тебе до отлучения; после отлучения они отшатнулись от тебя. Сердца дали трещину. Пойми это. Когда вражеские армии придут сюда, тебе все изменят.

— Дурные вести. Мы пропали. Они обратят против нас все то, чему мы научили их.

— Нет, это им не удастся.

— Почему?

— Потому что я с кучкой верных уже принял предупредительные меры. Я потом расскажу тебе об этом. Ты хитер, но церковь еще хитрее. Это церковь отправила тебя в плавание, — с помощью докторов, находившихся у нее на службе.

— Кларенс!

— Я говорю правду. Я знаю это наверно. Каждый офицер и каждый матрос вашего корабля был подкуплен церковью.

— Ну, полно!

— Не спорь! Я не сразу об этом узнал, но я узнал об этом точно. Приказывал ли ты капитану своего корабля передать мне устно, что, когда он вернется к тебе с припасами, ты уедешь из Кадикса...

— Из Кадикса! Я никогда не был в Кадиксе!

— ... ты уедешь из Кадикса и отправишься в плавание в дальние моря для поправления здоровья своей семьи? Ты велел передать мне эти слова?

— Конечно, нет. Ведь я мог бы написать.

— Естественно. Я забеспокоился и стал подозревать. Когда капитан отплывал, я отправил вместе с ним на корабле шпиона. С тех пор я ничего не слышал ни о корабле, ни о шпионе. Я решил подождать две недели и затем послать за тобой судно в Кадикс. Но сделать этого мне не пришлось.

— Почему?

— Наш флот внезапно и таинственно исчез! Столь же внезапно и столь же таинственно перестали работать железные дороги, телеграф и телефон; служащие разбежались, столбы были вырублены, церковь наложила запрет на электрическое освещение! Нужно было как-то действовать, и немедленно. За жизнь твою я не опасался — никто во всем королевстве, кроме Мерлина, не решился бы дотронуться до такого волшебника, как ты, не имея за спиной десятитысячного войска, — значит, мне нужно было заняться приготовлениями к твоему приезду. За себя я тоже не боялся, — никто не посмеет тронуть твоего любимца. И вот что я сделал. Из различных наших мастерских я выбрал людей, — вернее, мальчиков, — на верность которых при любых обстоятельствах я мог положиться, тайно собрали их и дал им указания. Их пятьдесят два; ни одного моложе четырнадцати лет и ни одного старше семнадцати.

— Почему ты избрал только мальчиков?

— Потому что остальные родились и выросли в атмосфере предрассудков. Предрассудки у них в крови и в костях. Мы воображали, что мы переделали их образованием; они сами так полагали; отлучение пробудило их, как удар грома! Они поняли себя, и я понял их. Мальчики — дело другое. Те, которые воспитывались нами в течение семи или десяти лет, не знакомы со страхом церкви, и именно в их среде я нашел свои пятьдесят два. Затем я украдкой посетил старую Мерлинову пещеру, — не ту, что поменьше, а большую...

— Да, ту, где мы поставили нашу первую электрическую машину, когда я замыслил чудо?

— Вот именно. А так как то чудо тогда не понадобилось, мы теперь можем использовать эту машину для других целей. В пещеру я доставил провиант на случай осады.

— Отличная идея, первоклассная идея!

— Я и сам так думаю. И поручил сторожить эту пещеру четверым моим мальчикам — внутри, конечно, не

на виду. Им приказано никого не трогать, но если кто вздумает войти в пещеру, — пусть только попробует! Затем я пошел в горы, отрыл и перерезал тайные провода, соединявшие твою спальню с проводами, ведущими к динамитным минам, заложенным под всеми нашими фабриками, заводами, складами и мастерскими, а ночью с помощью моих мальчиков соединил их с пещерой, и теперь никто, кроме тебя и меня, не знает, куда и откуда они ведут. Вся проводка, конечно, подземная, и закончили мы ее в несколько часов. Не выходя из нашей крепости, мы можем теперь в любой миг взорвать всю нашу цивилизацию.

— Это правильный поступок, естественный поступок, мало ли чего может потребовать от нас военная необходимость. О, как все переменялось! Мы ждали, что нам когда-нибудь придется выдержать осаду во дворце, но не... Впрочем, продолжай.

— Затем мы соорудили проволочное ограждение.

— Проволочное ограждение?

— Да. Ты сам подсказал это мне года два или три назад.

— А, помню, — когда церковь впервые попробовала померяться с нами силами и затем решила отложить это до более удобного случая. Как же ты устроил это ограждение?

— Взял двенадцать крепких проводов — голых, без изоляции, идущих от большого динамо в пещере, — динамо имеет два полюса, положительный и отрицательный...

— Правильно.

— Вывел провода из пещеры и, почти на уровне земли, соорудил круговую изгородь в сто ярдов в диаметре; изгородь эта распадается на двенадцать отдельных изгородей, в десяти футах одна от другой, — иначе говоря, двенадцать концентрических кругов, — и концы всех проводов снова сходятся в пещере.

— Правильно. Продолжай.

— Изгороди укреплены на тяжелых дубовых столбах, отстоящих один от другого всего на три фута и врытых в землю на пять футов глубины.

— Хорошо и прочно.

— Да. Провода не имеют заземления вне пещеры. Они отходят от положительного полюса динамо; с землей они соприкасаются через отрицательный полюс; провода возвращаются в пещеру, и каждый из них заземлен отдельно.

— Нет, нет, так не годится!

— Почему?

— Слишком большой расход энергии, энергия пропадает зря. Заземление для всей системы должно быть только одно — через отрицательный полюс. Концы проводов должны быть введены обратно в пещеру и укреплены по отдельности без всякого заземления. Посмотри, какая получится экономия. Кавалерия идет в атаку на наше проволочное ограждение; ты не тратишь энергии, ты не тратишь денег, потому что у тебя всего одно заземление до тех пор, пока лошади не коснутся проволоки; но чуть они коснутся проволоки, произойдет замыкание с отрицательным полюсом через землю, и лошади падут мертвыми. Энергия расходуется только в то мгновение, когда она необходима; твоя машина при тебе и готова к действию, как заряженное ружье; но она не стоит тебе ни цента, пока до нее не дотронутся. Нужно только одно заземление...

— Конечно! Не знаю, как я это упустил из виду. Это не только дешевле, но и действеннее, так как даже если провода оборвутся или запутаются, вреда не будет.

— Особенно если у нас в пещере будет автоматический выключатель испортившихся проводов. Продолжай. Артиллерия?

— Есть и артиллерия. В центре внутреннего круга на обширной платформе в шесть футов вышины я установил батарею из тринадцати орудий с большим запасом снарядов.

— Хорошо. Батарея командует над окрестностями, и когда рыцари церкви явятся, они будут встречены музыкой. А утес, что навис над пещерой?

— Там тоже устроено проволочное ограждение и поставлены орудия. Будь спокоен, камнями им швырять в нас не придется.

— А динамитные мины со стеклянными цилиндрами?

— И мины припасены. Я там насадил прелестный садик. Он расположен вокруг проволочного ограждения поясом в сто футов ширины. Мины зарыты в землю и присыпаны сверху песочком. На вид этот садик кажется совсем невинным, а пусть кто-нибудь войдет в него, и ты увидишь, что будет.

— Ты испытал мины?

— Собирался испытать, но...

— Но что? Это огромное упущение, не попытаться...

— Испытать? Знаю; но они в порядке; я для пробы заложил несколько штук на проезжей дороге, — и их испытали.

— Это меняет дело. Кто же их испытал?

— Церковная комиссия.

— Очень мило!

— Да. Она явилась требовать от нас повиновения. Видишь ли, она вовсе не собиралась производить испытание мин; это произошло случайно.

— Комиссия доложила начальству о результате испытания?

— Еще бы! Доклад был слышен за целую милю.

— Единодушный доклад?

— Принятый всеми голосами. Я выставил на дороге кое-какие знаки в предупреждение будущих комиссий, но больше нас не беспокоили.

— Кларенс, ты превосходно поработал.

— Что ж, времени было достаточно. Торопиться некуда. Мы сидели, молчали и думали. Я сказал:

— Да, все готово; все предусмотрено, ни одна мелочь не забыта. Я знаю, что теперь делать.

— Я тоже; сидеть и ждать.

— Нет, сэр! Встать и нанести удар!

— Ты так думаешь?

— Именно так! Я не сторонник обороны, я сторонник нападения. Во всяком случае, когда силы почти равные. О да, мы нанесем удар! Этого требуют правила нашей игры.

— Ты почти наверняка прав. Когда же начнется спектакль?

— Сейчас. Мы провозгласим республику.

— Вот это значит предупредить события.

— Они у нас запляшут. Завтра утром уже вся Англия превратится в осиное гнездо, — если только церковь не смолчит, а она не смолчит. Пиши, я буду диктовать:

ПРОКЛАМАЦИЯ

Да будет известно всем. Так как король умер, не оставив наследника, долг мой повелевает мне не выпускать из рук кормило власти, которое мне вручено, до тех пор, пока не будет создано пра-

вительство. Монархия прекратилась и больше не существует. Следовательно, вся политическая власть возвращается к своему первоисточнику, к народу. Вместе с монархией умерли и все присущие ей учреждения; больше нет ни дворян, ни привилегированных классов, ни государственной церкви; отныне все люди равны; каждый может свободно избрать себе религию. Сим провозглашается республика, как естественное состояние нации, когда перестали существовать все другие виды власти. Долг британского народа — избрать голосованием своих представителей и поручить им образовать правительство.

Я подписал: «Хозяин», поставил дату и обозначил место: «Мерлинова пещера». Кларенс сказал:

— Это значит известить их, где мы находимся; приходите и берите нас.

— Так и надо. Мы нанесли удар — этой прокламацией, теперь их черед. Позаботься, чтобы это было отпечатано и разослано. А затем, если у тебя найдется пара велосипедов, едем в Мерлинову пещеру.

— Через десять минут все будет готово. Какая буря поднимется завтра, когда эта бумажка начнет свою работу!.. А славный, все-таки, этот дворец; увидим ли мы его когда-нибудь снова? Но не стоит думать об этом.

Глава XLIII

БИТВА В ПЕСЧАНОМ ПОЯСЕ

В Мерлиновой пещере — Кларенс, я и пятьдесят два свежих, бодрых, хорошо обученных, свободомыслящих британских мальчика. Чуть свет я разослал приказ по фабрикам и мастерским прекратить работу и всему живому убраться подальше, ввиду того, что все наши сооружения будут взорваны тайными минами, и нельзя сказать заранее, когда именно. Люди знали меня и привыкли доверять моим словам. Я не сомневался, что они не станут медлить, и мог выбрать для взрыва любой момент, который найду подходящим. Их никакими силами не заставишь вернуться, пока над ними будет висеть опасность взрыва.

Мы ждали целую неделю. Я не скучал, так как все

время писал. За три дня я придал моему дневнику повествовательную форму; теперь мне осталось дописать только главу или две, чтобы довести повествование до настоящего времени. Конец недели я употребил на писание писем жене. У меня был обычай во время всякой разлуки писать Сэнди каждый день. С этим обычаем я не расставался и теперь, — из любви к нему и к ней, так как отправить письма у меня не было никакой возможности. Писание писем заполняло время и было похоже на разговор; я словно беседовал с ней, словно говорил ей: «Сэнди, если бы ты и Алло-Центральная были здесь, в пещере, вместо ваших фотографий, как бы славно мы провели время!» Я представлял себе, как воркует моя дочурка мне в ответ, засовывая кулачки в ротик и прижимаясь спинкой к подолу матери, а та смеется и щекочет ее пальцем под подбородком, чтобы она рассмеялась, и в то же время перебрасывается со мной словами, и так далее, и так далее, — я мог часами сидеть в пещере с пером в руке и грезить наяву. Мне казалось, что мы снова вместе.

Каждую ночь я, конечно, рассылал шпионов, чтобы знать обо всем. И с каждым разом донесения их становились все тревожнее. Армии собирались, собирались; по всем дорогам и тропам Англии ехали рыцари, и попы ехали рядом с ними, и вдохновляли этих своеобразных крестоносцев на священную войну. Все дворянство, крупное и мелкопоместное, встало на защиту церкви. Дело шло так, как мы и ожидали. Пусть дворянство сплотится; тогда народу ничего не останется, как только выступить на защиту республики и...

Ах, какой же я был осел! К концу недели я стал понимать, что народные массы только в течение одного дня подбрасывали свои шапки в честь республики, на большее их нехватило! Стоило церкви и дворянству только нахмуриться, и они сразу превратились в овец! И сейчас же овцы стали стекаться в загоны, — то есть в лагеря, — и предлагать свои дешевые жизни и свою дорогую шерсть на борьбу «за правое дело». Даже те, кто недавно еще были рабами, тоже стояли «за правое дело», прославляли его, молились об его успехе, чувствительно умилялись, говоря о нем, как все прочие простолюдины. Какая глупость. Не люди, а навоз!

Теперь всюду орали: «Смерть республике!» — и ни одного голоса против. Вся Англия шла против нас. Признаюсь, этого я не предвидел.

Я внимательно изучал пятьдесят двух моих мальчиков; я изучал их лица, их походку, — ибо все это язык, созданный для того, чтобы разоблачать наши тайны, сделать явным то, что мы особенно стараемся скрыть. Я знал, что в каждом из них сидит неотвязная мысль: *«Вся Англия против нас!»* и чем дальше, тем неотвратимее привлекает к себе внимание, тем ярче рисуется воображением и даже во сне они не могут освободиться от голоса, который твердит им: *«Вся Англия, вся Англия идет на вас!»* Я знал, чем все это кончится; я знал, что, в конце концов, давление станет непереносимым; и готовился в нужную минуту дать ответ, — хорошо обдуманый и успокаивающий.

Я не ошибся. Момент настал. Они заговорили. Бедные ребята, жалко было на них смотреть, такими они стали бледными, измученными, встревоженными. Вначале их представитель не находил слов, не мог совладать с голосом, но затем он сказал. Вот что он сказал на хорошем современном английском языке, которому его обучили в моей школе.

— Мы старались забыть, что мы английские мальчики! Мы старались поставить разум выше чувства, долг выше любви; наш рассудок подчинился нам, но сердца подчиниться отказались. Пока против нас было только дворянство, только двадцать пять или тридцать тысяч рыцарей, уцелевших после последних войн, мы оставались едиными, и нас ничто не тревожило; каждый из этих пятидесяти двух мальчиков, которые стоят перед тобою, говорил: *«Они сами того хотели — так им и надо»*. Но обстоятельства изменились — вся Англия идет на нас! О, сэр, подумай, размысли: этот народ — наш народ, мы плоть от плоти его, кость от кости, мы любим его, — не требуй от нас, чтобы мы выступили против своего народа!

Вот видите, что значит предугадывать события и приготовиться к ним. Если бы я не приготовился, этот мальчик захватил бы меня врасплох, и я не мог бы возразить ему ни слова. Но я приготовился. Я сказал:

— Мои мальчики, сердца ваши не обманули вас, вы рассудили и поступили правильно. Вы английские мальчики, и вы останетесь английскими мальчиками, не запятнав этого имени. Не мучайте себя больше сомнениями, успокойтесь. Рассудите: вся Англия идет на нас, но кто идет впереди? Кто, по обычным правилам войны, идет в первых рядах? Отвечайте.

— Конные отряды закованных в латы рыцарей.

— Правильно. Их тридцать тысяч. Они покрывают собой необозримое пространство. Поймите: кроме них никто не войдет в песчаный пояс. Только с ними мы и справимся. А массы граждан, шествующие в арьергарде, мгновенно отступят, — у каждого из них найдется неотложное дело. Все рыцари — дворяне, и только им придется плясать под нашу музыку. Ручаюсь вам, мы будем сражаться лишь с этими тридцатью тысячами рыцарей. Теперь говорите, и мы поступим по вашему решению. Следует ли нам уклониться от боя, отступить с поля битвы?

— Нет!!!

Возглас этот был единодушен и шел от всего сердца.

— Или, может быть, вы боитесь этих тридцати тысяч рыцарей?

Шутка была встречена славным смехом, тревога мальчиков рассеялась, и они весело разошлись по своим постам. Милые были мальчики! И хорошенькие, как девушки!

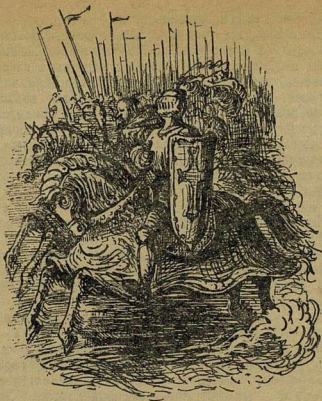
Теперь я был готов к встрече с неприятелем. Пусть приходит, — он нас не захватит врасплох.

Великий день, наконец, наступил. На рассвете часовой, стоявший у пещеры, явился доложить, что на горизонте движется черная масса и что оттуда доносятся слабые звуки, — по его мнению, звуки военной музыки. Завтрак был уже готов; мы сели и подкрепились.

После завтрака я сказал мальчикам небольшую речь и послал несколько человек с Кларенсом во главе на батарею.

Взошло солнце и озарило простор, и мы увидели необозримую рать, приближающуюся к нам медленно и упорно, как морская волна. Чем ближе она подходила, тем грознее она казалась. Да, это шла вся Англия! Вскоре мы могли уже различить бесчисленные знамена; целое море лат и кольчуг ослепительно сияло на солнце. Это была красивая картина! Ничего красивее я не видывал.

Наконец стали видны и подробности. Все передние ряды состояли из всадников, из украшенных перьями рыцарей в латах. Внезапно затрубили трубы; всадники помчались галопом, — ох, какое это было зрелище! Я затаил дыхание; ближе, ближе... полоска зеленой травы за желтым песчаным поясом становилась все уже... еще уже, еще... превратилась в совсем узенькую ленту перед конями... и исчезла под их копытами. Боже! Все передние ряды

Внезапно затрубили трубы; всадники помчались галопом, — ох, какое это было зрелище!

с громоподобным грохотом взлетели в небо, превратившись в крутящийся ураган обломков; землю заволокло дымом, который скрыл от наших взоров то, что осталось от великой армии.

Настало время выполнить второй пункт моего военного плана. Я нажал кнопку, и вся Англия содрогнулась до глубочайших недр своих!

При этом взрыве вся наша благородная цивилизация взлетела в воздух и исчезла с лица земли. Жалко, но необходимо. Мы не могли позволить врагам обратить наше оружие против нас.

Затем наступили самые скучные четверть часа в моей жизни. Мы ждали в тишине, окруженные проволочными заграждениями, окруженные поясом густого дыма. Мы не могли ничего увидеть сквозь этот дым. Но наконец

дым начал лениво расползаться, прошло еще четверть часа, земля очистилась, и нам удалось удовлетворить свое любопытство. Нигде не было видно ни одного живого существа! Оказалось, что теперь, после взрыва, мы были защищены лучше прежнего. Динамит вырыл вокруг нас ров в сто футов шириной, и земля, выброшенная из этого рва, образовала по обе его стороны валы вышиной футов в двадцать пять. А количество погубленных жизней было неисчислимо. Подсчитать убитых было невозможно хотя бы потому, что они не существовали в виде отдельных трупов, а превратились в первоначальную протоплазму с примесью железа и чугуна.

Не видно ни одного живого существа; но в задних рядах, вероятно, были раненые, которых унесли с поля брани под покровом дыма; среди уцелевших несомненно разовьются эпидемии, — так всегда бывает после подобных событий. Но уж подкреплений им ждать неоткуда; это была последняя ставка английского рыцарства; это было все, что осталось после прежних войн. Я чувствовал себя в полной безопасности, уверенный, что если у врага и остались какие-нибудь силы, то очень незначительные; во всяком случае, рыцарей не осталось. Поэтому я обратился к своей армии с поздравительной прокламацией следующего содержания:

Солдаты, бойцы за человеческую свободу и равенство! Ваш генерал поздравляет вас! Гордясь своей силой, напыщенный и дерзкий враг напал на вас. Вы были готовы. В коротком бою вы покрыли себя славой. Эта великая победа, ради которой мы не потеряли ни одного человека, не имеет равных в истории. До тех пор, пока наши планеты будут двигаться по своим орбитам, битва Песчаного Пояса не изгладится из памяти людей.

Х о з я и н.

Я сам прочел ее вслух, и ответные рукоплескания выразили мне благодарность. Я сказал:

— Война с английским народом окончена. Народ вышел из войны. Предстоящая нам кампания будет последней. Она будет краткой — самой краткой в истории. И самой губительной с точки зрения процентного отношения убитых и раненых к общему количеству сражающихся.

С народом война окончена; отныне мы имеем дело только с рыцарями. Английских рыцарей можно убить, но нельзя победить. Мы знаем, что нам предстоит. Пока хоть один рыцарь жив, война не окончена. Мы должны убить их всех до единого. (Громкие и продолжительные аплодисменты).

Я расставил пикеты на валах, созданных взрывом, — по два, по три мальчика, — чтобы они могли во-время известить нас о появлении неприятеля.

Затем послал инженера и с ним сорок человек — выкопать новое русло горному ручью, протекавшему к югу от наших укреплений, и направить его в нашу сторону, чтобы я мог воспользоваться им в случае необходимости. Сорок человек были разделены на две группы по двадцать, которые сменяли друг друга каждые два часа. За десять часов вся работа была окончена.

Стемнело, и я отозвал свои пикеты. Один из них обнаружил в северном направлении лагерь, но так далеко, что разглядеть его можно было только в подзорную трубу. Он донес также, что несколько рыцарей гнали быков в сторону наших укреплений, но сами не подходили близко. Этого я ожидал. Они испытывали нас; они хотели знать, собираемся ли мы снова выпустить на них красный ужас. Ночью они, пожалуй, осмелеют. Мне казалось, что я знаю, что именно они попытаются предпринять, потому что именно это предпринял бы я на их месте, будь я столь же невежественен, как они. Я рассказал об этом Кларенсу.

— Я думаю, ты прав, — сказал он. — Они вероятно сделают такую попытку.

— В таком случае, — сказал я, — они обречены на гибель.

— Безусловно.

— У них нет ни малейшей надежды.

— Ни малейшей.

— Это ужасно, Кларенс. Мне жаль их.

Я расстроился, я измучился. Наконец, чтобы успокоить свою совесть, я составил следующее послание к рыцарям:

Достопочтенному предводителю мятежного рыцарства Англии. Вы сражаетесь напрасно. Нам ведомы ваши силы, — если можно назвать их этим именем. Мы знаем, что вы можете выставить против нас не больше двадцати пяти тысяч рыцарей. Следовательно, у вас нет ни одного шанса на победу. Рассудите: мы хорошо вооружи-

лись, хорошо укрепились, нас пятьдесят четыре. Пятьдесят четыре человека? Нет, пятьдесят четыре ума, — даровитейших в мире; сила, которую не одолеть вашему животному могуществу, как волнам морским не одолеть гранитных утесов Англии. Поразмыслите. Мы согласны подарить вам жизнь. Ради ваших жен и детей, не отвергайте этот дар. В последний раз мы вам предлагаем: сложите оружие; сдайтесь Республике, и все будет прощено.

(Подпись:) Х о з я и н.

Я прочел это послание Кларенсу и сказал, что хочу отправить его неприятелю под защитой белого флага. Он разразился свойственным ему саркастическим смехом и сказал:

— Ты всё еще не можешь понять, что такое дворянство. Давай сбережем труд и время. Вообрази себе, что я предводитель этих рыцарей. Вот ты являешься с белым флагом, приближаешься ко мне и вручаешь свое послание, а я даю тебе ответ.

Мысль эта мне пришлась по вкусу. Я выступил вперед, охраняемый воображаемыми вражескими солдатами, достал бумагу и прочел ее вслух. Вместо ответа Кларенс вырвал бумагу из моих рук, надменно сморщил губы и презрительно произнес:

— Разрубите этого скота на части и отправьте его в корзине назад к тому низкородному холопу, который его прислал. Иного ответа у меня нет!

Как ничтожна теория по сравнению с фактом! А таков был факт. Результат был бы именно такой. Я разорвал бумагу и отбросил свою несвоевременную чувствительность.

Итак, к делу. Я проверил электрическую сигнализацию между пещерой и батареей и убедился, что она в порядке; я проверил электросвязь между пещерой и проводочными заграждениями, — с ее помощью я мог пустить ток по любой из двенадцати линий. Новое русло ручья я отдал под надзор троим моим лучшим мальчикам, которые должны были, сменяясь каждые два часа, ждать сигнала — три выстрела из револьвера, один за другим, — чтобы исполнить мой приказ. Остальные часовые были отпущены на ночь, и жизнь в пещере замерла; даже электрический свет я ослабил так, что он едва мерцал.

Затем я выключил ток из всех проволочных заграждений и пробрался между ними к валу, окаймлявшему с нашей стороны широкий ров, образовавшийся от взрыва. Я влез на вал, залег в грязь и стал вглядываться в даль. Но рассмотреть ничего не мог, — было слишком темно. Ни одного звука. Тишина, как в могиле. Конечно, обычные шумы ночи доносились до меня: трепетанье птичьих крыльев, жужжанье насекомых, далекий лай собак, мычанье коровы, — но они лишь усиливали тишину, а не нарушали ее, и наполняли ее печалью.

Скоро я перестал вглядываться, так как все равно не мог ничего рассмотреть, и напрягал лишь слух — не уловлю ли где подозрительного звука, ибо был уверен, что стоит только запастись терпением, и я не буду обманут в своих ожиданиях. Однако ждать пришлось долго. Наконец до меня донесся едва уловимый звон металла. Я насторожил уши, затаил дыхание, ибо это и был как раз тот звук, которого я ждал. Звук усиливался, приближался — с севера. Внезапно я услышал его на одном уровне с собой, — на противоположном валу, в ста футах от себя. Затем на вершине вала появились темные точки. Человеческие головы? Трудно сказать; может быть там и нет ничего, нельзя доверять глазам, когда воображение так напряжено. Впрочем, загадка скоро разрешилась. Лязг металла слышался уже из глубины рва. Для меня стало ясно: ров занимает вооруженный отряд. Да, они готовят для нас небольшой сюрприз. Мы должны ждать нападения на расвете, а может быть и раньше.

Я вернулся назад за проволоку; того, что я видел, было достаточно. Добравшись до платформы, я дал сигнал, чтобы пустили ток в два средних ряда проволочного заграждения. Затем я вернулся в пещеру; там все было в порядке, все спали, кроме дежурных. Я разбудил Кларенса, сказал ему, что большой ров полон воинов и что по-моему рыцари идут на нас всей ордой. Чуть забрезжит заря, тысячи, спрятанные во рву, полезут на приступ, а за ними и все остальные.

Кларенс сказал:

— Они, наверно, вышлют, пользуясь темнотой, пару разведчиков. Почему бы не выключить ток из внешнего ряда проволочного заграждения? Пусть попытают счастья.

— Это уже сделано, Кларенс. Неужели ты считаешь меня негостеприимным?

— Нет, у тебя доброе сердце. Я хочу пойти...

— Встретить гостей? Пойдем вместе.

Мы залегли вдвоем между двумя внутренними рядами проволочных заграждений. Вначале мы ничего не могли различить, но постепенно наши глаза приспособились к темноте. Мы стали различать столбы проволочного заграждения. Кларенс внезапно спросил:

— Что это?

— Где? Что?

— Вон там.

— Где там?

— А вон за тобой... что-то темное... возле второго ряда заграждения.

Я смотрел, и он смотрел. Я сказал:

— Это человек, Кларенс?

— Нет, не думаю. Хотя, кажется, человек! Стоит, прислонясь к изгороди.

— Пойдем поближе и проверим.

Мы поползли вперед на четвереньках. Да, это человек — рослый мужчина в доспехах, стоящий прямо и обеими руками держащийся за проволоку, — и, конечно, от него пахло горелым мясом. Бедняга, он был мертв, как дверная ручка, и так и не узнал, что его убило. Он стоял неподвижно, как статуя, и только перья на его шлеме слегка пошевеливал ночной ветерок. Мы глянули ему в лицо через отверстие в его забрале, но знакомый ли он или незнакомый — определить не могли.

Еще какой-то приближающийся звук, и мы легли на землю. Мы смутно видели второго рыцаря; он шел крадучись, ощупью. Заметив мертвого товарища, он вздрогнул. Постоял минуту, удивляясь, почему тот не шевелится, и спросил тихонько:

— О чем ты задумался, добрый сэр Мар... — и опустил руку на плечо трупа. И с легким стоном упал — и умер, убитый мертвецом, убитый мертвым другом. В этом было что-то жуткое.

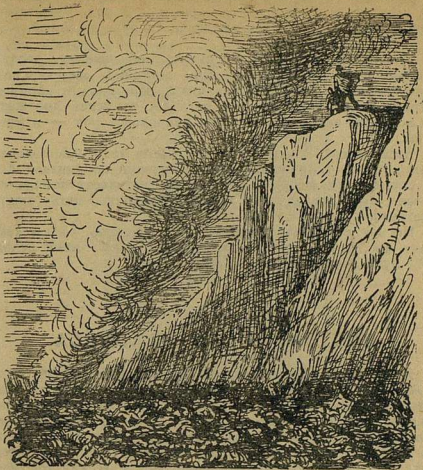
В течение получаса эти ранние пташки появлялись одна за другой с промежутками в пять минут. У них не было никакого оружия, кроме мечей; выставленными вперед мечами нащупывали они себе дорогу между незаряженных проводов. Время от времени мы видели голубую искру — и уже знали, что произошло: рыцарь коснулся мечом заряженного провода и упал мертвым. Молчание, и снова грохот рухнувших доспехов; и так без конца; жутко было внимать этому во мраке.

Мы решили совершить прогулку между внутренними рядами проволочных заграждений. Мы шли во весь рост, — так удобнее; если нас заметят, нас вероятнее всего примут за друзей, а не за врагов, да и пик нападающие с собой не захватили. Забавная это была прогулка. Всюду мертвецы, лежащие за вторым рядом заграждения, смутно видные во мраке; мы насчитали пятнадцать этих патетических статуй, — мертвых рыцарей, стоящих, держась рукою за проволоку. Наш ток был так силен, что убивал раньше, чем жертва успевала вскрикнуть.

Потом мы услышали заглушенный топот и сразу поняли, что это значит. Это был тот сюрприз, который мы ждали. Я шепнул Кларенсу, чтобы он разбудил нашу армию и приказал ей ждать в пещере дальнейших распоряжений. Он скоро вернулся, и мы долго стояли за проволочным заграждением, наблюдая, как беззвучная молния истребляет нападающих. Подробности различать было трудно, но мы видели, как росла темная масса трупов. Наш лагерь был окружен толстой стеной мертвецов, валом из мертвых тел. Самым страшным во всем этом была беззвучность; ни крика, ни стога; собираясь напасть на нас неожиданно, эти люди старались двигаться бесшумно; и едва передние ряды настолько близко подходили к своей цели, что могли бы с громким криком кинуться на приступ, как роковая проволока убивала их.

Я пустил ток через третий ряд проволочных заграждений и почти одновременно через четвертый и пятый, — так быстро промежутки между ними заполнялись нападающими. Я решил, что настало время для главного удара; я решил, что вся армия попала в нашу ловушку. Во всяком случае, пора посмотреть. Я нажал кнопку, и над нашим рвом вспыхнуло пятьдесят электрических солнц.

Боже, что за зрелище! Мы были окружены тремя стенами мертвецов! А промежутки между остальными заграждениями были полны живыми, осторожно двигавшимися вперед среди проволок. Ошеломленная внезапно брызнувшим ослепительным светом, толпа нападающих замерла, как бы окаменела от удивления; это мгновение неподвижности нужно было использовать, и я не упустил случая. Вы понимаете, через минуту они опомнились бы и с боевым кличем кинулись бы на приступ, и мои проволоки лопнули бы под их натиском; но я воспользовался мгновением их замешательства; я успел пустить ток во все заграждения разом, и вся орда была убита. Теперь стон был

Мы долго стояли, наблюдая, как беззвучная молния истребляет нападающих.

слышен! Это был предсмертный стон одиннадцати тысяч человек. Грозной жалобой прозвучал он в ночи.

Одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться, что остальная часть армии, — быть может тысяч десять, — уже перебралась через ров и устремилась вперед, на приступ. Значит, они в наших руках все! И спасения им ждать неоткуда. Пора начать последний акт трагедии. Я трижды выстрелил из револьвера, что означало:

— Пустить воду!

Раздался грохот взрыва, перемычка, сдерживавшая воду, рухнула, и горный поток ворвался в ров, образовав реку в сто футов шириной и двадцать пять глубиной.

— К орудиям! Огонь!

Тринадцать орудий несли смерть обреченным десяти тысячам. Они замешкались, они постояли минуту под шквалом огня и устремились назад, как мякина, гонимая ветром. Четвертая часть их погибла, не успев добежать до вершины вала; три четверти кинулись в ров — и утонули.

Через десять коротких минут после того, как мы открыли огонь, вооруженное сопротивление неприятеля было сломлено, кампания окончена; мы, пятьдесят четыре человека, стали владыками Англии. Двадцать пять тысяч мертвецов лежали вокруг нас.

Но как изменчиво счастье! Совсем скоро, — скажем, через час, — по моей вине случилось... но у меня не хватает духа писать дальше. Кончаю здесь.

Глава XLIV

ПОСТСКРИПТУМ КЛАРЕНСА

Я, Кларенс, должен описать это вместо него. Он предложил мне пойти вместе с ним посмотреть, нельзя ли оказать какой-нибудь помощи раненым. Мне это не понравилось. Я сказал, что если их много, мы ничем не можем им помочь, а ходить между ними неблагоразумно. Но его редко удавалось отвести от раз принятого решения, и мы выключили из наших заграждений электрический ток, взяли с собой охрану, перелезли через стену мертвых тел и начали бродить по полю брани. Первый раненый, обратившийся к нам за помощью, сидел, прислонясь спиной к труп товарища. Когда Хозяин нагнулся и заговорил с ним, раненый узнал его и нанес ему удар кинжалом. Этого рыцаря звали сэр Мелиагронс, как я прочел внутри его шлема. Больше ему уж не придется звать на помощь.

Мы отнесли Хозяина в пещеру и перевязали его рану, которая оказалась не очень серьезной. В уходе за ним нам помогал Мерлин, хотя мы этого и не знали. Он переоделся старухой и явился к нам в виде добродушной крестьянки. Загорелый и чисто выбритый, он пришел через несколько дней после того, как Хозяин был ранен, и предложил

свои услуги в качестве кухарки. Мнимая старуха сказала нам, что все ее родные ушли в новые лагеря, которые создает неприятель, а ее оставили одну и она умирает с голоду. Хозяин в это время уже выздоравливал и развлекался тем, что заканчивал свою летопись.

Мы обрадовались этой женщине, потому что у нас не хватало рук. Мы находились в западне, — в западне, кото-

Когда хозяин нагнулся и заговорил с ним, раненый узнал его и нанес ему удар кинжалом.

рую сами себе расставили. Если мы останемся здесь, мертвецы убьют нас; если мы покинем наши укрепления, мы перестанем быть неуязвимыми. Мы победили — и мы были побеждены. Хозяин понимал это; мы все понимали это. Если бы можно было отправиться в один из тех новых лагерей и начать переговоры с неприятелем... Но Хозяин не мог идти, и я не мог идти, ибо я раньше всех заболел, отравленный тлетворным дыханием тысяч разлагающихся трупов. Вслед за мной заболели другие. Завтра...

Завтра. Пришла беда. Конец. Проснувшись в полночь, я увидел, что та ведьма выделяет какие-то забавные пассы над головой Хозяина, и спросил ее, что это значит. Все спали, кроме тех, кто дежурил возле динамо;

Проснувшись в полночь, я увидел, что та ведьма выделяет какие-то забавные пассы над головой Хозяина.

ни звука. Старуха прервала свои таинственные дурачества и на цыпочках двинулась к двери. Я крикнул:

— Стой! Что это ты делала?

Она остановилась и голосом, полным удовлетворения, сказала:

— Вы были победителями; вы побеждены! Все вы умрете, — ты тоже. Вы умрете в этой пещере, — все, до одного, — кроме него. Он теперь спит и будет спать тринадцать веков. Я Мерлин!

Им вдруг овладел приступ такого дурацкого смеха, что он не мог удержаться на ногах, зашатался, как пьяный, и ухватился рукой за один из наших проводов. Рот его открыт и сейчас; он до сих пор смеется. Он будет смеяться до тех пор, пока его тело не превратится в пыль.

Хозяин не движется — спит, как камень. Если он не проснется сегодня, нам будет ясно, что это за сон, и мы положим тело его в самый дальний угол пещеры, чтобы никто не мог найти его и надругаться над ним. А мы, остальные, условились, что если хоть одному из нас удастся уйти отсюда живым, он опишет все случившееся здесь

и добросовестно положит рукопись рядом с Хозяином, нашим добрым любимым вождем, — жив он или мертв, все равно, она принадлежит ему.

Конец рукописи.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ПОСТСКРИПТУМ АВТОРА

Уже рассвело, когда я отложил рукопись. Дождь почти перестал идти, мир был сер и печален, буря, утихая, вздыхала и всхлипывала. Я подошел к комнате незнакомца и прислушался возле его двери, слегка приоткрытой. Я услышал его голос и постучал в дверь. Мне никто не ответил, но я снова услышал его голос. Я заглянул в комнату. Он лежал на спине в постели, громко разговаривая с привидением, размахивая руками, которые он то сжимал, то разжимал, как больной в бреду. Я тихонько подошел к нему и наклонился над ним. Он продолжал бормотать. Я заговорил, чтобы привлечь его внимание. Радостью и благодарностью озарились его тусклые глаза, порозовело его землистое лицо:

— О, Сэнди, ты пришла наконец!.. Как я тосковал по тебе! Сядь рядом со мной... не покидай меня... никогда больше не покидай меня, Сэнди, никогда, никогда... все теперь хорошо, я снова счастлив... мы счастливы снова, правда, Сэнди? Ты такая неясная, ты расплываешься, как туман, как облако, но ты здесь, и это такое блаженство; я держу тебя за руку, не отнимай у меня свою руку, я недолго буду держать ее, я скоро... А где наша крошка?.. Алло-Центральная!.. Она не отвечает. Спит, может быть? Принеси ее, когда она проснется, и дай мне потрогать ее ручки, ее личико, ее волосы и попрощаться с нею... Сэнди! Да, ты здесь. Я на минуту забылся и думал, что ты ушла... Давно я болен? Наверно давно; наверно, целые месяцы. А какие сны мне снятся! Станные и страшные сны, Сэнди! Сны, более похожие на действительность, чем сама действительность, бред, конечно, но такой отчетливый! Мне снилось, что король умер, мне снилось, что ты в Галлии и не можешь вернуться домой, мне снилось, что была революция; в фантастическом бреду мне чудилось,

будто Кларенс, я и горсточка моих юнкеров сражаемся против всех рыцарей Англии! Но даже не это было самым странным. Мне снилось, будто я человек из другого века, из грядущего века, и это казалось мне действительностью! Ну да, будто я был внезапно перенесен из того века в наш, а потом опять в тот век, и очутился вдруг, одинокий и всем чужой, в незнакомой мне Англии, и будто между мной и тобой лежит пропасть в тринадцать веков! Между мной и моим домом, моими друзьями! Между мной и всем, что дорого мне, всем, ради чего стоит жить!

— Ужасно... Ужаснее, чем ты можешь себе представить, Сэнди. Ах, сторожи меня, Сэнди, не оставляй меня ни на минуту, не давай мне опять потерять рассудок; смерть — вздор, пусть она приходит, лишь бы не было только тех снов, те сны для меня пытка... Я не в силах их больше терпеть... Сэнди!..

Еще некоторое время он несвязно бормотал, потом затих: смерть, видимо, приближалась. Внезапно пальцы его стали шарить по одеялу, и я понял, что наступает конец. Когда горло его сжала предсмертная судорога, он слегка приподнялся и, казалось, прислушался, затем сказал:

— Труба?... Это король! Спускайте мост! Людей на стены замка!... Потушите...

Он готовил свой последний «эффект», но не довел его до конца.

О РОМАНЕ „ЯНКИ ПРИ ДВОРЕ КОРОЛЯ АРТУРА.“

1

В 1867 году Марк Твен, тогда еще молодой американский писатель, вместе с компанией своих соотечественников совершил свое первое путешествие в Европу.

Для большой группы американских туристов был зафрахтован особый пароход «Квейкер-Сити», на котором они должны были пересечь океан, обогнуть берега Франции, Испании, Турции, посетить Грецию и Италию, побывать наконец в Египте и Иерусалиме. Марк Твен говорит, что это должна была быть увеселительная поездка, нечто вроде грандиозного «пикника за океан», и что предпринималась она, главным образом, для развлечения состоятельных американцев.

Сам писатель, как известно, вовсе не принадлежал к их числу. Марку Твену было в то время 28 лет, и за плечами у него была уже большая трудовая жизнь. Каких только профессий не переменял он с тех пор, как двенадцатилетним мальчиком оставил школу ради заработка! Он был и наборщиком, и лоцманом на реке Миссисипи, искал счастья в городах Запада, в Калифорнии и Неваде, среди старателей золотых и серебряных приисков, писал статьи в различных захолустных газетках, странствовал из города в город в качестве чтеца-юмориста, забавлявшего американских провинциалов своими рассказами и шуточными лекциями. Однако, все это не принесло ему ни денег, ни славы. Заплатить свыше тысячи долларов за путешествие на «Квейкер-Сити» было ему не под силу. Между тем мысль о такой поездке казалась ему очень заманчивой: интересно было повидать новые для него страны, Европу и Восток, где он никогда не бывал. Не менее привлекательным представлялось в течение нескольких месяцев вести обеспеченную, беззаботную, веселую жизнь

на борту океанского корабля. Чтобы осуществить эту поездку, Твен предложил свои услуги одной из крупных калифорнийских газет в качестве постоянного корреспондента на «Квейкер-Сити». Он обещался описать все это путешествие в серии писем, которые должен был присылать с пути.

Редакция газеты «Дейли-Альта-Калифорния» решила рискнуть значительной суммой, которую надлежало внести вперед за своего будущего сотрудника пароходной компании, и не ошиблась в своих расчетах. Первые же корреспонденции Марка Твена с отчетами о дорожных впечатлениях привлекли внимание американских читателей. Путешествие продолжалось; письма становились все ярче, занимательнее и веселее. Они имели такой успех, что по возвращении на родину Марк Твен собрал их и выпустил отдельной книгой.

Эта книга сделала его знаменитым. В Европе, правда, на нее несколько обиделись, но зато в Америке она имела шумный успех. Называлась она «Простак за границей», и была книгой не только веселой, но и задорной.

У американцев, путешествовавших по Европе, было принято благоговей перед их «старой родиной», Европой, неизменно восхищаться памятниками ее исторического прошлого, превозносить красоты природы, величественность ее старинных городов, восторгаться бесчисленными произведениями искусства в ее музеях и картинных галереях. Но Марк Твен поставил себе целью сохранить в своих путевых письмах полную самостоятельность суждений. Он хотел рассказать среднему американскому читателю «какими показались бы ему Европа и Восток, если бы он посмотрел на них собственными глазами, а не глазами тех путешественников, которые уже успели там побывать до него».

«Никто из нас, — пишет он о своих спутниках, — до сих пор не бывал нигде кроме своей родины... Все мы явились из глубины страны, то есть были провинциалами. Путешествие было для нас новинкой: поэтому мы вели себя сообразно нашим склонностям». И действительно, путешественники держали себя свободно и непринужденно на всем пути от Нью-Йорка до Палестины, и застрельщиком большинства веселых шуток был сам Марк Твен.

Многое из того, что им приходилось видеть, представлялось им и новым, и странным, и забавным. Далекое прошлое все еще тяготело над «старушкой» Европой, но это казалось нелепым представителям молодой американской цивилизации. Они не хотели оглядываться назад, они хотели смотреть только в будущее. Путешественников водили по старинным церквам, по улицам городов, все еще сохранявшим свой средневековый облик, по музеям, в которых собраны были всевозможные исторические реликвии. Повсюду их окружали услов-

ности, предрассудки, пережитки седой старины, но они не собирались поддерживать культ прошлого, они оценивали все по-своему, на американский провинциальный лад.

В «Простаках за границей» Марк Твен описал, например, свои впечатления об одной из крупнейших в мире картинных галерей, парижского Лувра, заключающей в себе величайшие сокровища живописи. «Мы посетили Лувр и осмотрели целые мили старых мастеров. Некоторые из них были прекрасны, но все они носили признаки такого подхалимства этих великих людей, что мы получили от обозрения картин мало удовольствия. Их тошнотворное низкопоклонство перед титулованными покровителями показалось мне действительно заслуживающим внимания и приковало мой взор сильнее, чем художественное достоинство картин». Марк Твен не пощадил ни Рафаэля, ни Тициана, ни Леонардо да Винчи; он просто находил, что новая живопись лучше старой. Не менее сурово отнесся он ко многим другим музейным реликвиям, памятникам старины, преданиям. Трезвый, рассудительный американец, чуждый всякой сентиментальности, чувствуется здесь в каждом приговоре, в каждой снисходительной улыбке и ироническом замечании, сопровождающем его суждения о европейском быте, нравах, искусстве. На парижском кладбище американцам показали могилы несчастных влюбленных XII века — Абельяра и Элоизы. Их история прославлена в десятках и сотнях поэтических произведений на всех европейских языках, но Твен нашел, что их трагическая судьба совершенно напрасно вызывала «целые водопады слез» в течение столетий. Точно так же отнесся он к знаменитой любви Петрарки к Лауре и даже выразил сочувствие мужу Лауры, которому, в свое время, очевидно, здорово поднадоел этот «приторный» поэт XIV века, вечный воздыхатель его супруги.

Истолковывая так, на американский лад, средневековые любовные истории, Марк Твен посмеивался не только над утонченной европейской романтикой, но и над своими соотечественниками, которые несколько не считались с историческими традициями и воспринимали самые знаменитые легенды с точки зрения своих строгих семейных добродетелей. Впрочем, он и сам, вероятно, не мог вполне отрешиться от пуританской морали, воспитанной в нем с детства. Не удивительно поэтому, что и позже ему осталась совершенно чуждой и непонятной любовная героиня рыцарских романов. Он воспринял лишь ее отрицательные и забавные черты: достаточно вспомнить, как изложен им роман рыцаря Ланселота и королевы Гиневры в «Янки при дворе короля Артура».

В Европе почти каждое сколько-нибудь примечательное место было связано с какой-либо старинной легендой. И «простакам» часто приходилось их выслушивать. Эти легенды очень забавляли Твена, он находил их причудливыми и неправдоподобными, называл их «роскош-

нейшим враньем». Правда, иной раз он не прочь был мысленно перенестись в отдаленное прошлое и представить себе, какую была тогда жизнь на самом деле. Но при этом он не поддавался установившимся историческим традициям и глядел на все глазами человека XIX столетия. Впечатления текущей жизни современной ему Америки значили для него больше, чем самые «роскошные» легенды. Вот отсюда и родился его юмор, столь понятный и близкий провинциалам американского Запада и столь шокировавший иной раз европейский вкус.

В то же время Твен не пропускал случая посмеяться над самими американцами. Так, рассказывая в «Простаках» о посещении знаменитых развалин римского Колизея, он писал, что на его долю «выпала высокая честь найти случайно между обломками единственную программу представления в этом театре, ныне уже угасшем» и «запачканный и порванный номер «Римской ежедневной секиры». Конечно, в этой выдумке была своя сатирическая цель. Марк Твен смеется тут над типичными способами рекламы и над провинциальным американским журнализмом, однако, с другой стороны, он и сам не мог и не хотел воспринимать прошлое иначе как сквозь призму своих повседневных впечатлений. Именно этим его природным свойством порождена была впоследствии вся сатирическая фантастика романа «Янки при дворе короля Артура».

Вот эта программа:

РИМСКИЙ КОЛИЗЕЙ

Неподражаемая притягательная сила!

Новые приобретения! Новые львы! Новые гладиаторы!

Приглашен известный

МАРЦЕЛЛ ВАЛЕРИАН

На шесть вечеров только.

Дирекция представления просит позволения

Предложить публике

Развлечение,

Которое по роскоши своей превзойдет все,

Что до сих пор испробовано было на

Какой бы то ни было сцене! и т. д. и т. д.

Подробно перечислив наиболее захватывающие номера этого зрелища, Марк Твен кончал свою афишу в том же американском стиле:

**А все вообще
Закончится целомудренным и изящным
Всеобщим избранием,
В котором 13 африканских львов
И 22 пленника-варвара
Будут биться друг с другом, пока все не будут убиты.**

Контора для продажи билетов в ложи открыта.

Место в передних рядах — 1 доллар.

Дети и слуги платят половину.

Программа эта очень напоминает объявление о спектакле, который устроил «король» и «герцог» в захолустном городке на Миссисипи, при содействии Тома и Гека («Приключения Геккльберри Финна») и рекламу тех турниров, что янки устраивал при дворе короля Артура.

2

Наряду с подобными шутками, на которые Марк Твен не скупился в «Простаках за границей» и которым особенно рукоплескали американские читатели, в этой книге возникли уже и более серьезные патриотические темы. Слегка смеясь над своими соотечественниками, весело иронизируя над их невежеством, грубоватостью, мещанскими вкусами, наконец над их сугубо практическими интересами, заставлявшими их видеть все в особом свете, на свой американский манер, Марк Твен большею частью соглашался с ними. Пусть «простаки», приехавшие поглазеть на чудеса древне-европейской цивилизации из еще диких, необжитых краев, неотесанны и вкус их недостаточно тонок, пусть они плохо знают историю, но они любят свою страну, свою еще молодую культуру и государственность и гордятся своими учреждениями, которые считают лучшими в мире. Именно это, рассуждает Марк Твен, и дает им право иметь собственные взгляды и упорно отстаивать свою точку зрения. Все «простаки», а среди них сам Марк Твен в первую очередь, весьма гордились тем, что они американцы, и неустанно подчеркивали это всюду, где бы они ни появлялись. Старая Европа казалась им страной отсталой во многих отношениях, Соединенные Штаты, в сравнении с нею, — государством передовым, воплотившим в жизнь многое из того, о чем Европа не смела еще мечтать. Поэтическая Италия, например, к которой влеклись мечты всех путешественников, родина Возрождения, страна искусства,

дворцов, неслыханной роскоши, величественного прошлого, оказывалась далеко не столь поэтической, стоило лишь присмотреться к ней ближе трезвым, испытующим взглядом. Она была также страной нищеты, голодных бродяг и святош, для которых простое мыло считалось невероятной прихотью. В Кампании, например, совсем поблизости от Рима, в 60-х годах жили еще почти так, как жили средневековые предки, в полном неведении всех тех культурных благ, которые открыты и завоеваны были новейшей историей, в особенности девятнадцатым столетием.

Глядя на всю эту нищету, бесправие, на все подавляющую власть церкви, Марк Твен задумался над тем, что было бы, если бы он был одним из этих итальянских бедняков — только более энергичным и предприимчивым, который отправился бы путешествовать в Америку и вернулся бы опять к себе на родину? Как удивительны были бы его рассказы! «Что за поразительные области неведомых чудес я мог бы открыть!.. Я бы сказал тогда: я видел там страну, о которой не печется святая церковь, а между тем население в ней живет и преуспевает... Видел простых людей — мужчин и женщин, которые знают грамоту, деревенских детей, которые умеют читать книжки по печатному... Если бы я только имел смелость подумать, что вы этому поверите, я бы даже сказал, что они умеют также и писать...» Марк Твен подробно разворачивает картины тех поразительных чудес, которые итальянский крестьянин мог бы увидеть за океаном. Все показалось бы ему здесь новым, необыкновенным, невероятным. «Одежда мужчин своеобразна до того, что даже смешно. В обыденной жизни они не носят ни мушкетов, ни остроконечных рапир, ни широких одежд на зеленой подкладке, но... черные сюртуки и рубашки, на которых так легко заметна грязь, что их приходится менять каждый месяц». А разве мог бы поверить итальянский крестьянин, что на свете есть такая страна, где люди свободно распоряжаются своей землей? «Я видел там простых людей, не государей и не духовных особ, которым безусловно принадлежала та земля, которую они обрабатывали: с этой земли ни церковь, ни дворянство не требовали арендной платы, в этом я готов даже присягнуть! В этой стране вы можете, пожалуй, хоть три раза упасть с трехэтажного дома и не пришибить ни одного священника, ни одного солдата! Малочисленность как тех, так и других здесь поистине изумительна!..» Много диких вещей увидел бы итальянец в Америке, но самое дикое — это то, как обрабатывают землю там, в этой стране чудес. Он сказал бы своим соотечественникам: «В Америке люди положительно умнее и знают больше, чем их прадеды. Они не возделывают землю заостренным бревном или треугольным куском дерева, который только царапает верхний слой земли. Мы это делаем потому, что так делали наши праотцы 3000 лет тому назад (так думается мне по крайней мере). Американцы

же не имеют никакого уважения к своим предкам, они пахут землю плугом, который есть не что иное, как острое вогнутое железное лезвие, врезающееся в землю, на целых пять дюймов в глубину. Но это еще не все. Они снимают хлеб и молотят зерно страшной машиной, которая может справиться с жатвой целого поля за один день. Если бы я только смел, я вам сказал бы напридачу, что они употребляют еще иногда такой плуг, который действует паром и огнем и взрывает целые десятины земли в какой-нибудь час... Но... но... я вижу по вашим лицам, что вы таким шуткам не придаете веры... Увы, доверие ко мне разрушено в ваших глазах, я вами заклеямен названием лгуна!»

Так забавлялся Твен над бедной отсталой Европой, и, так веселясь, он возвышал в глазах читателя представление о своей родине и о той роли, которую она призвана была сыграть в истории мировой цивилизации.

Если бы мы захотели представить себе, как в творческом сознании Твена зародилась фантастическая идея романа «Янки при дворе короля Артура», то мы должны были бы искать ее первые, еще не вполне ясные очертания именно в «Простаках за границей», в книге, написанной за 20 лет до «Янки». Здесь наметились и объекты будущих сатирических нападок писателя, впервые прозвучали некоторые приговоры и оценки, впоследствии развитые и глубже обоснованные, здесь, наконец, начата была своеобразная реабилитация типичного американского практицизма и деловой трезвости.

Впоследствии Марк Твен еще несколько раз бывал в Европе и имел возможность проверить свои первые впечатления.

Основная тема «Простаков» никогда не теряла для него интереса. В записных книжках Твена можно найти много заметок, относящихся к тем или иным наблюдениям над европейской действительностью. В одной из таких книжек (за 1883 год) есть, например, следующая запись: «Вообразил себя рыцарем в латах в средние века. Потребности и привычки нашего времени и вытекающие отсюда неудобства. В латах нет карманов. Не могу почесаться, насморк — не могу высморкаться, не могу достать носовой платок, не могу вытереть нос железным рукавом. Латы накаляются от солнца, пропускают воду и дождь, в морозную погоду — превращают меня в ледышку. Когда я вхожу в церковь, раздается неприличный лязг. Падаю и не могу сам подняться».

Эта запись представляет собою зерно, из которого пять лет спустя выросла 12-я глава «Янки при дворе короля Артура» («Медленная пытка»). В тех же записных книжках Марка Твена 80-х годов можно найти немало и других заметок, в том или ином виде вошедших потом в роман — об аристократии и монархии, о почтительном отношении к старине, о наследственных привилегиях и т. д. За-

чем нужны короли? В самом деле — зачем? — спрашивает себя Твен. — Не лучше ли чувствуют себя страны, в которых нет ни наследственной королевской власти, ни аристократии, ни государственной церкви? Эта тема всегда занимала Твена, и он решал ее, как воинствующий демократ, для которого феодализм был символом отсталости, деспотизма, произвола. В одной из его записей мы читаем: «Усилием воображения можно представить себе семейство медведей, одержимых спесью по поводу того исторического факта, что их предок разграбил улей, и полагающих, что тем самым они получили наследственное право на грабеж. Это можно себе представить, но дальше сравнение не идет. Пчелы будут кусать медведей каждый день, хотя бы это продолжалось тысячу лет. Человека можно убедить, что зло постепенно стало добром, пчелу же нельзя, по крайней мере — в ее нынешнем примитивном состоянии». Другая запись еще резче: «В конституционных монархиях есть смысл заменить королевское семейство — семейством шимпанзе. Разницы никакой, столь же достойные обожания обойдутся дешевле».

К этим мыслям Марк Твен возвращается неоднократно в своих произведениях.

В «Приключениях Гекльберри Финна» (1884) герой повести дает характеристику королей и герцогов, весьма своеобразную с исторической точки зрения, но по существу очень близкую к тому, что думал по этому поводу сам Твен.

В повести «Принц и нищий» эти вопросы подняты уже не мимоходом, им посвящена вся книга. «Принц и нищий» так же, как и «Янки при дворе короля Артура», книга о старой Англии. Каждое из этих произведений по-своему освещает давнюю историю Англии, но их роднят и некоторые эпизоды и общий круг мыслей.

Все это лишний раз свидетельствует, что Марк Твен долго вынашивал в себе замысел романа о короле Артуре, любовно и тщательно обдумывал отдельные его эпизоды.

3

Роман «Янки при дворе короля Артура» однако отнюдь нельзя связывать исключительно с размышлениями Марка Твена о Европе. В равной мере эта книга посвящена и Америке, и эта вторая ее тема в известном смысле даже важнее, чем первая. Выворачивая наизнанку европейские средневековые легенды, смеясь над отдаленным европейским прошлым, Марк Твен в то же время касался в своей книге весьма злободневных вопросов современной ему американской жизни. В первую очередь книга обращалась не к европейским, а к американским читателям. И это не следует забывать, чтобы правильно оценить

ее основной идейный смысл. Соединенные Штаты все еще находились под обаянием своеобразной «романтики феодализма», которая, по мнению Марка Твена, наносила его родине значительный вред. Не так давно закончилась кровопролитная война между Северными и Южными штатами, вскрывшая приверженность многих американских колоний к европейской средневековой идеологии, к худшему европейскому идейному наследию. Между прочим, Марк Твен подробно говорит об этом в знаменитой XV главе своей книги «Жизнь на Миссисипи» (1883). По его мнению, за это нес большую ответственность такой писатель, как Вальтер Скотт. Твен относился к Вальтеру Скотту с резкой нетерпимостью. Художественные достоинства романов Вальтера Скотта отступали для него на второй план, так как он считал, что Вальтер Скотт больше чем кто либо содействовал возрождению любви к старине, к средневековому прошлому; под его влиянием, — писал Твен, — «весь мир влюбился в сны и видения, в разрушившиеся и сгнившие системы управления, в глупость и мнимое рыцарство безмозглого и ничтожного, давно исчезнувшего общества». Все еще живым и сильным это влияние было, по мнению Марка Твена, на юге Соединенных Штатов, где «подлинная здоровая цивилизация девятнадцатого века странно перепутана и переплетена с мнимой цивилизацией вальтерскоттовского средневековья, и вы встречаете рядом с живой, осмысленной прогрессивной работой — дуэли, напыщенную речь и худосочный романтизм бессмысленного прошлого, которое давно умерло и должно быть хоть из сострадания похоронено». Если бы не «вальтерскоттовская болезнь», то южанин, по мнению Марка Твена, «был бы совершенно современным человеком, а не помесью современного и средневекового, и Юг был бы на целое поколение впереди».

Характерно при этом, что Марк Твен сопоставляет две знаменитых книги, из которых одна, по его мнению, имела самое благотворное, другая, напротив, самое вредное влияние на общество. Это «Дон Кихот» Сервантеса и «Айвенго» Вальтера Скотта. Первая — «смела с лица земли восхищение средневековой рыцарской чепухой, а вторая воскресила это восхищение». Обе эти книги имели немаловажное значение для создания «Янки при дворе короля Артура».

Роман Сервантеса Марк Твен любил с детских лет, постоянно его перечитывал и не раз испытывал его воздействие на собственном творчестве. Образы этого романа носились перед ним тогда, когда он писал свои книги о Томе Сойере и Геке Финне. Том — романтик и фантазер, подчас он напоминает Ламанчского рыцаря, а Гек — его оруженосца. Все помнят разочарования Гека в сцене пикника, когда мальчики, разогнав детей по долине, не добыли себе ничего, кроме нескольких крендельков. «Я не видел никаких алмазов и сказал про это Тому Сойеру. А он сказал, что их была масса и что там также были и арабы, и слоны, и все прочее. Я спросил: «Почему же мы их

тогда не видели?» А он ответил, что если бы я не был такой невежда и прочел бы книгу под названием Дон Кихот, я бы все понял и не спрашивал. По его словам все это совершилось по волшебству: там были сотни солдат, и слоны, и сокровища, но у нас есть враги, которых он назвал волшебниками, и они нам на зло превратили все в начальную воскресную школу» («Приключения Геккльберри Финна»). Вся эта сцена очень походит на приключения Дон Кихота со стадом баранов. Этот же эпизод мы невольно вспоминаем, читая главы о путешествии Янки и Сенди. Сенди играет здесь роль Дон Кихота, а Янки — Санчо Панса; он столь же трезв и рассудителен и неподатлив на всякую сентиментальность, как и знаменитый оруженосец Сервантеса.

Сенди видит прекрасный высокий замок с флагами, развевающимися в голубом воздухе, там, где для Янки стоит лишь простой свиной хлев, окруженный плетнем (гл. «Замок людоеда»).

Марк Твен не устал бороться со всеми, кто прославлял ложную романтику, кто стремился опозитизировать давно прошедшие времена. Средневековой поэзии, навеянной романами Вальтер Скотта и свившей себе гнездо даже в Америке, не имевшей никакого феодального прошлого, Марк Твен противопоставлял «оздоровляющий, практический дух XIX века — запах бумаго-прядильных фабрик и локомотивов». Марк Твен жестоко издевался над затеей одного педагога из штата Теннесси, который поместил «Женский институт» в здание, похожее на средневековый замок с башнями, зубчатыми стенами и воротами, увитыми плющом. «Поместить школу в замок, — писал он, — романтическая затея; столько же романтическая, как устроить в замке гостиницу. Сам по себе такой псевдо-замок, конечно, безвреден и довольно эффектен. Но он — символ, он насаждает и поддерживает здесь слезливую романтику средневековья, в самый разгар самого простого и здорового, величайшего и достойнейшего из всех веков, прожитых миром — и потому он является несомненно вредной затеей и ошибкой».

4

В честь этого «достойнейшего из всех веков», во славу своего времени и написал Марк Твен роман «Янки при дворе короля Артура». В известном смысле роман можно принять за прославление Америки и его рядового представителя, который мог бы выдержать соперничество с наиболее прославленными легендарными героями древних времен. Марк Твен сознательно поставил перед собой задачу придать героические черты этому типичному среднему американцу. В беседе с художником Бирдом Твен дал такую характеристику своему герою: «Мой Янки не имеет ни изысканности, ни изнеженности тех, кто

получил воспитание в колледжах; он — совершенный невежда, он — хозяин фабрики, который может сделать локомотив или кольцовский револьвер, может провести телеграфные линии, но который, тем не менее, все-таки невежда». Героем делают его не столько его личные достоинства, сколько черты, типичные для его времени и среды, типичные для десятков лиц ему подобных; он — представитель определенного уровня цивилизации. Возвысить значение этой цивилизации, подчеркнуть ее мировую роль Марк Твен и стремился в первую очередь.

Однако, роман отнюдь не ограничивается лишь прославлением Америки XIX века. Замысел книги гораздо сложнее. И «самый простой, и здоровый, и величайший, и достойнейший из всех веков» имел свои теневые стороны, свои недостатки, и очень серьезные. Марк Твен прекрасно это видел и понимал. Дело в том, что после гражданской войны (1861—1864) между Северными и Южными штатами США действительно сделали гигантский скачок вперед на пути своего экономического и технического преуспеяния. В этот период своей капиталистической зрелости США быстро догнали и перегнали старую Европу, Америка богатели, отстраивалась, развивала свою промышленность в неслыханных прежде размерах. На первых порах, процветавшие здесь необычайная деловая энергия населения, сугубый практицизм и почти всеобщее обогащение даже демократически настроенными американцами рассматривались как несомненные признаки совершенствования и прогресса. Однако, более зорким наблюдателям вскоре становилась ясной обратная сторона этого технического процветания и погони за долларами. В таких ранних своих произведениях, как «Простак за границей» (1869) или в авто-биографической повести «Закаленные» (1871), в которой Марк Твен рассказал о своихключениях золотоискателя, он еще весьма бодро и весело смотрел вперед — в будущее американской демократической цивилизации. Но уже в 1873 году, в сотрудничестве с видным американским журналистом Чарльзом Уорнером, Марк Твен написал весьма смелый разоблачительный роман «Позолоченный век», в котором картина американской действительности первого послевоенного десятилетия дана далеко не в идиллическом свете. Безграничные возможности обогащения или опыты разумного «технического» переустройства жизни и быта на более комфортабельный лад представлены здесь с их обратной стороны. Конечно, великим культурным делом является развитие железных дорог или горно-заводской промышленности, всевозможных производств, имеющих целью улучшить, облегчить, упростить условия человеческого существования, но плохо, если основным двигателем прогресса является стремление к личному обогащению. Конечно, гражданская война освободила черных рабов — негров на плантациях,

но при этом она создала новых рабов — белых бедняков, новых рабовладельцев — неслыханных богачей. Спекулятивная лихорадка, биржевая игра, приводившая к разорению одних и обогащавшая других, всевозможные подозрительные махинации ловких дельцов, деньгами, «позолотой» скрывавших преступление и порок, — вот что бросалось в глаза в американской действительности 70-х годов. И Марк Твен с художественной силой показал это в романе «Позолоченный век».

Многое из того, что беспокоило Марка Твена, когда он писал «Позолоченный век», нашло свое отражение и в романе «Янки при дворе короля Артура». И в этом романе Марк Твен откликается на злободневные темы, но более смягченным, косвенным образом.

Сопоставление американской демократической цивилизации с феодальной культурой Европы более или менее отдаленного времени успокаивало сердце, давало уверенность в том, что эта демократическая цивилизация — более передовая ступень исторического развития. Но это не значило, что Марк Твен готов был к ее безоговорочному принятию и бездумному прославлению. В романе то и дело прорываются очень тревожные нотки; впечатления от американской действительности далеко не всегда являются бодрыми и оптимистическими. Проблема рабства в романе не случайно поставлена так остро. Не так уж давно было покончено с рабством негров в самой Америке и совсем еще не покончен вопрос о новых рабах — «белых бедняках». В главе «Трагедия усадьбы» Марк Твен с большой горечью говорит о той легкости, с которой бедняки предают свои же собственные интересы, об отсутствии единения среди тех, кто подвергается эксплуатации, и это относится отнюдь не только к беднякам времен короля Артура. Так и «политическая экономия шестого века», которой посвящена целая глава романа, имеет не малое отношение к политической экономии XIX века. Твен прямо говорит о многих «варварских законах», которые имели силу в отдельных местностях, и о многих других несовершенствах американской государственной жизни. Современники романа, читая его, разумеется, лучше чем мы понимали многие скрытые его намеки, как бы случайно, вскользь брошенные замечания, догадываясь, что в одном месте Твен имеет в виду рабочие забастовки в американских промышленных центрах, в другом — преступный мир Чикаго и открытые убийства на его улицах и т. д. Таким образом, роман едва ли можно считать просто прославлением американской цивилизации. Осторожно, мимоходом он вскрывает и ее противоречия и ее теневые стороны.

В романе мы находим, однако, и нечто еще большее: идею неизбежности революции, мысли о том, что технический переворот в стране невозможен без творческого участия народной массы, веру в ее силы.

Роман, начавшийся весело и задорно, вывернувший наизнанку рыцарские европейские поэмы, для того чтобы показать реальное значение практической деятельности в противовес ложной патетике чувств, кончается трагически — янки гибнет, бессильный что-либо изменить в стране рабства, *бесправия, церковного гнета. Один в поле не воин. Только ли это хотел сказать Марк Твен? Или же он хотел также подчеркнуть, что одними техническими усовершенствованиями нельзя изменить застоявшийся общественный строй? Об этом Марк Твен предоставляет догадываться самому читателю, как бы приглашая его не только смеяться своей забавной выдумке, но и поразмыслить над ней более серьезно.

ОБЪЯСНЕНИЯ

К „Предисловию“ и стр. 4—10

Стр. 3. «...мадам Помпадур, леди Кастлмен». Маркиза Помпадур — фаворитка французского короля Людовика XV (1710—1774). Она имела неограниченное влияние на короля, вмешивалась во все дела по управлению Францией и направляла внутреннюю и внешнюю политику Людовика. Лэди Кастлмен, урожденная Барбара Вилльер — фаворитка английского короля Карла II (1630—1685). В течение долгого времени она пользовалась полным доверием Карла II и оказывала сильное воздействие на ход английских государственных дел.

Стр. 4. «...в Варвикском замке». Варвик — небольшой городок в Англии, неподалеку от Лондона. Важнейшей достопримечательностью города является старинный замок, выстроенный графом Варвиком при короле Вильгельме-Завоевателе в XI в.; стоит он в очень живописном месте, на вершине скалы, омываемой рекой Эвоном и окруженной со всех сторон густым лесом. Красивый замок, с которым связано много легенд, и его живописные окрестности привлекают в город большое количество туристов из Англии и других стран.

Марк Твен представляет себя одним из них, после осмотра замка мечтающим о древних временах у камелька в местной гостинице («Варвик-Армс»).

Стр. 5. «...времен короля Артура и Круглого Стола». Историки древней Британии долгое время считали короля Артура историческим лицом и предполагали, что в многочисленных средневековых преданиях о нем сохранилась какая-то частица исторической правды, хотя и затемненной и очень искаженной на протяжении столетий. Во второй половине 80-х годов XIX в., когда Марк Твен писал свой роман, в популярных исторических трудах и учебных книгах нередко можно было встретить даже краткое жизнеописание короля Артура. Так, здесь обычно указывалось, что король Артур был вождем одного из

кельтских племен Британии в начале VI в., в тот период, когда эта страна все еще вела ожесточенную борьбу (начавшуюся полустолетием раньше) с пришлыми племенами — англами, саксами, готами и др. (объединяемыми обычно под общим наименованием англо-саксов). Англо-саксы явились на остров с европейского континента и поработили кельтов (и среди них племя бриттов, давших общее наименование различным кельтским племенам). Считалось правдоподобным, что Артур принимал участие в одном из кровопролитных сражений бриттов с иноземцами-захватчиками около г. Бата в 516 г. и умер в 537 г.

Вероятно, исходя из этого популярного в конце XIX в. представления о короле Артуре, как об историческом лице, Марк Твен относит действие своего романа к VI в.

Но хотя Марк Твен и указывает точное время действия, повесть «Янки при дворе короля Артура» нельзя назвать исторической повестью. Марк Твен нигде не упоминает о древних бриттах, боровшихся с англо-саксами, он даже иногда заменяет название Британии — «Англией», а героев именует «англичапами». Марк Твен, главным образом, имеет в виду средневековую Европу вообще во времена феодализма. В своей повести Твен основывается не на научно-исторических данных, а на легендах и преданиях, распространенных в рыцарских романах. В XII—XIV вв. таких рыцарских романов было очень много и большая их часть посвящена королю Артуру и рыцарям «Круглого Стола».

Короля Артура эти романы рисовали как доблестного, мужественного и благородного властителя. Вокруг него собирались рыцари всех стран, чтобы выслушать его совет, получить одобрение тому или иному подвигу, быть посвященным в рыцарский сан.

«Не было ни одного шотландца, ни бретонца, ни француза, ни фламандца, ни бургундца, ни одного вообще доброго рыцаря, откуда бы он ни происходил, с Запада или Востока, который бы не счит своей обязанностью побывать при дворе короля Артура, — говорится в одном из романов. — Сюда приходили со всех стран рыцари, искавшие себе славы».

Король Артур велел сделать в пиршественной зале круглый стол. Все его рыцари должны были быть равными между собой, несмотря ни на свой титул, ни на свое положение при дворе; всем им прислуживали за столом с одинаковым почтением, никто не мог похвастаться тем, что занимает за столом лучшее место, чем его сосед. Между ними не было ни первого, ни последнего. В большие праздники к этому столу собирались наиболее доблестные из королей, баронов и рыцарей всей Европы. Вот почему рыцарей короля Артура называли рыцарями Круглого Стола. Постепенно стали вырисовываться постоянные, выступавшие в различных романах, действующие лица —

королева Гиневра, ветреная и влюбчивая, рыцари — братья Гавейн и Ивейн, Ланселот, Персеваль, Кей, Галахад и многие другие. Рыцари жили при дворе короля Артура и удалялись оттуда лишь на поиски приключений. В более ранних романах указывалось, что всех рыцарей Круглого Стола было 12 (по числу 12 пэров Карла Великого), в более поздних источниках число рыцарей достигало уже 150 человек. Когда отдельные рыцари погибали в битвах, Артур принимал на их место новых, из числа достойнейших.

В романах рассказывалось также о волшебнике Мерлине, о сестре Артура — фее Моргане, об отплытии короля Артура в обитель бессмертия, на чудесный остров Авалон, откуда он возвратится, когда придет время, покрытый славой, чтобы снова занять британский королевский престол.

Романы о рыцарях Круглого Стола XII—XIII вв. представляют собою весьма крупное явление средневековой литературы. Они оказывали большое влияние на тогдашнее общество и являлись своего рода учебными пособиями, из которых читатели поучались рыцарским добродетелям, нравственности, правилам поведения и этикета. Герои романов служили образцами для молодежи. Тот, кто был незнаком с этими произведениями средневековой литературы, считался крайне невежественным. Лишь в эпоху Возрождения, в XV—XVI вв. замечается более сдержанное или даже ироническое отношение к рыцарским романам — у итальянских поэтов, у Рабле — во Франции, у Сервантеса — в Испании.

Стр. 5. «...какой-нибудь солдат Кромвеля». Оливер Кромвель (1599—1658) — вожь английской революционной армии, одержавшей несколько побед над войсками короля Карла I во время английской революции 1649 г. Войска Кромвеля занимали все важнейшие замки королевских приверженцев, в том числе и Варвикский замок.

Стр. 5. «...книгу сэра Томаса Мэлори». В 1485 г. в г. Вестминстере, в одной из первых английских типографий, была издана большая книга в развернутый лист под заглавием «Смерть Артура». Она заключала в себе всю легендарную историю короля Артура и его рыцарей. В предисловии издатель извещал читателей, что он выпустил ее в свет по той рукописи, которую приготовил для него сэр Томас Мэлори.

Сер Томас Мэлори и сам был рыцарем. Он повествует о судьбе и подвигах рыцарей простодушно, наивно, бесхитростно, но с подлинным изяществом. Марк Твен не напрасно называет «Смерть Артура» «старинной очаровательной книгой». Повесть Томаса Мэлори долго оставалась одной из любимых книг в Англии. В XIX в. она послужила основой для многих поэтических и прозаических английских произведений о рыцарях Круглого Стола. Марк Твен пользовался этой книгой как главным, почти единственным, источником при на-

писании «Янки при дворе короля Артура». Он ввел в свой роман несколько подлинных отрывков из книги Мэлори, воспользовался большинством приводимых в ней имен и многими ее живописными подробностями. Правда, многие из образов Мэлори Твен переделал по-своему.

Весь рассказ о том, «Как сэр Ланселот убил двух великанов и освободил замок» представляет собою воспроизведение главы из книги Томаса Мэлори без всяких изменений.

Стр. 6. Сэр Ланселот Озерный — один из центральных героев книги Мэлори и многих романов о рыцарях Круглого Стола. Прозвание «Озерный» дано было Ланселоту потому, что еще в младенческом возрасте он был похищен феей, унесшей его в озеро, где, в глубине вод, находился ее великолепный дворец. В этом подводном дворце фея воспитала Ланселота, сделав из него доблестного и непобедимого рыцаря. Служение даме — основной девиз Ланселота. Ланселот совершает многие подвиги, он переправляется через мост, узкий как острие меча, сражается на турнирах, попадает в плен к противнику и тот замуровывает его в башне без окон и т. д. При посредничестве рыцаря Галеота Ланселот добивается благосклонности королевы Гиневры, супруги короля Артура. Когда Артур узнает об этом, он присуждает Гиневру к сожжению на костре, но Ланселот спасает ее и бежит с ней в свой замок «Веселая Крепость». Король Артур подвергает замок осаде.

Многие из приключений Ланселота описаны Твеном в этой книге.

Стр. 7. Сэр Кэй — персонаж, постоянно повторяющийся во многих романах артуровского цикла. Везде он именуется «сенешалем», то есть «управителем» (первоначально так называлась должность надсмотрщика за рабами или пленными, затем «домоуправителя» королевского дворца). В романах сэр Кей обычно является несколько комическим героем; это рыцарь-неудачник, который, впрочем, постоянно строит козни другим рыцарям при дворе. Этими же чертами наделяет его и Марк Твен в своем повествовании.

Стр. 8. «Я родился и вырос в Хартфорде, в штате Коннектикут». Коннектикут — один из северо-восточных штатов Америки, принадлежащих к группе штатов, прозванных «Новой Англией». Коннектикут принимал деятельное участие в борьбе с Англией за независимость и издавна отличался своим передовым характером. Так, например, по конституции этого штата, принятой в 1818 г. (между прочим, отрывок из этой конституции Марк Твен приводит в главе XIII своего романа), здесь запрещены были рабство и работорговля, которые и раньше были очень слабо развиты на его территории.

Жители Коннектикута славятся своим особым практицизмом, деловитостью, технической сметкой. Здесь издавна процветали различные ремесла и мануфактуры. Во времена Марка Твена весь этот

маленький штат, расположенный неподалеку от Нью-Йорка, был покрыт густой сетью фабрик, производивших самые разнообразные предметы, которыми он и торговал успешно со штатами более отсталыми в промышленном отношении. Здесь производили все что угодно: часы, пишущую бумагу, огнестрельное оружие, патроны, порох, машины всякого рода, различные ткани, ковры, кожаные товары, чулки, сапоги, мебель и многое другое. Марк Твен сознательно сделал своего героя уроженцем именно этого штата; недаром полное заглавие книги — «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура».

Хартфорд — главный город штата и один из его важнейших промышленных центров. Марк Твен жил в Хартфорде с 1871 г. в собственном доме, где и была написана повесть «Янки при дворе короля Артура».

Стр. 8. «Я янки из янки». Янки — насмешливое прозвище американцев, прежде всего жителей штатов «Новой Англии», данное им еще во второй половине XVIII в. Происхождение этого слова не вполне ясно. По одним догадкам оно представляет собою искаженное индейцами слово «инглиш», то есть англичанин; по другим — оно происходит от прозвища, которое дали своим английским соперникам голландские колонисты Северной Америки — «янкин», что значит приблизительно «Иванушка».

Марк Твен всегда употреблял слово «янки» в строго определенном значении. Для него «янки» был уроженцем одного из шести штатов «Новой Англии», главным образом, Коннектикута, носителем духа трезвости, практичности, рассудительности и деловитости.

Стр. 8. Геркулес — герой древне-греческих сказаний, отличавшийся необыкновенной силой.

Стр. 10. Бриджпорт — приморский городок в штате Коннектикут. Так как он находится неподалеку от Хартфорда, то естественно, что янки вспоминает прежде всего о нем.

Стр. 10. Камелот. В романах артуровского цикла так называется одна из любимых резиденций короля Артура.

Стр. 10. Палимпсест. Так называются древние рукописи на пергаменте, первоначальный текст которых был стерт и заменен новым; это делалось ввиду дороговизны материала для письма: пергамента, изготовлявшегося из свиной кожи.

К главе II

Стр. 15. «...солнечное затмение...произошло 21 июня 528 года». В 528 г. действительно было солнечное затмение, и даже не одно, а целых четыре, но не в те дни, которые называет янки. Неизвестно, знал ли об этих затмениях Марк Твен, но вся описанная им сцена вполне оправдана с исторической точки зрения. В книге В. Лекки «История рационализма в Европе» (1865), служившей пособием

Марку Твену при создании настоящего романа, есть место, которое могло толкнуть его на сочинение этой сцены. Говоря о том, что в средние века «явления природы неизменно приписывались сверхъестественному вмешательству» и что «все получивилизованные народы отличает предрасположение к чудесному», Лекки указывает на ряд случаев, когда затмение солнца вызывало ужас у населения и обращало в бегство целые армии.

К главе III

Стр. 22. «... будь это в Арканзасе, его сразу бы застрелили». Арканзас — один из южных штатов США. Марк Твен считал Арканзас «ужасной страной», где жители славилась суровыми и дикими нравами, где процветало рабство и существовала «кровавая месть». В приведенной фразе Марк Твен намекает на взаимную любовь Ланселота и королевы Гиневры: с точки зрения арканзасских нравов их любовь должна была караться смертью.

Стр. 22. «Мерлин, могущественный лжец и чародей». Почти во всех романах артуровского цикла участвует Мерлин. Это — вещий старец, одаренный сверхъестественной мудростью и силой чародея. Мерлин особенно расположен к королю Артуру, он оберегает и наставляет его, с помощью дара пророчества предупреждает его о предстоящей опасности. Время от времени Мерлин удаляется от людей в леса, часто меняет свой облик, чтобы незаметно исчезнуть и вновь появиться при дворе, когда в его помощи чувствуется особая нужда. В повести Томаса Мэлори говорится о том, что именно Мэрлин сделал Круглый Стол для короля Артура.

Во времена средневековья существовали даже особые книги, в которых были собраны «Пророчества Мерлина». На основании этих «пророчеств» истолковывали многие исторические события. И только в эпоху Возрождения образ Мерлина теряет свои героические черты и над его пророчествами начинают посмеиваться. Несколько непочтительных суждений о Мерлине высказывает Рабле в своем романе «Гаргантюа и Пантагрюэль», Шекспир в «Короле Лире» устами шута насмешливо выворачивает наизнанку его «предсказания», а Сервантес посвящает ему целую сцену в «Дон Кихоте». Марк Твен продолжает начатое в эпоху Возрождения высмеивание средневекового волшебства, магии и дара прорицаний. «Янки» со своими нехитрыми для человека XIX века техническими выдумками оказывается гораздо более могущественным чародеем, чем сам Мерлин.

К главе IV

Стр. 27. Команчи. Воинственное племя северо-американских индейцев, кочевавшее на большом пространстве на восток от Рио-Гранде до границ Мексики и Техаса. Команчи жестоко мстили за отнятые у

них земли. Еще во времена Твена шайки команчей в 20—30 человек наводили ужас на путешественников, занимаясь разбоем на больших дорогах.

Стр. 27. «... Я читал «Тома Джонса» и «Родерика Рендома». Марк Твен имеет в виду два знаменитых английских бытовых романа XVIII века: «Историю Тома Джонса, найденыша» Генри Фильдинга (1707—1754) и «Приключения Родерика Рендома» Томаса Смоллета (1721—1771), дающих, в общем, довольно неприглядную картину нравов английского общества в середине XVIII столетия.

Стр. 27. «Рахиль, и Айвенго, и нежная лэди Ровена». Марк Твен говорит здесь о романе Вальтер Скотта «Айвенго». Однако Твен ошибся: красивую и мужественную дочь Исаака, одну из героинь этого романа, зовут не Рахиль, а Ревекка.

К главе V

Стр. 33. «... не то Колумб, не то Кортес». Христофор Колумб (1436—1506) — знаменитый мореплаватель, открывший Американский континент; Эрнандо Кортес (1485—1547) — завоеватель Мексики.

К главе VII

Стр. 42. «... я так привык к хромофотографиям». Хромофотографии — многоцветные оттиски, печатанные с камня. Во времена Твена на рынок выбрасывалось огромное количество хромофотографий, снятых с картин знаменитых европейских художников.

Стр. 42. «... знаменитыми Хэмптон-кортскими картонами». Так называется серия рисунков (картонов) великого итальянского живописца Рафаэля Санцио (1483—1520). Эти рисунки (на библейские темы) были заказаны художнику папой Львом X и предназначались для воспроизведения их в виде богато и художественно тканых ковров. Рисунки эти были отправлены из Рима в Брюссель в ткацкую мастерскую, но выполнение этой работы задержалось. После смерти художника и заказчика рисунки эти долгое время оставались в Брюсселе в полном пренебрежении, пока не были куплены английским королем Карлом I (по совету художника Рубенса) и не перевезены в Англию. Здесь они были помещены в королевском дворце «Хэмптон-Корте», а затем перевезены в Лондон в специально отстроенную для них галерею. Первоначально всех картонов было 25; из них сохранились только 7. Хэмптон-кортские картоны воспроизводились много раз, между прочим и хромофотографическим способом. Резкий отзыв о них Марка Твена безусловно несправедлив. «Чудесная ловля рыбы» — один из сохранившихся «Хэмптон-кортских» картонов Рафаэля, на библейский сюжет.

Стр. 46. Бушель — мера сыпучих тел, употребляющаяся в Англии и Америке, равна 36, 346 литра.

Стр. 47. Лондонский Тауэр — знаменитая древняя лондонская крепость, служившая сначала королевской резиденцией, впоследствии государственной тюрьмой, монетным двором и т. д.

К главе VII

Стр. 52. «... блестящие финансовые способности Иосифа». Марк Твен имеет в виду библейский рассказ об Иосифе, сыне Иакова, который был продан братьями в рабство каравану измаильтян, направлявшемуся в Египет. Долго бы томился Иосиф в рабстве, если бы он не был наделен даром истолкования сновидений. Слава об этом даре Иосифа доходит до фараона, и он призывает его к себе, чтобы истолковать привидевшийся ему сон о семи тощих коровах, пожирающих семь тучных коров. Иосиф истолковывает сон как предсказание грядущих плодородных лет, за которыми последуют неурожайные годы, и советует фараону построить склады, чтобы сберечь хлеб на время голода. Предсказания Иосифа сбываются, и благодаря его предусмотрительности удается спасти народ от голода. Тогда фараон делает Иосифа своим первым министром. Иосиф мудро справляется с возложенными на него обязанностями и способствует благоденствию Египта.

Стр. 52. «... таких же авантюристов, как я: де-Монфоров, Гевстонов, Мортимеров, Вилльерсов».

Симон де-Монфор (1206—1265) — граф Лейстерский, видный английский политический деятель XIII в., боровшийся за власть с английским королем Генрихом III и его баронами. Де-Монфор одержал победу в этой борьбе и взял в плен короля Генриха III и его сына Эдуарда. Но бароны, сохранившие верность королю, отказались подчиниться власти де-Монфора и продолжали войну. В одном из сражений с баронами де-Монфор был убит.

Пьер Гэвстон (или Гавестон) — сын гасконского дворянина, фаворит английского короля Эдуарда II. Высокое положение Гэвстона при дворе вызвало протест баронов. Они обвинили его в том, что он оказывает дурное влияние на короля. По настоянию придворного дворянства, Гэвстон был обезглавлен в 1312 г.

Роджер Мортимер, граф Марч (1287—1330) — фаворит Изабеллы, жены английского короля Эдуарда II. Мортимер надеялся с помощью Изабеллы захватить английский трон и покушался на жизнь короля. Сын Эдуарда II, Эдуард III, приговорил Мортимера к повешению.

Джордж Вилльерс, впоследствии герцог Букингемский (1592—1628), — знаменитый министр и любимец английского короля Якова I. Вскоре после вступления на английский престол Карла I Вилльерс был казнен по обвинению в злоупотреблении властью.

Стр. 52. «...правлящих страной любовниц Карла II». Марк Твен имеет в виду английского короля Карла II (1630—1685), восстановившего (в 1660 г.) в Англии монархию после республики и диктатуры Кромвеля. Приближенные к нему женщины, вроде лэди Кастлмен, имели непосредственное влияние на государственные дела (см. прим. к стр. 3).

К главе IX

Стр. 57. «Попав в новую страну, вы прежде всего должны основать бюро патентов, затем создать школьную сеть, а вслед за этим открывайте газету».

Во второй половине XIX в. в США начинает быстро развиваться промышленность. Это вызвало настоящую горячку различных изобретений и всевозможных технических усовершенствований.

Для рассмотрения и выдачи многочисленных патентов на эти изобретения потребовалось открытие специального большого учреждения («Патент-оффис»). Это учреждение имело такое большое значение для американцев XIX в., что янки считает необходимым в первую очередь основать подобное «бюро патентов» и в стране короля Артура.

Газетное дело развилось в США в еще более раннее время. Почти каждый маленький городок, с небольшим количеством жителей, имел одну, а то и несколько газет; в крупных центрах уже во времена Твена не только имелось множество периодических изданий, но они выходили по нескольку раз в день, занимая весьма важное место в деловой жизни американцев, а порой и заменяя им все другие виды печатного слова, — книги, литературно-художественные произведения. Марк Твен хорошо знал по личному опыту мир газетных дельцов и часто высмеивал их в своих произведениях, и в данном случае он не может удержаться от сатирического к ним отношения: с одной стороны, устами своего янки он провозглашает, что газеты являются одним из важнейших орудий просвещения, с другой — он намеренно делает смешной ту газету, которую на американский провинциальный манер издает янки при дворе короля Артура.

Стр. 61. «...от Колумба до Артемуса Уорда». Артемус Уорд — псевдоним американского писателя Чарльза Фаррера Брауна (1834 — 1867), знаменитого юмориста-рассказчика, имевшего большое влияние на Твена. Твен был лично знаком с этим писателем и даже написал рассказ «Моя беседа с Артемусом Уордом». Браун-Уорд выпустил несколько сборников своих рассказов, но особую известность он заслужил своими публичными лекциями. Он создал тип хитрого простака Уорда, владельца бродячего зверинца и музея восковых фигур, от лица которого и выступал на лекциях.

Стр. 61. Лактанций — ранний христианский латинский писатель IV в. (род. ок. 250 г., ум. в 325 г.).

Стр. 61. «...он отправлялся на поиски св. грааля». В романы артуровского цикла вплетено сказание о св. граале. Это сказание ведет свое начало от ранних христианских легенд. В них рассказывается о том, что один из учеников Христа, Иосиф Аримафейский, собрал при распятии Христа его кровь в чашу, эта чаша и называлась святым граалем. В XII веке существовал особый «Роман о св. граале», в нем повествуется о дальнейшей судьбе святой чаши. Иосиф Аримафейский, проповедывавший христианское учение в различных частях света, переносит эту чашу из страны в страну. В конце концов она попадает в Британию. Святой грааль может увидеть только тот, кто очистился от грехов и достиг нравственного совершенства. В романах артуровского цикла рассказывается о поисках чаши рыцарями Персевалем, Говеном, Ланселотом Озерным, Галахадом. Рассказам об этих поисках отводится в романах много места.

Стр. 62. «...это было нечто вроде наших поисков Северо-Западного прохода». До XV в. знали только один путь в Китай и Индию — южный, мимо берегов Африки. Этим путем пользовались португальцы и испанцы. В эпоху великих географических открытий англичане и итальянцы пытались найти в эти страны новый путь — мимо северных берегов американского континента, так называемый «Северо-Западный проход». Первое плавание с этой целью к островам северо-американского берега совершил в 1497—1498 гг. Себастьян Кабот, но открыть новый путь ему не удалось. Поиски Северо-Западного прохода продолжали многочисленные экспедиции в течение трехсот лет, пока не выяснилось, что если бы такой путь и был открыт, он все равно не мог бы иметь торгового значения. Шутка Марка Твена повторяет остроту, сказанную им уже в первой главе книги «Жизнь на Миссисипи»: «Если бы кто-нибудь открыл речонку в каком-нибудь районе рядом хотя бы с северным полюсом, Европа и Америка тотчас же снарядили бы туда пятнадцать дорогостоящих экспедиций — одну, чтобы исследовать речку, а остальные четырнадцать, чтобы искать друг друга».

К главе XI

Стр. 70. Лига — равняется трем географическим милям.

Стр. 72. «В Восточной части Хар... — начал я». Янки хочет назвать имя родного города — Хартфорда, но вспоминает, что он перенесен в другую страну и эпоху.

Стр. 75. «...во время президентства Бьюкенена». Марк Твен имеет в виду Джемса Бьюкенена (1791—1868), президента США. Бьюкенен был очень непопулярен в Северных штатах, так как он был ставленником южан и сторонником рабства негров.

«Плешивый пророк» — пророк Елисей, о котором рассказывается в Библии. Однажды пророк Елисей проходил мимо селения. Увидев

его, отроки закричали: «Гряди, плешивый, гряди!» В злобе пророк проклял их, и тогда из лесу вышли две медведицы и растерзали со-рок два отрока.

К главе XIII

Стр. 86. «...получают все дивиденды». Дивидендом называется годовая прибыль, приходящаяся на долю участников в каком-либо предприятии, соразмерно вложенному в него каждым из этих участников капиталу..

Стр. 86. «... Джек Кэд и Уот Тайлер». Джек Кэд, ирландец, во время междоусобной войны в Англии, так называемой войны Алой и Белой розы, поднял восстание против Ланкастерской династии, разбил королевские войска и ворвался в Лондон (в 1450 г.), но был убит, а дружина его — рассеяна.

Уот Тайлер — один из вождей крестьянского восстания в Англии 1381 г. Первоначально это восстание, добивавшееся коренного изменения социального и политического строя Англии, имело некоторый успех. Уот Тайлер явился в Лондон во главе повстанцев с рядом требований, но был предательски убит во время переговоров с королем.

К главе XV

Стр. 94. «Том Сэйерс, Джон Хинэн, Джон Л. Сулливан». Во времена Твена громкой известностью пользовались имена двух боксеров, вступивших между собой в состязание, — англичанина Тома Сэйерса и американца Джона Хинена. Об их поединке, состоявшемся в Англии 17 апреля 1860 г., много писалось во всех европейских и американских газетах, и они долго являлись «героями дня». Джон Л. Сулливан (1741—1795) — американский генерал, прославившийся своею храбростью во время войны за независимость Соединенных Штатов (1776 г.)

К главе XVI

Стр. 102. «... господствующий Анахронизм». Анахронизм — греческое слово, буквально означающее «перенесение» или «несовпадение» во времени. Анахронизмом мы называем всякое сознательное или ненамеренное нарушение исторической точности, когда события, явления, признаки какой-либо одной исторической эпохи механически переносятся в другую.

Твен под «Господствующим Анахронизмом» понимает нечто иное, а именно «Господствующую Церковь» (недаром он ставит здесь заглавные буквы), которую он, с большой для своего времени и страны смелостью, считает явлением другой исторической эпохи, уже отжившей свой век.

Стр. 108. «... Все королевство которого было величиной с округ Колумбия». Округ Колумбия состоит в сущности из одного города — Вашингтона.

Стр. 103. «Королей и королевств в Британии было столько же, сколько в Палестине при Иисусе Навине». Британия (как в кельтскую, так и в англосаксонскую эпоху своей истории) распадалась на ряд самостоятельных королевств, образовавшихся из союзов родов и племен, и эти мелкие государства вели между собою постоянную борьбу за политическое и культурное преобладание. Иисус Навин, по библейским преданиям, подчинил своей власти значительную часть древней Палестины. Он покорил 31 царя и разделил их земли между двенадцатью племенами израильскими.

Стр. 103. Маттергорн — высокая гора в Альпах, на границе между Пьемонтом в Италии и одним из швейцарских кантонов. Путешествуя по Швейцарии, Марк Твен видел эту гору, привлекающую к себе многочисленных туристов, и она произвела на него сильное впечатление. Маттергорн подробно описан Твеном в книге «Простакни за границей».

Стр. 104. Коммивояжер — торговый агент, разъезжающий по поручениям какой-нибудь фирмы.

Стр. 104. «...феи Морганы». О фее Моргане рассказывается почти во всех романах о рыцарях Круглого Стола. Фея Морганя, сестра короля Артура, вышедшая замуж за короля Урленса, — злая волшебница. Именно по ее злому капризу рыцарь Ланселот влюбляется в королеву Гиневиру и она отвечает ему взаимностью. В книге Томаса Мэлори коварство феи Морганы подчеркнуто еще сильнее: она злоумышляет против своего брата и всячески добивается его смерти. Марк Твен делает образ феи Морганы более прозаическим, совершенно лишая его каких-либо мистических таинственных черт.

К главе XVII

Стр. 107. «... такой неотесанный святоша, как Бенвенуто Челлини». Бенвенуто Челлини (1500—1571) — знаменитый флорентийский скульптор и золотых дел мастер. В своих автобиографических записках он выставляет себя весьма набожным человеком, но не скрывает в то же время, что он был убийцей и отравителем.

Стр. 108. «...оркестр, состоявший из цимбал, рогов, арф и прочих ужасов». Говоря об оркестре феи Морганы, Марк Твен имеет в виду те американские любительские оркестры 80-х годов, которые явились предшественниками современного джаза; они составлялись из причудливого сочетания самых разнообразных инструментов, в том числе и местных, — негритянского или индейского происхождения. Музыкаль-

ное сочинение, упоминаемое Твеном, также не выдуманно им; это была песня, довольно популярная в США в 80-х годах.

Стр. 109. «...Королева Маргарита Наваррская и даже великая Елизавета Английская». Маргарита Валуа (Ангюлемская), королева Наварры (1549—1651), сестра французского короля Франциска I, вокруг которой группировался кружок деятелей французского Возрождения. В подражание «Декамерону» Боккаччио она написала сборник новелл («Гептамерон»), из которых многие отличаются нескромным содержанием, но блещут остроумием. Марк Твен знал эту книгу; он упоминает о ней в «Жизни на Миссисипи», как о знаменитом произведении, которое читается и поныне.

При дворе королевы Елизаветы Английской (1533—1602) господствовали довольно свободные нравы и нередко можно было услышать грубое или непристойное слово.

К главе XVIII

Стр. 124. «...она предугадала историю будущих узников замка Иф».

В Средиземном море, в трех километрах юго-восточнее города Марселя находится маленький живописный островок — Иф. Здесь в начале XVI в. французский король Франциск I выстроил замок и крепость, которая впоследствии долгое время служила государственной тюрьмой. Марк Твен побывал здесь во время своего путешествия на пароходе «Квейкер-сити» в 1867 г. и описал свои впечатления в книге «Простак за границей». «История замка Иф, — рассказывает он здесь, — особенно печальна. Он целых двести или триста лет служил местом заточения для политических преступников, и мрачные стены в каждой из его темниц испещрены и поныне грубо высеченными именами множества заключенных, которые в тоске и горе проводили тут свою жизнь. Никакой памяти по себе не мог здесь оставить заключенный, кроме этих грустных надгробных надписей, исполненных его собственными руками».

С описанием замка Иф мы встречаемся и у другого писателя — Александра Дюма, в его знаменитом авантюрном романе «Граф Монте-Кристо».

К главе XXI

Стр. 139. «Это сборище паломников очень напоминало то, которое описал Чосер». Джефри Чосер (1340—1400) — крупнейший писатель английского средневековья. Марк Твен знал и любил произведения Чосера, особенно его «Кентерберийские рассказы», — сборник стихотворных и нескольких прозаических новелл, которые рассказывают друг другу паломники перед поездкой своей в Кентерберн для поклонения гробу св. Томаса Бекета. Всех паломников было 30; Чосер

дает обстоятельную характеристику всех паломников, принадлежащих к различным сферам английской общественной жизни XIV в. Это ряд тонко и остро обрисованных портретов — рыцарей, монахов, купцов, помещиков, ремесленников, землепашцев и т. д.

К главе XXII

Стр. 149. «...как французский епископ эпохи Регентства».

«Эпохой Регентства» называют тот период истории Франции, когда после смерти короля Людовика XIV (1715), в годы малолетства Людовика XV, страной управлял герцог Филипп Орлеанский (1674 — 1723). В это время распущенность нравов при дворе и в аристократических кругах достигла крайней степени. Крупное французское духовенство, близко связанное с дворянством и постоянно вовлекаемое в дворцовые интриги, всецело подчинялось общему стилю жизни и не уступало вельможам ни по цинизму своего поведения, ни по откровенности своего языка. Весьма типичной фигурой этой эпохи был, например, кардинал Дюбуа (1656—1723), один из воспитателей герцога Филиппа, авантюрист, известный своими скандальными похождениями, игравший, однако, значительную роль при дворе и долгое время занимавший должность первого министра Франции; многие французские епископы этой эпохи весьма походили на него, благодаря чему выражение «епископ времен Регентства» получило значение своего рода типического обобщения.

К главе XXIII

Стр. 160. «...даже если оно валлийское». «Валлийское» имя — то есть кельтское имя, встречающееся в Уэльсе (в кельтской области на юго-западе Англии). Кельтские наречия Британии, в том числе и валлийское (уэльское), всегда вызывали особые насмешки со стороны англичан, так как из-за звуковых особенностей они очень трудны для произношения.

Стр. 162. «...страшное слово». «Страшные слова» янки, наводящие ужас на толпу, представляют собою искусственно составленные Твеном немецкие сложные слова-фразы. Немецкий язык служил предметом постоянных издевательств Твена. В его «Записных книжках» есть такая запись: «Некоторые немецкие слова настолько длинны, что их можно наблюдать в перспективе. Когда смотришь вдоль такого слова, оно сужается к концу, как рельсы железнодорожного пути». «Заклинания» янки поддаются переводу, хотя Марк Твен допустил несколько ошибок, так как знал немецкий язык весьма посредственно. Первая из слов-фраз означает приблизительно следующее: «Константинопольская компания по производству волюнок», вторая — «Гнусные посягательства нигилистов на взрыв динамитом театральной кассы». Третью формулу-слово можно условно расшифровать так: «Жалостная

комедия свадьбы верблюжьего пастуха, состоящего на тропической транспортной службе Трансваальской армии». Четвертая еще труднее поддается переводу: «Мастер, изготавливающий мраморные памятники в память мавританки, матери убийств, учинившей всеобщую резню магометан в Мекке».

Последнее «страшное слово» — имя «духа источника» состоит просто из набора согласных и представляет собою чистейшую выдумку Твена.

К главе XXV

Стр. 176. «...лондонские олдермены собрали деньги на постройку Мэншен-Гауза». Олдермены — выборная должность в общинном самоуправлении. Мэншен-Гауз — дворец лорд-мэра в Лондоне.

Стр. 178. «Ученики моей школы Западного Мыса». Западный мыс — по английски: Вест-Пойнт. Так называлась и Военная Академия в Нью-Йорке, подготовлявшая офицеров для американской армии. Подготовка офицерского состава в Вест-Пойнте отличалась тщательностью и серьезностью; так как американская армия была немногочисленна и не нуждалась в постоянных пополнениях, то образование в Вест-Пойнте давалось в расчете на то, что окончившие академию молодые люди могут найти себе применение и на гражданской службе. По образцу Военной Академии янки и устраивает свою школу Западного Мыса.

Стр. 184 «...члены королевского дома Пендрагонов». В некоторых легендах артуровского цикла рассказывается, что отец короля Артура — Утер однажды увидел в небе блестящую звезду: она имела вид дракона, из пасти которого выходили два луча. Мерлин так истолковывал это видение: брат Утера, король Амвросий, вскоре погибнет от яда, и британский престол перейдет к Утеру. Предсказание Мерлина сбылось. В память этого видения, короля Утера стали с тех пор называть — Утер-Пендрагон, что на языке бриттов значило «драконова голова». После своего воцарения Утер приказал сделать двух золотых драконов: одного он пожертвовал в церковь, другого повелел носить перед собою в сражениях; таким образом, дракон стал и символом всего королевского рода и воинским знаком.

К главе XXVI

Стр. 190. «Камелотская еженедельная Осанна и Литературный Вулкан». Провинциальные американские газеты выходили нередко под весьма причудливыми названиями. Нелепый и громкий заголовок первой газеты янки, так же как и ее напыщенный язык и скудость содержания, представляют собой несомненную сатиру на американскую прессу.

Осанна — древне-еврейское слово, восклицание, означающее хвалу богу или призыв к милости божией.

К главе XXVII

Стр. 197. «...пизанской падающей башни». В итальянском городе Пизе, на соборной площади, возвышается знаменитая падающая или, правильнее сказать наклонная башня, цилиндрической формы, сооруженная в 1174—1350 гг. из мрамора. Необычная форма этой постройки объясняется тем, что первоначально она наклонилась вследствие осевшего грунта, а затем была искусственно укреплена и оставлена в таком виде. Марк Твен видел эту башню, и она произвела на него сильное впечатление.

К главе XXXI

Стр. 226. «...кошельков-пистолетов». Как раз в то время, когда Марк Твен писал свой роман, в Америке были в моде «трубочки-кошельки», предназначенные для ношения в кармане мелких металлических монет. Монета свободно выскакивала из кошелька, как только нажимали кнопку, соединенную с помещенной внутри трубки пружиной.

К главе XXXII

Стр. 231. «Тридцать девять тысяч сто пятьдесят милльрейсов!» В пятой главе своей книги «Простакни за границей» Марк Твен рассказывает об Азорских островах и о португальских монетах, имеющих там хождение. «Португальские пенни или рейсы — это нечто изумительное! Их требуется тысяча штук, чтобы составить один доллар. Все финансовые обороты производятся здесь на рейсы, но мы об этом ничего не подозревали, пока не сделали этого великого открытия». Тут же Марк Твен рассказывает, при каких обстоятельствах было сделано это открытие. Во время стоянки парохода на острове Файоне Марк Твен с другими американцами-путешественниками пообедал в лучшей местной гостинице. После обеда путешественникам был подан счет, который привел их в ужас. В счете значилась сумма в двадцать одну тысячу семьсот рейсов! «Право, я, кажется, в жизни не видывал более смущенной компании, чем наша, — рассказывает Твен. — Никто не произнес ни слова! Только стаканы с вином, нетронутые, опустились на стол. Все словно вдруг онемело... Каждый искал взглядом своего соседа, но не находил в нем ни единого луча надежды или ободрения». Несколько прийдя в себя, американцы предложили хозяину гостиницы в уплату за обед 150 долларов, «но ни чуточки больше». Все разъяснилось только тогда, когда с помощью какого-то местного жителя, слегка понимавшего по-английски и знавшего американские деньги, счет этот был переведен на доллары: оказалось, что он равняется всего лишь 21 доллару 70 центам. Воспоминание Твена об этих удивительных португальских «рейсах» и было непосредственным поводом для создания им указанной

сцены романа. Говоря в своем романе о «мильрейсах», введенных янки в королевстве Артура, Твен допустил забавную ошибку. На американском жаргоне «миллями» называют самые мелкие монеты, португальские же мильрейсы — золотая монета, равная тысяче рейсов.

К главе XXXIII

Стр. 234. «...первых — после бога — творцов этого мира: Гутенберга, Уатта, Аркрайта, Уитни, Морзе, Стефенсона, Белля».

Марк Твен называет имена выдающихся изобретателей, преимущественно английских и американских, деятельность которых сильно изменила процессы производства в различных областях и способствовала техническому прогрессу. Немец Иоганн Гутенберг (1400—1468) — изобретатель книгопечатания. Шотландец Джеймс Уатт (1739—1819) прославился созданием первой паровой машины. Англичанин Ричард Аркрайт (1732—1792) — изобретатель бумагопрядильной машины, в корне изменившей все ткацкое производство. Американец Эли Уитни (1765—1825), родом из штата Коннектикут, изобрел хлопкоочистительную машину. Самюэль Морзе (1791—1872) — американский физик и художник, прославленный изобретатель электромагнитного самопишущего телеграфа. Английский механик Генри Белль (1767—1840) первый в Европе применил пар в мореходстве (ок. 1812 г.). Однако, еще до него (в 1807г.) американец Фультон плавал на изобретенном им пароходе по реке Гудзону. Джордж Стефенсон (1781—1848) — английский инженер, создавший первый паровоз (1814).

К главе XXXIV

Стр. 243. «...некоторые утверждают, что лук вредная для здоровья ягода, если снимать его с дерева незрелым».

Вся эта сцена представляет собою несомненный отзвук знаменитого рассказа Твена «Как я издавал сельско-хозяйственную газету». Герой этого рассказа согласился издавать сельско-хозяйственную газету на время отпуска ее редактора, не имея ни малейшего представления о сельском хозяйстве; его объявляют сумасшедшим после того, как в первом же номере он обратился к читателям с советами вроде следующих: «брюкву не следует рвать руками, от этого она портится. Лучше послать мальчика, чтобы он залез на дерево и потряс его...» или: «О тыкве. Эта ягода является любимым лакомством жителей Новой Англии; они предпочитают ее крыжовнику для начинки пирогов и используют вместо малины для откорма скота, так как она более питательна, не уступая в то же время малине по качеству»... Но в рассказе осмеяны невежественные журналисты, стряпающие свои статьи по любым вопросам, о которых они не имеют никакого поня-

тия, а в романе — комическая бессмыслица рассуждений Артура имеет другую сатирическую цель: король Артур осмеян здесь как типичный представитель аристократии, не имеющий никакого представления о сельскохозяйственном труде.

Стр. 246. «Король приказал мне охранять мост, подобно Горацию». Марк Твен имеет в виду легендарного героя древнего Рима — Публия Горация Коклеса. По преданию, Гораций Коклес, во время войны Рима с Порсенной, один защищал мост через реку Тибр. Он удерживал наступающие на него неприятельские отряды до тех пор, пока этот мост позади него не был разрушен римлянами. За этот подвиг римляне воздвигли ему памятник.

К главе XXXIX

Стр. 278. «...сэр Саграмор стал похож на тень отца Гамлета». В первой сцене трагедии Шекспира «Гамлет, принц Датский», появляется призрак отца Гамлета в тех же боевых латах, какие он носил и при жизни. В некоторых театральных постановках на актера, игравшего эту роль, для придания ему большего сходства с привидением, набрасывали поверх лат погребальный саван, на что, повидимому, и намекает Марк Твен.

Стр. 279. «Эти люди не знали ни ковбоев, ни их забав». Ковбой — пастухи американского Запада. Марк Твен хорошо знал своеобразный быт и нравы этих «детей степей» и не раз их описывал. Загорелые, здоровые, в своих живописных костюмах — широкополых испанских шляпах, голубых рубашках, кожаных куртках, таких же штанах с индейской обшивкой, с револьвером огромных размеров на боку, изогнутым ножом и арканом, — ковбой проводили целые дни на конях под открытым небом в диком приволье необозримых прерий.

В художественной американской литературе ковбоям отводится большое место, романы о ковбоях превозносили их «рыцарственный» дух и многие суровые добродетели, незнакомые горожанам. Но в американских газетах нередко можно было прочесть о ковбоях в уголовной хронике. Ковбой виртуозно владел своими арканами или лассо, с помощью которых они ловили буйволов, диких лошадей и обуздывали свои многочисленные стада; эти арканы иногда, как и у индейцев, снабженные на конце тяжелыми шарами, служили также и оружием. Искусством владеть своими арканами ковбой похвалялись на своеобразных спортивных состязаниях, устраивавшихся обычно осенью, когда они пригоняли табуны скота на городские бойни.

К главе XL

Стр. 290. «...собирался играть на понижение». Во второй половине XIX в. в Америке необычайно сильно разрослось железнодорожное строительство. Ведали строительством различные железнодорож-

ные компании, которые для покрытия расходов выпускали акции на огромные суммы. Акцией называется документ, свидетельствующий о внесении известной суммы в капитал какой-нибудь торговой или промышленной компании и дающий право на участие в ее делах и прибылях соразмерно внесенной сумме. Акции продавались на бирже — так называется место совершения коммерческих сделок. Цена акции повышалась или понижалась в зависимости от удачи выпустившего их предприятия и предполагаемых барышей. Биржевые дельцы часто искусственно понижали стоимость (курс) тех или иных акций, чтобы потом скупить их у испуганных владельцев по дешевой цене и затем снова перепродать их, когда цена эта начнет повышаться. На подобных спекуляциях биржевые дельцы наживали в Америке (да и в других капиталистических странах) миллионные состояния и разоряли остальных владельцев (держателей акций). Такая скупка и продажа акций называлась биржевой игрой на повышение и понижение. Янки организовал акционерную компанию и биржу в Британии времен короля Артура, так же как раньше он учредил «бюро патентов» и ввел газетное дело, то есть он переносит в VI в. все то, что типично для Америки XIX в.

Стр. 291. «Мой эксперимент называется игрой в без-болл». Без-болл — игра с небольшим мячом, отбиваемым «битой» (родом дубинки, палки), в которой принимает участие 18 человек (по 9 с каждой стороны). Игра в без-болл получила настолько широкое развитие в США, что даже объявлена была национальной американской игрой.

Стр. 292. «...бессемеровской стали». В 1856 г. английский инженер Генри Бессемер изобрел новый способ получения стали, вызвавший переворот в сталелитейной промышленности. Сталь, изготовленную по этому способу, называли «бессемеровской».

К главе XLI

Стр. 296. «Отлучение». Отлучением или интердиктом в церковном праве католического мира называлось духовное наказание, налагавшееся римскими папами и епископами на отдельных лиц, общины или даже целые государства. В раннее средневековье наложение интердикта сопровождалось мрачными церемониями. Запрещалось служить в церквях, звонить в колокола, крестить новорожденных, играть свадьбы и хоронить мертвых по церковному обряду; иногда запрещалось даже есть мясо, стричь волосы, мыться, менять белье и т. д. Неудивительно, что эта мера вызывала ужас у населения. Начиная с VI в. известно много примеров наложения папами интердиктов на отдельные государства Европы; знаменит, например, интердикт, наложенный папой Иннокентием III на Францию в 1200 г. после неугодной ему

свадьбы французского короля; отлучение продолжалось восемь месяцев и было снято лишь после того, как, побуждаемый к этому всем народом, король уступил напе. Интердикты вышли из употребления лишь в конце XVII в.

К главе XLII

Стр. 303. «Уже собираются кланы». Одной из форм патриархального рода являлся клан: так назывались родовые общины, ведущие свое происхождение от общего предка; остатки родового строя уцелели в кельтских областях Британии (например, в горной Шотландии) вплоть до конца XVIII в.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	стр.
Предисловие	3
Несколько пояснительных замечаний	4
Как сэр Ланселот убил двух великанов и освободил замок .	6
Рассказ незнакомца	8
Повесть о пропавшей стране	
Глава I Камелот	11
Глава II Двор короля Артура	13
Глава III Рыцари Круглого Стола	19
Глава IV Сэр Дайнадэи шутник	25
Глава V Вдохновение	29
Глава VI Затмение	35
Глава VII Башня Мерлина	42
Глава VIII Хозяин	50
Глава IX Турнир	56
Глава X Первые ростки цивилизации	62
Глава XI Янки в поисках приключений	67
Глава XII Медленная пытка	75
Глава XIII Свободные люди!	80
Глава XIV „Защищайся, лорд!“	87
Глава XV Рассказ Сэнди	91
Глава XVI Фея Моргана	99
Глава XVII Королевский пир	107
Глава XVIII В темницах королевы	115
Глава XIX Странствующее рыцарство как ремесло	125
Глава XX Замок людоеда	127
Глава XXI Паломники	135
Глава XXII Священный источник	146
Глава XXIII Восстановление источника	157
Глава XXIV Маг конкурент	165
Глава XXV Конкурсный экзамен	175
Глава XXVI Первая газета	186
Глава XXVII Янки и король путешествуют инкогнито	195

Глава XXVIII	Дрессировка короля	202
Глава XXIX	Оспа	206
Глава XXX	Трагедия усадьбы	212
Глава XXXI	Марко	221
Глава XXXII	Посрамление Даули	226
Глава XXXIII	Политическая экономия шестого века	233
Глава XXXIV	Янки и король проданы в рабство	241
Глава XXXV	Печальное приключение	252
Глава XXXVI	Встреча во мраке	261
Глава XXXVII	Ужасное положение	265
Глава XXXVIII	Сэр Ланселот и рыцари приходят на помощь	272
Глава XXXIX	Поединок янки с рыцарями	275
Глава XL	Три года спустя	285
Глава XLI	Отлучение	293
Глава XLII	Война!	297
Глава XLIII	Битва в песчаном поясе	308
Глава XLIV	Постскрипtum Кларенса	320
Заключительный постскрипtum автора		323
<i>М. П. Алексева.</i> О романе „Янки при дворе короля Артура“		325
Объяснения		338

Послесловие и объяснения

М. П. АЛЕКСЕЕВА

Для старшего возраста

Редактор З. ЗАДУНАЙСКАЯ

Художник редактор Н. Полозов.
Технич. редакт. Н. Сусленикова.
Корректор О. Орлова. Подписано
к печати 25/XII 1945 г. Печ. л.
22¹/₂, л. Уч.-изд. л. 21,5. Тираж
25 00 экз. М—06072. Заказ № 1503.
Тип. знаков в бум. л. 54890. 2-я
фабрика детской книги Детгиза
Наркомпроса РСФСР

8¹/₂ см

9421

250a

Цена ~~7 р. 50 к.~~

Перепл. 1 р.

К